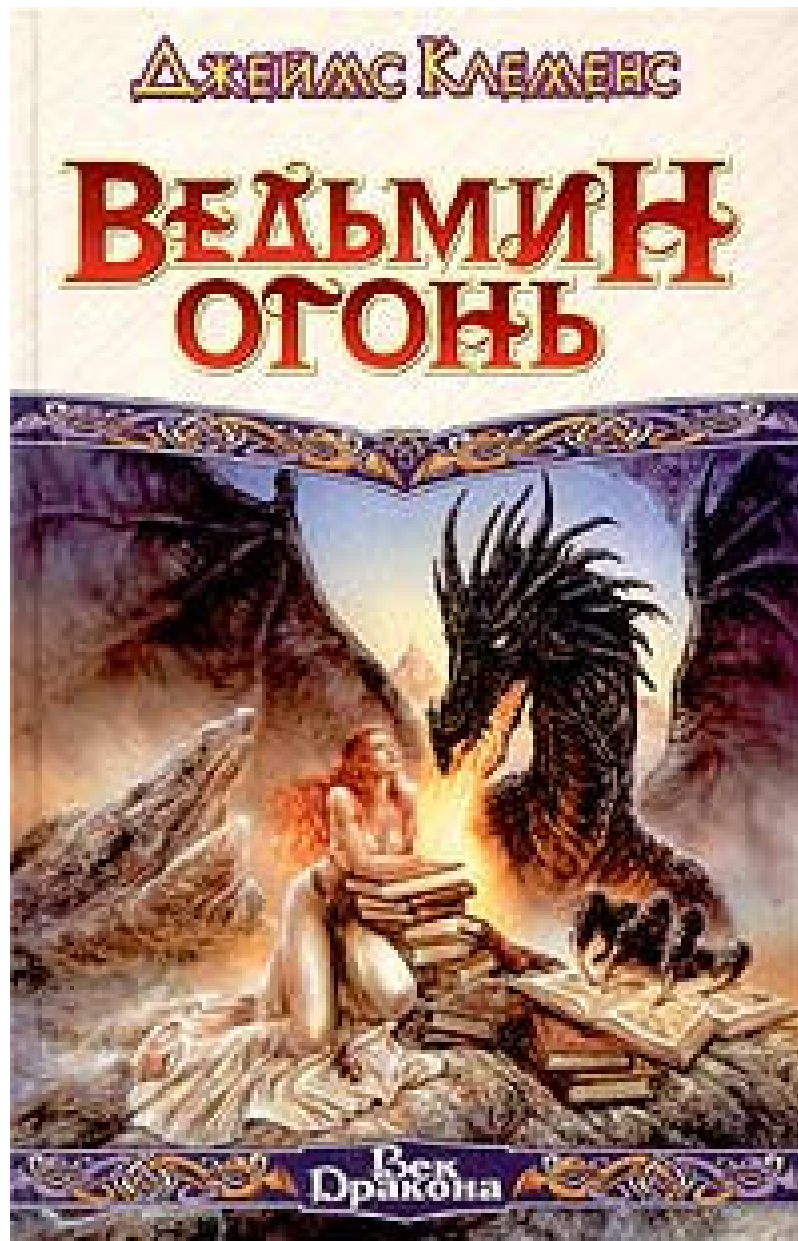

Джеймс Клеменс

Ведьмин огонь

Проклятые и изгнанные – 1

Аннотация

Таинственная Книга, созданная последними магами Света в грозный час, когда королевство Аласия рушилось под натиском сил Тьмы... Книга, которая обретет свою силу лишь в час, когда в обычной девочке пробудится великий колдовской Дар... Час настал. И теперь будущая Повелительница Книги начинает свой путь к древнему покинутому городу магов, где предстоит свершиться древнему пророчеству. Спутники ее — однорукий воин, лишенный смерти, прекрасная дриада, владеющая древней силой Деревьев, смелый горец, могучий тролль и два брата-оборотня. Врагам же ее нет числа, и на стороне их — не только сила оружия, но и сила черного ведовства...

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Так кончается мир, но точно так же, как песчинки под ветром летят в Орлиное Гнездо, начинаются новые миры».

Слова, написанные черными чернилами на пергаменте — всего лишь обманчивый рай. И кому, как не мне, писателю, знать это. Меняются языки, ходят смыслы, и ничто не может спастись от гнева слепого времени.

Так зачем я пишу? Что преследую этими письменами? Ведь уже не в первый раз рассказываю эту проклятую историю. Об этой женщине, о множестве ее воплощений я писал неоднократно. Сначала — о доблести и девстве, затем — о зле, не рассуждающем и бездушном. Я писал о ней как о шуте, пророчице, клоуне, савояре, героине, крестьянке, — но на самом деле она всегда была всего лишь женщиной.

И вот теперь хочу, наконец, рассказать ее подлинную историю. Рассказать так, чтобы открывшаяся вдруг правда уничтожила меня самого. Ведь я помню ее просьбу, и помню столь отчетливо, словно тогда время остановилось и сердце не билось: «Благословен ты или проклят, делай с моей историей что хочешь, но когда груз прожитых лет станет для тебя слишком невыносимым, расскажи ее... Расскажи именно так, как она произошла на самом деле... и ты освободишься от земных пут».

Но смогу ли вспомнить все подробности? Прошло столько времени.

Тысячи языков, включая и мой собственный, пересказывали эту историю на все лады, меняя детали и подробности, приспособлявая к своему пониманию. Как голодный вороны кость, мы хватали ее содержание, терзали, валяли в пыли и грязи, пятали слюной и кровью до тех пор, пока от первоначальной сути не остались лишь жалкие клочки.

И вот теперь, когда я, наконец, решился и чернила ложатся на бумагу, рука моя дрожит. Я сижу один в комнате, арендованной специально для этой цели, и упрямо царапаю букву за буквой. Вокруг громоздятся кипы ветхих пергаментов и пыльных книг, листы бумаг и обрывки писем, которые я собрал, словно старых друзей. Я держу их под рукой и у сердца, глажу кончиками пальцев и порой подношу к лицу, вдыхая забытый аромат давнего прошлого.

И вот, держа в руке отравленное перо, вновь вспоминаю ее последние слова, которые до сих пор жгут меня, как огонь, режут, как нож. Перед мысленным взором всплывает ее нежное лицо, солнечный блеск рыжих волос, шрам на правой скуле и окровавленные губы, которые она все лижет и лижет шершавым языком, говоря мне эти свои последние слова... И вновь вижу воочию печаль в ее глазах в ответ на мой смех. О, эти ужасные, проклятые глаза!

Но все это случилось позже, много позже. Теперь же, чтобы понять то, что произошло в конце, надо вновь вернуться к началу. Но чтобы понять начало, надо понять и прошлое, то прошлое, что стало мифом еще задолго до ее появления на свет.

Так позвольте же мне рассказать вам все, что смогу. Если смогу. А если нет, пергамент сам расскажет вам о Книге, уничтожившей девочку и разрушившей мир.

Вот она, эта история...

ПРОЛОГ ПОЛНОЧЬ В ДОЛИНЕ ЛУНЫ

Тишину зимней долины, покрытой снегом, как серебром, нарушил резкий треск барабанов. Протяжным недовольным криком ответил на это вторжение в его ночной покой ястреб.

Эррил отодвинул скрюченными пальцами занавеску и высунулся с четвертого этажа старой харчевни. Его взору предстала долина, усеянная кострами тех, кто до сих пор следовал путем Ордена. «Как их мало!» — подумал он, глядя на темные тени, маячившие у костров и звенящие оружием. Они тоже понимали смысл неожиданно затрещавших барабанов.

Ночной ветер донес до Эррила обрывки приказаний и запах смазанного оружия. Дым костров вместе с молитвами солдат возносился к небесам.

А далеко за кострами, на краю долины, густела чернота, пожиравшая звезды.

Вот снова прокричал ястреб, и губы Эррила сложились в тонкую усмешку:

— Тихо, мой маленький охотник, — прошептал он, глядя в безлунную ночь. — Настанет утро, и ты с товарищами вволю набьешь свою утробу. Теперь же оставь меня в покое.

— Но они очень сильные. Каковы наши шансы? — раздался сзади голос старого мага Грешюма.

Эррил прикрыл глаза и опустил голову:

— Сколько-то времени мы продержимся, мастер, — острый спазм подкатил к его горлу: — Еще есть надежда найти у них слабое место.

— Но силы лордов ужаса уже перекрыли вход в долину. Послушай, как гремят барабаны. Это маршируют Черные Легионы.

Эррил отвернулся от окна и посмотрел прямо на Грешюма с улыбкой, в которой сквозили одновременно тоска и печаль. Старик методично мерил шагами пространство перед камином, и его красное одеяние ключьями висело на высохшем теле. Длинные седые волосы падали, закрывая уши, а глаза покраснели от блеска огня.

— Лучше помолитесь. Помолитесь за всех нас, — сурово ответил Эррил.

Грешюм остановился и повернулся к огню спиной, весь подавшись в сторону Эррила:

— Я знаю, что живет за твоими серыми глазами, Эррил из Стендая! Надежда. Но и ты, и воины Стендая хватаетесь за воздух.

— А вы бы хотели, чтобы мы спокойно положили головы под топоры лордов ужаса?

— Это и так произойдет достаточно скоро, — Грешюм потер культи своей правой руки, это выглядело едва ли не обвинением.

Эррил молчал, не сводя глаз с культи, вспомнив, как полгода назад псы Гульготы поймали их обоих и еще горстку мятежников в полях Элизии.

Грешюм, казалось, заметил его взгляд и поднес обрубок к мерцающему пламени:

— Послушай, мой мальчик, мы с тобой хорошо знаем, что такое риск.

— Но я в панике..

— Ты просто боишься за детей, которые вместе с твоей племянницей стоят в рядах горожан.

— Я ни к чему не толкаю вас, ибо уже знаю, чем может кончиться подобное, — Эррил снова склонил голову, словно наяву увидел перед собой тот поздний полдень в полях таллака, когда Грешюм поднял кулак к небесам, прося милости бога Чи. Рука исчезла в небесах, тускло залитых уходящим солнцем, а когда старый маг опустил ее, то вместо победного красного блеска силы все увидели лишь кровавый обрубок.

— То был мой собственный выбор, Эррил. И потому оставь это. В тот день всех спас только ты.

Эррил невольно пробежался пальцами по шраму на предплечье.

— Возможно... — После неудачи Грешюма он просто бросился на хищника и разорвал его в клочья. Но даже сейчас он не мог разобрать, что управляло тогда его телом — ярость или чувство вины? Весь он был покрыт дымящейся кровью и мозгом, дети — в том числе и племянница — закричали, увидев его тогда, от страха, словно сам он превратился в отвратительное чудовище.

— Я уже тогда знал, что все будет именно так, — продолжил Грешюм. — Такая судьба постигла всех магов Ордена. — Он натянул на культи рукав, закрыв его от взгляда Эррила: — Чи оставил нас.

— Но такая судьба постигла не всех! — вскинул глаза тот.

— Только лишь потому, что они еще не попытались обновления, — вздохнул старик. — Но они его попытают. Их просто заставят. Исчезнет рука даже твоего брата Шоркана. Когда я видел его в последний раз, Роза его уже поблекла. Силы в нем осталось немного, и раньше или позже он вынужден будет обратиться к самому Чи, — и тоже потеряет руку.

— Он знает это. Академия в соседней долине...

— Тщетная, глупая надежда! Даже если ему удастся найти ученика, еще полного крови, то что толку будет в кулачке ребенка? Потребуется с десяток свежих магов, чтобы дать ему силу... А на наших полях кипят сотни других битв, лорды ужаса Гульготы нападают со всех сторон.

— Но у него останутся предвидения.

— Чушь! — Грешюм снова повернулся к огню и какое-то время молчал, тяжело дыша. — Как! Каким образом три века Цивилизации могли исчезнуть столь быстро? Наш дух, когда-то достигавший небес, лежит растоптанный в пыли. Наши люди бунтуют, обвиняя нас в том, что мы лишили их защиты и поддержки Чи. Но и сам Чи повержен. И по всей стране разносятся победные клики проклятых гульготалов.

Эррил молча слушал и лишь сузил глаза, когда в долине вдруг пронзительно запел боевой рожок, рог Стендая. Неужели пора?

Тогда он снова высунулся в окно и едва не выпал в ночь, стараясь разобрать, что же происходит внизу. Рог запел снова, и его торжественному звуку издали вторили барабаны Черных Легионов. У северного лагеря началось движение, и Эррил долго всматривался, сощурился, в темноту. Замелькали огни, в мгновение ока перед рядами на каурум жеребце показался всадник. Это был Шоркан.

Но коварная тьма не дала разглядеть Эррилу, вышел брат в одиночку или его сопровождают еще несколько всадников.

В ярости он ударил по плюде окна затянута в кожу рукой.

За плечом уже стоял Грешюм.

— Это Шоркан?

— Хотелось бы верить! — Эррил отскочил от окна. — Поспешу! Быть может, ему нужна помощь!

И Эррил не стал ждать, последует ли за ним старый маг, а помчался огромными шагами вниз по деревянным ступеням. В несколько прыжков он оказался на первом этаже, пинком распахнул дверь и ворвался в общий зал. Вдоль стен стояли самодельные кровати, все занятые ранеными в бинтах. В иное время он остановился бы у какой-нибудь постели, похлопал очередного беднягу по колену и обменялся с ним соленой шуткой, — но не сейчас. Сейчас он вихрем пронесся между олешивших лекарей, а стоявший на страже часовой едва успел открыть перед ним входную дверь.

Холодный ночной воздух обжег Эррилу легкие, и когда ноги его утонули в ледяной грязной каше у порога харчевни, он услышал приближающийся гром тяжело подкованной лошади. Тусклые сполохи факелов у входа с трудом давали возможность разглядеть всадника, но Эррил отчетливо увидел раздувающиеся ноздри и дикие, налитые кровью глаза заплывавшего вокруг него жеребца. Всадник натянул поводья, и конь замер, как вкопанный, зарыв передние ноги глубоко в ледяное месиво. С губ его падала пена, конь злобно грыз удила, и белые клочья с разгоряченных ноздрей улетали в черную ночь.

Но Эррил не обратил никакого внимания на полуобезумевшую лошадь, хотя в другое время непременно пристыдил бы всадника, который довел прекрасное животное до такого состояния. Сегодня это было оправдано, и он протянул брату руку.

Шоркан принял ее, спрыгнул с лошади и со стоном коснулся земли. Рука его впилась в плечо Эррила:

— Хорошая встреча, брат. Помоги-ка ему.

И только тут Эррил заметил невысокого второго всадника, сидевшего за спиной брата. Тоненькое тело его дрожало, скрючившись под чужим плащом, наброшенным прямо на ночные одежды. Мальчишке с посиневшими губами и бледным личиком было едва ли больше десяти лет. Эррил помог ему спешиться со взмыленного коня и почти на руках донес трясущегося ребенка до крыльца.

— На четвертом этаже есть теплая комната и горячее какао, — бросил он брату через плечо. Шоркан передал поводья груму, и когда лошадь увела, Эррил неожиданно увидел боль в серых родных глазах.

Оба брата отличались серыми глазами и густыми черными кудрями, доставшимися им по наследству, как и всем жителям Стендая, но лицо Шоркана, несмотря на то, что он родился двумя годами позже Эррила, было уже иссечено преждевременными морщинами в углах глаз и вокруг сурового рта. Эррил готов был взвалить на себя половину ноши, что припала на долю брата, но не ему выпала трудная честь носить дар Розы. Он мог предложить брату лишь силу своих рук и острое своего меча.

— Тогда быстро вверх, — приказал Шоркан, не переставая прислушиваться к нарастающему гулу барабанов: — Впереди у нас долгая трудная ночь.

Эррил стал быстро подниматься, поддерживая едва перебиравшего ногами мальчика. В харчевне малыш сразу согрелся, и на его лицо вернулись естественные краски: синие губы порозовели, щеки окрасились слабым румянцем. Из-под соломенных волос глядели на Эррила синие глаза, такие редкие в этих местах. Проходя по лазарету, Шоркан внимательно оглядел ряды кроватей:

— Много раненых? — спросил он.

— Схватки по краям долины, — сухо пояснил Эррил. Шоркан задумчиво кивнул, и суровая складка легла у его губ. Он легонько подтолкнул брата в спину, словно понуждая подниматься быстрее.

Грешюм встретил их в комнате в той же позе, в какой Эррил оставил его десять минут назад: он грел спину у камина.

— Странно, что ты еще здесь, Грешюм, — вместо приветствия произнес Шоркан.

Старик отошел от огня, уступая место гостю:

— А где же мне еще быть? Ты сам загнал нас в эту долину, как в ловушку.

— Ты уже последовал за мной сюда, Грешюм, слепо веря моему слову, — так поверь еще, хотя бы самую малость.

— Как скажешь, — старик жестом указал на руки Шоркана. — Покажи мне свою руку.

— Если настаиваешь... — Шоркан сунул руку под нос старику; рука оказалась мускулистой и слегка красноватой, словно от свежего ожога.

Грешюм покачал головой:

— Твоя Роза уходит, Шоркан, — Грешюм бросил быстрый взгляд на мальчика, жавшегося к телу очага, и, подойдя, ловко схватил его за плечо. — Неужели ты нашел ученика? — Старик нагнулся и закатал правый рукав на тоненькой руке малыша. Она выглядела такой же

ледяной и безжизненной, как и испуганное лицо ребенка. — Что это? Ты ошибся?

Шоркан мягко освободил руку мальчика и обнял его за плечи. Потом, усадив ребенка поближе к огню, успокаивающе погладил по голове.

— Он левша, — воин обнажил левую руку мальчика, по запястье отливавшую ярко-красным, словно мальчик только что вынул ее из чана со свежей кровью. По ладони вились причудливые узоры, отдававшие всеми оттенками красного, и уходили на тыльную сторону. — Это спасло ему жизнь. Один из этих скотов совершил ту же ошибку, что и ты. Это позволило мальчику избежать первой смерти. Он спрятался в корзине для яблок. Остальная же Академия превратилась в кладбище.

— Так больше никого не осталось? — уточнил старик. — Какой же прок от одного ребенка в битве против полчищ гульготалов? Я-то думал, ты нашел учителя, все еще полного крови и власти Розы, кого-то, кто обладает знанием.

— Нет. Убежал даже главный мастер.

— Уж не о Риалто ли ты говоришь? — вмешался в разговор Эррил. — Я никогда ему не верил.

Шоркан отвернулся от камина и кивнул за окно, за которым по-прежнему надсадно трещали барабаны.

— Все это теперь уже не имеет значения. К утру мы будем вырезаны полностью.

— Что? — Эррил шагнул к брату: — А что говорит тебе твое предвидение?

— Ну, что я тебе говорил?! — торжественно проворчал Грешюм.

— Поверь мне, брат. Сегодня уже неважно, выживем ли мы, — главное, выживет ли наше будущее.

— Какое будущее? — снова вмешался Грешюм. — Этот мальчишка, возможно, один-единственный полнокровный маг, оставшийся в краю Аласии!

— Ты говоришь правду, Грешюм.. С этим ребенком закончится и власть Чи. Мир погрузится в черные времена, в ужасные времена, когда люди потонут в слезах и крови. Все это было предсказано еще сектой хайфаев, той частью Ордена, что отслеживала будущее.

— Безумцы! Еретики! — взорвался Эррил. — И они поплатились за это!

— Плохие новости никто не любит и не любил, а меньше всех те, кто обладает властью. Но хайфаи сказали правду. — Шоркан махнул рукой в сторону окна: — И треск барабанов сейчас подтверждает это.

— Но мы все еще сильны, — не сдавался Эррил, — мы можем выжить!

Шоркан печально улыбнулся на слова старшего брата:

— И ты говоришь правду, Эррил. Мы можем выжить, но Аласия все равно погибнет, а ее народ будет покорен Гульготой. Впереди у страны — мрак. Но, как в природе Луну сменяет Солнце, мы тоже можем сейчас приложить силы, чтобы когда-то для нее наступил день. Мы его не увидим, не увидят и наши правнуки, но когда-нибудь над Аласией взойдет новый рассвет. И этот рассвет, это грядущее солнце, которое засияет для наших потомков, обеспечим сегодня мы.

— Но как? — спросил Эррил, не сводя глаз с мальчика: — Как?!

— Хайфаи говорили о Книге.

Грешюм присел на единственную в комнате кровать:

— О Книге? Шоркан, да ты, я вижу, дурак. Неужели ты притащил меня сюда за этим?

— Это были твои собственные слова, Грешюм. Слова того, кто когда-то сам принадлежал к хайфаям.

Эррил побледнел и невольно отступил от старика.

— Это было слишком давно, — равнодушно ответил Грешюм: — Тогда я еще только начал обладать даром. Я вышел из секты столетия назад.

— Но, я уверен, пророчество свое ты все еще помнишь. Да оно и не раз подтверждалось другими.

— Это безумие.

— Это правда. Каковы же были твои слова?

— Не помню, ничего не помню. Это была глупость, не больше.

— Так вспомни.

Грешюм прикрыл глаза единственной ладонью и заговорил голосом, который исходил, словно откуда-то со стороны:

И будут трое.

Один искалечен,

Другой невредим.

И третий, не знавший крови...

И там, —

На крови невинных.

В полночь, в долине Луны

Будет создана Книга.

И трое станут одним.

И Книга сольется с ним...

Шоркан сел на кровать рядом со стариком:

— Мы поняли твои слова. Время пришло.

Грешюм застонал:

— Здесь слишком много того, чего вам понять не дано. Вы слишком молоды для настоящей крови. С тех пор, как сожгли хайфаев, я изучал иные свитки и тексты. И не все из них доверено пергаментам.

Шоркан с силой схватил мага за плечо:

— Так говори же все, Грешюм! Освободи свой язык от пут. Время бежит слишком быстро!

Грешюм опустил голову еще ниже и тихо прошептал в наступившей тишине:

Кровь ее вызовет.

Книга ее повяжет.

И, связанная кровью.

Она восстанет.

С сердцем из камня.

С сердцем, полным духа.

Она будет воссоздавать вновь и вновь...

Комнату окутало торжественное молчание, в котором раздавалось лишь потрескивание поленьев в камине. Рука Эррила легла на рукоять меча:

— Я думаю, это всего лишь миф.

— Сисайкоффа, — тихо произнес Шоркан, освобождая плечо мага от своей крепкой хватки. Глаза его беспокойно прищурились: — Ведьма духа и камня.

Эррил в волнении принялся мерить шагами истертый ковер:

— Легенда гласит, что она была уничтожена Чи за то, что осмелилась узнать магию крови. И теперь все женщины осуждены истекать кровью каждый лунный месяц в наказание за ее святотатство. Как же это может свершиться во второй раз? Грешюм пожал плечами:

— Поэтому мы и держали язык за зубами. Не все видения Книги достаточно отчетливы.

— Но это, увы, вполне отчетливо, — прервал его Шоркан. — Возможно, со временем мы сможем расшифровать и другие пророчества, которые прольют свет на твои слова о Книге. Но сегодня тучи над нами сгущаются. И Книга должна быть создана сегодня, иначе мы упустим шанс навсегда.

— Ты все-таки хочешь рискнуть? — со вздохом спросил старик.

— Увы, даже несмотря на дар предвидения, далекое будущее нам неведомо, — Шоркан поднялся с ложа, и деревянная кровать жалобно скрипнула, словно протестуя. — Придется работать с тем, что есть под рукой. Ордену пришел конец, но, создав Книгу, мы сумеем сохранить хотя бы малую толику нашей магии. И останемся жить навсегда.

— Я следую твоему решению, Шоркан. Что же еще остается мне делать? — старик медленно обнажил культю.

— Тогда начнем, — Шоркан помог магу подняться на ноги. — И начнем с огня.

Шоркан привлек к себе мальчика, затем трое магов воском очертили перед камином круг. Круг могучей охраны могучей магии. Эррил попятился к двери.

— Но тебе тоже придется принять участие в этом, брат, — услышал он жесткий и одновременно ласковый голос Шоркана. — Это жизненно важно. Когда все закончится, вспыхнет сноп яркого света, и дикая магия разольется по комнате, тогда ты должен будешь захлопнуть Книгу, чтобы положить этому конец.

— Я не обману вас, — прошептал Эррил, чувствуя, как внутри становится пусто и холодно. — Но магия — твоё дело, брат, почему ты не закроешь Книгу сам?

— Ты сам знаешь ответ или, во всяком случае, догадываешься. Я вижу это по твоим глазам, — спокойно ответил Шоркан. — Создание текста должно уничтожить нас троих — мы станем Книгой...

Подозрения Эррила сбывались:

— Но...

— Полночь приближается, брат.

— Я знаю, что час поздний, но... этот ребенок? — он кивнул на мальчика: — Вы собираетесь пожертвовать даже им! Не спросив, не узнав...

— Я был рожден для этого, добрый воин, — ответил мальчик, заговорив в первый раз, но спокойно и твердо. Эррил вдруг подумал, что не узнал даже имени мальчика, хотя его акцент выдавал в нем жителя прибрежного города. — Это Чи привел меня в яблочную корзину, чтобы я смог пересидеть там нападение лордов ужаса. Свершается то, что должно

свершиться.

— Мы с ним уже обо всем переговорили, — улыбнулся Шоркан, выходя из круга и кладя руки на плечи брату: — Не бойся, мой старший брат. Мы делаем лишь то, что должны, — и он крепко обнял Эррила.

В ответ последний тоже порывисто прижался к брату и надолго замолчал, опасаясь, чтобы какой-нибудь звук не нарушил глубину его любви и отчаяния.

Но вот Грешюм прокашлялся, поставил свечу на камин, и Эррилу пришлось в последний раз стиснуть брата в прощальном объятии.

— Что будет тотемом Книги? — деловито осведомился старик, вытирая воск с пальцев о мантию, и Эррил заметил, что он словно стал прямее и выше ростом. С того момента, когда старый маг в последний раз прибежал к магии, прошло уже немало времени. — Тотем тоже будет воплощен в Книгу.

Шоркан вытащил из кармана колета потрепанную книжицу, и Эррил немедля узнал розу, вышитую золотом на ее обложке. Позолота стерлась и теперь лишь тускло светилась в неверном мерцании огня.

Это был дневник Шоркана.

— Я носил его на груди все три последних года, — задумчиво прошептал он, после чего твердой рукой положил дневник в середину круга, а потом достал из-за пояса небольшой кинжал, рукоять которого также венчала выпуклая роза.

Задумчиво помолчав несколько мгновений, Грешюм тоже вытащил откуда-то из глубин своих лохмотьев изящную дагу и внимательно посмотрел на мальчика.

— У меня своего нет, — ответил малыш, глядя широко распахнутыми синими глазами на мага: — Он остался в школе.

— Впрочем, неважно, — поспешил ему на помощь Шоркай: — Сгодится любой нож. Наши лезвия тоже не больше чем бутафория.

— И все же необходимо, чтобы нож был хотя бы соответствующей формы, — проворчал Грешюм: — Мы не простым делом занимаемся.

— Выбора все равно нет. Ночь идет к перелому, — Шоркан обернулся к брату и торжественно поднял руку: — Дай мне твой кинжал — тот, что подарил отец.

В душе Эррила как будто заняло, появилась чудовищная пустота, но он твердой рукой освободил из ножен кинжал и положил стальной клинок с деревянной рукоятью на широкую ладонь брата.

Шоркан подержал оружие на ладони, словно взвешивая, и сурово заговорил:

— Отойти от нас на три шага, Эррил, и не приближайся, что бы ты ни увидел, что бы ни услышал, — до тех пор, пока не поднимется столб белого света.

Эррил повиновался и отошел, после чего все трое упали на колени посреди воскового круга. Шоркан передал свой кинжал с розой мальчику, оставив себе отцовский.

— Что ж, давайте готовиться, — услышал Эррил голос брата и увидел, как тот острым концом лезвия провел у себя на правой ладони тонкую алую линию. Грешюм повторил это действие на левой руке, держа дагу в зубах, и только мальчик все еще никак не мог решиться.

Шоркан заметил его колебания:

— Нож заточен отлично. Не бойся, режь быстро и почувствуешь лишь мгновенную боль.

Но мальчик по-прежнему не поднимал руки с кинжалом. Грешюм переложил дагу изо рта в окровавленную ладонь:

— Ты должен сделать это по своей воле, малыш. И снять эту ношу с тебя никто не может. Даже мы.

— Я знаю. Но я в первый раз...

— Быстро и чисто, — приказал Шоркан, и мальчик почти зажмурился, гримаса пробежала по лицу, а лезвие кинжала скользнуло по ладони. Через несколько секунд она, как чаша, была уже полна алой кровью. Мальчик поднял на Шоркана заблестевшие влагой глаза.

— Отлично, — одобрил тот. — А теперь начнем.

И все трое возложили окровавленные ладони на дневник, касаясь друг друга кончиками пальцев, словно нежные любовники.

— Как смешивается наша кровь, так утроится и наша сила. Пусть трое станут одним.

Эррил не сводил глаз с красной руки мальчика, протянутой к двум взрослым ладоням, до тех пор, пока все три их кисти не превратились в спящее пятно. По комнате пробежал ветер, приподняв черные волосы Эррила. Поначалу ему показалось, что это всего лишь дует из окна, но в лицо ему дул не холодный, а теплый ветер, отдававший весной.

Все трое молились, опустив головы и беззвучно шевеля губами. И по мере их молитв ветер становился все сильнее и сильнее, жарче и жарче. Он завивался вихрем по комнате, и круг посередине становился все бледнее. Ветер крепчал, обретая плоть и цвет, а круг и те, кто в нем, все больше превращались в бесплотные тени. В этом тающем кругу реальной оставалась

лишь книга, становившаяся все ярче, в то время как маги, превратившиеся уже в прозрачные статуи, таяли, как снеговики на солнце.

Ветер перерастал в ураган. Эррил с трудом держался на ногах под горячими порывами разноцветных вихрей. Глаза щипало, дышать становилось нечем. Его начинало затягивать в эпицентр, но тут он неожиданно увидел брата, вернее его прозрачное тело, взметнувшееся в середине круга.

— Нет! — пронзительно крикнул он, и с этим криком дневник распахнулся, взлетая вверх, и из него хлынул слепящий свет. Но это длилось всего лишь какое-то мгновение, а затем огненный столб словно втянулся обратно на страницы.

Эррил протер глаза, пытаясь избавиться от рези, но в это время мальчик, такой же прозрачный, как и остальные двое, начал пятиться от книги.

— Стоять! — закричал Шоркан, но мальчик, казалось, не обратил на это приказание внимания и продолжал подвигаться к границе воскового круга. Тут, почувствовав какое-то сопротивление, он наклонился и сделал явное усилие, чтобы преодолеть невидимый барьер. И мальчик оказался сильнее и начал выходить из кольца, причем освободившиеся части его тела начинали вновь обретать плоть и цвет.

Однако то, что выходило, уже не было человеком!

И когда он вышел полностью, вместо бледного мальчика перед Эррилом оказалось грубое животное на мощных кривых ногах.

— Останови его, Эррил! — услышал он вопль брата. — Останови, или все будет потеряно, и мы обречены!

Но прежде чем Эррил ответил, из круга вырвался очередной порыв ветра и перенес его через всю комнату, бросив на ложе. Комната погрузилась во тьму, поскольку от ветра погасли все свечи и даже огонь в камине.

И сразу же после этого ветер полностью стих, словно кто-то закрыл дверь и оградил комнату от жестокой зимней бури. Эррил с трудом поднялся и обшарил комнату. Он был один.

Неожиданно снова сам по себе запылал огонь, и от него доносился явственный запах амбры. Морщась от внезапного света, Эррил увидел дневник брата, валявшийся на ковре открытым. Страницы его были мертвенно бледны, и никакого сияния от них не шло.

Но где же зверь? Где брат? И старый маг? Эррил еще раз, теперь уже при свете, обшарил всю комнату, перевернул одежду, вытряхнул дорожные сундуки, опрокинул стол и стулья, — напрасно.

Однако когда он захотел подобрать с пола дневник, что-то схватило его сзади за лодыжку и резко дернуло, уронив на ковер. Упав на спину, он наудачу ударил нападавшего; удар пришелся в податливую плоть, и хватка ослабла. Эррил высвободил ногу и быстро откатился, чтобы оказаться с неведомым противником лицом к лицу. И даже успел выхватить меч.

И тогда под кроватью он увидел затаившегося зверя, бывшего когда-то мальчиком. Янтарные глаза в черных кругах горели ненавистью, зверь зашипел и, мгновенно выскочив из-под кровати, оказался напротив Эррила. Зверь был почти одного с ним роста, но по массе превышал воина, наверное, вдвое. Ключья густой черной шерсти свисали с него, как старый мох с деревьев, но самыми страшными были его отточенные, как кинжалы, зубы и острые, как бритва, когти. Зверь медленно подходил к Эррилу, издавая чудовищное зловоние.

Эррил отступил на шаг и медленно стал поднимать меч, но это движение словно послужило сигналом для зверя, и тот бросился в атаку. Эррил уклонился вправо, ушел под левую лапу и в это мгновение ударил острое животное в бок острием своего длинного меча.

Зверь взвыл, Эррил развернулся и стал выжидать новой атаки. Его меч был готов отразить любое нападение монстра, но животное словно успокоилось и даже, наоборот, стало отходить. Оно двигалось к дневнику!

Нет! Эррил рванулся вперед, занеся меч обеими руками, и вложил в удар весь свой вес, всю силу, всю ненависть... и всю любовь. Удар пришелся как раз в середину широкой мохнатой спины, прошив зверя насквозь. Удар оказался настолько сильным, что меч вонзился в истертый деревянный пол. Чудовище судорожно дернулось, шея его неестественно изогнулась, а из пасти вылетело хриплое рычание. Через секунду огромная туша, пришитая к полу, затихла окончательно.

Эррил подскочил ближе, инстинктивно ища рукой отцовский кинжал; его рука в ужасе щупала пустые ножны. Ах, кинжал был отдан Шоркану! Но зверь, кажется, валялся на полу бездыханным. Тяжело дыша и не спуская глаз с монстра, Эррил подлез под лапу чудовища и вытащил раскрытый дневник. А ведь брат просил его закрыть книгу, чтобы завершить магию. Но после того, что случилось, нужно ли было это делать? И не была ли напрасной жертва?

Растерянный воин стоял перед дневником на коленях и в недоумении рассматривал страницы, исписанные красивым и четким почерком брата. Дневник остался всего лишь дневником, не больше.

И тогда Эррил ощутил, как из его обожженных глаз текут слезы. Неужели Шоркан отдал свою жизнь понапрасну? Эррил протянул руку и нежно погладил вышитую розу на обложке — все, что осталось от его потерянного навеки брата, погибшей семьи, утраченной родины. Опустив веки, воин закрыл дневник, несмотря ни на что стараясь исполнить предсмертную волю последнего для него родного существа.

Но как только дневник закрылся, по телу Эррила пробежала легкая дрожь и распростерла его на полу рядом со зверем. Перед глазами его заплескали разноцветные огоньки, и комната накренилась и поплыла куда-то. Правда, через несколько секунд все встало на свои места, и первым делом Эррил с удивлением обнаружил, что животное снова превратилось в мальчика, из спины которого торчала рукоять меча, а снизу текла кровь, уже запятнавшая дневник.

— О боги, что я наделал!? — молнией пронеслось в мозгу Эррила, и он почувствовал, как в сердце ему входит ледяной коготь. Что за страшные шутки? Неужели он убил невинного ребенка?

Воин стал лихорадочно оглядываться, словно что-то в комнате могло объяснить ему, как он убил ни в чем неповинного Мальчика. Глаза его снова невольно вернулись к дневнику. Может быть...

Эррил еще раз медленно протянул руку к обложке, коснулся розы и отдернул руку, как от змеи. Но ничего не произошло, все осталось по-прежнему.

Тогда, прикусив губы, он положил на книгу ладонь. И вновь ничего не произошло.

Не зная, что можно сделать еще, Эррил одним пальцем раскрыл дневник, и на него посмотрела пустая и чистая, как снег, страница. Но ведь Эррил знал, что Шоркан исписал дневник от корки до корки! Воин осторожно перевернул еще страницу, другую, третью — ничего, лишь мертвая белизна.

Тогда Эррил поднял дневник; с обложки капала и расплывалась пятном на первой странице кровь мальчика. И под изумленным взглядом воина из капель крови стали проявляться буквы, словно их писал невидимой рукой сам дьявол. Но не узнать почерк было невозможно — это был почерк брата!

— Ты слышишь меня, брат? — в ужасе спросил Эррил у пустоты комнаты. Буквы продолжали появляться, словно он и в самом деле кричал в пустоту.

— Шоркан? — И вновь нет ответа.

И тогда Эррил прочел написанное, и руки его невольно сжались в кулаки.

Так была из крови невинного в полночь в Долине Луны создана Книга. И тот, кто поднял ее и прочел первые слова, задохнулся от слез о своем навеки потерянном брате... и о своей навеки потерянной невинности.

Ничто никогда не возвращается.

Уронив Книгу, Эррил посмотрел, как кровь невинно убиенного мальчика капает с его рук, и рухнул перед трупом, задыхаясь от слез.

Так была создана Книга, создана глупыми людьми, игравшими силой, которую они до конца не понимали. Но как мне жаловаться на это, ведь я сам такой же создатель книг, лишь рассказывающий сказки старых времен.

Теперь вам известно, как и почему была создана ложная Книга, создана из пророчеств, видений и дикой магии.

Но любые ответы лишь порождают новые вопросы.

Что это за Книга? Какова ее цель? Что стало с пропитанными кровью страницами?

Однако время идет вперед, прошлое забывается, будущее остается лишь в грезях. И на все вопросы в конце концов приходят ответы.

Мир меняется, как растущее дитя. Века мчатся, словно мелькают крылья сумасшедшего воробья, и вот, наконец, появляется она. И тогда я кладу руку на бег времен и замедляю его до тех пор, пока время не остановится совсем. Вот она, перед вами, во фруктовом саду. Видите ли вы ее? Пришла пора начинать историю и о ней, о ней, предсказанной одноруким старым магом, о ней, воплотившей всю душу мира.

КНИГА ПЕРВАЯ ПЕРВЫЕ ЯЗЫКИ ПЛАМЕНИ

Яблоко ударило Елену прямо по голове. От неожиданности девочка прикусила язык, и нога ее соскользнула со ступеньки раздвижной лестницы. Упав на землю с высоты в два ярда, она раздавила плод и запачкала платье, надетое специально для работы.

— Будь осторожной, Елена, — сказал ей с другой стремянки Джоак. Корзина яблок за его плечами была почти полна.

Девочка обернулась и заглянула в собственную — та была пуста, поскольку все содержимое раскатилось по саду... Вся красная, как то

злосчастное спелое яблоко, Елена встала, пытаясь сохранить хоть какое-то достоинство.

Прикрывшись ладонью, она подняла глаза к солнцу, стоявшему низко над горизонтом; полуденные тени лежали вокруг, обнимая ее своей прохладой. И тогда, вздохнув, девочка принялась собирать рассыпанные фрукты. Скоро должен был прозвучать сигнал к обеду, а ее корзина, даже с подобранными яблоками, оказалась заполненной едва ли наполовину. Отец, конечно, рассердится.

«Вечно ты витаешь где-то в облаках, — непременно скажет он. — Вечно отлыниваешь от реального дела!» Такие слова ей приходилось слышать уже не раз.

Девочка положила руку на ступеньку лестницы, прислоненной к яблоне. Нет, она как раз никогда не избегала работы и всегда с удовольствием трудилась в саду или в поле. Но монотонность всегда утомляла ее, и Елена то и дело отвлекалась на множество интересных вещей, творившихся вокруг. Сегодня, например, в старом дупле она обнаружила крошечное гнездо редкой птицы какоры. Гнездо, давно оставленное обитателями, очаровало Елену сложным сплетением веточек, былинки и листьев, скрепленных засохшей грязью. Потом она нашла шелковую паутину, увенчанную, как драгоценным камнем, жирной навозной мухой. А как был забавен жук, приклеившийся к глянцевиному листу! Ах, как много есть вещей на свете, чему можно радоваться и что изучать!

Расправив натруженные, затекшие плечи, незадачливая работница посмотрела на ряды яблонь и на короткое мгновение почувствовала, что задыхается, — вероятно, ее обожгло то самое «дыхание сада», о котором так часто говорит мать. Да и в прошлом многие работники передавали друг другу истории о таинственном духе сада. Ведь этот сад занимал огромную территорию, покрывая собой тысячи акров, начинаясь почти в горах и спускаясь в равнинные низины. И дух, живший в саду, постоянно менял свой облик, от бело-розовых цветов весной и зелени летом до хищных скелетов облетевших деревьев зимой.

Елена вздрогнула. Ветви совершенно закрыли перед ней горизонт и почти не давали упасть на лицо теплому солнечному свету. Когда она была поменьше, то часто любила играть между старых яблонь; тогда мир казался ей огромным, полным неведомых приключений и постоянно новых открытий. Но теперь, став почти взрослой девушкой, Елена наконец поняла, что означали тихие речи работников.

Сад медленно душит тебя.

Она подняла лицо к небу. Вокруг расстился ее мир в переплетении стволов, листьев и плодов. Он насквозь проникся ароматом подгнивших яблок, не пропускавшим никаких других запахов. Этот таинственный аромат проникал во все поры, придавая человеку на всю жизнь специфический запах, по которому его можно было потом узнать всегда и везде. Елена смотрела вокруг и все больше как будто погружалась в сон, замороженная красотой сада.

Ах, если б только у нее были крылья, она улетела бы прочь отсюда, к равнинам Стендая, болотам Айновы, горбатым островкам Архипелага, и летела бы до тех пор, пока не прилетела к самому Великому Океану!

И Елена живо вообразила себе, как она делает прощальные круги над старым садом.

— Чем мечтать неизвестно о чем, сестренка, лучше бы поработала еще немного, — крикнул ей Джоах.

Эти насмешливые слова вырвали ее из небытия и вернули с небес на землю. Девочка внимательно посмотрела на старшего брата, чей голос так напоминал отцовский. На мгновение Елене даже почудился отец, с его широкими плечами, как у брата, и сильным, опаленном солнцем лицом. Когда же это случилось? Куда делся тот мальчик, что, громко крича, бегал с нею, охотясь на воображаемых зверей в глубине сада?

— А тебе никогда не хотелось уехать отсюда, Джоах? — вдруг спросила она, отходя от лестницы.

— Разумеется, хотелось. Я вообще хочу собственную ферму, — спокойно ответил юноша, не прекращая работы. — Может, и устрою ее на месте заброшенного сада у Орлиного Гнезда.

— Нет, я не о том говорю, я имею в виду совсем уехать, оставить сад...

— Стать городским в Винтерфелле, как тетя Фила?

Елена вздохнула и переставила лестницу. Итак, сад уже почти поглотил ее брата, его разум и волю; его дух пленен сетью старых ветвей навсегда.

— Нет, опять не о том, — не сдавалась она. — Я говорю: покинуть эти холмы и перебраться в иные земли.

— Зачем? — удивился Джоах и даже на мгновение застыл с красным яблоком в руке, внимательно разглядывая сестру серьезными

зеленоватыми глазами.

Елена набросила лямку корзины на плечо:

— Не знаю.

Корзина показалась ей вдвое тяжелей. Никто не понимал ее здесь.

Неожиданно брат громко рассмеялся.

— Ты чего? — доверчиво обернулась сестра, предвкушая хорошую шутку.

— Ах, как тебя легко надуть, Елена, — на лице брата была лишь насмешка. — Конечно, я ужасно хочу бросить эту занудную равнину! Неужели ты думаешь, что собираюсь просидеть здесь всю жизнь добропорядочным фермером? Шиш! Да я сбегу отсюда при первой же возможности!

Елена нахмурилась. Так значит, сад еще не поймал брата в свою ловушку!

— Дай мне коня и меч — и следа моего не найдешь! — продолжал Джоах, и глаза его затуманились несбыточными мечтами.

И под старыми яблонями сестра и брат обменялись понимающими улыбками.

Тут по саду разнесся звук колокола, собиравшего работников на обед.

— Ну, вовремя, — сказал Джоах, ловко спрыгивая на землю: — Я уже изрядно проголодался.

— Ты всегда голодный, — усмехнулась Елена.

— Я расту.

И брат говорил правду. С прошлого лета Джоах очень изменился, на следующей неделе ему должно было исполниться четырнадцать. Будучи всего на год старше Елены, он стал теперь выше на целую голову, и при этой мысли Елена с трудом подавила в себе желание посмотреть на свою грудь. Остальные девочки в округе уже давно раздались вширь и ввысь, в то время как она и раздетая была все еще похожа на мальчика. Их с братом даже часто путали, поскольку у обоих вились рыжие кудри, кое-как завязанные сзади в конский хвост, сияли зеленоватые глаза, горели румянцем высокие скулы и блестяла обожженная солнцем кожа. Правда, ресницы у Елены были подлинней, да и носик поменьше, но в ловкости и силе она почти не уступала брату: Одинаковая работа в саду и на поле с самого детства превратила их почти в близнецов.

Однако впереди у Джоаха была работа на ферме; ему предстояло присоединиться к людям тяжелого физического труда. Грудь мальчика раздастся, руки нальются силой, плечи станут квадратными. И никто больше, никогда не спутает ее с братом. Елена все-таки посмотрела на свою грудь и жарко подумала, что уж *скорее бы*.

— Ну, что, налюбовалась своими яблочками? — рассмеялся брат и кинул в нее недозрелым яблоком. — Тогда пошли.

Елена подобрала яблоко и бросила в убегающего брата. «Пошел ты!» — хотела огрызнуться она, но, как обычно, рассмеялась и смячила ответ:

— Я, по крайней мере, не торчу перед зеркалом, когда никто не видит!

На этот раз покраснел Джоах. — Я не... То есть я не хотел...

— Иди домой, Джоах.

— А ты?

— Моя корзина еще полупуста. Мне, наверное, лучше еще поработать.

— Я могу перекинуть тебе кое-что из своей, у меня и так через край. Станет поровну.

И, хотя Елена знала, что брат хочет помочь ей совершенно искренне, она вдруг ощутила досаду:

— Я и сама могу добрать, — на сей раз слова прозвучали даже более едко, чем ей хотелось.

— Ладно, я только старался помочь.

— Скажи маме, что я вернусь еще до заката.

— Только обязательно, ты же знаешь, мать не любит, когда мы приходим затемно. На прошлой неделе у Кулигов пропало три овцы.

— Знаю, слышала. Кто-то наверняка просто захотел баранки. Все будет в порядке, Джоах.

Какое-то время мальчик колебался, но голод взял верх, и, помахав рукой, он направился за яблони к дому. Очень скоро его скрыла густая листва, и, спустя несколько секунд, не стало слышно даже шагов.

Елена снова взобралась на лестницу и притянула к себе наиболее густо усыпанную плодами ветвь. Вдалеке поднимались к небу дымки Винтерфелла, городка, спрятавшегося глубоко в долине. Девочка долго следила за ними, пока они не слились с облаками над долиной, откуда ветер уносил их уже к самому океану. Ах, если бы она могла полететь с ними!

И тогда в ее памяти снова всплыл отцовский голос: *«Ты вечно витаешь где-то в облаках, Елена»*.

Вздохнув, девочка опустила взгляд и поплотнее прижалась к лестнице, чтобы лучше держать равновесие. Что ж, такова ее жизнь. Обхватив ветку обеими руками, она снимала яблоки и через плечо бросала их в корзину. Опытные пальцы на ощупь определяли, достаточно ли спел плод, чтобы его сорвать, ловкая кисть отрывала ножку, и скоро все спелые яблоки, что висели вокруг, оказались в корзине.

Но от работы у девочки вдруг заняли плечи и даже спина. Правда, Елена не останавливалась и, отмахиваясь от наседавших мух, перебралась еще на ступеньку повыше, к новым ветвям. Она действительно решила набрать полную корзину еще до заката.

Но скоро боль в плечах перешла на живот. Елена попыталась переменить позу, думая, что и живот у нее заболел от неудачного положения, но неожиданно ее пронзила такая резь, что девочка едва не упала, успев все же схватиться обеими руками за лестницу.

Сузив от боли глаза, она села на ступеньку, ожидая, когда пройдет приступ. А боль все не проходила. Правда, последние несколько дней такие приступы, хотя и намного слабее, у нее уже бывали. Елена никому не говорила об этом, объясняя для себя тем, что, наверное, просто объелась дикими ягодами. Пора их сбора была коротка, а девочка так любила эти красные сладкие плоды, и сопротивляться желанию наестись ими, даже несмотря на боль, не имела силы.

Тяжело дыша сквозь стиснутые зубы, Елена терпела, и скоро боль переросла в тупую и тянущую. Девочка села поудобней, упершись лбом в ладони, и приготовилась терпеть дальше.

Но на мгновение подняв голову, чтобы вдохнуть побольше воздуха, вдруг увидела перед собой такое, что на время забыла даже о боли. Золотой вечерний свет проникал сквозь густую листву, замирая на глянцевиных боках крупных яблок, бывших размером едва не с маленькую дыню. Ах, как мама любила класть эти яблоки в свои дивные пироги! Даже отец будет доволен, если она наберет таких яблок!

Но как их достать?

Взобравшись еще на ступеньку — на высоту, куда отец никогда не разрешал ей подниматься, — она протянула к ним руки, и ее пальцы уже коснулись шелковистого плода, висевшего ниже всех.

Ах, если бы здесь был Джоак, он непременно дотянулся бы! Но это ее, только ее яблоки, и прикусив губы, Елена продолжала тянуть руку. Лестница под ней зашаталась, однако, схватившись одной рукой за толстый сук, девочка все продолжала тянуться, и плод был уже почти у нее в руке, как внезапно какой-то яркий свет буквально полоснул ее по глазам. В то же мгновение девочка испустила победный крик, почувствовав, что ее ладонь коснулась яблока. Оставалось последнее усилие, но ее рука — или ей так показалось? — исчезла в полосе света. Руки не было. Елена даже не успела испугаться, думая, что ее просто ослепил свет.

Кроме того, ее охватил новый спазм; было впечатление, что внутри поворачивают ржавый нож. Задохнувшись, девочка начала медленно сползать вниз, все плотнее прижимаясь к лестнице и хватаясь за ствол.

Неожиданно она ощутила, что ее ноги заливают горячая влага и, с ужасом подумав, что у нее прорвался мочевого пузырь, глянула вниз. Но то, что она увидела, заставило ее мгновенно прыгнуть на землю и скорчиться у подножья старой яблони.

Не веря своим глазам, девочка снова провела рукой по ногам. Кровь! Ее серые штанишки намочили от крови, текшей откуда-то изнутри. Первой ее мыслью было, что что-то поранило ее, но, подумав немного, она забыла про страх и боль. На губах ее появилась блаженная улыбка. Это было то, о чем Елена так много слышала, на что так давно надеялась — первая менструация.

Она, Елена Моринстел, наконец-то стала женщиной!

Потрясенная, Елена сидела под яблоней, не зная, что же теперь делать. Случайно она подняла к лицу правую руку, чтобы вытереть заливающий глаза поток. Каково же было ее удивление, когда оказалось, что и правая рука ее тоже в крови.

Толстый слой крови покрывал ее ладонь до запястья, словно перчатка. Что случилось? Она прекрасно помнила, что не дотрагивалась этой рукой до штанишек, да и столько крови из нее и не могло вытечь.

Тогда девушка подумала, что просто порезалась о гвоздь лестницы или об острый сук, когда спускалась.

Но боли не было. Вместо боли руку охватывала почти приятная прохлада. Тем не менее, она попыталась вытереть руку о свою юбку цвета хаки — бесполезно. Кровь не исчезала. Елена потеряла сильнее — тот же результат.

Сердце ее начало бешено колотиться, и перед глазами заплескали крошечные звезды. Она впала в панику. Ни о чем подобном, сопровождающем первую менструацию, мать никогда не говорила ей. Может быть, это какой-то женский секрет, который тщательно скрывают от мужчин и детей! Наверное, так! Елена заставила себя немного успокоиться, но тут ей в голову пришло соображение, что у матери-то она ничего подобного никогда не видела...

Но все же надо взять себя в руки. Все будет хорошо. Мама все объяснит. Елена поднялась и во второй раз за этот день принялась

собирать рассыпавшиеся яблоки.

Последний сорванный ею плод действительно оказался гигантом, великаном среди яблок. Как хорошо, что, падая, она все же его схватила! Какая удача! И девушка суеверно подергала себя за мочку правого уха.

— Спасибо тебе, Сладкая Мама, — прошептала она пустынному саду, уверенная в том, что этот подарок сделан как раз к ее начинающейся женственности.

Но, наклонившись за крупным яблоком, она вновь увидела окровавленную руку и вдруг вспомнила тот момент, когда ей показалось, что рука ее совсем исчезла в солнечном свете. Елена наморщила лоб и задумалась. Может быть, это всего-навсего солнце продолжает шутить шутку с ее уставшими и немного ослепленными глазами?

Ее рука невольно сильнее сжала яблоко. Какой замечательный пирог испечет из него мама! И девушка тут же почувствовала запах корицы и теплого яблока, исходящий от куска свежееотрезанного пирога.

Но неожиданно яблоко в ее ладони пискнуло, словно живое, и на ее изумленных глазах превратилось в сморщенную, крошащуюся массу. Поджав губы от досады, девушка отбросила его прочь. Но как только останки яблока коснулись земли, оттуда рванулся вверх столб белого света, на секунду ослепивший ее. Она подняла руку, чтобы заслониться, но в то же мгновение свет исчез, а на ладони осталась горстка пепла.

Пресвятая Ригалтская мать!

В то же время раздался очередной призыв колокола, и Елена, бросив корзину, пустилась через сад со всех ног домой.

К тому времени, когда девочка подбежала к дому, на западе уже умиralи последние лучи солнца. Тени густо лежали на утопанной земле между конюшней и домом. Перепрыгнув через осушительную канаву, девушка вырвалась из пределов сада.

Встречу ей двигалась повозка, в которой сидели работники, уже возвращавшиеся в город. Над повозкой громко перекатывался смех.

— Ну-ка, пострел, с дороги! — крикнул Елене Хоррел Ферт, что правил запряженными в повозку мулами. — У меня тут полна телега голодных мужиков, которые ждут не дождутся хорошего обеда!

— И эля! Не забудь про эль! — выкрикнул кто-то из глубины повозки, и это замечание вызвало новый взрыв хохота.

Елена пробежала в угол двора, и скрипящая телега с четырьмя понурыми мулами протарахтела мимо. Она хотела помахать отъезжающим и уже занесла руку, как вспомнила, какая теперь у нее рука, и быстро спрятала ее за спину, внезапно устыдившись своего неожиданного уродства. Если эта кровь — признак разбуженной женственности, то, конечно, и тогда не стоит ее демонстрировать грубым мужланам. Девушка даже покраснела при этой мысли.

Но повозка проехала, и можно было спокойно идти к дому. Напоследок она еще услышала, как один работник в телеге говорил другому:

— Вот странная девчонка, вечно куда-то бежит! У нее точно с головой не все в порядке!

Елена пропустила эти обидные слова мимо ушей и продолжала шагать прямо к заднему крыльцу. Таких речей она наслушалась уже немало. Дети в школе были гораздо более жестокими в своих оскорблениях. А Елена действительно была высокой нескладной девочкой в старой, самодельной одежде да еще перешитой после брата, и потому постоянно служила предметом насмешек, от которых она много плакала. Но плакала только дома. Даже учителя считали ее несколько заторможенной, погруженной в нелепые мечтанья и считали ученицей небольшого ума. Это тоже было обидно, но со временем сердце Елены оделось в достаточно толстую защитную корку.

Отринутая всеми и общаясь только с братом да несколькими мальчишками с соседних ферм помладше, девочка скоро научилась находить развлечение и радость в себе самой. Она отыскала множество интереснейших мест по окрестным холмам, полюбила проверять кроличьи норы: высывавшиеся оттуда кролики брали еду прямо из рук.

А как занятно было у муравейника высотой с нее! Как загадочно рассеченное молнией и пустое внутри дерево! Как романтична гряда валунов на давно забытом кладбище... Из этих своих путешествий Елена часто возвращалась уставшая, грязная, в разорванном платье, но неизменно счастливая и с широкой улыбкой на загорелом лице.

Однако сейчас на лице ее была написана неуверенность, и девушка медленно поднялась на родное крыльцо.

Несмотря на радость от происшедшего с ней, она не могла скрыть от себя, что на сердце легла неясная печаль. Девушка глянула на скрывающийся в ночи горизонт и ощутила в себе нечто, чему невозможно было дать никакого определения. Словно внутри у нее бушевала буря, готовая вырваться на свободу.

Она стояла уже на последней ступеньке и хотела взяться за ручку двери, как взгляд ее снова упал на испачканную руку, отдающую в последних лучах

заката пурпуром.

Ах, опять оно! Что же это значит? И пальцы ее, легшие на медную ручку, предательски задрожали. В первый раз почувствовала она, что тайны, странности откровения есть не только у ее сада. И, зажмурив глаза, Елена неожиданно почувствовала, что ей страшно.

И зачем она хотела покинуть дом? Ведь здесь так уютно и хорошо, и все ее любят, здесь земля благодарна и добра, как теплая рубашка в холодное утро. Зачем искать чего-то иного?

Так она стояла и дрожала перед закрытой дверью, но через несколько мгновений та распахнулась сама, и девушка увидела отца, крепко сжимавшего своей большой рукой плечо Джоаха. Оба, увидев Елену, раскрыли от удивления глаза.

— Вот, видишь, я же говорил, что она вернется! — победно воскликнул брат.

— Елена, ты же знаешь, что нечего делать в саду после заката! — не обратил внимания на его слова отец. — Подумай-ка хорошенько...

Елена бросилась к отцу и спрятала лицо у него на груди.

— Что ты, маленькая моя, — теплые руки отца сомкнулись в кольцо. — Что случилось?

Но девушка только плотнее прижалась к грубой рубашке. Это была ее защита, ее тепло, ее дом.

Сумерки быстро наплывали на переплетенные ветви яблонь в старом саду. Рокингем плотнее запахнул плащ и стал притопывать ногами. В этой проклятой альпийской долине ночи всегда такие холодные! Ах, как он ненавидит это задание! Торчать в убогой деревушке среди грубых мужланов, да еще в таком холоде! Как непохожа эта суровая страна на его родной солнечный остров...

И под укусы ледяного ветра, пробирающегося под тонкий плащ, несмотря на все усилия несчастного стража, Рокингем вспоминал свой дом на Архипелаге. Побережье, влажная жара, закаты над морем, длящиеся часами. И, вспоминая дом, он ощущал себя до слез одиноким, брошенным и забытым. Он не был дома уже столько времени. Сколько? Длинные светлые кудри и смеющиеся глаза... и имя... женское имя... Но как же оно звучит? Он попытался напрячь память, но воспоминания улетали от него, как потревоженные птицы. Как он мог забыть?! Но тут очередной порыв ветра поднял плащ, и это ледяное прикосновение оторвало беднягу от воспоминаний. Рокингем отошел чуть в сторону и поднял воротник на открытой промерзшей шее.

Затем, нетерпеливо откашлявшись, снова уставился на почти слепого пророка, по-прежнему ковырявшегося в кучке замерзшего пепла рядом с брошенной корзиной для яблок. Старик, как собака, идущая по невидимому следу, поднял нос по ветру, носившемуся между яблонь.

— Она потекла, — произнес слепец, обнюхивая свой палец, и его слова звенели, сталкиваясь друг с другом, как льдинки.

— О ком ты говоришь, Дизмарум? Зачем ты вытащил нас из города?

— О той, кого давно ищет хозяин, — она, наконец, появилась.

Рокингем покачал головой. Опять эта глупая басня. Целую ночь этот старик не дает ему покоя своими фантазиями.

— Сколько уже столетий Темный Лорд пытается найти женщину, обладающую его властью, — и все напрасно! Во время моего пребывания в Блекхолле я достаточно посмотрелся на результаты этих безумных попыток. О, все эти несчастные существа, выползающие из подвалов донжона. Но все это невозможно. Женщина не может владеть дикой магией.

— Ничего невозможного нет. Она есть, и она здесь.

Рокингем пнул корзину, отчего красные плоды рассыпались по мерзлой земле с громким стуком.

— То же самое ты говорил и в прошлом году. Мы разорвали девочку в клочья на алтаре, а потом оказалось, что ты ошибся.

— Это не имеет значения.

— Скажи это лучше горожанам Винтерфелла. Она визжала так, что едва не началось восстание. Хорошо, что рядом оказался взвод собак, а не то нас бы тоже разорвали на мелкие куски и разбросали по окрестным полям.

— Могут умереть тысячи прежде, чем мы найдем то, что нужно, — Дизмарум впился в локоть Рокингема костлявыми пальцами. — Я ждал столько лет, столько неисчислимых лет... Старые пророчества, дошедшие из прошлого, открыли мне, что она появится именно в этой долине. Я пришел сюда еще юношей, когда твой дед качался в колыбели... Я ждал, ждал, ждал. Ждал все эти годы. И дождался.

Рокингем вырвал локоть из цепкой руки старика:

— И на этот раз ты уверен? А если снова ошибка? Я собственной рукой вырву твой поганый язык, чтобы не слышать больше, как ты

плетешь эти бесконечные глупые сказки.

Но старик, словно не слыша, поднялся и, опираясь на деревянный посох, повернул к Рокингему свои мутно-молочные глаза. Тому стало не по себе от этого взгляда, и он даже инстинктивно отступил на пару шагов, поскольку слепые глаза смотрели, казалось, прямо ему в душу.

— Она здесь, — прошипел Дизмарум.

Рокингем вновь откашлялся:

— Ладно. Утром я возьму эскадрон из гарнизона, и мы арестуем ее.

Старик перевел свои призрачные глаза, и пергаментные пальцы заученным движением натянули капюшон мехового плаща на лысый череп:

— Это должно быть сделано немедленно. Этой ночью.

— Как? Родители девочки не дадут увести ее ночью. Эти фермеры отнюдь не такие трусы, как горожане. Они прямо-таки гордятся своей независимостью.

— Хозяин обещал мне твою помощь, Рокингем. Пойдем со мной, тебя одного будет вполне достаточно.

— Меня? Ты хочешь сказать, что именно для этого ты вытащил меня из Блекхолла и приволок в эту проклятую долину?

— Мне нужен был кто-нибудь вроде тебя, уже подготовленный хозяином.

— Да о чем ты? — с нетерпением воскликнул солдат.

Но вместо ответа старик вытащил длинный кинжал, сверкнувший в свете луны тусклым серебром, и мгновенным ударом вонзил его в живот Рокингему. Простонав, тот упал на спину, дав возможность прорицателю полоснуть по ране еще раз.

Зажав руками живот и стараясь удержать выпадающие внутренности, Рокингем простонал:

— Чт-то ты сделал?

Но вместо ответа Дизмарум, не убирая окровавленного кинжала, воздел к небесам вторую руку, оканчивавшуюся морщинистым обручком:

— Идите же, дети мои! Ищите ее! Будьте моими глазами. Будьте моими ушами. Уничтожьте всех, кто стоит на нашем пути!

Слабея, Рокингем упал на руку, другой все еще продолжая зажимать страшную рану. Живот его жгло, как раскаленными угольями, начиналась агония. С протяжным криком он упал на бок и разжал руку.

Перед глазами у него потемнело, и в этой призрачной темноте он вдруг увидел, как из его распоротого живота выползают тысячи белых, похожих на червей личинок.

Оказавшись на холодном воздухе, они вдруг начали расти до размеров человеческой руки, и эта живая отвратительная масса кишела вокруг него, закапывая что-то в мерзлую землю и затем исчезая прочь. Но вот тьма стала совсем плотной, Рокингем умер.

И последним, что старый воин услышал на этой земле, были слова пророка:

— Ищите же ее, ищите, ищите! Она будет моей.

Елена вздохнула и погрузилась в теплую ванну, от которой к потолку шел пар. Нос щипал острый запах каких-то трав, которые положила в воду мать.

— Горячая вода очистит тебя, а травы уймут спазмы, — уверяла мать, выливая в ванну очередное ведро горячего настоя. — Но ты должна сидеть до тех пор, пока вода не остынет совсем.

— Я никуда и не собираюсь, — ответила Елена и начала плескаться в ванной, то напрягая, то расслабляя все тело. И все странные события этого дня постепенно ушли, сменившись воспоминаниями о прекрасном обеде с жареной уткой, который был устроен по поводу выгодной продажи быка и где она сидела на самом лучшем месте — между родителями. Новость о ее первой менструации взволновала всю семью гораздо больше, чем какая-то испачканная рука. Словом, все минувшее казалось теперь девушке лишь дурным сном.

— Завтра я пошлю Джоаха, чтобы он всем объявил о вечеринке, — сказала мать, блестя глазами в предвкушении праздника. — Позову тетку Филу помочь с пирожными, а отец поедет и купит еще сидра. А хватит ли у нас стульев? Может, лучше послать повозку к Зонтакам да занять еще у них? И тогда уж можно быть уверенным, что...

— Но я не хочу никакой вечеринки, мам, — отнекивалась Елена, в глубине души просто немного боявшаяся: ведь теперь каждый узнает, что она уже стала настоящей девушкой. Елена быстро нырнула, побыла немного под водой и вновь улыбнулась матери, вытирая воду с глаз.

— Глупости, вечеринку надо устроить обязательно. Ты ведь моя единственная дочка! — При этих словах по лицу матери промелькнула тень печали, и Елена замолчала. Она знала, что через два года после нее у родителей родилась мертвая девочка, и больше мать никак не могла забеременеть. А теперь в ее рыжих волосах уже просвечивали седые пряди, и на лице появилось много морщинок. И тут в первый раз девочка поняла, что мать ее старится, и никогда у нее уже не будет ни сестры, ни другого брата,

кроме Джоаха.

Мать пробежала длинными пальцами по седеющим кудрям и вздохнула. Она вдруг снова вернулась к настоящему и к правой руке Елены:

— Но только скажи, девочка, ты точно не побаловалась с красками бабушки Филбьюры? — она взяла ладонь дочери и повертела в своих руках. — Или, может, ты случайно разлила краску, которой пользуются игроки в регби? Ты же знаешь, я очень не люблю, когда дети там играют.

— Нет, мама, — ответила Елена, высовываясь из ванны по пояс. — Клянусь тебе. Она вдруг взяла и стала вся красная.

— Может, это Джоаховых рук дело?

— Нет, не может быть, — Елена слишком хорошо знала брата и запомнила его шок, когда она показала ему красную руку.

— Ну, тогда мальчишки с соседней фермы. Эти Уокленсы вечно хулиганят.

Елена высвободила руку из материнских пальцев и взяла щетку из конского волоса.

— Так, значит, это не какая-нибудь женская тайна? — спросила девушка, начав усердно тереть ладонь — Не какой-нибудь секрет, который известен только взрослым?

— Нет, моя дорогая, — улыбнулась мать. — Это может быть лишь чей-то шуткой, не более.

— И совсем не смешно, — Елена продолжала усердно тереть ладонь щеткой, но ничего не менялось.

— Хорошие шутки редки, — вздохнула мать и провела рукой по щеке девочки. Правда, глаза ее так и не отпустили красную руку. У рта женщины легли новые морщинки.

— Но я уверена, все пройдет. Так что не беспокойся об этом.

— Наверное, к вечеринке уже пройдет?

— Конечно. А если нет, то просто наденешь мои перчатки — вот и все.

Елена так и просияла:

— Можно? — она даже перестала тереть руку. Да и кожа на ладони начала уже гореть. Наверное, и вправду надо на какое-то время забыть об этом. Зато как здорово будет надеть мамыны длинные шелковые перчатки! Как они будут смотреться с ее праздничным платьем!

— Так что вылезешь, когда вода начнет остывать, и мы поговорим о празднике подробней, — предупредила мать и встала, оправляя платье. — Впрочем, уже поздно. Потом вытрись хорошенько и сполосни ванну, прежде чем пойдешь спать.

— Конечно, мама, — ответила Елена и украдкой вздохнула. Увы, она больше не ребенок.

Мать поцеловала ее в макушку:

— Спокойной ночи, моя сладкая. Увидимся утром.

Мать вышла из ванны и плотно прикрыла за собой дверь.

В столовой отец все еще выговаривал Джоаху за то, что тот оставил сестренку одну. Но, услышав отцовские слова, Елена не очень расстроилась за брата: она знала, несмотря на то, что Джоах стоит сейчас с покорно-виноватым видом, упреки отца проходят мимо его ушей.

Девушка улыбнулась. Теперь из-за крепкой дубовой двери до нее доносилось лишь какое-то подобие мурлыканья. Она погрузилась поглубже в горячую воду, и воспоминание о горящем в лучах солнца огромном яблоке вдруг представилось ей какой-то далекой-далекой нереальной картинкой. Это просто чья-то неумная шутка. А все-таки хорошо, что она не рассказала никому про яблоко. Теперь, дома, это вообще казалось неуместным и глупым.

И все же...

Елена поднесла руку к свету. Кровь, казалось, сразу вобрала в себя весь свет и начала переливаться по ладони маленькими сияниями и вихрями. Девушка почему-то вспомнила о том, как яблоко сморщилось и высохло именно в тот момент, когда она мечтала о теплом яблочном пироге.

Все это выглядело каким-то волшебством.

Елена помахала рукой в туманном пару, изображая дьявольскую магию и, смеясь сама над собой, представила себя одним из тех древних темных магов, о которых рассказывалось ночами вокруг костров, — древние истории о далеких временах, в которые лорды Гульготы перешли Восточное море, чтобы спасти их народ от хаоса.

Таинственные истории о дикой магии передавались шепотом и в то же время — в многочисленных песнях. В них действовали среброкудрые эльфы и великаны с гор. В них возвышалась Алоа Глен — многобашенная цитадель черной магии, скрывающаяся в волнах моря столетия назад. В них свирепствовали огры с Западных склонов, которые умели говорить, как люди, но ненавидели человечество. В них плескались морские существа, плававшие вдоль побережий Шоала. Елена знала сотни подобных

историй, не раз слышанных за тринадцать лет жизни.

Конечно, в глубине души девушка знала, что все это «бабские сказки» и чистой воды вымысел, но сердце ее трепетало, когда она в очередной раз слушала какую-нибудь историю. Елена вспомнила, как сидела у отца на коленях и прижимала к горлу крошечные кулачки, когда ее дядька Бол пересказывал историю о битве в Долине Луны. Дядя рассказывал в лицах, то и дело переходя с шепота на хриплый крик, и девочке казалось, что она и вправду присутствует в этой долине.

— А город Винтерфелл был тогда всего лишь маленьким перекрестком дорог, со старой конюшней и жалкой харчевней, — вещал дядя.

При этом воспоминании Елена засмеялась — ведь тогда она была еще совсем маленькой девочкой, которой даже не разрешали одной выходить в поле, и потому все дядины рассказы она принимала за чистую монету. Теперь можно было и посмеяться над той глупой детской наивностью, как взрослые тогда, наверное, тоже смеялись над ней.

А теперь она больше не ребенок.

Елена опустила ладонь в воду и загрустила. Да, она теперь слишком взрослая, чтобы думать о всяких глупостях, она сегодня стала девушкой. А все эти сказки — пустой вымысел, никакой магии на свете нет, а есть только проделки бродячих фокусников и пройдох.

К тому же в школе она учила подлинную историю своей страны. Всем было известно, что пятьсот лет назад гульготалы пересекли море и принесли народу в стране настоящую цивилизацию, разрушили языческие церкви предков и вместо нелепых верований привили порядок и разум. И теперь уже трудно даже поверить в то, что когда-то давно в родной стране были человеческие жертвоприношения невидимым духам. Но все это закончилось, как только страной стал править король Блекхолла, лорд Гульготы, чьи офицеры не покладая рук сеяли в их некогда варварской стране разумное и вечное семя знаний. Кровь сменилась миром, возобладали правда и мудрость, похоронив под собой шарлатанскую магию, началась эра науки и логики, сменившая эпоху мифов и варварства.

Утомившись от одних только воспоминаний о скучных школьных уроках, Елена, хмурясь, стала намыливать голову ячменным мылом. Ей надо теперь думать о вещах поважнее. Например, что она наденет на праздник. Сложит ли волосы, как взрослая? Или просто оставит их распушенными?

Она подняла мокрые волосы над головой. Взрослая манера носить их очень не нравилась девушке, она предпочитала все же распушенные локоны. Однако время детства прошло, и теперь так или иначе придется подчиняться законам взрослых. Елена отпустила руку, и намыленные волосы упали на худенькие плечи.

Интересно, что подумает обо всем этом Толейл Манчин, красивый сын кузнеца? Девушка живо представила себе его черные кудри, мощную фигуру — и руки! Работа на кузне дала ему такие мускулы, которым завидовали все мальчишки в округе. Придет ли он на их вечеринку? Должен, обязательно должен, отчего бы ему не прийти? При этой мысли сердце Елены вдруг затрепетало, как пойманная птичка. Она непременно уприсит маму, чтобы та разрешила надеть старинное бабушкино ожерелье из ракушек. С зеленым платьем это будет просто восхитительно.

Девушка стала пристально изучать свое обнаженное до пояса тело. Из воды выступали лишь слабые намеки на будущую женственность — такой грудью Толейла не прельстишь. Другие девочки в классе уже вовсю толковали о нижнем белье и проблемах с растущей грудью. А у нее... Елена стиснула крошечный бугорок — никакой боли, о которой шептались все вокруг.

Тогда, может, лучше, чтобы Толейл и не приходил на их праздник, да и самого праздника вовсе не было? Кто, увидев такую грудь, поверит, что она уже девушка?

Неожиданно Елена поежилась, словно по спине прошел ветерок. Вода быстро теряла теплоту, и девушка погрузилась в нее по плечи, поскольку, даже остывая, вода все же была теплее холодного воздуха ванной. Почему бы воде не оставаться горячей подольше? Елена даже разозлилась. Неужели она не заслужила еще нескольких минут блаженства? Но вода все остывала.

И вот, в эти последние минуты в ванне, девушка стала представлять себе, как погружается в горячие источники Коултоки, о которых читала в школьном учебнике. Эти вулканические источники находились далеко-далеко в снежных горах. И пока она мысленно наслаждалась теплом этих минеральных вод, вода в ванне тоже словно бы согрелась жаром ее ощущений. Тогда Елена вздохнула и улыбнулась. Все-таки жить на свете очень хорошо.

Елена продолжала думать о наполненных паром пещерах Коултоки, и вода в ванной тем временем нагревалась все больше и больше; едва теплая поначалу, через несколько минут она стала почти горячей! Елена распахнула от удивления глаза.

Кожа ее покраснела от жары так, что ей пришлось встать в ванне, и почти со страхом девушка заметила, как по ногам поднимаются вверх прозрачные пузырьки воздуха. И едва Елена успела выскочить из ванны, как вода в ней

забурлила и закипела.

Больше того, все поднимаясь, вода выплеснулась за край ванны и с шипением стала литься прямо на дубовый пол. Комната наполнилась удушливым паром. Быстро перебирая от жары ногами, Елена бросилась к двери. Что происходит?

Распахнув двери, она уже готова была позвать на помощь мать, но в этот момент вода в ванне взорвалась огромным клубом пара, и крик замер на губах девушки. Горячий воздух ударил ее в спину, и, голая, она вылетела в соседнюю комнату.

Елена упала на ковер и проехала по полу, таща его за собой, и только когда остановилась, обнаружила, что в комнате она не одна. Отец вскочил с кушетки, где лежал, наслаждаясь вечерней трубочкой. Брат с раскрытым ртом застыл в кресле.

Елена скорчилась на полу. Трубка выпала из побледневших губ отца, с громким стуком ударившись об пол:

— Елена, девочка моя, что с тобой?

— Я ничего, ничего не делала! Только вода почему-то становилась все горячее и горячее! — Только тут она почувствовала, как на ней буквально горит ошпаренная кожа, и глаза ее наполнились слезами.

Джоак вскочил и бросился тушить уже затлевшийся от выпавшегося табака ковер, и, как он ни старался сосредоточиться только на ковре, щеки его пылали.

— Елена, может, тебе все-таки лучше завернуться в полотенце?

Она глянула на себя и заплакала от стыда и обиды. Сверху по лестнице уже спускалась мать в одной ночной рубашке с зажатым в руках халатом.

— Что здесь происходит? Никогда не слышала подобного шума! — Глаза ее остановились на голой дочери, и она бросилась к ней почти бегом, — Ты красивая, как свекла, надо скорей чем-нибудь намазаться!

Девочка покорно закуталась в материнский халат, но даже прикосновение его мягкой ткани было для ошпаренной кожи болезненным и грубым. Морщась, девушка с трудом встала на ноги.

Отец и Джоак уже зашли в ванную.

— Ванна треснула, — объявил отец, и в голосе его звучал почти ужас. — А мастика на полу вспучилась. В целом такой вид, будто кто-то пытался поджечь нашу ванную, — отец испытующе посмотрел на дочь.

— Ну и наделала ты бед, сестренка, — хмыкнул Джоак.

— Замолчи, парень, — оборвал его отец. — Что здесь все-таки произошло?

Мать обняла Елену, словно защищая:

— Не сейчас, Брукстон. Правда, не время, Видишь, девочка обожглась. Да рассуди здраво, как она могла это сделать? Разве ты видишь где-нибудь пепел или запах керосина? — Отец проворчал что-то сквозь зубы. — Она и так сегодня натерпелась, оставь ее. Разберемся завтра утром, хорошо? А сейчас надо подлечиться.

Елена инстинктивно прижалась к матери. Что же действительно произошло? Как объяснить то, что бессловесная ванна едва не сварила ее живьем? У девушки не было ответа на этот вопрос, но в глубине души она все равно почему-то чувствовала виноватой в этом именно себя. Елена снова вспомнила превратившееся в пепел яблоко, и голова у нее заныла. Весь день одна тайна за другой.

— Пойдем наверх и помажем твои ожоги, — ласково обняла ее мать.

Девочка кивнула, хотя первая боль уже утихла, но, посмотрев на правую ладонь, обнаружила, что краснота на ней теперь сменилась некоей розоватостью, которую было не так легко отличить от цвета другой, ошпаренной руки. В конце концов, хотя бы такое утешение — маленькая компенсация за обваренную кожу и разрушенную ванную.

— Так что же произошло на самом деле? — прошептал Джоак, усевшись по-турецки в изножье кровати Елены. Он пробрался к ней в комнату, как только ушла мать, смазав ей спину и руки бальзамом.

Обняв подушку, девушка устроилась так, что почти касалась брата.

— Не знаю, — ответила она честно, стараясь говорить как можно тише. Ни один из них не хотел, чтобы этот разговор услышали родители, а голос отца продолжал бушевать внизу. И при каждом взрыве отцовского гнева краска стыда снова заливала щеки Елены. Действительно, они были не настолько богаты, чтобы сразу же заново отстроить ванную.

Неожиданно до них донесся и голос матери:

— Они говорили, что она может стать единственной! И я должна сказать им!

— Молчи, женщина, и не смей повторять такое! — взлетел негодованием голос отца. — По этой линии у вас в семье все чокнутые! Фила и Бол...

— Никогда не слышал, чтобы они так бесились! — толкнул ее коленом

брат.

— А как ты думаешь, о чем это они? — Елена снова стала прислушиваться, но голоса родителей внезапно упали до шепота.

— Понятия не имею, — пожал плечами брат.

И девушка почувствовала, как слезы опять заливают ее щеки. Хорошо еще, что вокруг стояла непроглядная тьма.

— Странно, что какая-то ванна привела их в такое расстройство, — пробормотал Джоак. — Бывало, я делал пакости и похуже. Помнишь, когда я скормил Тракеру всю корзину с орехами? Мама из них еще собиралась сделать торт отцу на день рождения?

Елена не смогла удержать улыбки, и слезы высохли у нее на лице. Тракер, их жеребец, потом страдал от поноса всю ночь, и отцу пришлось весь день рождения провести в конюшне, чистя ее, а потом долгие часы выгуливать коня, чтобы у него не случилось колик.

— А когда я сказал детям Уокленов, что можно достать луну, если залезешь на самую верхушку кривого дерева? — он хихикнул в темноте.

Елена ущипнула брата:

— Самби тогда сломал руку, купившись на твою шутку.

— Ну, это он заслужил. Никому не позволено толкать мою сестренку в грязь.

И Елена живо припомнила тот день два года назад. Тогда она надела красивое платье в цветах, что подарила ей тетка Фила на праздник середины лета. А грязь испортила платье непоправимо.

— И ты сделал это из-за меня? — прошептала она со смесью восхищения и смеха.

— А для чего же у тебя есть старший брат?

Слезы снова угрожающие защипали Елене глаза. Джоак соскользнул с постели, нагнулся и обнял ее:

— Не беспокойся ни о чем, Эл! Кто бы ни сыграл с тобой эту шутку, я его найду. И ни один больше не посмеет насмеяться над тобой!

Она тоже обняла Джоаха:

— Спасибо тебе, — жарко прошептала девушка прямо ему в ухо.

Джоак отошел к двери и в последний раз обернулся к сестре:

— Кроме того, я не позволю этому таинственному шутнику морочить меня! Моя репутация непогрешима!

Дизмарум опустил на колени среди сырых листьев яблоневого сада, и издали его можно было принять за старый, полуразвалившийся пенек. Ни одна птица не пела в эту ночь, ни одна пчела не жужжала. Дизмарум вслушивался в тишину прекрасно сохранившимся, несмотря на его преклонный возраст, слухом. Не только слухом, всеми обостренными чувствами. Последние из мольграти ушли в землю, пробивая себе путь к далекому дому. Рваная рана на животе Рокингема давно застыла, и пар ее ушел в холодную ночь.

Прижав лоб к мерзлой грязи, Дизмарум посылал свои веленья исчезающим существам и получал ответы в виде тысяч детских голосов, в которых звучало лишь одно — голод.

Спокойно, мои маленькие. Скоро вы насытитесь вдоволь.

Довольный результатом, прорицатель поднялся с колен и подошел к трупу. Наклонившись, он стал ощупывать мертвого воина здоровой рукой. От полуслепых глаз старика в такой темноте все равно было мало толку. Наконец, пальцы его остановились на застывшем лице Рокингема. Как-то странно взвизгнув, старик вновь обнажил кинжал и, прижав его рукоять обрубком, полоснул им по пальцу здоровой руки. Потом, несмотря на текущую кровь, убрал кинжал, пачкая ножны, и вновь склонился над мертвым.

Окровавленным пальцем он подрисовал трупу яркие губы, словно собирался кому-то его показывать.

Потом старик склонился, как мог, и крепко поцеловал убитого в кровавые губы, ощущая вкус железа и соли. Он дышал в ледяной раскрытый рот, гладил очоленевшие щеки и, наконец, припав к самому уху, прошептал:

— Хозяин, прошу, услышь меня!

Произнеся это, прорицатель отодвинулся от трупа и стал ждать, прислушиваясь. И ответ пришел: воздух вокруг застыл, он почувствовал злое, леденящее незримое присутствие. Шум, напоминавший ветер, пробегающий по мертвым ветвям, донесся из мертвых губ, и казалось, что слова сами выходят из черного горла Рокингема:

— Она здесь?

— Да, — прикрыв глаза, ответил старик.

— Говори, — теперь голос шел, как из бочки.

— Она созрела, она истекает силой. Я чувствую этот запах крови.

— Тогда к ней! Возьми ее!

— Разумеется, мой лорд. Я уже отослал мольграти.

— Я пошлю тебе на помощь одного скалтума.

— Это вовсе не обязательно... — вздрогнул Дизмарум. — Я могу...

— Он уже в пути. Приготовь ее к этому.

— Как прикажете, хозяин, — ответил прорицатель, уже чувствуя, что напряжение присутствия уходит. Весь его зад, казалось, задрожал от этого ухода. Наступало время сваливать отсюда. Молграти были уже на месте.

Дизмарум положил ладонь на страшную рану Рокингема, и под пальцами у него заскользили остывшие внутренности, потянулась застывшая кровь.

И старик засмеялся, обнажив четыре последних сохранившихся зуба в почерневших деснах.

Присев у трупа, он стал полными пригоршнями собирать грязь и накладывать ее в рану. Положив тринадцать пригоршней, он утрамбовал грязь култей и кое-как стянул края раны.

Затем, крепко держа расплывающиеся края, едва слышно сказал несколько слов, которым научил его страшный хозяин. И по мере повторения заклинаний боль в его собственном животе стала жечь его до тех пор, пока он не прошептал слова в последний раз уже в таких муках, словно и впрямь рождал новую жизнь. Боль стала непереносимой. Последние слоги уже едва сходили с непослушного языка. Старое сердце отчаянно билось о ребра, но агония кончилась вместе с последним словом.

Откинувшись с облегчением, Дизмарум снова провел рукой по ране воина — края соединились так, что пальцы не чувствовали даже шрама.

Тогда старик кнул палец в застывший лоб и произнес одно-единственное слово:

— Встань!

Тело под его рукой дернулось раз, потом другой, разбрызгивая вокруг себя грязь, и скоро провидец услышал, как из неподвижных губ Рокингема доносится хриплое дыхание. Забило сердце, и тело снова начало судорожно дергаться.

Дизмарум с трудом встал на ноги, помогая себе единственной рукой. С соседнего поля прибрела задумчивая корова и остановилась, хмуро глядя на судороги Рокингема, возвращавшегося обратно, в мир живых.

После захлебывающегося кашля воину удалось, наконец, сесть, и, поднеся дрожащую руку к животу, он кое-как натянул на голое тело располосованную рубашку:

— Чт-т-о произошло?

— Еще одно таинство, — небрежно ответил старик, не сводя глаз с темнеющих на горизонте домов.

Рокингем прикрыл глаза и потер лоб:

— Только больше не надо, — прошептал он, вставая на колени, а потом и окончательно на ноги. Он был еще очень слаб и, чтобы не упасть, прижался плечом к дереву. — Сколько меня не было?

— Достаточно. Стало совсем холодно, — Дизмарум указал пальцем на далекую ферму. — Пошли, — и старик заковылял в ту сторону, запинаясь и едва не падая на каждом шагу. Магия окончательно истощила его силы, и он стал беспомощен, как ребенок. Однако Рокингем так и не сдвинулся с места.

— Ночь на исходе, старик, — позвал его воин. — Может быть, лучше вернуться в город и забрать ее утром. Или давай поедем, лошади близко и...

— Нет, сейчас — воскликнул Дизмарум, оборачивая к Рокингему свое бескровное лицо. — С рассветом мы должны взять ее. Хозяин дал недвусмысленные указания на этот счет. Она должна быть в наших руках, пока не ушла луна.

— Как скажешь, — Рокингем оторвался от дерева, словно лодка, покидающая надежную гавань, и, шатаясь, пошел за провидцем, не упуская из виду следов молграти. — Ты слишком начитался писаний всяких сумасшедших, — все же не сдавался воин, — Ведьмы давно существуют лишь в сказках, которыми пугают детей. И все, что мы найдем на этой заброшенной ферме, окажется лишь испуганной девчонкой, с руками, искореженными непосильной работой в полях. И из-за этого я не сплю всю ночь!

Дизмарум резко остановился и оторвал глаза от земли:

— Ты потеряешь гораздо больше, чем сон, если она уйдет от нас этой ночью. И тогда ты увидишь, как вознаграждается неудача, не где-нибудь, а в подвалах донжона.

От этих слов Рокингем вздрогнул, и провидец позволил себе несколько секунд триумфа и передышки. Старик прекрасно знал, что Рокингем однажды посетил эти подвалы и видел, во что там превращаются те, что не так, как следовало, жили под солнцем. Дальше они шли молча.

Старику нравилась тишина и даже этот глупец, шедший за ним, особенно когда он молчал. Помимо того, что Рокингем служил прекрасным убежищем для молграти, он вообще был весьма полезен. Там, в Блекхолле, хозяин допустил этого молодца к кровавому алтарю и научил самым темным сторонам своего искусства. Дизмарум хорошо помнил, как

кричал в ту ночь Рокингем, как блестели от боли его глаза, как извивался он на окровавленном камне, разрезаемый на куски. Потом хозяин собрал его по этим кусочкам и полностью смыл память об этой ночи в его сознании. Теперь, сделавшись всего лишь орудием хозяина, Рокингем был отдан Дизмаруму для поисков девочки в долине.

Старик бросил косой взгляд на идущего рядом воина и вспомнил еще и о том, как в такую же лунную ночь обращения Рокингема был убит новорожденный. Этой кровью потом опрыскали алтарь и его собственное, извлеченное из груди сердце. И при воспоминании о том, что вонзалось тогда в Рокингема, старик невольно вздрогнул и быстро прикрыл мутные голубые глаза.

Где-то далеко за горами залаяла в ночи собака, словно почувствовала в тот момент то, что было навеки спрятано теперь в Рокингеме.

О да, этот молодой человек еще далеко не исполнил своего предназначения.

Елена никак не могла заснуть. При каждом движении ожоги ныли, а разум все никак не мог разобраться с таинственными приключениями минувшего дня. Менструация, яблоко, рука, ванна... И, как ни пыталась она уверить себя в своей невинности относительно последнего, сердце ее говорило иное. И потому сон так и не приходил к ней.

Что же все-таки произошло?

В памяти у девочки снова всплыли подслушанные сегодня ночью слова: «*Она может стать единственной*». И в голосе матери при этих словах звучала не гордость, а страх.

В сотый раз Елена выпростала из-под одеяла руку и поднесла ее к глазам. В неверном лунном свете ладонь казалась еще темней, на ней блестела мазь, положенная матерью и отливавшая каким-то призрачным блеском. Мазь сладко отдавала ведьминым орехом. Ведьмин орех. Сам воздух показался девочке пропитанным страхом.

Ведьма.

Ее дядька Бол, всегда, как сундук, набитый всевозможными историями и сказками, часто заставлял дрожать от страха ее и Джоаха, когда рассказывал эти таинственные небылицы о ведьмах, ограх и прочих загадочных существах, рожденных тьмой и фантазией народа. Она помнила, как кривились тогда губы Бола, как блестели его глаза, освещенные пляшущим огнем из кухонной печки. Казалось, он и сам верил в то, что рассказывал. Голос его дрожал и перекачивался, щеки пылали, и это, пожалуй, было самым привлекательным в таких историях.

— Это самые настоящие истории нашего края, — уверял он — Того края, что когда-то назывался Аласией. И были времена, когда воздух, земля и вода умели говорить с людьми, и животные в лесах и полях обладали разумом не хуже человеческого. В лесах на далеком западе рождались чудовища, которые одним взглядом могли превратить человека в камень или в карликов, таких маленьких, что приходилось вставать на колени, чтобы рассмотреть их. И это была прекрасная Аласия, ваша страна. Так что всегда помните, что я говорил вам: — когда-нибудь это может спасти вам жизнь.

А потом он снова рассказывал страшные сказки всю ночь напролет.

Чтобы успокоиться, девочка попробовала припомнить какие-нибудь веселые сказки дядюшки Бола, но ее расстроенное воображение все возвращалось к ужасным сказкам о ведьмах.

Елена перевернулась на другой бок и подоткнула со всех сторон легкое одеяло, а потом положила подушку на голову, чтобы хоть так скрыться от старых историй и новых страхов. Но и это не помогло. До ее слуха доносилось, как ухает за сараем старый филин и как нервно перебирает ногами в конюшне Тракер. Тогда девушка убрала подушку с лица и изо всех сил прижала ее к груди.

Филин за сараем снова заухал, и через несколько секунд Елена услышала, как за окном тяжело прошумели его широкие крылья — пернатый хищник вылетел на прудутренную охоту. Филин этот, по прозвищу Булавочный Хвост, на полных правах жил в сарае, занимаясь там истреблением мышей и крыс, но порой вылетал поохотиться и за пределы фермы. Он был почти ровесником Елены, и девушка с детских лет помнила эту красивую и гордую птицу.

Правда, с возрастом Хвост стал заметнее слепнуть, и дети начали сами ловить для него молодых змей и сусликов.

Услышав, как филин пролетел мимо окна, Елена немного успокоилась. Этот привычный ритуал вернул ее к обыденности.

Девушка вздохнула и немножко расслабилась. В конце концов, это был ее дом, вокруг все ее любили, и как только наступит утро, все пойдет по-старому. И все недоразумения скоро забудутся и исчезнут, как вчерашний снег. Девочка закрыла глаза и поняла, что вот-вот она, наконец, заснет.

Но именно в этот момент пронзительно и страшно закричал филин.

Елена приподнялась в страхе, слушая душераздирающие вопли Хвоста. Это был не крик победы и не предупреждение о неприкосновенности своей

территории, это был вопль ужаса и агонии. Девочка распахнула занавески и прильнула к окну — наверное, птицу поймала лиса или хорек, — но когда она глянула вниз, у нее перехватило дыхание.

В конюшне на другой стороне двора металась в стойлах и грызла удила Тракер и кобыла, напуганные криком филина. Но двор был пуст, если не считать повозки и плуга, отец их чинил и оставил на улице.

Елена распахнула окно, холодный ветер обжег ее под тонкой рубашкой, но она даже не заметила этого, высунувшись из окна как можно дальше. Однако на дворе не было никого, только длинные неровные тени деревьев лежали поперек.

И вдруг... Там, на краю поилки для овец, которой не пользовались вот уже второй год, промелькнул чей-то темный силуэт. Человек — нет, два человека — вышли из темноты яблоневого сада и оказались освещенными неверным светом тающей луны. Один был стар и скрючен, как пень, другой помоложе и на голову выше своего спутника — и девочка сразу почувствовала, что это не просто заблудившиеся странники, а люди темные и опасные.

Неожиданно над головой высоко пронесся филин все с тем же душераздирающим криком, и высокий, шарахнувшись, в тревоге поднял руку, стараясь отогнать птицу. Но Хвост не обратил на это никакого внимания, а все носился кругами, сжимая что-то в когтях. На мгновение девочка даже обрадовалась — по крайней мере, с Хвостом все было в порядке.

Но в следующее мгновение птица замерла в воздухе, задрожала и стала падать на землю. Не успела девочка вскрикнуть, как Хвост в нескольких сантиметрах от земли вдруг распустил свои широкие крылья, вновь взмыл и направился прямо к ее окну. Елена едва успела отскочить, как филин ворвался в комнату, порвав занавес, и сел на подоконник, тяжело дыша и с гневом раскрывая мощный клюв.

Поначалу Елене показалось, будто Хвост поймал змею, но такой белой гладкой змеи, похожей на брюхо мертвой рыбы, она никогда не видела. Существо билось в когтях филина и тому явно приходилось употреблять все свои силы, чтобы удерживать эту тварь. Кроме того, по крику птицы было ясно, что в ходе схватки Хвост тоже немало пострадал. Но почему бы ему в таком случае просто не выпустить эту гадость? Зачем он так упорно держит ее?

И тут девочку вдруг осенило: часть отвратительного червя вошла прямо в грудь птицы, и Хвост не держал его, а только пытался освободиться. Железные когти изо всех сил стремились не дать твари проникнуть дальше в его тело, и желтый круглый глаз молил Елену о помощи.

Девушка рванулась в птице, борющейся из последних сил. Но Елена опоздала. Червь с усилием вырвался из слабеющих когтей и полностью скрылся в птице. Хвост судорожно застыл, клюв его широко раскрылся в мучительной агонии, и через минуту филин выпал из окна мертвым.

— Нет! — Елена бросилась к окну, перегнулась через подоконник, пытаясь увидеть несчастного филина — тот действительно лежал под окном, неестественно заломив шею на подмерзшей грязи. Крупные слезы покатались из глаз девочки. — Хвостик! Хвост!

Но тут почва под его телом вдруг вспучилась, и Елена с криком ужаса увидела, как из-под земли выползают сотни этих чудовищных червей и начинают поедать труп. Через две секунды от него не осталось ничего, кроме нескольких белых косточек и черепа, с укоризной смотревшего на нее своими пустыми глазницами. Колени у девочки задрожали, она схватилась за подоконник, чтобы не упасть, но в тот же миг отвратительные твари снова исчезли в земле. И теперь девушка каким-то непостижимым образом поняла, что они лежат там и ждут, готовые броситься на любое новое мясо.

Затуманенным из-за слез взором Елена все-таки опять посмотрела на поилку и увидела, что скрюченный, используя посох как костыль, пробирается по двору, явно не чувствуя никакой угрозы от затаившихся в грязи страшных червей. Неожиданно старик остановился и устремил глаза прямо на ее окно — Елена отскочила, как ужаленная, смертельно испугавшись устремленных на нее глаз. Волосы у нее на затылке встали дыбом, и сердце отчаянно заколотилось.

Надо предупредить родителей!

Джоак в одной пижаме уже стоял в коридоре, потирая полусонные глаза:

— Ты слышала эту дурную птицу? — спросил он, тыкая пальцем в сторону амбара.

— Надо сказать отцу! — Ничего не объясняя, Елена схватила брата за руку и потащила вниз к отцовской спальне.

— Зачем? — сопротивлялся Джоак. — Он и сам наверняка слышал. Наверное, Хвост напоролся-таки на лисицу. Ничего, он уже штук десять

приговорил, справится и с этой.

— Он умер!

— Как? Отчего?

— От чего-то ужасного! Я... я не знаю, отчего.

И Елена продолжала тащить брата по лестнице, уже боясь отпустить его и остаться одной, визжа и ничего не соображая от страха. Кубарем они скатились по лестнице и побежали к спальне родителей. В доме стояла темнота, воздух был тяжелым как перед сильной грозой. Паника окончательно охватила Елену, сердце колотилось где-то в горле, в ушах шумело. Она толкнула брата к столу:

— Зажги лампу! Быстрее!

Джоак беспрекословно повиновался.

Они стояли уже у самой двери в спальню, и в любое другое время Елена, конечно, сначала постучалась бы, но теперь было не до церемоний. С лампой в руке девушка вбежала в комнату.

Мать, всегда спавшая чутко, проснулась немедленно и взглянула на дочь изумленными глазами:

— Елена! Что случилось, моя девочка?

Отец тоже проснулся и, тяжело ворочаясь, оперся на локоть, щурясь от внезапного света. Он прокашлялся и вопросительно посмотрел на дочь.

— Сюда кто-то идет, я видела их во дворе! — махнула Елена рукой по направлению к заднему крыльцу.

— Кто? — отец грузно сел на кровати.

Мать осторожно положила руку на широкое плечо мужа:

— Никогда не надо предполагать плохое, Брукстон. Может быть, кто-то заблудился или ищет помощи.

— Нет, нет, они пришли со злом! — замотала головой Елена.

— Откуда ты это знаешь, девочка? — спросил отец, вставая в одном теплом нижнем белье и отбрасывая простыни.

— Она сказала, что Хвост сдох, — вдруг сказал Джоак, тоже заходя в спальню.

Слезы брызнули у Елены из глаз:

— Его убили какие-то твари... Такие ужасные... бельё...

— А ты уверена, что все это тебе просто-напросто не приснилось? — сурово спросил отец.

И тут же с заднего крыльца раздался стук.

Все замерли на мгновение, но мать первой взяла себя в руки:

— Брукстон?

— Не бойся, мать, — ответил отец. — Это наверняка кто-то заблудился, как ты и предположила. — Но слова отца как-то уж слишком не вязались с наспуленными бровями и сжатым ртом. Он быстро натянул брюки.

Мать тоже встала и накинула халат:

— Сейчас отец все уладит, — шепнула она Елене, крепко обняв девочку.

Джоак с фонарем пошел за отцом, а тот, проходя мимо очага, поднял с полу топор, которым они обычно рубили на кухне дрова.

Елена еще крепче прижалась к матери.

Наконец отец подошел к двери на заднем крыльце. Джоак остался стоять сзади. Елена с матерью замерли у печки в кухне.

Занеся топор высоко над головой, отец крикнул чрез массивную дубовую дверь:

— Кто там?

Ответивший голос оказался высок и надменен, и каким-то шестым чувством Елена поняла, что он принадлежит не скрюченному, а тому, кто повыше:

— Именем Гультотальского Совета откройте дверь! Отказ от выполнения приказа повлечет за собой арест всей семьи.

— Что вы хотите?

— У нас есть ордер на обыск фермы. Откройте дверь! — прозвучал тот же голос.

Отец обеспокоенно оглянулся на мать, и Елена энергично затрясла головой, прося отца не открывать.

— Час поздний, — подумав, ответил отец. — Откуда мне знать, что у вас на уме.

У голых ног отца на полу появилась бумага, просунутая под дверь.

— Вот подпись проктора местного гарнизона.

Отец махнул рукой Джоаху, тот наклонился и поднес бумагу к свету. Даже через комнату Елена отчетливо видела пурпурную печать внизу пергамента.

— Вроде все официально, — шепнул отец матери. — Джоак, потуши свет, да идите с Еленой наверх. И чтобы сидели тихо, как мыши.

Джоак кивнул, он явно хотел остаться, но, как всегда, не споря, повиновался отцу. Поставив лампу на край стола, он подошел к сестре. Мать поцеловала ее и подтолкнула к брату.

— Приглядывай за ней получше, Джоак. И не спускайтесь, пока мы вас не позовем.

— Хорошо, мама.

Но Елена колебалась. Мерцающий свет лампы отбрасывал на стены причудливые тени, и девушка почему-то с нетерпением ждала, когда же заговорит тот, скрюченный. Сердце ее тягостно сжималось при воспоминании о взгляде его тусклых голубоватых глаз, которые пытались разглядеть ее в окне. И девушка, наоборот, только крепче прижалась к матери.

— Ну, иди же, моя радость, — мать потрепала ее по волосам и легонько оттолкнула: — Все это тебя никак не касается. Так что оба быстро наверх. — Мать ободряюще улыбнулась, но страх, застывший в печальных глазах, выдал ее.

Елена стояла, не в силах оторвать глаз от родителей.

— Пойдем же, сестренка, — не выдержал Джоах и положил ей руку на плечо.

Она вздрогнула от этого прикосновения, но все же дала увести себя. Брат с сестрой уже подходили к лестнице, когда девушка в последний раз оглянулась. Маленькая лампа, как спасительный маяк посреди темноты, освещала стоявших рядом родителей. Уже со ступеней Елена заметила, как отец отложил топор и стал отодвигать тяжелый заржавленный запор. В глазах у нее помутилось — она чувствовала, что за дверью стоит нечто худшее, чем просто грабители.

И девушка так и застыла на месте. Брат напрасно тянул ее за руку:

— Ну, пойдем же, Елена, нам надо идти!

— Нет, — шептала она — Здесь, в тени, они нас не увидят.

И брат, снедаемый любопытством, не стал с ней спорить и встал на колени рядом:

— Интересно, чего им нужно? — шепотом спросил он ее.

— Меня, — тихо ответила девушка, даже не задумываясь. Она знала, что это именно так, что все происходящее каким-то образом связано именно с нею, с ее покрасневшей рукой, со сгоревшим в пепел яблоком, со взорвавшейся ванной. И вот теперь это ночное посещение. Произошло слишком много странных событий подряд, чтобы оказаться несвязанным набором случайностей.

— Смотри! — шепнул брат.

Елена посмотрела вниз, где отец уже открыл двери. Теперь их отец стоял на пороге, и в руках его снова тускло поблескивал топор. Раздались голоса.

— Ну, и из-за чего вся эта суматоха? — первым спросил отец.

На порог взшел высокий, бывший на несколько пальцев ниже отца и гораздо уже его. В свете лампы Елена увидела, что рубашка на животе у него разорвана или разрезана. На нем был плащ для верховой езды и высокие, заляпанные грязью сапоги. Даже с такого расстояния девушка отчетливо разглядела, что материал, из которого сделан плащ, очень дорог, но какое-нибудь деревенское рядно. Незнакомец поправил небольшие каштановые усы под узким носом и медленно ответил:

— Мы пришли для расследования. Одна из ваших дочерей обвиняется в... скажем так, в некоем неблагоприятном поступке.

— И что же это за поступок?

Говорящий обернулся назад, словно ища какой-то помощи, и в дверях возникла фигура второго незнакомца. Отец невольно отступил на шаг. Перед ним стояла согбенная фигура в старом черном одеянии, подвязанном веревкой, посох был воткнут в грязь. Выпростав тощую, как у скелета, руку, незнакомец прикрылся ею от света лампы так, словно ее свет мог ослепить его:

— Мы ищем ребенка, — проскрипел он старческим голосом. — Ребенка, у которого рука заплотнена кровью.

Мать вскинулась, и хотя тут же взяла себя в руки, ее движение не ускользнуло от старика. Елена внутренне сжалась и увидела, как безжизненные голубоватые, как опал, глаза старика уставились на мать.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — пробасил отец.

Человек в рясе взял посох и вновь отступил в темноту двора.

Но тогда заговорил первый:

— Зачем беспокоить всю семью? Выйдите на улицу, и мы спокойно поговорим и, возможно, решим все дело миром. — Он слегка поклонился и махнул рукой в сторону амбара: — Пройдемте, а то уже поздно, и все, без сомнения, хотят спать.

Глядя, как отец делает шаг с крыльца, Елена уже знала, что ждет его там, в этой липкой холодной грязи. Перед глазами ее на мгновение возникли обглоданные кости несчастного филина и белые скрывшиеся под землей твари. Девушка вскочила и хотела броситься в кухню, но Джоах успел поймать ее за край рубашки и посадить на место:

— Ты что делаешь? — прошипел он ей в самое ухо.

— Пусти! — она стала вырываться из рук брата, но он был гораздо сильнее. — Надо предупредить отца!

— Он сказал нам не выходить.

И Елена увидела, как отец спускается во двор. О, ради всего святого, нет! Нет! Она, наконец, вырвалась и бросилась вниз. Джоах помчался за ней. Трое взрослых мгновенно обернулись:

— Постой! — крикнула она, и нога отца остановилась над последней ступенькой. Лицо его стало багровым от гнева:

— Я, кажется, сказал тебе.

Но стоявший за ним молодой незнакомец в то же мгновение схватил отца за плечи и толкнул с крыльца. Отец упал лицом в грязь. Елена завизжала, а мать, сжимая в руке нож, бросилась на обидчика. Но мать была уже слишком стара, а незнакомец слишком увертлив, он схватил мать за руку и тоже потащил на улицу.

Тогда закричал Джоах и кинулся к матери, но было уже поздно: мать бесформенной кучей лежала в грязи рядом с отцом. Джоах, брызжа слюной, налетел на неведомого злодея, но тот мгновенно выхватил из-под полы плаща дубинку и ударил мальчика по голове. Со стоном Джоах повалился на деревянный пол кухни.

Елена стояла неподвижно под парализующим взглядом старика. Тот не сводил глаз с ее запястной руки, и глаза его становились все шире.

— Воистину! — пробормотал, наконец, он и отступил на шаг, мельком поглядев на лежащих неподвижно родителей Елены. — Вот она!

Отец кое-как старался подняться на ноги, пытаясь одновременно защитить жену, которая, стоя на коленях, как больного ребенка, держала левую руку.

— Не смейте трогать девочку! — прохрипел отец.

Джоах, весь окровавленный, тоже поднялся и встал между дверью и сестрой:

— Дочь или жизнь! — проскрипел старик, и голос его растворился в темноте эхом.

— Вы не тронете Елену. Или я убью вас обоих, — отец уже твердо стоял на ногах и грозно смотрел на пришельцев.

И тогда старик взял свой посох и дважды ткнул им в землю рядом с крыльцом. После второго удара земля под ногами родителей вспучилась, и их фигуры скрылись в туче грязи. Первый раз в жизни Елена услышала, как пронзительно тонко и отчаянно кричит отец. Грязь улеглась, и девочка увидела, что родители облеплены массой тех ужасных белых червей, что полчас назад съели филина. Кровь лилась с обоих ручьев.

Упав на колени, девочка отчаянно закричала.

Отец бросился к дому:

— Джоах! — заревел он. — Спаси сестру! Ты... — дальнейших слов было уже не слышно, поскольку твари добрались до отцовского горла.

Джоах рывком поднял сестру с колен:

— Нет — как безумная, шептала она. И еще громче: — Нет! — Кровь ее заполыхала огнем. — *Нem!*

Перед глазами у нее поплыл красный туман, и дыхание перехватило. Она застонала и стиснула кулаки, уже не обращая внимания на брата, который смотрел на нее почти с ужасом. Все внимание девушки было направлено во двор, где в живой грязи извивались в муках родители. И неожиданно Елена завизжала, посылая вовне всю скопившуюся в ней ненависть.

Стена огня обрушилась на двор, оба пришельца задрожали в пламени, но родители оставались неподвижны. Елена видела, как огонь охватывает их обоих, и в ушах стоял их крик. Но крик какой-то приглушенный, словно он доносился до нее через закрытую дверь.

В этот момент Джоах неожиданно схватил ее за талию и швырнул к темной лестнице. Стена кухни уже полыхала. Девочка безвольно обвисла в руках брата, словно тряпичная кукла, юноша с трудом тащил ее. Дом наполнялся дымом.

— Елена, ты нужна мне! Остановись! — Он закашлялся от все гущающегося дыма. Огонь уже лизал занавески.

— Что я сделала? — неуверенно спросила она, не чувствуя под ногами пола.

Джоах молча посмотрел на бушующее пламя, и слезы заблестели на его щеках красными каплями. Он все еще пытался что-то увидеть. Дышать было уже почти невозможно. Елена все время кашляла.

Джоах подбежал к парадной двери, но тут же остановился:

— Нет. Именно этого они и ждут. Надо найти другой выход.

Юноша толкнул сестру к лестнице, и та едва не упала на своих онемевших ногах. Беззвучные слезы потекли у нее из глаз:

— Это я виновата, я!

— Тихо! Быстро наверх!

Джоах упорно подталкивал сестру вверх.

— Тише, прошу тебя, тише, — снова шепнул он. — Слышишь, они уже внизу, идут за нами.

Она обернулась к брату с глазами, полными слез:

— Знаю. Но зачем? Что я им сделала?

Джоах тоже не знал ответа и только махнул рукой в сторону своей комнаты:

— Давай туда.

В конце этой длинной комнаты тускло светилось единственное окно, и Елена рванулась туда.

— Я не видела, что случилось, я должна увидеть...

— Не смей!

Но, не обращая внимания на тревожный шепот брата, девушка уже глядела в окно, толстые рамы которого не открывались, но сквозь вымытые стекла отлично был виден весь двор.

Елена прижалась лбом к стеклу и тут же увидела то, что осталось от ее родителей, дотлевающих в ховидшем волнами дыме.

На почерневшей земле лежали два скелета, держащиеся за руки и касавшиеся друг друга лбами. В нескольких шагах от них стоял старик в рясе, края которой дымилась. Рука его была поднята и указывала куда-то на переднюю часть дома.

Подошедший сзади Джоах оторвал девушку от окна:

— Ты видела достаточно, Елена. Огонь полыхает уже по всему дому. Надо спешить.

— Но... Мама... Папа... — она снова потянулась к окну.

— Мы позаботимся о них потом. А сегодня нам надо просто выжить. Но мечь наступит, наступит очень скоро, — ледяным голосом добавил юноша.

— И что же нам теперь делать, Джоах? — спросила девушка, растерянно стоя посреди его комнаты.

— Спасаться, — в полуосвещенной комнате Елена отчетливо видела решительно стиснутые губы брата. Откуда он берет силы? Всего несколько слезинок — и все. Больше ничего.

— Нам нужна теплая одежда. Бери мою шерстяную куртку, — сам Джоах быстро натянул брюки и толстый свитер, связанный матерью на последний праздник кануна зимы. Елена вспомнила тот счастливый праздник, и слезы снова заструились по ее щекам. — Быстро, — торопил брат.

Девушка послушно сняла с гвоздя куртку и погрузилась в ее мягкое ласковое тепло. Только сейчас она поняла, как замерзла.

— Ну, как ты, Эл? — спросил Джоах, не сводя глаз с окна.

— Кажется, лучше.

Тогда он махнул рукой, приглашая к окну и ее. Огромная орешина стояла у самого дома, протягивая свои суковатые ветви и к крыше дома, и к конюшне. Джоах тихо открыл окно.

— Давай за мной, — прошептал он и вспрыгнул на подоконник.

Прикинув расстояние, он схватился за толстую надежную ветку и на мгновение повис над двором. Было ясно, что это приходится делать ему не впервые. Перебравшись на дерево, он жестом позвал Елену.

Она тоже встала на узкий подоконник, и пальцы голых ног сами собой поджались, боясь отрываться от спасительной рамы.

Девочка глянула вниз. Если она упадет, то сломанные кости станут не последней из ее неприятностей. И белые твари под землей... что ж, может быть, она умрет сразу.

Но тут Джоах свистнул дроздом, привлекая ее внимание к настоящему, и она, высунувшись из окна, схватилась за ту же ветку, что и брат. Через секунду она оказалась уже рядом с ним.

— За мной, — еле слышно просипел Джоах, опасаясь привлечь внимание незнакомцев, и в тот же момент брат и сестра услышали звон разбиваемого стекла в передней части дома. В ужасе дети поспешили к другому краю кроны, уже не обращая внимания на ключие ветки, рвавшие платье и царапавшие тело.

Так, не сходя с дерева, они пересекли двор, но ветви уже начали предательски гнуться под тяжестью двоих. Тут Джоах указал на открытую дверь сеновала над конюшней.

— Давай вот так, — он отпустил ветку и прыгнул в пустоту. Однако через пару секунд Елена увидела, как брат встает на сене, окруженный облаком трухи. — Быстрее же! — знаком показал он и остановился, протянув к ней руки.

Елена набрала полную грудь воздуха и раскачалась. Она должна суметь, должна! И она действительно сумела бы, если бы за карман ее куртки не зацепился сучок. На какие-то секунды она повисла в воздухе, беспомощно болтая ногами, — и не сумела удержаться от вскрика. С криком же она упала на сарай чуть пониже сеновала.

Но еще в падении Джоах успел схватить ее за воротник куртки, и сестра повисла теперь уже у него в руке.

— Я не могу вытащить тебя наверх, — прохрипел Джоах, напрягая все силы, — Хватайся сама за край, быстрее! Теперь они уж точно услышали,

где мы!

Сдирая ногти и кожу на руках, Елена пыталась схватиться за край сеновала и подтянуться наверх, пальцы скользили, но с помощью брата кое-как ей все же удалось перевалиться на сеновал.

— Задыхаясь от усилий и поднятой пыли, они поспешили на другой конец конюшни, где была лестница вниз.

На нижних ступеньках Елена опасливо остановилась и указала на грязный пол конюшни.

— А если черви и здесь?

Но брат разумно указал ей на лошадей в стойлах.

— Посмотри на Тракера и Мист. — Обе лошади, несмотря на возбуждение и побелевшие от страха глаза, все же были совершенно невинны. — Только тихо.

И Джоах первым спустился вниз.

За ним прошла и Елена, на ходу вытаскивая из ладони огромную занозу, посаженную, когда она подтягивалась на сеновал. Краснота на руке превратилась в розоватость, и ладонь теперь почти не отличалась от левой.

Джоах уже открыл настежь двери конюшни и вывел захрапевших, почуявших свежий воздух лошадей. Он сунул сестре поводья и удил, и Елена, огладив шелковую шею кобылы, взнуздала ее. Времени доставать седла уже не было.

Джоах помог ей залезть на Мист, а сам вспрыгнул на Тракера и остановился в воротах, пропуская вперед сестру. Край сада был совсем рядом.

Выехав на кобыле за конюшню, девочка внимательно осмотрела пространство между собой и опушкой. Луна была закрыта облаками, а воздух полон скрывающего все дыма. Но только девушка направила Мист к саду, как за спиной Джоаха вспыхнул свет. Елена прильнула к шее лошади и затаила дыхание. Прямо за Джоахом у самого угла конюшни стоял старик, а его спутник высоко поднимал над головой слепящий фонарь.

— Елена, гони! — крикнул брат и повернул жеребца назад. — Я задержу их!

Но девочка, как замороженная, не двигалась, глядя на то, как проклятый старик снова заносит свой посох и ударяет им о притоптанную лошадьми землю. От этого удара земля вокруг незнакомцев заходила ходуном и задвигалась, как живая. Ее волны мгновенно подобрались к Джоаху, и через секунду на поверхности уже показались отвратительные тела белых червей.

— Нет!!! Джоах, скачи!

Но Джоах видел все и сам. Дернув поводья, он обнял Тракера за шею, тот в панике встал на дыбы, перебирая копытами, и рванулся прочь от кишасей массы. Но жеребец двигался слишком медленно, передний край белой массы уже захватывал его задние ноги.

Елена видела, как круп Тракера начал медленно погружаться в эту чудовищную кашу, и земля под ним окрасилась кровью. Тракер пронзительно заржал от боли, выкатив глаза, но Джоах так и не отпустил поводья. Через несколько секунд конь рухнул на задние ноги, но передние все еще силились вытянуть круп.

Джоах понуждал Тракера изо всех сил, но Елена уже знала, что это бесполезно. Подземные хищники пожирали плоть в считанные секунды. И тогда девушка подсакала к бьющейся паре и осадилась лошадь прямо пред мордой Тракера. Едва удерживая обезумевшую кобылу, она протянула брату руку:

— Ко мне! Ко мне!

Джоах уже понял всю безнадежность борьбы:

— Оставь меня! Уезжай!

— Только с тобой!

Мист, перебирая ногами, случайно коснулась проклятой кишасей земли, и твари, почуяв свежую плоть, рванулись к ней. Передние ноги Тракера уже уходили под землю.

— Прыгай! — услышала Елена свой нечеловеческий голос.

Но Джоах, все еще сжимая поводья, застыл в нерешительности, а потом, вдруг отчаянно взмахнув головой, встал прямо на спину жеребцу и, балансируя руками, тяжело прыгнул и упал животом на круп Мист. Этот лишний вес неожиданно подстегнул кобылу, и она помчалась, не разбирая дороги, словно под ударами хлыста.

Елена бросила поводья, дав лошади волю, а сама обеими руками придерживала Джоаха, соскальзывающего с крупа.

Через минуту все трое скрылись в спасительной черноте яблоневого сада.

Жонглер в лохмотьях, даже не прикрывающих грудь, сел на край сцены и положил рядом свой лоток. Каждый город был похож на другой: те же унылые дома, те же скучные лица. Он путешествовал уже восемь лет, один, храня только память о былых компаниях. Впрочем, ему хватало и ее.

Несколько человек в зале захмыкало и стало указывать на него пальцами.

Он отодвинулся от края сцены на более безопасное расстояние, зная, что все тычут в его правое плечо, где когда-то была рука.

Тогда жонглер подбросил в воздух свои четыре ножа и стал меткими движениями разрезать прокуренный воздух зала на тонкие длинные ленты. Придав лицу выражение полного равнодушия, он жонглировал одной рукой, посылая ножи то туда, то сюда. Вот один из них перерезал пламя факела и, угрожающе блестя, пронесся над публикой, облепившей убогую сцену.

Постепенно со всех концов зала стали раздаваться одобрителльные *ахи* и *охи*, но подавляющую часть внимания все-таки продолжало привлекать качество эля, поставляемого специально для таких мероприятий близлежащей харчевней. Следя за ножами одним глазом, жонглер видел поспешно пробирающуюся, сквозь толпу официантку, которая несла высоко над головой поднос со стаканами. На лице словно навеки приклеилась равнодушная рабочая улыбка.

Жонглер лишь коротко кивнул при звуке упавшей в лоток монетки. Еще один день дороги обеспечен.

— Эй, жучила, — крикнул кто-то из зала, в голосе этом явно бродило слишком много эля. — Смотри поосторожней, а то как бы тебе не пришлось лишиться и второй руки!

— Сам поостерегись, Брюн! — раздался другой голос, видимо, более трезвый. — Ты и так стоишь слишком близко к этим замечательным ножичкам! Смотри, раз — и не будет твоей козлиной шерсти под носом, которую ты называешь усами!

Публика грохнула идиотским смехом.

Оскорбленный — толстый лысый мужчина с широкими, подвитыми и напомаженными усами — ударил ногой о край сцены.

— Ах, это снова ты, Штрефен! Ну, стой же, я тебе еще устрою.

Все это не сулило ничего хорошего. Жонглер знал по опыту, что именно с таких перепалок и начинаются повальные драки, в которых порой перепадает и ему. А главное, они переключают внимание зала с него на себя, отчего лоток его так и останется пустым. Надо во что бы то ни стало сейчас же вернуть их внимание. Впрочем, кому нынче интересен однорукий жонглер?!

Жонглер позволил ножу воткнуться в пол, симулируя потерю контроля. Нож вошел в старые доски сцены с глухим всхлипом и застрял в нем. Это явно привлекло публику. Итак, интересен лишь провал, неудача. Вокруг потихоньку начинали посмеиваться и поглядывать на сцену в ожидании дальнейших промашек, но жонглер точными жестами послал остальные три ножа так, что каждый из них вонзался в рукоять предыдущего. Через несколько секунд на полу раскачивалась своеобразная тросточка из четырех ножей.

Робкие хлопки быстро переросли в оглушительный грохот, а по лотку застучали монеты. Жонглер знал, что каждая из брошенных медных монет заработана тяжким трудом и могла быть с удовольствием истрачена на эль. Но ему тоже нужен сегодня обед, не говоря уже о ночлеге. Впрочем, последний доставался ему редко — он давно привык спать прямо под брюхом своей лошади.

Ободренный успехом, жонглер перешел на другой край сцены и решил показать старый номер с горящими факелами. Взяв в кулак сразу три, он поджег их, и по залу пополз шепоток удивления, когда они загорелись разным огнем: один — ярко-зеленым, второй — пронзительно синим, а третий — ярко-красным, но совсем другого оттенка, чем настоящее пламя. Этот трюк требовал всего лишь специальных алхимических порошков, делать которые он научился когда-то давно в Саутленде.

Трибуны снова взорвались аплодисментами.

В ответ жонглер поднял факелы высоко и бросил их прямо под крышу старой харчевни; они посыпались оттуда, оставляя за собой светящиеся полосы, но ловкий циркач снова поймал их и снова подкинул.

Публика заревела, однако опытное ухо бродячего артиста все же слышала, что стук монет в лотке сделался более сухим и редким. Жонглер стал кидать горящие факелы все выше и выше до тех пор, пока тело его не заблестело от пота. Какие-то женщины слева заохали, но краем глаза он видел, что охают они не по поводу каскада огней, а по поводу его заблестевшего тела. Что ж, заработать на хлеб и кров можно не только работой.

И жонглер еще больше распрямил плечи, выкатил грудь, демонстрируя всю свою роскошную мускулатуру. Гаер знал, что порой черные кудри над серыми глазами и прекрасное тело равнинного жителя его родины привлекают гораздо больше внимания, чем искусство бросания ножей и факелов.

Монеты вновь посыпались чаще.

В финале жонглер, как обычно, поклонился без факелов, которые, описав широкий круг, стали плавно падать за его спиной. Публика ахнула,

и тут же он заметил, как одна из охавших пышногрудых женщин призывно поднесла руку ко рту. Циркач сделал сальто, поймал все три факела и тут же опустил их по очереди в специально приготовленный чан с водой. Шипение каждого факела сопровождалось бурными хлопками, а когда погас последний, все вскочили, и звук разгоряченных ладоней смешался со стуком кружек.

В лоток продолжали лететь монетки, и жонглер кланялся до тех пор, пока все не стихло и деньги не перестали падать. Собрал ножи, он поднял лоток и ушел со сцены. Толпа все еще одобрительно шумела, и когда он шел по проходу, многие покровительственно похлопывали его по спине. Жонглер быстро накинул на себя кожаную куртку, слишком жаркую и неудобную для представления.

Мельком глянув в лоток, он понял, что пообедает сегодня на славу, а может, останется еще и на комнату в гостинице. Если ж нет... что ж, он не зря заметил в толпе нескольких женщин, засматривавших на его широкую грудь. Словом, выбор пока *есть*.

Хозяин кабака спустил свое пузо со стойки бара и подвинулся прямо ему навстречу. Лицо кабачика было толстым и розовым от эля и жара, а белый передник заляпан вином, как всегда бывает у хозяев подобного рода заведений. Пригладив три волосины, украшавшие его череп, он повел носом в сторону жонглера и похлопал жирной рукой по стойке:

— Ну, и где моя часть? — просипел он с улыбкой. Жонглер отсчитал причитающуюся часть за аренду сцены, и хозяин осмотрел каждую монету, падавшую на его пухлую потную ладонь. Жадность и зависть так и сквозили во всех его движениях.

— И это все? — спросил он, потрясая кулаком с зажатыми монетами. — Я же видел, деньги просто градом сыпались тебе на голову! Небось, припрятал большую часть?

— Уверю вас, ваш процент отсчитан совершенно точно, — жонглер смотрел трагично прямо в глаза.

Тот неохотно и с ворчаньем отвернулся, подозревал официантку, и молодая хорошенькая девушка с белокурыми пышными волосами поставила перед бродячим артистом стакан эля.

— На здоровье, — пролепетала она, быстро улыбнувшись и взмахнув ресницами: — Охладите ваш пыл пока этим, — и ушла к следующим посетителям, намеренно не оборачиваясь.

Нет, решительно его коняге сегодня придется ночевать одной.

Жонглер взял стакан ледяного эля, покрутил его в руках и бросил взгляд на сцену, где теперь собирался демонстрировать свое искусство следующий артист. Публика сегодня оказалась непростой, и потому жонглер искренне пожалел мальчишку, взбирающегося по ступенькам навстречу неизвестности.

Однако на арене показался не *мальчик*, а маленькая девочка в серых штанишках и уродливо прешитой белой рубашке, под которой трудно было разглядеть ее женские прелести. Поначалу жонглеру показалось, что девочка едва пережила свою первую менструацию, но, когда та села на стул посередине сцены и повернула к публике лицо, бродяга понял, что ошибся. Это лицо, казалось, еще совсем юное, с розовыми губами и фиалковыми глазами, источало столько печали и тоски, какие даются только долгими годами несчастий.

Толпа, разумеется, не обращала на нее никакого внимания, хотя таинственная женщина уже взяла в руки лютню. Все были заняты собой, вином, друзьями, звоном стаканов, мимолетным флиртом; воздух буквально стал серым от дыма трубок и факелов. И бедная маленькая лютнистка казалась в этом мрачном зале лепестком, случайно попавшим в бурный поток.

Жонглер вздохнул. Смотреть на такое — хорошего мало. Таким обычно приходится уходить со сцены под улюлюканье и град хлебных корок.

Но маленькая женщина прижала лютню к груди и склонилась над ней, как мать над ребенком. Корпус лютни был тщательно отполирован и казался почти влажным в неверном свете факелов. Дерево было какое-то незнакомое жонглеру, очень красное, отливавшее черным, с непонятными вкраплениями. Инструмент выглядел очень дорогим.

Но толпа по-прежнему занималась только собой. Совсем рядом жонглер слышал разговор о том, кто кого перепьет назавтра в соседней харчевне. Стучали кулаки, сверкали носы, проливался эль. Впрочем, в своих странствиях он видел споры, кончавшиеся и похуже.

Отхлебнув из стакана, жонглер медленно пропустил жидкость по горлу и снова поднял глаза на лютнистку. Та взяла первый аккорд — музыка тут же обволокла все существо бродяги странным облаком и сразу же показалась ему пением райской птицы. Женщина повторила аккорд, и вся харчевня, как по команде, повернулась к арене.

Полузакрыв глаза, маленькая артистка начала играть. По залу поползла истома, навевающая грезы о счастливых временах, о временах, когда закончатся, наконец, ненастные дни. Жонглер видел, как колдовали над струнами тонкие пальцы, но не успел он полностью насладиться их движениями, как женщина вдруг запела. Голос ее зазвучал сначала

приглушенно, почти неотличимо от чарующих аккордов, но чем дальше она играла, тем ярче звучало пение, сливаясь в гармонии с мелодией аккомпанемента. Хотя жонглер и не знал языка, на котором пела женщина, он почувствовал смысл. Она пела о том, как год за годом весна, лето, осень и зима сменяют друг друга, о том извечном законе, по которому жизнь все идет и идет своим чередом...

Публика сидела очарованная и безмолвная. Кто-то закашлялся, и тут же на него обернулись десятки возмущенных глаз, но большая часть так и не могла оторваться от сцены.

А маленькая женщина все играла, не глядя в зал и не обращая ни на кого внимания. Неожиданно тон ее голоса сменился, и вместо пения раздались почти стоны. Теперь она предупреждала об опасности, о том, что все в природе можно нарушить и погубить. Она пела о том, что красоту можно уничтожить и можно опорочить невинность. И в голосе ее, казалось, звенели тревожные барабаны судьбы.

Внезапно жонглер поймал себя на том, что хочет утешить артистку, сказать ей, что не все еще потеряно, но в этот момент ее пальцы замерли, и голос зазвучал новой болью, болью погибшего сердца. Аккорды раздавались все глуше и глуше в притихшем ошеломленном зале, и к сцене потянулись робкие просители, чтобы лютнистка не прекращала игры. Однако женщина все же, в последний раз пробежавшись пальцами по струнам, остановилась и замолчала. Еще какое-то время в оглушительной тишине зала звенела нота ее умирающего голоса, но скоро исчезла и она.

Зал по-прежнему сидел в молчании, никто не двигался. Жонглер с удивлением почувствовал, что по щекам у него текут слезы, и рука не поднимается, чтобы их вытереть. И бродяга позволил им течь дальше, как, впрочем, и многие в зале.

Он думал, что на этом все и кончится, но ошибся еще раз. Снова раздались тихие аккорды лютни под, казалось бы, неподвижными пальцами. Лютня словно пела сама, и ее песня высушивала слезы, дарила улыбки. И вновь женщина запела о ком-то последнем, оставшемся среди руин. Новые слезы хлынули из глаз бродячего жонглера, ибо эта песня, казалось, написана именно про него. Но вот раздался финальный аккорд, чистый и ясный, как звук колокола, и он дал всем одно решение, одно слово, одну судьбу — надежду.

А потом все закончилось. Лютнистка поглядела в зал и встала.

Толпа наконец прорвала молчание и вздохнула, как один живой организм, ропот удивления утонул в овациях. На сцену летел шквал монет, и сам не помня как, жонглер уже стоял у сцены и вываливал содержимое своего лотка в лоток девочки.

Она повела глазами, и их нежный лиловый свет упал на жонглера. Женщина смотрела растерянно и почти жалко, прижимая к груди лютню и почти закрываясь от криков и денег.

Неожиданно в дверях харчевни произошла какая-то заминка, и в зал ворвался взъерошенный человек:

— У Брукстона горит! — кричал он, не помня себя. — Сад в огне!

Толпа ахнула.

Но жонглер, казалось, не слышал ничего, не в силах оторвать взгляда от странной лютнистки; он сидел на краю арены. Пожар его не касался.

Женщина осторожно приблизилась к нему и стала медленно падать на колени, пока глаза ее не оказались на уровне его глаз:

— Ты нужен мне, Эррил из Стендая...

Огненные языки лизали горизонт за спиной Елены. Дым, чернее, чем ночь, надвигался на них через ряды яблонь, и жаркое дыхание огня обжигало спины. Она пыталась пустить Мист в галоп, но лошадь и так уже была вся в пене от этой бешеной скачки.

— Ей надо передохнуть, Эл! — крикнул сзади Джоах. — Так она долго не продержится!

— Но огонь!

— Мы в безопасности, ветер уже гасит пламя, — из-за ее спины Джоах дернул поводья. Мист перешла на шаг.

Юноша слез с лошади и, взяв поводья в руку, повел кобылу сам. Подковы Мист гулко звучали в ночи, ноздри раздувались, а глаза испуганно косили. Дым и рев пожара заставляли ее дрожать и рваться дальше.

Елена погладила шею лошади и тоже спрыгнула на землю. Джоах прав, — Мист будет мчаться, пока не упадет замертво. Она приняла поводья у брата и пошла еще медленней.

Джоах провел рукой по влажному крупу лошади:

— Она вся в мыле. Дальше мы ехать не сможем. Но для начала неплохо.

Елена тоскливо оглянулась, вспоминая пламя, пожравшее сначала ее

дом, потом конюшню, а затем перекинувшееся на сад. Вся земля в саду была устлана сухими опавшими листьями, и потому огонь распространялся со сверхъестественной скоростью.

Там, у нее за спиной, лежал ее мир, обращенный в пепел ею самой. Она бессознательно зажгла его, вероятно, этой запятой рукой.

Брат заметил слезы, снова покотившиеся по ее щекам, но понял их неверно:

— Мы уйдем от них, Эл! Клянусь тебе.

Девочка покачала головой и махнула на гудящее вдали пламя:

— Это я убила их. Я, — и снова перед ее глазами встали родители... и дом в огне.

— Нет, — остановил ее брат и положил свою руку на ее. — Это не ты. Ты только спасла их от более мучительной смерти.

— Может быть, они выжили бы...

— У них не было шансов, — жестко ответил Джоах и опустил голову. — Я видел, как быстро эти твари сожрали Тракера. И даже если бы они чудом и выжили... Нет, я не думаю. Не думаю, что это было бы хорошо.

Елена молчала, но брат ласково приподнял ее лицо за подбородок:

— Тебе нечего винить себя, сестра.

Но она отдернула лицо и отвернулась:

— Ты не понимаешь... Я... Я... — Язык отказывался произнести ужасные слова. — Я хочу уйти... уйти, — она кивнула в сторону пылающего сада. — Я ненавидела это место... ненавижу! И теперь оно горит от моей руки.

Джоах привлек ее к себе и долго прижимал к себе сотрясающееся в рыданиях тело:

— Я тоже хотел и хочу этого, Эл. Ты сама знаешь. И ты все равно не виновата.

— Но кто же тогда виноват, Джоах? — спросила, уткнувшись ему в грудь, девушка. — Кто? Кто сделал все это? — Она высвободилась из объятий брата и подняла правую руку, сжатую в кулак. — Почему это произошло именно со мной?!

— На этот вопрос придется ответить как-нибудь в другой раз, а сейчас нам во что бы то ни стало надо добраться до Милден Крик. — Джоах посмотрел назад, где длинные языки пожара тянулись прямо к луне. — Если сумеем перебраться через реку, считай, что мы спасены. А тогда можно будет подумать и над твоими вопросами.

Елена прикусила губу, вдруг ясно представив себе, какими могут быть эти ответы. Девушка вздохнула и вытерла слезы. Испуганная Мист так и вздрагивала рядом, и Елена осторожно провела рукой по ее трепещущим ноздрям:

— Ш-ш-ш, моя хорошая, все будет хорошо, — шептала она, но неожиданно кобыла дернулась, едва не вырвав поводья из ослабевших рук, и девочка буквально повисла в воздухе, когда животное взвилось на дыбы. А потом Мист пошла скорым галопом, таща так и не успевшую встать на ноги Елену.

— Стой, Мист, стой! — кричала она, пытаясь нащупать ногами опору, но кусты и камни мешали ей.

— Пусти ее, Елена!

Но девушке слишком трудно было выпустить из рук последнее, что связывало ее с родным домом, навеки исчезнувшим в черной ночи, и она, наоборот, ухватилась за поводья еще крепче.

Наконец ей удалось упереться ногой в валун и натянуть поводья так, что лошадь волей-неволей остановилась. Тогда Елена намотала поводья на первую попавшуюся яблоню, моля лишь о том, чтобы ствол выдержал. К счастью, он выдержал, и Мист потихоньку пришла в себя.

— Что случилось? — спросил, задыхаясь, подбежавший Джоах.

— Ш-ш-ш!

И оба они сквозь рев пожара вдруг отчетливо услышали еще какой-то нарастающий шум. Начавшись как шепот, он становился все явственней, и уже можно было различить хлопанье тяжелых крыльев, словно где-то выбивали большой ковер. И звук этот стремительно приближался.

Мист рвалась с коновязи, хрипя и выкатывая от ужаса побелевшие глаза, а Елена, не помня себя, стала зачем-то приседать все ниже. Джоах заполз далеко в гущу яблоневых ветвей.

Все трое, не отрываясь, смотрели на небо. Дым заволакивал звезды, но даже он рассеялся под ударами крыльев огромных чудовищ, размах крыльев которых был никак не меньше роста двух взрослых мужчин. На какое-то мгновение среди клубов дыма мелькнул кончик такого крыла — костистого, в красных перепончатых складках — и снова исчез в хаосе пожара.

Кровь у Елены застыла — это не обитатели долины, это нечто страшное, выпестованное далеко, вдалеке от добрых людей. Чудовища летели прямо через огонь.

Когда шум затих, Джоах вылез из-под дерева и тихо спросил:

— Что это было?

— Не знаю, — покачала головой Елена. — Но теперь нам надо спешить

вдвойне.

Держа факел как можно дальше от себя, Рокингем, тем не менее, усиленно зажимал платком и рот, и нос. В горле першило от жара и дыма. Кое-как он ткнул факелом в колючий кустарник, росший по опушке сада, тот мгновенно вспыхнул, и успокоенный Рокингем помчался обратно на ферму.

Там посреди двора стоял Дизмарум, устало опираясь на посох и подняв вверх руку, пробуя ветер.

— Еще, — приказал он, не глядя на Рокингема, и махнул в сторону собранных опавших листьев на краю поля.

— Я запалил достаточно, — ответил Рокингем и вытер перепачканные в копоти ладони о брюки. Лицо его почернело от пепла. — Весь склон в огне.

— Еще, — словно не слыша, сурово потребовал провидец и снова указал на кучи листьев. Его темная ряса, обугленная по краям, развевалась и билась по ветру.

«Пусть будут прокляты эти слепые глаза!» — подумал Рокингем и остался на месте.

— Огонь полыхает так, что застигнет детей, где бы они ни были — на склоне или в долине. Жечь всю окрестность совсем незачем.

— Пусть хоть вся долина превратится в прах и пепел, главное — поймать девчонку.

Рокингем вытер лицо все тем же платком:

— Сад — единственный кормилец для всей долины. Если эти фермеры только пронюхают, кто виновник пожара...

— Главное — девчонка, — в опаловых глазах Дизмарума плясали отблески зарева.

— Но горожане, они...

— Они-то и станут ловушкой. Огонь заставит их искать прибежища в Винтерфелле.

— И ты думаешь, горожане бросятся ее ловить, как только увидят? Да если они только подумают, что это она подожгла сад, от нее живого места не останется через секунду.

— Во второй раз она не должна ускользнуть, — Дизмарум снова указал посохом на мертвые листья.

Рокингем проворчал что-то и взял новый факел. Запалив его от огня, все еще тлеющего на развалинах конюшни, он пошел к кучам, погрузил факел в первую из них как можно глубже и не успел отскочить, как сухие листья вспыхнули, точно порох, и запылали, треща и требуя новой пищи.

Закашлявшись от густого дыма, поднимавшегося от листьев, Рокингем даже не понял, в какой момент порыв ветра бросил на него сноп горящих листьев, окружившихся вокруг, как рой обожженных ос.

Дорогой дорожный плащ вспыхнул сразу в нескольких местах, и, срывая его и затаптывая огонь каблуками, Рокингем не выдержал:

— Хватит! С меня довольно! Я возвращаюсь в город!

Глаза слезились от дыма, обожженный нос почернел, и, махая обеими руками, чтобы разогнать черный смрад, воин крикнул:

— Дизмарум! Слышишь?

Но ответа не последовало.

Старик, вероятно, уже отошел к дороге. По каким-то обгорелым остаткам дома Рокингем почти ощупью пересек двор, кашляя и поминутно падая в грязь и пепел. Наконец воин наткнулся на что-то мягкое и, наклонившись, обнаружил, что это Дизмарум. Старик стоял на коленях неподалеку от угла исчезнувшего дома и погружал свой посох в податливую разогретую землю все глубже. В мутных глазах провидца сверкала ненависть, но обращена она была не на подошедшего, а куда-то за него.

Рокингем замер, пораженный неприятным чувством, будто его спину буравит чей-то ледяной взгляд.

Он резко обернулся, и то, что предстало его взору, заставило воина вскрикнуть и рухнуть на колени рядом со стариком.

Над горящими кучами возвышалась тварь с широко распростертыми крыльями и глазами, красными, как кровь. Будучи в два раза выше Рокингема и в два раза тоньше, чудовище обладало прозрачной кожей, сквозь которую просвечивали его кости и внутренности. Было видно, как в груди сокращаются четыре черных сердца, гоня по телу потоки черной же крови. Багровый свет пожара позволял не менее отчетливо видеть и все другие отвратительные движения в его организме. Рокингем задохнулся в рвотном спазме, и, несмотря на бушующий вокруг жар, холодный пот выступил у него на лбу. Тварь вдруг ударила крыльями, распространяя вокруг тошнотворный запах горячей кости, но неожиданно быстро сложила их за костлявыми узкими плечами и заковыляла по двору, проваливаясь в разогретую землю когтистыми лапами. Из черного рта на

лысой и сморщенной голове высовывались желтоватые клыки, а высокие стоячие уши вдруг качнулись в сторону Рокингема. К нему потянулась длинная рука, заканчивающаяся мясистыми пальцами с когтями, с которых капала зеленая маслянистая жидкость.

И Рокингем узнал этот яд и понял, кто это. Сам он никогда не видел их, но глухие упорные толки о страшных чудовищах постоянно ходили среди всех обитателей Блекхолла. Это были скалтумы, лейтенанты самого Черного Лорда.

Чудовище раскрыло пасть, чтобы произнести что-то, длинный черный язык длиной в человеческую руку зашевелился среди обнажившихся зубов:

— Где... шссс... дитя? Где... шссс... дитя, которого ищет верховный... шссс... хозяин? — голос скалтума оказался невероятно высоким и шипящим.

Дизмарум поднял голову, упорно избегая взгляда чудовища:

— Она полна силой... — он махнул рукой в сторону бушевавшего в саду пожара. — И сжигает за собой следы. Она убежала через сад.

Скалтум угрожающе опустил голову к самому лицу Дизмарума и когтем поднял его к огню. Рокингем видел, как старик тянет шею, чтобы острый коготь не пропорол ему морщинистую кожу.

— Так она... шссс... сссспасслась? Почему не сссообщили... шссс... хозяину?

Ответ старика прошелестел, как дуновенье ветра:

— Мы приготовили для нее ловушку, и она будет наша еще до восхода солнца.

— Великий и сславный желает ее... шссс... немедленно! — разозленный скалтум исходил слюной, и ее капли шипели на земле, как живые. — Не надо расссстраивать хозяина... шссс!

— Она заперта в этой долине, и мы не упустим ее.

Скалтум склонился еще ниже и кончиком языка дотронулся до носа Дизмарума:

— Или посстрадаете за ссвой провал... шссс! — он презрительно оттолкнул старика.

Дизмарум уронил голову на грудь:

— Темный Лорд мудро поступил, послав тебя. С твоей помощью нам будет сопутствовать удача.

Однако Рокингем не услышал уверенности в словах провидца.

Лейтенант склонил голову набок и посмотрел на старика в некой задумчивости, как птица рассматривает червя перед тем, как клонуть:

— Я тебя знаю, сстарик, а?

Рокингем заметил, как по телу Дизмарума прошла дрожь, но от страха или гнева, сказать не мог.

— А вот и ты, ссвеженький. Тебя... шссс... тоже помню, — красные глаза скалтума загорелись недоверием.

О чем он говорил, Рокингем так и не понял, поскольку если бы он хоть раз в жизни увидел такую тварь, то не забыл бы никогда.

Но скалтум уже упер коготь ему в грудь, и волна омерзения и ужаса прошла по телу Рокингема. Склонившись ниже, тварь постучала когтем ему по голове и прижала черные губы прямо к его рту!

— Нет! — Но крик Рокингема был заглушен черным языком, вошедшим ему между зубов. Язык проникал все дальше и дальше, и горло несчастного свела судорога. Сердце стучало в ушах, и он готов был потерять сознание. Но тут скалтум вытащил язык и даже сделал шаг назад. Рокингем рухнул на четвереньки, отплевываясь и кашляя.

— Да, я почувствовал ее сслед в тебе, — одобрительно произнес скалтум, и Рокингема вырвало в пепел и грязь.

Жонглер вошел в отведенную ему комнату. Что ж, за шестнадцать монет хорошего не жди. Вокруг стояла тьма, но горничная засветила лампу, правда, настолько жалкую, что она не могла осветить всего пространства. Однако бродяга увидел, что стены давно нуждаются в покраске, а единственной мебелью была кровать, с которой на свет лампы ринулись полчища моли. Затем, повернув голову, он обнаружил старый шкаф из кедра.

Шагнув к нему, жонглер потянул на себя кособокие дверцы — шкаф оказался пуст.

В комнате было душно, пахло старым свечным воском и немывтым телом. Но рамы единственного узкого окна, выходящего на двор харчевни, оказались наглухо заколочены, хотя и пропускали звуки подков, доносившихся со двора сюда, на четвертый этаж. Известие о пожаре в саду до сих продолжало волновать горожан.

Но к бродяге этот пожар не имел никакого отношения.

Жонглер подождал, пока горничная выйдет после того, как он положил ей в ладонь медную монетку, запер дверь изнутри и еще подождал, слушая ее удаляющиеся шаги. Больше ничего не было слышно, и только тогда он обернулся и посмотрел на свою спутницу. Лютнистка стояла посередине комнаты, поставив футляр с инструментом у кровати, а потом, не выпуская из

рук лютни, тихо вздохнула и опустила на измятое покрывало. Она сидела, чуть отвернувшись, и густая волна светлых волос заслоняла от жонглера ее лицо.

— Ты сказала — Эррил, — начал он, торопясь добраться до разгадки тайны. — Почему ты назвала меня так?

— А разве ты не тот, кого так зовут? — ответила вопросом на вопрос маленькая женщина, кладя лютню на колени.

— А кто же ты сама? — тоже вопросом на вопрос ответил жонглер.

— Я Нилен из Локайхиры, — мягко ответила та и подняла к нему глаза, словно надеясь, что он немедленно узнает ее.

Локайхира? Что такое? Какие-то смутные воспоминания пронеслись в мозгу жонглера, но он бывал слишком во многих городах и всяях, чтобы запомнить какую-то Локайхиру.

— Где это?

Женщина подалась к нему всем телом, лютня соскользнула с колен, и снова блеск этого красного дерева что-то напомнил жонглеру.

— Как ты забывчив, Эррил из Стендая, — прошептала женщина, обращаясь почему-то к своей лютне.

— Никто не звал меня этим именем уже сотни зим, — тоже вздохнул жонглер, начиная чувствовать, как ноет после выступления все тело. — И тот человек давно умер. — Он подошел к окну и отодвинул грязные занавески. Во дворе толпились люди с факелами, кто-то тащил багры и корзины с песком. Потом появилась повозка, груженная бочками с водой, люди закричали, и вся процессия направилась к дороге. На западе, в долине у края гор, блестели оранжевые зарева.

Внезапно Эррил вздрогнул, вспомнив, когда и при каких обстоятельствах он сам стоял в последний раз посреди этой долины. Тогда он тоже смотрел из окна харчевни на далекие огни у подножья холмов.

— Зачем ты искала меня? — не оборачиваясь, спросил он. В темном отражении окна бродяга увидел, как женщина медленно опустила голову и коснулась пальцами лютни.

Несколько одиноких нот печально огласили грязную комнату.

— Потому что мы последние, Эррил.

И эти слова снова унесли его далеко-далеко, в давно забытые места:

— Последние в чем? — сурово потребовал он, наконец повернувшись к своей гостье.

— В отзвуке силы далекого прошлого, в Чи.

Эррил осклабился. Зачем она называла имя того бога, что оставил Аласию на растерзание Гульготе?

— У меня нет никакой силы.

Она опустила голову еще ниже, и волосы окончательно скрыли от жонглера ее лицо:

— Ты сомневаешься в своей силе, прожив на свете полтысячи лет?

— Это мой брат. Он сделал для меня все это.

— Шоркан, — дуновением ветра над водой прошептала она. При упоминании имени брата Эррил вздрогнул и сделал шаг навстречу загадочной лютнистке:

— Откуда ты столько обо мне знаешь?

— Я изучала древние сказания, — пальцем она отвела с лица волосы и глянула на жонглера блестящим фиалковым глазом. — И древние слова: трое станут одним, и будет создана Книга.

— Это всего лишь старые слова забытых времен.

Лютнистка прищурилась:

— Значит, ты уже не тот человек, о котором говорится в сказаниях. Тот человек спас и защитил Книгу, он бродил по городам и пытался поднять восстания против Гульготы и ее лордов — и имя его все еще живет в памяти этой страны.

— Старая история, не больше.

— Нет, история жива. Она длится и по сей день. — Волосы снова закрыли ее лицо.

— Но как ты узнала меня? — Эррил устало присел на подоконник.

Покачив лютню на коленях и еще раз пробежавшись по струнам, женщина тихо ответила:

— Это все музыка.

— То есть? Какое отношение к этому имеет лютня?

Женщина нежно провела кончиком пальца по красному дереву:

— Там, в глубине Западных гор, до сих пор находятся древние заросли деревьев коакона. Ты должен помнить их — деревья коакона, деревья духа. Или ты забыл и их?

— Я помню только одно, что росло в центре Алоа Глен. — И перед мысленным взором жонглера возникло солнце, медленно заходящее в усталых ветвях единственного дерева коакона. И бродяга вновь увидел сапфировые цветы, мерцавшие на ветвях в неверном свете заката. — Оно

было выше любого шпилья в городе. — Нилен выпрямилась на жалкой постели и в первый раз полностью откинула волосы с лица.

— И оно все еще цветет? — спросила женщина, и в голосе ее прозвучали тоска и боль.

— Нет. Когда я видел его в последний раз, соли моря подточили его корни. — Эти слова словно ударили лютнистку в самое сердце, и как можно мягче Эррил закончил: — Теперь, вероятно, оно совсем погибло.

По щекам женщины покатались слезы:

— А та роца и называлась Локайхира, сердце леса, и... — рыдания не дали ей закончить.

Эррил спрыгнул с подоконника, неожиданно все вспомнив. Локайхира! Память вернулась к нему, как река, вдруг вышедшая из берегов и разлившаяся половодьем. Он вспомнил отца, курившего за кухонным столом трубку и потиравшего круглый живот. От ясной пронзительности этого воспоминания колени у него ослабли. Старый бродяга увидел и сеть красных жилок на носу отца, и то, с каким свистом вылетало дыхание из его крупных губ, и как скрипело кресло под его грузным телом...

— Отец... — прошептал он. — Когда-то отец рассказал мне, как в юности он попал в Локайхиру, но я всегда думал, что это сказки. А ведь он говорил о нимфах, обрученных с деревьями, о волках, высоких, как люди, и о деревьях в дом толщиной...

— Локайхира не сказка — это моя родина.

А перед глазами Эррила уже вставал его родной дом. Воспоминание об отце вызвало к жизни ещё тысячи образов, которые он так долго пытался забыть: вот они с братом играют в полях в прятки, вот он в первый раз целует девушку на празднике урожая, а вот дорога в полях, уходящая вдаль...

— Прости, — пробормотал он. — Что же стало с твоей родиной?

Плечи ее опустились:

— Это долгая история, происшедшая еще задолго до того, как твой народ пришел на эту землю. На наши деревья было наложено проклятье странным народом, называемым эльфами. — Лицо лютнистки стало отсутствующим, словно она целиком ушла в далекое прошлое, и Эррил почувствовал старую боль, от которой все еще ныло ее нежное сердце.

— Эти эльфы, о которых ты говоришь, — осторожно начал он, стараясь не спугнуть ее тишины. — Я слышал о них. Я слышал истории и о среброкудрых существах, но тоже считал их мифами.

— Время все превращает в мифы, — женщина быстро глянула в лицо жонглера. — Но только ты один, Эррил из Стендая, можешь знать это. К тому же теперь ты и сам миф и легенда.

Эррил молчал.

— Прошли годы, и мы все искали способ остановить умирание наших деревьев, — продолжала Нилен. — Но Блайт — древнее проклятие эльфов — не исчезал: листья превращались под нашими пальцами в пыль, ветви ломались, подточенные насекомыми. Наша роца стала простой кучей деревьев, но и те были обречены на смерть, пока не появились ваши маги и не сохранили остатки коакона именем Чи. Но когда его власть покинула страну, Блайт вернулся, и наши деревья — наши дома — снова стали медленно гибнуть. Молодые деревца зацветали слишком рано и гнили, старые падали, не давая семян. И со смертью деревьев стали умирать и мы.

— Твой народ?

— Мои сестры и наши души. Мы связаны с деревьями так же, как и ты со своей душой, и не можем жить друг без друга.

— Так ты...

Нилен убрала с лица волосы:

— Я нюмфая.

— Ты хочешь сказать, нимфа?

— Так нас зовут люди, — печально усмехнулась она.

— Но отец говорил, что вы не можете отходить от своих деревьев дальше, чем на сотню шагов. Как же ты здесь, в чужом мире?

— Твой отец ошибался, — Нилен положила руку на лютню. — Мы должны быть рядом со своей душой, но не с деревом. Мастер с Западных гор вырезал эту лютню из последнего умирающего дерева... моего дерева, и душа моя покоится в ней. И ее музыка есть песня былых времен, взывающая к тем, кто еще помнит древнюю магию.

— Но зачем? Времена магии давно миновали.

— Она просто притягивает к себе тех, в ком осталась лишь малая толика прошлого, как магнит притягивает к себе любое железо. Я брожу по стране и играю на лютне, сзывая тех, кто обладает забытой силой. Музыка позволяет мне заглянуть в души слушающих, и так я увидела, что вспомнил ты: перед глазами у тебя встали башни Алоа Глен и родные поля Стендая. И я поняла, кто ты.

— Но чего от меня хочешь ты?

— Исцеления.

— Кому?

— Локайхире. Я осталась одна, последняя, и с моей смертью умрет мой народ и его душа. Я должна не допустить этого.

— И чем я могу помочь тебе?

— На это у меня нет ответа. Но перед смертью нашей старейшине было дано виденье.

Эррил вздохнул и провел рукой по глазам, словно стараясь избавиться от чего-то:

— Меня уже тошнит от всех этих видений и пророчеств — посмотри, к чему они привели нас!

— Они привели меня к тебе, Эррил из Стендая, — твердо ответила Нилен, и в голосе ее зазвенела надежда.

— Ты придаешь слишком много значения простой случайности.

— Нет, в мире нет случайностей.

— Но ты не сказала о видении.

— Она видела Локайхиру, встающую снова зеленой и свежей из огня — из огня, рожденного магией, — она указала на отблеск пожара за окном. — Видишь, огонь. И ты, создание магии, ты здесь.

— Я не создание магии, а всего лишь человек и могу быть искалечен, как любой другой, — он кивнул на свой обрубок. — Могу быть убит, если дар долголетия будет у меня отобран. А магия сильнее этого дара.

— Остановись, замолчи, — твердо прервала его женщина. — Ночь принесит нам огонь и магию. — Глаза ее вспыхнули сапфировым отблеском цветов последнего дерева коакона, оставшегося в потерянном ими Алоа Глене. — И все начинается снова.

Свист чудовищных крыльев прорезал воздух, как топор мясника, оно явно искало их в этой бесконечной ночи. С криком, звеневшим в ее собственных ушах, Елена ташила Мист в узкую Расселину долины.

— Наш запах! — сквозь стиснутые зубы проскрипел Джоах, тоже ташивший лошадь. — Надо оставить Мист и бежать.

— Нет! — зло огрызнулась девочка, скользя по влажному недавно высохшему руслу ручья. Задние копыта Мист увязали в раскисшей грязи, и каждый шаг давался измученному животному все трудней.

Елена огладила ее с ног до головы, ощущая под пальцами горячую шелковистую кожу. С воспаленных боков лошади капала исходящая паром в холодном воздухе пена.

— Пусть я виновата, Мист, — прошептала девочка. — Но теперь я ни за что не оставлю тебя!

И словно ободренная, лошадь сделала невероятное усилие и вырвала из топи задние ноги.

— А теперь вперед, моя девочка! — Мист всхрипнула и надала еще, обрызгав Елену с ног до головы грязью. Упав от рывка, Елена, тем не менее, увидела, как брат окончательно помог лошади выбраться из неожиданной ловушки.

Но тут вновь раздался звук хлопающих крыльев, эхом отозвавшийся вдоль подножья горы. На этот раз чудовище оказалось совсем близко.

— Поспеши, Эл! — поторопил ее брат.

Но она и не нуждалась в этом, ибо, быстро поднявшись, уже снова бежала едва пересохшим руслом.

— До Милбенд Крика осталось не больше лиги, — пригляделся к местности Джоах.

— Все равно надо спешить, — покачала головой Елена. — Эта тварь уже слишком близко. — Девушка взяла у брата поводья и вдруг направила лошадь совершенно в противоположную сторону — к огню.

— Что ты делаешь, Эл?!

— Дым прикроет нас и собьет охотника со следа. Быстрее, Джоах, я знаю, где мы можем спрятаться, пока все не кончится!

— Ну, если только мы сперва не зажаримся, — хмыкнул Джоах, неотрывно разглядывая горящий сад.

Не обратив внимания на это, Елена пошла по знакомым приметам, хотя дым и отчаянно колотившееся сердце мешали ей. Где же тот путь? Ей казалось, что она знает сад, как свои пять пальцев, но теперь путалась. Шаги девушки замедлились. Неужели здесь?

О да! Здесь! Вот он, этот старый камень в виде огромной медвежьей головы. Она не ошиблась и вышла туда, куда нужно.

Оглянувшись, Елена махнула Джоаху, и они оба побежали к расселине, но в этот момент дым рассеялся, открывая полное звезд небо, а над камнем прокатилось какое-то мощное движение воздуха, напомнившее эхо пушечного выстрела. Елена почти почувствовала его силу и прижавшую ее к земле тяжесть. Звук шел от ручья, откуда они только что ушли.

В глазах Джоаха отражалось зарево пожарища, и девушка с ужасом увидела в них тот же страх, что сжимал и ее сердце. Да, если бы они продолжали все так же идти к Милбенду, то уже стали бы жертвами

чудовищного охотника. И Джоах, не раздумывая больше, направился прямо к огню.

Елена обогнала его, стараясь идти быстро, но тихо, и позволила себе лишь приглушенный вздох облегчения, когда они добрались до места.

Веда Мист в поводу, она первая вступила на почти невидимую тропу, ведущую в глухой лес, чудом сохранившийся среди цивилизованного сада. Раздвигаемая густые заросли, брат и сестра стали медленно пробираться в самый низ лощины.

— Сладчайшая мать! — воскликнул Джоах, увидев то, к чему привела его сестра. — Глазам своим не верю!

Перед ними стоял мертвый остов массивного дерева, так непохожий на стройные стволы яблонь. Это был древний гигант, выросший здесь еще задолго до того, как сюда ступила нога первого человека. Восемь человек, взявшись за руки, не смогли бы обхватить его могучего основания. Крона давно сломалась и сгнила, оставив лишь этот колоссальный остов с единственным суком, вонзающимся в небеса.

— Я нашла его, когда лазала по саду, — объяснила Елена шепотом, но не из боязни перед чудовищем, а из уважения к тому, кто стоял рядом. — Я назвала его Старцем.

Девушка подвела брата к узкой расщелине в коре:

— Там внутри настоящая пещера. Мы можем...

Над лощиной пронесся леденящий душу гневный рев — это охотник понял, что добыча от него ускользнула.

И не говоря больше ни слова, дети с покорно следовавшей за ними лошастью оттащались надежным объятиям мощного Старца. Места внутри было более чем достаточно, там вполне спокойно мог разместиться даже табун.

Сразу при входе девушку поразил царящий внутри аромат — казалось, воздух здесь совершенно свободен от удушливого приторного запаха яблок, которым был полон весь сад. Здесь же пахло чистым деревом, сосновой смолой и немного орехами. Запах этот не выветрился даже несмотря на то, что Старец был давно мертв, словно древний дух его до сих пор не оставил этого лесного великана. Его не смог вытеснить даже всепроникающий запах гари.

Елена протянула руку и ласково погладила теплую древесину; каким-то образом она точно знала, что на эту ночь Старец приютит и защитит их. И как только ладонь ее коснулась дерева, девочка ощутила, как от пальцев к сердцу разливается расслабляющее прохладное спокойствие, и ей показалось, будто она слышит слова, обращенные к ней из глубины Старца:

Дитя... крови и камня... благоденствие... найди моих детей...

Девушка посмеялась над этой странностью и убрала руку. Наверное, это просто сегодняшняя, полная ужасов ночь все шутит с ней свои шутки.

Сзади неслышно подошел брат и обнял ее. Какое-то время дети стояли, прислушиваясь к ночи. Страшный посвист крыльев прозвучал еще раз где-то вдаль и замер окончательно. Они обманули хищника, сбили его со следа и ушли от погони — по крайней мере, пока.

Джоах высунулся из дупла и осмотрел сад.

— Надо уходить — с сожалением пробормотал он. — Огонь уже совсем рядом, и если не поспешим, то окажемся в огненной ловушке.

Елена кивнула, хотя покидать гостеприимный приют Старца ей совсем не хотелось. Она вывела Мист, и в нос ей сразу же ударил едкий запах дыма. Обернувшись, девушка увидела, что пожар полыхает уже повсюду, до самого горизонта, и его огненный вал неумолимо накатывается на них.

— Надо спешить, — снова повторил Джоах, пролезая сквозь плотный кустарник. — До Милбенда по-прежнему еще очень далеко.

Скоро дети вышли из лощины и снова пошли по саду. Елена то и дело оборачивалась — на них снова охотились; на этот раз за ними гнался безжалостный ревуший огонь.

И вот в последний раз мелькнула перед ее глазами воздетая к небу сухая ветвь Старца. Она была похожа на отчаянно воздетую руку человека, захлебывающегося в море пламени.

Не скрывая больше слез, девушка отвернулась, и в ушах ее снова зазвучали странные непонятные слова: *Найди моих детей.*

— Я не верю, что парнишка Брукстона мог дойти до такого! — проворчал, поднимая к небу кулак, возница повозки, угрюмый старик. Остальные сгрудились сзади и, горячо споря, обсуждали подробности пожара.

Рокингом склонился с лошади еще ниже и доверительно сказал старику:

— Его отец сам послал за провидцем, — и указал на трусящего рядом на низкой лошаденке Дизмарума, лицо которого было полностью закрыто капюшоном. — Его отец просил нас хоть как-нибудь помочь его детям.

— Но что отец... — тянул возница. — Ты говоришь, что отец сам застучал их на месте преступления? И все видел собственными глазами?

Рокингом кивнул:

— Это было в сарае. Они случались там, как собаки, забыв, что брат и

сестра...

Вокруг прошел возмущенный ропот, и Рокингем сжал губы плотнее, чтобы не выдать довольной улыбки. Все оказалось так просто, и понадобилось всего несколько слов, чтобы возбудить отвращение всех окрестных семей к бежавшим подросткам. Воин потуже запахнул плащ — вдоль дороги задувал холодный ветер с гор. Он еще раз посмотрел на дымящиеся холмы и то и дело взметающиеся из сада длинные языки пламени.

— А когда вы там оказались, что видели? — проскрипел требовательный голос из глубины повозки.

Рокингем резко повернулся в седле и пристально посмотрел на простые грубые лица.

— Мы увидели мальчика с топором в руке. Мать лежала в луже крови еще теплая, а отец чуть подальше, но уже совсем окоченевший.

— Сладчайшая мать! — И несколько человек в суевверном трепете прижали ко лбам большие пальцы левых рук.

— А девочка уже поджигала сарай и дом. Мальчишка сразу же подскочил к нам с топором, я едва сумел защитить слепого провидца, и нам пришлось покинуть это проклятое место.

— Да как такое могло стать? — снова вмешался в разговор возница, и глаза его нехорошо заблестели: — Я сам знал этих детей, такие умные, добрые, вежливые, никогда слова поперек не...

— Дьяволы, — перебил его, заговорив в первый раз за всю дорогу, Дизмарум. — Дьяволы овладели их сердцами.

Теперь прижали пальцы ко лбам почти все крестьяне, а кто-то, не выдержав, даже спрыгнул с повозки и побежал обратно в город. Шаги его еще долго слышались на пустынной дороге.

— Приведите мне их живыми и невредимыми, — продолжал провидец. — Не убивайте их ни в коем случае, а не то дьяволы вылетят из их растерзанных, сердец и вселятся в кого-нибудь из ваших детей. Будьте осторожны! — Дизмарум снова скрылся под капюшоном и махнул рукой Рокингему, чтобы тот ехал вперед!

Воин ударил лошадь, и оба всадника понеслись по дороге дальше.

— Разнесите по всем концам слова провидца! — успел напоследок крикнуть Рокингем. — Ищите детей! Приведите их нетронутыми в гарнизон!

Но за поворотом, как только повозка скрылась из глаз, Рокингем остановил коня и оба пошли медленным ровным шагом.

— Ловушка расставлена, — довольный собой, сказал Рокингем.

Но старик угрюмо молчал. В следующее мгновение над краем леса послышался свист кожистых крыльев.

— Так молись, чтобы она сработала, — пробормотал он и проводил долгим взглядом крылатый ужас, скрывшийся в восходящих лучах солнца.

Милбэнд Крик дети переезжали верхом; Елена сидела сзади, крепко держа брата за талию. Мист шла осторожно и медленно, но все равно поднимала целые фонтаны воды. И прикосновение этой ледяной влаги вдруг напомнило Елене, что скоро зима, лес замрет, все живое исчезнет.

— Как только переедем, считай, что мы в безопасности, — оторвал ее от грустных мыслей Джоах, голос которого совсем охрип от усталости и дыма. — Река широкая, и такое расстояние огню не преодолеть. По крайней мере, я так надеюсь.

Но Елена молчала. Она, конечно, тоже надеялась на спасительную реку, но пожар за их спинами все еще продолжал тянуть к ним свои злобные руки. Буквально полчаса назад он едва не поймал их в свои губительные объятия в небольшой лощинке меж двух холмов, где дети присели немного передохнуть. Пришлось обоим опять садиться верхом и гнать что есть мочи, иначе им грозила неминуемая смерть. Хорошо еще, что никаких следов крылатого чудовища больше не было видно.

К тому времени, как они добрались до Милбэнд Крик, луна уже закатилась, и на востоке забрезжил робкий рассвет.

— А далеко ли до Винтерфелла, Джоах? — неожиданно спросила Елена.

— Не знаю. Если можно было бы хотя бы видеть какие-то знаки сквозь этот чертов дым! Впрочем, к полудню мы точно до города доберемся, — юноша несколько раз взял кобылу в шенкеля, чтобы понудить ее быстрее вскарабкаться на крутой противоположный берег. — Здесь лучше снова вести в поводу, а то она совсем устала, — Джоах спрыгнул на землю и помог слезть сестре. Ощувив под ногами твердую почву, девочка едва не упала — так болели у нее ноги от усталости и непривычно долгой езды на лошади; все тело ныло, руки отказывались служить, кожа горела.

Брат ласково поддержал ее:

— Теперь можно немного и отдохнуть, Эл.

Девушка убрала с грязного лица растрепавшиеся волосы, молча

кивнула и присела на первый попавшийся прибрежный валун, поросший мхом. Мист немедленно принялась щипать свежую, не опаленную пожаром траву. Джоах тоже упал на берег, наконец, громко и не таясь вздохнув, заложил руки за голову и уставился на окутанную дымом реку под угасающими звездами.

Елена печально опустила голову. Со вчерашнего вечера не прошло еще и суток, а она из сказочно счастливой девочки превратилась в бездомную сироту, бродягу, и каждый шаг теперь грозил гибелью. Все потеряло реальность, даже Джоах и Мист, расположившиеся в какой-нибудь паре метров, казались ей призрачными и ненадежными, словно могли в любой миг стать пылью или улететь, оставив ее навсегда среди огня и чудовищ. Девочка обхватила себя за плечи и стала раскачиваться на холодном камне взад и вперед, словно пытаясь заглушить боль и льющиеся безостановочно слезы.

Она даже не видела, как Джоах поднялся, подошел к ней и обнял, пытаясь согреть. Но девушка все дрожала в его крепких руках, а он все сильнее прижимал к груди ее растрепанную голову, не говоря ни слова.

Наконец, дрожь потихоньку прошла, и Елена сама обвила руками шею брата.

Отныне она знала, что это не просто ее брат, который помог пережить ужасы сегодняшней ночи, но еще и часть матери, с любовью и теплом, и часть отца с его защитой и силой. Что бы ни произошло этой ночью, их семья по-прежнему жива.

И девушка хотела бы остаться в этих дающих забвение объятиях до самого рассвета, но Мист неожиданно громко всхрипнула, подняла уши и нервно заплескала на месте. Оставив сестру, юноша пошел посмотреть, что с лошадью.

— Что там, Джоах? — осторожно спросила Елена, спрятавшись за валун, в то время как брат тщательно всматривался в озаренную заревом пожара воду.

— Вроде ничего, эта ночь просто доконала ее.

Но волнение лошади передалось и Елене. Она быстро подбежала к брату и тоже стала всматриваться вверх и вниз по течению. Но река по-прежнему бурлила в своих берегах между скалами и несла воды дальше, на запад.

— Может, ты и прав, ничего такого, — начала девушка, но осеклась и не закончила, все еще надеясь, что это обман ее уставших слезящихся глаз.

У самого берега река светилась странным серебристым светом, напоминающим отражение луны. Но луны давно не было, а свет все ширился, перемещаясь против течения.

— Что это? — испуганно спросила Елена.

— Где?

Она указала на свет, в медленном сиянии распространявшийся по воде, как пролитое молоко.

— Я ничего не вижу, — изумился Джоах.

— Да вот же, какой-то свет на воде. Разве ты не видишь?

Юноша сделал несколько шагов в ту сторону, куда указывала сестра, посмотрел еще раз и, встревоженный, стал тянуть Елену за рукав:

— Там ничего нет, Эл!

Елена же, не отрываясь, смотрела, как серебряная муть начинает становиться все меньше, все тоньше, а потом и вовсе исчезает, словно никогда ее и не было. Девушка протерла глаза:

— Оно ушло, — недоуменно пробормотала она.

— Что ушло? Ведь ничего и не было!

— Нет, было... Что-то было.

— Я, во всяком случае, ничего не видел. Но что бы там ни было, учитывая все превратности сегодняшней ночи, это сулит скорее плохое, чем хорошее.

— Нет, — Елена сказала не думая, но внутренний голос говорил ей, что на сей раз она права. — Нет, это совсем не опасно.

— Все равно, хватит с меня приключений за эту ночь. Лучше двинемся дальше, до Винтерфелла еще далеко. — Мальчик в последний раз посмотрел на воду и решительно взял Мист под уздцы.

Елена пошла впереди.

Она все думала и думала о странном сиянии. Да, быть может, это всего лишь галлюцинация уставшего сознания. Однако девушка никак не могла сомневаться в том, что в последний миг, перед тем, как свету исчезнуть, в нем возникла женщина с глазами, как звезды. А потом все исчезло, и остались лишь черная вода да скалы. Нет, наверное, это все же игра света, и только.

Но почему, почему же тогда, в тот момент, как возникла звездная женщина, правая рука Елены вновь вспыхнула огнем, словно прикоснулась к Солнцу? Но ведь и жар исчез так же мгновенно, как свет?

И почему Джоах не видел ни света, ни женщины?

Но тут Мист ткнулась ей в шею своими бархатными губами, и девушка ускорила шаг. Слишком много вопросов, слишком много. Но впереди Винтерфелл, и, может быть, там она найдет на них ответ.

Рассвет вошел в маленькую комнату харчевни свежестью и холодом. Эррил, завернувшись в одеяло, лежал на полу, положив дорожный мешок под

голову. Он проснулся с первыми лучами солнца и долго смотрел, как в его свете танцуют по комнате пыль и моль. Предыдущий вечер казался бесконечным, они с Нилен говорили долго и откровенно, пока оба не согласились с тем, что поспать несколько часов будет совсем не вредно для обоих.

Нилен тут же заснула на кровати, прямо в одежде, прижимая к груди лютню, как счастливого любовника. Но Эррил забылся в тяжелом сне далеко не сразу и, казалось, всего лишь на несколько минут. Его сновидения оказались призрачными и страшными. И, наконец, окончательно отказавшись от надежды выспаться, жонглер стал просто ждать рассвета.

И вот теперь, глядя на заливающий комнату свет, старый бродяга чувствовал, как сердце его наполняют тысячи древних воспоминаний, новых страхов и вопросов. Зачем он остался с этой женщиной? Ведь после того как она смеялась веки и в комнате раздалось ее тихое дыхание, он с легкостью мог уйти. Однако ее слова, сильней, чем ее присутствие, привязали его к лютнистке. Была ли в этой встрече с таинственной нюмфайей какая-то предопределенность, судьба? Были ли они и во внезапно запылавшем пожаром саду? И почему... почему он снова так неожиданно оказался в этой проклятой долине?

Увы, ответ на последний вопрос он знал. В глубине сердца старый воин не мог обманывать себя и прекрасно понимал, что привело его сюда через столько лет. Прошлая ночь была годовщиной появления Книги и годовщиной потери брата. Эррил до сих пор, как живых, видел перед собой Шоркана, Грешюма и мальчика, чье имя он так никогда и не узнал. Все они стояли перед его внутренним взором в очерченном воском кольце под раздающийся издали далекий и тревожный треск барабанов. Картина эта, как старая прекрасная живопись, до сих пор отчетливо, полная красок, была как нарисована у него в мозгу.

Миновало пять сотен зим, и вот теперь он снова был в той же харчевне, сжимая в руках Книгу и стараясь не смотреть на разлитую на полу невинную кровь. Череда лет остановилась для него с того момента. И только спустя много времени он понял, что наказан самым страшным проклятием — не стареть. Он был осужден видеть, как старели и умирали все те, кого он любил, но сам он оставался вечно молодым. И в глазах умирающих он постоянно читал один и тот же вопрос: почему мы должны умереть, а ты жить?! И наконец эта боль, это постоянное чувство вины стали для него настолько непереносимы, что он бросил все и начал бродяжничать, стараясь более не иметь ни дома, ни друзей.

Каждые сто лет он все возвращался и возвращался в эту долину, в тщетной надежде найти ответ. Когда же кончится эта мука? Почему я осужден на жизнь? Но ни разу не было ему дано даже намек на ответ. Страна менялась, и с каждым разом он видел все меньше следов того давнего сражения в расцветавшей долине. Люди тоже понемногу забывали тот ужас, стирались из памяти имена погибших, безымянные их могилы зарастали травой. Но бродяга вновь и вновь упорно возвращался сюда, чтобы почтить память павших — ведь они заслужили, чтобы хоть один человек на земле еще помнил об их храбрости и об их жертве.

Конечно, Эррил знал, что может просто однажды взять и упасть на собственный меч и покончить с проклятием. Эта мысль неизбежно приходила ему в голову каждую ночь, когда он оказывался в этой харчевне. Но сердце отказывалось позволить это. Кто же тогда будет помнить тысячи павших в ту страшную зиму несколько сотен лет назад? Кто будет помнить его брата Шоркана, умершего, чтобы дать жизнь Книге? Да и как он может сам снять с себя ту ответственность, что возложил на него брат?

И потому старый воин все возвращался и возвращался сюда через каждую сотню зим.

Вдруг Эррил услышал, что заворочалась Нилен, и увидел, как ее тонкая рука потянулась и стерла с фиалковых глаз остатки сна. Тогда он закашлялся, чтобы дать ей понять, что и он не спит.

— Уже утро? — улыбнулась маленькая женщина, опираясь на локоть.

— Да, и если мы хотим найти в зале место, чтобы спокойно позавтракать, надо вставать.

Народ на улице и в харчевне не успокаивался всю ночь. Женщина выскользнула из-под одеяла, стыдливо оправляя платье.

— Да, хорошо бы поесть. Только без толпы.

— Увы, еду подают только в общем зале, — Эррил натянул сапоги, встал и выглянул в окно. Он все всматривался куда-то, едва не вывернув себе шею. На западе утреннее небо все еще мутилось серыми полосами дыма, и надо всей долиной висела плотная завеса. Высоко же над горами бушевала гроза, и гром гремел прямо над самыми вершинами. Однако дождь, который мог бы стать сейчас милостью и спасением, все не шел. Эррил увидел, что из сада то тут, то там по-прежнему вздымаются вверх

языки огня, а подножья гор непривычно черны.

Нилен тоже встала рядом и кое-как пригладила волосы рукой.

— Настоящее ясное утро, — прошептала она.

— Но долина обезображена, — сурово ответил Эррил и снова вспомнил картину, царившую здесь после битвы. Кровь текла тысячами ручьев, стоны и крики умирающих доносились до самых гор, а в нос бил непереносимый запах разложения. Да, пожалуй, по сравнению с тем, сегодняшнее утро было все же вполне хорошим.

— Конечно, все зарастает, — поспешил добавить он, видя, как вытянулось от огорчения лицо нюмфай. — Долина всегда быстро оправляется от ран.

Жонглер собрал мешок и положил в него лютню, после чего они вместе направились к двери.

— Не всегда, — вдруг печально произнесла Нилен, глядя куда-то в даль. И Эррил понял, что спутница его вновь видит, как медленно и мучительно умирает ее родина. Бродяга вздохнул и решительно открыл дверь.

Нилен проскользнула в коридор и быстро стала спускаться в общий зал. Голоса, раздававшиеся оттуда, кипели, словно было не раннее утро, а все еще вчерашний вечер в самом разгаре. Что-то по-прежнему смущало и волновало горожан. Как только Эррил и Нилен вошли в зал, мимо них на сцену проскочил кривой рыжеволосый человек в запятанной сажей одежде. Но по тому, что на сцене не лежало никакого лотка для сбора денег, Эррил понял, что это отнюдь не какой-то утретний артист.

— Слушайте меня, люди! — закричал он, кидая слова в сторону занятых народом столиков, словно пушечные ядра. — Я сам слышал все это от капитана гарнизона!

— Да забудь ты про это, Харол! — махнул кто-то на него полотенцем. — Сначала надо справиться с пожаром, а потом уже разбираться с этими детьми!

— Нет! — взорвался мужчина. — В них вселились дьяволы! — Последние слова он буквально выплюнул в толпу.

— Ну и что с того? Дьяволы не вырывают еды изо рта столько семей, как пожар! Если мы его не потушим, то нынешней зимой начнется голод!

Человек на сцене стал красным от злости, плечи его затряслись, как в лихорадке:

— Идиоты! Ведь пожар устроили именно они, эти бесноватые дети! Если мы не найдем их сейчас же, то они подожгут и все остальное, фермы, поля, город! Вся долина выгорит дотла! Этого вы хотите?!

Последний аргумент произвел на публику впечатление. Нилен стояла, вцепившись в рукав Эррила, и после этих! слов вопрошающе подняла на него свои фиалковые глаза. Бродяга передернул плечами:

— Досужая болтовня. Просто ищут козла отпущения — вот и все.

Но его слова оказались подслушанными стариком за соседним столом:

— Э, нет, приятель, эти слова пришли с гор, зло действительно овладело сердцами этих детей.

Эррил сухо кивнул, изобразив на лице подобие улыбки, но отошел в сторону. Он тихонько, но настойчиво подтолкнул Нилен к бару, чтобы случайно не оказаться замешанным в какую-нибудь склоку — обстановка в зале была взрывоопасная. Жонглер подвинул к стойке два стула и почти насильно усадил женщину.

Хозяин, как обычно, возвышался над стойкой, но сегодня на его красной физиономии сияла настоящая, а не деланная улыбка. Пожар оказался для него сущим подарком, и прибыль его за последние сутки перевалила сказочный барьер.

Эррил перехватил его любопытствующий взгляд и коротко бросил:

— Холодную овсянку! — Глаза трактирщика метнулись к Нилен, и он, не стесняясь, плотоядно облизал жирные губы.

Нилен невольно вздрогнула, и хозяин вновь обернулся к Эррилу:

— Давай еще пять моер, и я подам для твоей дамы немного черничного варенья, что хранится у меня с прошлого года.

— Я сказал овсянку. Овсянку и хлеб.

— За хлеб еще монету.

Эррил нахмурился. Когда за хлеб к овсянке платили отдельно? Трактирщик явно зарвался.

— Хорошо, но ни грошом больше.

Надменность его слов все-таки пробила хозяина, и с недовольным ворчанием он ушел. Кашу принесла уже официантка, хрупкая девушка с покрасневшими от усталости глазами: бедняжка работала, не смыкая глаз, всю ночь напролет. И Эррил добавил ей монету. Глаза девушки вспыхнули благодарностью, и она ловко спрятала монету в карман жестом профессионального фокусника.

А толпа, наводнившая заведение, все ещё спорила о том, как действовать, и спор был в самом разгаре, когда его неожиданно прервали.

В зал с улицы вошли два человека с лицами, порозовевшими от утреннего холода. Один из них, крошечный по сравнению со своим великаном-спутником, хромал и тащил левую ногу; второй, огромный мужчина с широкими плечами

и всклокоченной бородой, в тяжелой меховой куртке и бычьих сапогах, смотрел на толпу с подозрением и угрозой в черных, как уголь, глазах. Он явно был чем-то раздражен до крайности.

Эррил без труда угадал в нем жителя гор, кочевника, живущего среди снеговых вершин верхней гряды. Такие редко отваживались спускаться в долину в то время, когда не было сезона торговли и обмена, и увидеть горца в городе перед самой зимой было делом редким и необычным.

— У нас есть новости, новости! — сразу же замахал руками маленький. — Новости!

И поскольку аргументы в споре уже подходили к концу, все с живым интересом обернулись к новоприбывшим. Общий взрыв любопытства не миновал и Эррила.

— Ну, и что ты слышал, Симкин? — крикнул кто-то с места.

— Да не слышал, а *видел*! — малыш по имени Симкин энергично затряс головой и стал проталкиваться через толпу, таща за собой горца. Наконец ему удалось вскарабкаться на сцену, и он с новым энтузиазмом замахал руками, подзывая товарища, с которым теперь сравнился в росте. Тот подошел, Симкин торжественно положил свою паучью лапку ему на плечо и победно оглядел собравшихся: — Этот парень сам видел дьявола.

Толпа зашептала, заволновалась, зашумела, и всюду ко лбам полетели вскинутые большие пальцы.

— Хватит выдумывать, Симкин! — крикнул кто-то из благоразумных.

— Да это чистая правда!

— Ну, и что же он видел? Твою жену, что ли?! — Толпа разразилась хохотом, в котором, тем не менее, явственно звучала скрываемая нервозность.

— Да скажи им! — заверещал Симкин, толкая великана в плечо. — Давай, выйди и скажи! — Эррил заметил, как в глазах горца блеснул гнев; злить этих кочевников было всегда опасно.

Гигант прочистил горло звуком, подобным хрипу лающей на цепи собаки, и заговорил голосом, звучащим, как гулкое эхо в пещерах его родины:

— Он пролетел на рассвете над Тропой Слез, прямо рядом с моим домом. Бледный, как грибы, что растут на мертвых деревьях, и с крыльями, словно три взрослых мужчины. Глаза его отливали красным, все звери в страхе разбежались, а одна женщина из нашего рода разрешилась мертвым младенцем.

Никому и в голову не могло прийти, что горец жлет — это было ясно видно и по его лицу, и по той дрожи, которая невольно проскальзывала в его голосе. К тому же горцы были известны исключительной честностью, и толпа растерянно замерла после этих слов.

Эррил тоже остался сидеть с поднесенной ко рту ложкой. Неужели это не исчезло? После стольких лет? Он не видел этого уже сотни лет...

— И ты проделал весь этот путь, чтобы предупредить нас? — раздался чей-то участливый голос.

— Я проделал мой путь, чтобы убить его! — рокотом пронесся по залу ответ горца.

Эррил опустил ложку и неожиданно для себя услышал собственный голос:

— Было ли это чудовище похоже на замороженного голодом ребенка, с кожей прозрачной настолько, что через нее видны все внутренности?

Горец грузно повернулся в его сторону всем корпусом:

— Да, свет проходил через него, как нож, и выглядел он, словно больной.

— Ты знаешь, о ком он говорит? — прошептала Нилен в плечо Эррилу.

— Эй ты, жонглер!, — заговорило сразу несколько голосов. — Что ты знаешь об этой твари, выкладывай!

Все глаза уставились на Эррила, и он тысячу раз проклял свой поспешный язык. Но выхода не было, надо было держать ответ:

— Это означает мор и смерть, — нехотя признался он. — У вас нет надежды.

Толпа всколыхнулась, и только горец продолжал стоять неподвижно среди беснующихся людей. Он не сводил с Эррила сузившихся от ненависти глаз, и Эррил знал, что его слова не удивили и не испугали великана: этих жителей гор с их кровью, ледяной, как вершины, и нервами, прочными, как их дома из гранита, не так-то легко вывести из себя. И угроза смерти не могла поколебать их решимости. Эррил отвернулся.

— Что это за чудовище? — снова прошептала Нилен, дергая его за рукав. И голос его прозвучал, как пролетевший ветер: это скалтур — один из лордов ужаса Гульготы.

— Ссолнце воссходит, — скалтур приземлился в кордегардии гарнизона прямо перед Дизмарумом и покачал крыльями, которых

блестели капли дождя. В комнате послышался отчетливый стук костей: — Вссе ли готово... шссс?

Дизмарум невольно сделал шаг назад, от скалтума исходил непереносимый запах гниющего мяса и какой-то отвратительной слизи:

— Рокингем разносит весть о девчонке по всей долине, и скоро она будет здесь. Ей больше некуда деться.

— Молисссь, молисссь об этом. Черное сердце жаждет ее... шссс. И не подведи его еще раз.

Дизмарум быстро склонил голову и направился к выходу, прикрытому люком. Он с трудом поднял люк и выглянул на улицу. Утренний свет, едва различимый его глазами, заливал лестницу, окружая его, светлым облаком. Дизмарум тайком ухмыльнулся, почувствовав, как скалтур немедленно отступил в тень. Как и все миньоны Тёмного Лорда, он мог переносить свет, но всегда предпочитал держаться от него подальше. Их прозрачная кожа темнела от соприкосновения с солнечными лучами, и это каким-то образом осложняло их жизнь.

Провидец открыл дверь шире, чем нужно, заставляя скалтума убраться в глубь кордегардии. Это была не месть, но что-то близкое; ненависть старика к этим крылатым тварям не исчезла с течением многих столетий.

Но в конце концов чудовище злобно зашипело и остановилось. Довольный и этим, Дизмарум прикрыл дверь. Что ж, пока сила не на его стороне, но если предоставится хотя бы малейшая возможность... А уж он знал, что можно сделать со скалтуром.

Держась рукой за отсыревшую каменную стену, провидец стал подниматься по лестнице, которую ярко освещали факелы, но Дизмарум был так стар, что через несколько ступеней силы почти оставили его. Пару раз старику пришлось остановиться в. передохнуть, и во время этих передышек, прикрыв глаза и тяжело дыша, он все пытался представить себя молодым с острыми зоркими глазами, с легким телом, с черными кудрями... Но это почти не удавалось; казалось, он всегда был таким согбенным, измученным жизнью стариком. Да и был ли он и вправду когда-либо молод?

Во время последней передышки сверху спустился солдат, который был вынужден вжаться в стену, чтобы пройти:

— Прошу прощения.

Дизмарум увидел, что в руках у солдата корзина с едой для узников, томлящихся внизу; от нее пахло несвежим мясом и плесенью, и даже его старые глаза разглядели личинок, расплозющихся по плетеным прутьям.

Молодой солдат заметил отвращение, изобразившееся на лице старика, и заговорил, почему-то высоко подняв корзину:

— К счастью, сейчас внизу только один узник, и я ненавижу свою обязанность.

Дизмарум кивнул и стал подниматься дальше, с трудом налегая на посох и раздумывая, кому несет жалкую трапезу молодой солдат. Насколько он знал, в лабиринтах подземелья сейчас находился только скалтур — но тот не насытится содержанием небольшой корзины. Солдат же все спускался, насвистывая, и только когда Дизмарум уже входил в главный зал, снизу донесся отчаянный крик несчастного, и все смолкло.

Старик вздохнул. Может быть, поев, скалтур подобреет. Затем перешагнул порог и остановился, решив во что бы то ни стало не подходить ближе.

Двери главного зала выходили во двор, купавшийся в утренних лучах и заполненный лошадьми и повозками. Солдаты похаживали, проверяя подковы и осматривая колеса, откуда-то неподалеку раздавался звон молота по наковальне.

Тяжело припадая на посох и упирая его в гладкие каменные плиты, Дизмарум пошел дальше. В нос ему ударил запах смазанного оружия, но ни один из солдат, заметив его рясу, не посмел приблизиться к нему ближе, чем на вытянутую руку. Пройдя три двери старик вышел к солдатской спальне и увидел ряды пустых тюфяков. Все были заняты. В это утро улицы города сверкали железом и сталью.

— Дизмарум! — неожиданно раздался сзади знакомый голос, — Обернись-ка, старина!

Это был голос Рокингема.

Дизмарум повернулся и действительно увидел Рокингема, сменившего свой испачканный верховой костюм и одетого теперь в красно-черную гарнизонную форму. Его сверкающие сапоги доходили до колен, а красный мундир украшало множество медных пуговиц и крючков. Усы его были нафабрены, копоть с лица смыта, но тонкий нюх провидца по-прежнему чувствовал исходящий от молодого офицера запах дыма.

— Мы выслали слишком много патрулей, — хмуро заявил он.

— То есть? — нервно уточнил Дизмарум, чувствуя, что никак не может отойти от встречи со скалтуром.

— Такой бешеной активностью мы только спугнем их, они просто не пойдут в город. — Рокингем указал на двери: — И двух шагов не пройдешь, как

наткнешься на вооруженного солдата. Я бы лично в такой ситуации сюда не сунулся.

Провидец кивнул и потер глаза. Может, этот глупец и прав на сей раз. Если бы он сам так не устал, то, верно, тоже обошел бы город стороной.

— И что ты предлагаешь?

— Верните солдат в кордегардию. Я разнес необходимые слухи, и люди уже взволнованы выше меры. Они сами поймут нам детей.

Дизмарум тяжело оперся на посох:

— Она не должна ускользнуть. Не должна.

— Как только она окажется в городе, ей нет спасения. Пожар и слухи о дьяволах озлобили людей, и за каждой улицей следит тысяча глаз.

— Ладно, хватит охоты, — согласился старик. — Просто станем ждать. — Он снова представил себе скалума в подземелье, напрягшегося, как собака, которой обещали кость. Обмануть его ожидания, как и жажду хозяина, было бы сущим безумием.

Но Дизмарум слишком долго ждал этого часа.

Впереди за гребенчатым краем леса показалась красная крыша городской мельницы. Огонь остался далеко позади, хотя дым все еще стелился по утреннему небу вплоть до самого города. Вид островерхих крыш придал Елене новые силы, и она зашагала быстрее, таща упиравшуюся Мист.

— Мы почти пришли, — с облегчением вздохнул Джоах.

— А что, если тети Филы не будет в пекарне?

— Да нет, что ты. Она всегда там, не беспокойся.

Брат с сестрой уже давно решили сразу же отправиться к своей вдовой тетке, которая была хозяйкой городской пекарни. Сестра их матери слыла женщиной жесткой, с железными нервами и негибаемой спиной. И она-то уж точно знала, что делать со всеми этими ночными кошмарами.

Подойдя к небольшому ручью, дети увидели мельницу и искренне обрадовались ее стенам из красного кирпича и узким окнам. Елена часто бегала сюда к матери, которая меняла здесь пшеницу на муку.

Большое мельничное колесо почти беззвучно крутилось в серебряных струях, словно ручей всегда с радостью умывал великую труженицу. Сразу за зданием виднелся мост Милбенд, каменное сооружение, соединявшее городскую дорогу с проселочной, ведущей в малонаселенные горные районы.

Джоах предостерегающе положил руку на плечо сестры, чтобы она пока не выходила из надежного прикрытия деревьев на опушке.

— Давай-ка сначала я посмотрю, есть ли кто на мельнице. А ты стой и не высовывайся.

Девочка кивнула и дернула за узду кобылу, отводя Мист на несколько шагов в глубину. Лошадь заунылась, копыта застучали о подмерзшую землю. Елена понимала, что она рвется из леса на луг, все еще призывно зеленевший за деревьями.

— Ш-ш, подожди, моя хорошая, — зашептала девушка Мист прямо в шелковое горячее ухо, и эта ласка успокоила животное. Но не Елену.

Она смотрела, как Джоах осторожно переходит открытое пространство между лесом и мельницей, трогает железную калитку, налегает на нее... Напрасно. Калитка заперта. Тогда юноша встал на пустую бочку и заглянул в окно, спрыгнул, покачал головой и скрылся за углом.

Елена с ужасом смотрела, как скрылся из глаз последний член ее семьи. А что, если он больше не вернется? И если она останется совсем одна? Девушка представила себе одинокую жизнь круглой сироты, и ей стало по-настоящему страшно. Неужели она останется последней из Моринсталей?! Елена схватилась за горло, удерживая рыдания.

В это время с ближайшей ветки запела свою одинокую, грустную песню птица какора, а от травы, оживленной росой, пошел тонкий нежный аромат, перебивающий даже смрад гари. Кролик выскочил из норки в густых зарослях и скрылся за деревьями. Встревоженный его прыжками, откуда-то взмыл целый рой бабочек. Казалось, что на этом укромном лугу навсегда поселилось лето.

Елена вздохнула. После страшной минувшей ночи она бы уверена, что вокруг изменился весь мир, что, когда взойдет солнце она увидит поваленные деревья, безжизненные тельца зверюшек, а на самом деле жизнь в долине продолжалась как ни в чем не бывало. И странным образом это успокоило девушку.

Жизнь продолжалась, значит, будет жить и она.

Неожиданно Елена заметила у мельницы какое-то движение — это Джоах вышел из-за угла и помахал ей рукой. Благодарю тебя, Сладчайшая мать! И Елена побежала вперед стремясь преодолеть пространство до мельницы как можно быстрее. Мист же как нарочно не хотела уходить от сочной травы. Однако когда Елена добежала, то увидела, что лицо у Джоаха сумрачно.

— Пусто, — печально сказал он. — Наверное, все отправились тушить пожар.

— А если и тетя Фила тоже? — спросила Елена, оттаскивая лошадь от кустов, на которые та сразу набросилась:

— Да не может быть, Эл! Она слишком пожилая, чтобы ей позволили помогать в таком деле. Она непременно дома.

— Хорошо, если так.

— Пойдем и проверим, — и дети направились к мосту, на каждом шагу останавливаясь, чтобы оторвать изголодавшуюся Мист, твердо намеренную наесться вдоволь.

Наконец кое-как животное затащили на мост, и копыта ко застучали по истертым камням. Вдруг на середине моста она обернулась и краем глаза успела заметить неожиданно метнувшуюся в окне второго этажа пеструю занавеску.

— Там, кто-то есть, Джоах! — девочка указала на занавешенное окно.

— Странно. Они не могли меня не слышать. Я стучал подряд во все окна.

— Может, это кто-то из мельниковских детей? Сидят одни, вот и перепугались.

— Да что ты! Сесель и Гаранта я прекрасно знаю, как и они меня. Что-то не нравится мне все это, — и на лицо Джоаха при этих словах легла тень.

Тут издали навстречу им показалась повозка, явно направляющаяся к мосту. Джоах дернул Мист, и все трое быстро скрылись в песочке на северной стороне дороги. Лошадь рвалась, и Елена с трудом ее удерживала.

— Но, может, это кто-то из знакомых, — робко предположила Елена. — Может, они нам помогут?

— А может, и те, кто пришел к нам этой ночью.

Девушка прижалась к лошади и стала ждать повозку. Вот та приблизилась, и Елена увидела там одетых в красное и черное мужчин — солдат гарнизона. Она сразу же вспомнила, что приходивший ночью человек тоже был оттуда.

Ни она, ни Джоах не окликнули проезжавшую мимо повозку.

Наоборот, брат сделал ей знак отойти как можно дальше, и Елена удачно завела Мист на бывшую оленью стоянку, где лошадь было совсем не видно. Зато повозка оттуда просматривалась как на ладони. Вот повозка остановилась, и выпрыгнувшие солдаты расположились караулом у моста. Двое из них сразу же последовали к мельнице.

И только брат с сестрой намеревались уйти, как увидели, что дверь мельницы отворилась, и навстречу солдатам вышли и мельник, и его жена. Что они говорили, слышно, конечно, не было, но они явно указывали руками в сторону города.

— Не понимаю, — пробормотала Елена.

— Залезай быстро, — приказал Джоах и, посадив ее на лошадь, сел сам. — Надо добраться до тетки, пока никто нас не увидел.

— Но почему? У отца и мамы в городе столько друзей!

Джоах махнул в сторону мельницы:

— Да, особенно таких, как мельник и его жена.

Испуганная Елена стала погонять Мист все быстрее по оленьей тропе.

— Так что же нам теперь делать?

— Пробираться лесом. Дом тети Филы находится как раз на самом северном краю города, у леса. Конечно же, мы сделаем круг, но зато будем невидимы. По крайней мере, меньше шансов, что нас заметят.

Девушка молчала. Как ни протестовало ее сердце против суровых слов брата, разумом она понимала, что он прав. Теперь верить можно только своим. У тети Филы ясная голова и доброе сердце, она с ее тремя взрослыми сыновьями непременно защитит их и поможет во всем разобраться.

Девушка еще раз дала Мист шенкелей. Чем раньше они доберутся до пекарни тети Филы, тем скорее окажутся в безопасности. Елена смотрела на серые струйки дыма, поднимавшегося от сгоревшего сада и тянувшегося к отдаленным горам. Что же произошло с ее долиной, с ее народом?

Она вспомнила, как поверила в жизнь на опушке у мельницы. Она обманулась.

Жизнь в долине *изменилась*.

Долина *превратилась* в чужое и враждебное место.

Эррил оставил недоеденную овсянку и кивнул на дверь:

— Давай-ка выбираться на дорогу.

Нилен, потрясенная словами горца и Эррила, сидела на стуле и не могла отвести глаз от возбужденной толпы, выпытывавшей у кочевника подробности виденного им дьявола. Слова Эррила о том, что он знает не больше, чем они, и что все это лишь древние легенды, не успокоили публику и не удовлетворили ее любопытства. Народ наседал на Эррила до тех пор, пока жонглер угрожающе не вынул один из своих ножей и не замахнулся им на самого горячего.

Постепенно разговор опять перешел на то, что теперь делать с пораженными дьяволом детьми; однако и эта дискуссия оказалась уже не очень бурной, поскольку большинство ушло из харчевни, приставив пальцы ко

лбам, чтобы защитить свои собственные дома от страшной заразы. Только один посетитель все сидел и не сводил с Эррила маленьких хитрых глаз и, потягивая подогретый эль, казалось, не собирался покидать свое место. Этот взгляд заставил Эррила насторожиться. Жонглер встал.

— Нам пора, — обратился он к горцу, но нюмфая не двигалась. Бродяга коснулся ее локтя, но женщина ускользнула.

— Разве ты не чувствуешь? — прошипел он. — В воздухе висит угроза, город, словно пороховая бочка, и у каждого в руке горящий факел. Надо уходить.

— А что со скалтумом? — спросила она. — Может, лучше остаться в городе, пока его не убьют?

— Убить его невозможно.

— Почему?

— Он защищен силой черной магии.

— Что это еще за магия? — пророкотал голос сзади. Эррил мгновенно обернулся и на шаг отступил от медленно надвигавшегося на него горца. Глаза Нилен посветлели от страха.

— Простите, но это частный разговор, — осторожно произнес Эррил, уже приготовившись к драке.

— Я спустился сюда специально для того, чтобы поймать и убить эту гадину, — прохрипел гигант, раздувая от гнева крупные ноздри. — И если вы человек честный, то скажете мне все, что нужно для этого.

Щеки Эррила вспыхнули. Еще никто никогда не подвергал сомнению его честь. И он вдруг почувствовал то, что не чувствовал уже много лет — стыд.

— Может быть, он прав, — осторожно произнесла Нилен из-за его спины. — Этот человек заслужил правды.

Эррил стиснул кулак.

— Ах, лучше бы вам оставить эту идею, человек с гор.

Великан неожиданно распрявился во весь рост и оказался выше горожан не на две, а на четыре головы. Сзади раздался звук разбитого стакана, уроненного испуганной официанткой. Сам довольно высокий, Эррил обнаружил, что достает горцу едва ли до живота.

— Меня зовут Крал эДарвун из Секты, — пробасил кочевник. — Эта тварь задела жизнь моей трибы, и я не вернусь без ее головы.

Эррил понял, что переубедить его невозможно и что горец говорит правду. Среди опасных горных пропастей и снежных хребтов выжить можно было только с правдой. И Эррил прижал кулак к груди, давая понять, что тоже говорит чистую правду. Горец тут же повторил этот жест:

— Ты знаешь наши обычаи, человек долины, — пробормотал он, глядя прямо в глаза жонглера.

— Я много путешествовал.

— Тогда ты поймешь меня. И скажешь об этой темной магии все, что знаешь.

Эррил сглотнул слюну, неожиданно подумав о том, что ему, в общем-то, нечего рассказать этому сильному и смелому человеку.

— Я не знаю... Действительно не знаю. Черная магия пришла к нам тогда, когда в страну вторглись полчища гульготов. Ученые моего времени верили, что именно они свергли бога Чи и их чума задавила чайрическую магию, подменив своей, черной. И во время путешествий я видел такие ужасы, от которых бросило бы в дрожь не одного храброго человека.

При этих словах Крал нахмурился:

— Ты говоришь о тех временах, когда мои племена еще только пришли из Западных равнин. Как это может быть?

Эррил прикусил язык; он опять брякнул, не думая. Одна откровенная ночь с Нилен свела на нет столетия сдержанности. Неожиданно заговорила сама нюмфая:

— Тот кто стоит перед тобой, человек с гор, зовется не Эррил из Стендая, но еще и Странствующий рыцарь. Он рассказывать древние легенды и петь старинные песни.

Крал недоверчиво сузил глаза, в уголках которых мелькнул страх:

— Ты рассказываешь сказки, когда я прошу правды!

— Он и говорит правду, — подтвердила нюмфая. — Чистую правду.

И тогда Крал вытянул руки и положил тяжелые ладони на виски Эррила. Зная, что это означает, тот не стал сопротивляться и только незнакомая с обычаем Нилен, ахнула и схватила Эррила за рукав.

— Ну-ка, никаких драк тут! — закричал трактирщик, сметавший битое стекло на середину зала. — Выясняйте ваши отношения где-нибудь на улице!

Но Крал крепко держал в своих тисках голову жонглера.

— Я именно тот, о ком она сказала, — спокойно ответил Эррил. — Я Эррил из клана Стендаев.

На мгновение горец прикрыл глаза. Но тут же снова широко распахнул их, сделал шаг назад, опрокинув столик, и громко сказал:

— Ты говоришь правду!

— Что я сказал?! — не унимался трактирщик, покраснев, трясая животом и метлой. — Вон отсюда, пока я не вызвал солдат!

Крал упал на колени, и под его грузным телом жалобно заскрипели половицы:

— Нет, не может быть... — шепот его гремел, как труба, и по черной бороде текли крупные слезы.

Эррил не ожидал подобной реакции. Конечно, он знал, что люди с гор обладают способностью распознавать правду в речах других благодаря остаткам скалистой магии, полученной ими в своих горных жилищах. Но упасть на колени и плакать? Горцы не плачут никогда — ни в горе, ни в радости.

— Ты пришел! — громом среди ясного неба пророкотал Крал и приник лицом к затоптанному полу. — И, значит, камни говорят правду — мой народ должен умереть.

Отсыревшие брюки мешали Елене идти, и ей пришлось закатать их до лодыжек. По коленям билась шерстяная зеленая юбка, тоже влажная.

Все эти вещи Джоах украл из заброшенной пастушьей хижины.

— Я выгляжу, как путало, — пожаловалась девушка, закончив свой костюм охотничьей шапочкой, скрывшей ее огненные кудри. — Может, не надо всего этого маскарада?

Они стояли под деревом, полностью закрывавшем их своими раскидистыми ветвями. Сзади дерева журчал маленький ручей, и там ветки склонялись к земле совсем низко.

— Так нас будет труднее узнать. — Она недоверчиво посмотрела на брата, обмотавшего голову ночной рубашкой. Кроме того, Джоах натянул старую куртку с желтыми заплатами на продранных локтях. — Они будут искать двоих верхом, а мы привяжем Мист здесь, под деревом.

— Но мне не хочется оставлять ее одну, — запротестовала Елена. — А если ее кто-нибудь найдет и уведет? — В словах девочки прозвучало явное обвинение брату, но тот не обратил на этот укол внимания.

— Отсюда до тетки рукой подать. А потом мы придем за ней Бертола.

Елена вспомнила своего здоровущего кузена:

— Да он и на собственном-то дворе заплутает! Как он найдет лошадь в лесу?!

— Все будет хорошо, Эл! Тут полно травы, вода тоже рядом.

— Но это выглядит так, что мы ее бросаем!

— Мы не бросаем. И здесь ей, между прочим, будет безопасней, чем с нами.

Джоах, как всегда, был прав, но девушке очень не хотелось разбивать их и без того уж совсем маленькую семью. После минувшей ночи она почему-то чувствовала себя рядом с лошадью в большей безопасности. Елена ласково провела рукой по шелковистому боку: Не бойся, моя хорошая, мы скоро вернемся.

Мист оторвала голову от земли, пожевала губами и махнула хвостом, словно говоря: «Да не мешай ты!»

— Видишь, все в порядке.

Немного даже обиженная этим равнодушием, Елена решительно заправила рубашку в юбку:

— Ну, пошли, — вздохнула она.

Джоах выглянул из-за ветвей, и дал возможность сестре выйти, после чего осторожно свел ветви на прежнее место. Кобыла внутри смотрелась теперь лишь какой-то смутной тенью, не больше.

Немного успокоившись, девушка подошла к брату, остановившемуся около узкой тропинки. Она шла по окраине Винтерфелла прямо к небольшому озерцу, в котором любили купаться все дети городка. Но теперь было холодно, озерцо затянато тонкой пленкой льда, и потому тропинка оказалась совершенно пустой.

После сумерек леса здесь было неожиданно светло. Солнце стояло уже высоко, и, чем ближе подходили они к городу, тем шире становилась тропа, все более превращавшаяся в настоящую дорогу. Дети шли уже рядом, и Джоах то и дело оглядывался по сторонам, стараясь идти как можно тише, хотя никого вокруг и не было видно. Нервозность брата передалась и Елене, она то хваталась за юбку, то судорожно поправляла шапку.

— Посмотри, — вдруг указала она вперед. — Это, кажется, холодушка мясника.

Впереди, заваленный нарезанными ветками, действительно стоял домик, сложенный из ледяных плит. Солнце почти не попадало внутрь.

Но Джоах только согласно кивнул и поспешил дальше.

Они миновали ледяной домик и дошли уже до конца тропы, впереди был город с его кирпичными домами и островерхими крышами. И брат, и сестра замерли с побелевшими лицами, не зная радоваться ли им этому человеческому жилью, с поднимающимися над трубами дымками, сливавшимися с дымом пожара. Или лучше уйти назад, в лес? Город казался

непривычно тихим. Раньше он еще издали гудел голосами заезжих купцов, лавочников, уличных торговцев, а теперь на улицах стояла тишина, лишь изредка прерываемая случайными криками.

— Готова? Идем быстро, но бежать не надо, — печально усмехнувшись, приказал Джоах.

— Только дай мне руку, — кивнула Елена.

Его рука уже почти коснулась ее ладони, но внезапно застыла и отдернулась.

— Нет. Так мы будем привлекать лишнее внимание. Лучше идти неподалеку друг от друга.

— Ну, пожалуйста, Джоах! — слезы снова показались на усталом лице Елены. — Мне так нужно чувствовать тебя рядом!

— Ладно, — неожиданно согласился брат, вероятно, одолеваемый теми же чувствами: — Но за руки держаться все же не надо.

Девочка вытерла слезы и заставила себя больше не возражать. Пекарня тетки Филы находилась всего в нескольких домах от края города. Елена уже даже чувствовала запах свежего хлеба. Впрочем, Винтерфелл, встретивший их молчанием, все же не изменил ни одного своего запаха. Все так же пахло свежеподжаренным на завтрак мясом, цикорием и другими пряностями из заморских лавок. Пахло и конским навозом с еще не убранных с ночи улиц и конюшен. Елена выпрямилась и сказала как могла твердо:

— Хорошо. Я готова.

Джоах прикусил нижнюю губу и решительно шагнул на первую окраинную улицу, ведущую через купеческий квартал. Сглотнув тяжелый ком, застрявший вдруг в горле, Елена пошла за ним.

Первой на их пути оказалась лавка мясника. Весь товар в виде потрошенных свиней, баранины и обезглавленных кур был грусто облеплен мухами, а сам хозяин с окровавленным ножом в руке хорошо был виден через широко распахнутые двери лавки. Его грубые черные волосы над бледным, покрытым потом и маслом лицом почему-то всегда напоминали Елене свиную щетинку.

Девушка инстинктивно сжалась; мясник с его громким голосом и страшноватым товаром всегда внушал ей неприятное чувство, словно он оценивает, сколько мяса можно получить с нее самой, если, конечно, вычесть вес хрупких косточек. И то, что первым, кого они встретили в городе, оказался именно мясник, показалось Елене плохим знаком. Она поплотнее запахла на себе рваную одежку. Какая-то тупая тоска заползла в ее сердце.

Дети шли по другой стороне улицы и почти уже миновали лавку, как из дверей раздался властный и хриплый голос:

— Эй, мальчишки! Ну-ка стоять, где стояли, и не двигаться!

Брат и сестра окаменели.

Из двери лавки показался солдат, и Джоах невольно сделал шаг вперед, прикрывая сестру.

Солдат, в красно-черной форме и со шпагой в ножнах, шел лениво, и по его темным волосам и карим глазам сразу можно было сказать, что это не местный новобранец, а иностранец, служивший в гарнизоне города за деньги. Нос его был сломан в многочисленных драках, а походка выдавала опытного вояку:

— Откуда вы, парни?

Джоах сделал незаметный знак Елене, чтобы та совсем спряталась ему за спину:

— Мы проверяли силки, господин солдат.

— А мальчишку с девкой на лошади не видели? — солдат махнул в сторону леса.

— Никак нет, господин солдат.

Но глаза стражника уже остановились на Елене, стоявшей понурих голову и засунув правую руку глубоко в карман.

— Ну, а ты, молодой человек?

Побоявшись, что голос выдаст ее, девочка только молча мотнула головой.

— Тогда катитесь отсюда, да побыстрей! — И бравый вояка кивком головы направил их к центру.

Дети проскочили мимо солдата, но в последнее мгновение Елена обернулась и увидела, как, приставив ладонь к глазам, тот внимательно смотрит в сторону леса. Поставив так и ничего не обнаружив, солдат лениво вернулся в лавку.

Молча дети дошли до угла и только тогда Джоах в ужасе прошептал:

— Зачем они охотятся на нас? Что мы им сделали: Давай-ка сначала доберемся до пекарни.

Но, как ни старались дети идти спокойно, при виде дома тетки они чуть не бросились к нему со всех ног. Елена едва успевала за сумасшедшими шагами брата. Юноша первый свернул за угол, но вдруг остановился так

резко, что Елена невольно влетела ему прямо в спину, заставив сделать еще шаг вперед. Теперь и она увидела, что происходило за углом.

Там, где когда-то стояла пекарня Филы, наполненная ароматами фруктовых пирогов, воздушных пирожных и свежего хлеба, теперь стояли обугленные и еще слабо дымящиеся балки. В первое мгновение Елена подумала, что это она сожгла этот дом вместе с садом, но толпа с факелами быстро объяснила ей все.

— Она сама вступила в связь с дьяволом! — прокричал кто-то из толпы.

— Поставьте ей дьявольский знак прямо на лоб! — провизжал истеричный женский голос.

— Все, кто пожалеет эту женщину, будут немедленно изгнаны из города!

— Повесить ее, повесить!

Увидела Елена и саму тетю Филу, стоявшую на коленях перед сожженным домом, по черному лицу тетки катились светлые капли слез. Один из кузенов лежал вниз лицом в луже крови.

Елене стало дурно. Значит, ее огонь не только сжег сад, но и уничтожил большую часть ее семьи. Она слепо сделала шаг вперед.

— Нет, — остановил ее брат — Нет.

Дети еще могли бы незамеченными юркнуть обратно за угол и спастись, но движение Елены и слова Джоаха сразу же привлекли внимание взбурдаженной толпы. Правда, вид двух оборванных мальчишек разочаровал их, и через секунду про них забыли бы, но тут в них вперились безумными глазами еще один кузен, тот самый Бертол.

— Вот! — закричал он, — указывая на детей пальцем. — Вот мои кузены! Посмотрите! Посмотрите! Мы вовсе не прятали их у себя в пекарне!

Рука тетки на секунду взметнулась, словно стараясь загнать слова сына обратно в глотку и предотвратить ужасное предательство, но глаза ее посмотрели на девочку с укором и болью.

Толпа рванулась, и Джоах еще попытался, схватив сестру за руку, броситься прочь, как сзади на плечи обоям легли чьи-то тяжелые руки.

Елена пронзительно завизжала и тщетно попыталась освободиться, но их с Джоахом уже толкали к толпе. Обернувшись, девушка увидела над собой бледное лицо мясника. Толстыми руками он толкал их легко как котят, и губы его почернели от ненависти, а глаза — от предвкушения скорой резни.

— Зовите стражу! — прокричал кто-то из толпы. — Мы поймали это дьявольское отродье.

Эррил стоял и хмурился, глядя на плачущего горца, так и не поднимавшегося с колен. Нилен была в совершенном удивлении, прикрывая маленькой ладонью полураскрытый рот.

— Крал, я никогда не говорил, что твой народ обречен. Я ничего об этом не знаю. Так что встань и забудь эти глупые бредни.

Но горец только стонал, не отрывая лицо от пола. К ним приблизился трактирщик, неся метлу поперек своего толстого живота:

— Ну-ка выметайтесь отсюда! — он замахнулся метлой и ткнул горца ее палкой. — Вон, пока этот олух не продавил мне весь пол!

Крал медленно поднялся и навис над трактирщиком, как медведь:

— Придержи язык, хозяин, а не то я прибью его гвоздями к твоему полу.

Трактирщик отскочил и, обороняясь, поднял метлу:

— Не заставляйте... не заставляйте меня вызывать стражу!

Крал потянулся к метле, но Эррил быстро положил ему на локоть руку:

— Не трать понапрасну времени и сил, Крал. Оставь его. — Легонько подталкивая великана к выходу, Эррил чувствовал, будто катит через вязкую грязь огромный камень. Но камень катился все легче и легче, и через пару секунд он уже вывел горца во двор.

Эррил повернулся к трактирщику:

— В будущем научись вести себя с горцами уважительно, приятель, — посоветовал он и последовал за Кралом. За ними выпорхнула и Нилен. Все трое вышли на непривычно пустынные и тихие улицы. На углах стояли конные патрули. Один из солдат в расстегнутом мундире и с пистолетом на поясе лениво проводил троицу глазами и снова вернулся к товарищам, горячо обсуждавшим их карточную игру минувшей ночью.

Не обращая внимания на патруль, Эррил остановился:

— Здесь наши пути расходятся, — обратился он к Кралу. — Ты идешь искать скалтума, и, как бы ты ни обижался, я желаю тебе никогда его не найти. Я же ищу только дорогу к равнинам. — Бродяга взял за руку нюмфау, не отрывавшую глаз от солдат и нервно катающуюю ногой камешек. — А куда отправишься ты, женщина, которая играет на лютне?

Но не успел он услышать ответа, как из-за угла выскочила пара горожан с истощенными воплями:

— Мы нашли их! Нашли! Это дьявольское отродье! Мы поймали их, как кроликов в силки! Быстрее, быстрее все сюда!

Один из пеших стражников оторвался от подпираемой стены и нехотя сказал другому:

— Ступай и предупреди гарнизон. — Но в словах его не было никакой уверенности в реальности происходящего. — А я пойду проверю, чего там наловили эти заполошные.

Второй кивнул, лениво влез на лошадь и потрусил прочь, громко стуча копытами по безлюдным улицам.

— Ну, что вы там поймали? — недоверчиво спросил оставшийся военный у вновь прибывших.

— Да этих Моринсталеvских ублюдков, — возбуждено ответил горожанин, махая руками куда-то вниз по улице. — Их уже опознали сыновья пекарихи, — он ответил солдату и бросился со своей новостью в ближайшую обувную лавку.

— Что будет с этими детьми? — бледнея, прошептала Нилен. Эррил посмотрел в ту сторону, куда уехал всадник. Оттуда доносился глухой шум.

— Город взбудоражен. В таких небольших местечках слухи о дьяволах всегда кончаются плохо. Не пройдет и нескольких часов, как детей приговорят к смерти.

— Но что, если это лишь слухи и досужие вымыслы? И будет пролита невинная кровь?

— Здесь я помочь не в силах, — передернул плечами Эррил. Глаза ньюфаи распахнулись от гнева:

— Если ты не вмешаешься в это дело, то кровь детей падет на тебя точно так же, как и на всех остальных горожан!

— На мне и так ее довольно, — горько заметил Эррил, стараясь не видеть трупа несчастного мальчика в луже крови и, как росток среди камней, торчащий у него из спины меч, собственный верный меч Эррила. — Довольно невинной крови.

— Я все знаю, Эррил, но то было в прошлом. А это — сейчас! — Теперь глаза ньюфаи сузились болью: — Не запятай свои руки навечно одним-единственным неверным решением!

Щеки жонглера вспыхнули не то гневом, не то стыдом. К счастью, в их разговор вмешался Крал:

— Так эти дети действительно дьявольское отродье? — уточнил он. — Если это так, то, значит, скалтур где-то поблизости. Пойду посмотрю.

— Я тоже, — шагнула за ним Нилен.

На Эррил глянули две пары глаз; первая решительная и гордая, вторая — молящая и нежная. Детям действительно угрожала смертельная опасность, но что мог сделать он? Никакого решения не приходило в голову Эррилу, и старый воин колебался. Неужели долгие годы и смерть стольких друзей сделали его бесчувственным? Вот что беспокоило Эррила даже больше, чем две пары этих вопрошающих глаз.

— Что ж, пойдете и узнаем правду, — вздохнул он.

Елена видела, как Джоах из последних сил пытается распутать или разорвать связывающие его руки веревки. Она тоже была связана, но стояла тихо. Какая польза была теперь в освобождении? Девушка печально смотрела на руины теткинoго дома, а вокруг кривлялась и хохотала толпа. Многих из них она знала, училась с их детьми в школе. Когда-то они смотрели на нее приветливо, а теперь их лица искажены ненавистью. Даже если им с Джоахом и удастся развязать веревки, куда они побегут? Это их город. Это их народ.

Вдруг из толпы вылетел небольшой камешек и ударил ее прямо в лоб. Девочка покачнулась, и кровь залила ей глаза. Плывающим взглядом она увидела, как ее кузен Бертол поднял второй камень, но его остановила тетка. По крайней мере, хоть один человек ее пожалел! И слезы не боли, но потери снова выступили на глазах Елены.

Джоах, осознав бесполезность попыток, бросил распутывать веревки и придвинулся поближе к сестре. Юноша молчал. Слез у него больше не было.

Из толпы выступил мясник и протянул к девушке жирную руку. Джоах попытался загородить сестру, но был тут же отброшен железной рукой мясника, и Елена увидела, как с губ брата тонкой струйкой потекла кровь. Тем временем мясник сдернул охотничью шапочку с рыжих кудрей, и они водопадом упали на плечи жертвы.

— Смотрите! — торжественно проревел он. — Она же ведьма! Дьявол, который поджег наш сад и убил добрых людей! И не обольщайтесь ее смазливym лицом! — Мясник ткнул пальцем ей в щеку и шею: — И невинному телу не верьте! — Он рванул рубашку на ее груди, и отлетевшие пуговицы запрыгали по каменной мостовой.

При этом насилии Елена закричала.

Толпа разом выдохнула и подалась вперед. Джоах тщетно пытался подобраться к оскорбителю.

Грубым жестом мясник провел по едва заметным холмикам на груди девушки:

— Вся эта невинность — один обман! Она похотлива и развратна! — жирным голосом заревел он. Потом внезапно отскочил от девочки: — Я чувствую, как ее зло пытается проникнуть в меня и толкает на недостойные поступки! — мясник снова приблизился и нагнулся к Елене совсем близко. — Отвернись, проклятая ведьма! Ты не соблазнишь меня, как соблазнила своего брата! — И довольный мясник прикрыл глаза и отошел.

Толпа снова заволновалась, но вперед с трудом протолкалась тетка Фила:

— Довольно! — крикнула она, подняла разорванную рубашку и прикрыла обнаженную грудь девочки. От передника тетки все еще пахло мукой и сахаром. Должно быть, она была в кухне, когда горожане поднялись и подожгли ее дом. Елена обмякла в родных объятиях. — Она еще совсем дитя! — снова крикнула Фила в толпу. — Дитя! Разве вы не видите, как она напугана! Разве дьяволы боятся веревок и мясников? Где у вас доказательства того, что она виновата? Все одни слухи и, сплетни!

Но толпа ответила на эти слова глухим злобным ропотом:

— А сад? — выкрикнул кто-то. — Мы потеряли больше четверти урожая!

Но Фила не сдавалась. Откинув со лба седую прядь, она заговорила голосом ледяным, как горные вершины:

— Сегодня я потеряла больше, чем все вы, вместе взятые. Мой сын погиб, пытаюсь защитить родной дом! Но не это дитя угрожало мне сегодня, а ваше, ваше безумие. — И Фила взглядом выхватила из толпы первую попавшуюся женщину: — А если бы на этом месте стоял сейчас твой ребенок? Или твой, Джиргана? Прекратите это безумие, послушайте своего сердца! — Толпа вдруг утихла. — Я знаю эту девочку и этого мальчика с детства. В них нет зла! И вы сами знаете это. Кто из вас может сказать, что хоть раз они сделали что-то дурное или разговаривали с вами невежливо?

— Чуть! — заорал мясник. — Все мы знаем, какая она странная! Носится всю жизнь по лесу сама по себе! Вот и снюхалась с дьяволами, если не чего-нибудь и еще похуже! Все видели, как она только что пыталась соблазнить меня!

— Лжешь! — остановила его Фила, и губы ее задрожали от едва сдерживаемого гнева. — Ты сам дьявол! Кто еще мог так нагло оскорбить ни за что маленькую девочку?!

Теперь многие повернулись к мяснику с нескрываемым отвращением, и на секунду Елене показалось, что Фила все-таки спасет их. Но в тот же момент из толпы послышался знакомый голос:

— Отойди от этой девочки, добрая женщина! Она обманула тебя, как и всех остальных, поскольку она самая настоящая ведьма. Сейчас я предоставлю вам доказательства.

Елена встала на цыпочки и увидела сгорбленного старика, убившего ее родителей. За ним стояли солдаты. Его мутные смертные глаза остановились на девочке, и колени ее ослабли.

Подняв деревянный посох, старик подошел почти вплотную к детям.

— Назад! — неожиданно прошипел он, и толпа покорно выполнила его приказ.

Но даже это не остановило Филу, она смело встала между скрюченным стариком и племянницей.

— Это ты! Ты возвел поклеп на ни в чем неповинных детей!

Язык Елены онемел от страха, но все же она упорно ткнула тетку в локоть, чтобы та отошла от страшного старика. Но Фила не сдавалась.

Тогда старик указал посохом в сторону своего спутника.

— Взять детей в кордегардию, Рокингем! Там мы проведем наше расследование и докажем их дьявольскую сущность.

Рокингем выступил вперед, сопровождаемый четырьмя солдатами.

Фила схватила Елену за плечи и толкнула в толпу.

— Вы уже сделали так с девочкой Сейшей два года назад! Ее предсмертный крик до сих пор звенит у меня в ушах! — Женщина подняла руку, привлекая внимание толпы: — Неужели вы хотите отдать этим чудовищам еще одну жертву?! Помните, люди, это наша долина, наш город, наши дети и наше будущее!

Толпа стала кольцом охватывать стражников. Елена ожила и крикнула в изменившиеся лица:

— Это они, они убили маму и папу!

И толпа услышала ее слова — и в ответ она вздохнула от ужаса, как один человек.

Солдаты встали в каре, в толпе начали выхватывать ножи. Какой-то моряк уже разрезал путы Джоаха, а потом освободил и девочку. Руки ее занемели, и она едва могла ими двигать.

— Я же говорил, что Фила поможет нам! — шепнул Джоах, и лицо его просветлело.

Но в тот же момент девушка увидела, какими полными смущения и страха глазами глядит тетка на ее красную руку.

— Прикрой и не показывай, — шепнула она и натянула длинный, не по размеру, рукав рубашки на изуродованную кисть.

Пользуясь заминкой, солдаты стали вновь напирать на толпу, но на этот раз люди не сдавались.

— Оставьте детей в покое! — раздался гневный крик.

— Защитим их! — и в воздухе сверкнули ножи.

— Теперь вы спасены, дорогие. Ничего не бойтесь, — сказала, более не таясь, Филадельфия. — Я не дам теперь тронуть никого из наших!

Но Елена едва ли слышала слова тетки, ее глаза были прикованы к отвратительному старику, который занес посох и дважды ударил о булыжник. Никто не заметил этого жеста, но Елена слишком хорошо помнила, что он означает. Именно этим жестом старик вызвал из-под земли белых червей, погубивших Хвоста, Тракера и родителей.

— Нет! — не помня себя, закричала она и схватила за руку брата. — Бежим!

Но было уже слишком поздно.

Кто-то в толпе завопил от ужаса, и глаза всех обратились к запятым дымом небесам.

Что-то появилось из-за гребней крыш, что-то огромное с широкими, рассекающими воздух крыльями. Елена вспомнила этот свист и кожистые перепонки. Чудовище гнусно кричало, и этот крик заставил всю толпу сжаться, как мышей перед вышедшей на охоту кошкой. Невидимый прежде целиком в ночном небе, теперь он спускался на толпу при свете дня, и не было сомнений, что это был именно тот, что охотился за Еленой и Джоахом среди пылающего сада. О, если бы снова наступила ночь и скрыла от взора эту непереносимую для человеческих глаз тварь, один вид которой морозил кровь в жилах!

— Смотрите же! — закричал старик в рясе и указал единственной рукой вверх: — Это ее возлюбленный дьявол спешит ей на выручку!

Толпу будто ветром смыло, а чудовище подлетало все ближе к Елене. Теперь на пустынной улице остались только они втроем: Елена, Джоах и Филадельфия. Когтистые лапы уже царапали камни. Было видно, как по жилам чудовища бежит черная кровь и как бьются четыре сердца. Сложив крылья, оно зашипело на горожан, еще высывавшихся из дверей и окон, а потом медленно остановило свои черные глаза, истекавшие ненавистью, прямо на девочку.

Но вперед снова выступила бесстрашная Филадельфия.

— Бегите, дети мои! — крикнула она прямо в морду проклятой твари. — Ищите своего дядьку Бола и... — но она не успела закончить фразы. Змеиным движением чудовище вытянуло шею и схватило несчастную женщину.

Джоах тут же толкнул сестру в развалины сгоревшей пекарни.

— Нет! — взвыла Елена, видя, как хрустнула под зубами спина тетки, а потом от края до края располосилось все ее тело.

— Нет! — диким эхом повторил Джоах, толкая сестру к соседним домам.

Но он не успел. Тварь выпустила коготь и вонзила его в шею юноши.

— Джоах!

Но брата уже не было рядом, он висел в воздухе с выкатившимися от удущья глазами.

Бол склонился над пыльной книгой. Сквозь занавешенное окно дневной свет проникал неуверенно и слабо, а единственная свеча на столе догорела уже почти дотла, давая неверное слабое пламя. Он читал всю ночь, пытаясь добыть то, что было ему так нужно, и его единственными товарищами уже давно стали лишь кипы старинных книг и ворох пожелтевших пергаментов.

«Огнем будет отмечено появление ее», — бормотал он, убирая с уставших глаз пряди седых волос. Потом он медленно прочел следующие слова; губы его, спрятанные под густыми усами, шевелились, с трудом переводя древний забытый язык. Дальше говорилось о каком-то чуде Сестринства. Бол вздохнул и выглянул в окно. В нем до сих пор светились красные отблески пожара. Они достигали даже сюда, несмотря на то, что дом Бола находился в весьма уединенном и далеком от сада месте долины, в местечке, называемом Зимним Гнездом Орла.

Бедное дитя! Если бы ее предупредить, она смогла бы подготовиться лучше.

Запустив пальцы в седую бороду, Бол вернулся к очередному тому, но едва его палец вновь заскользил по изъеденной мышами странице, сердце забило вдруг тревожно и громко. И ощущение потери, гораздо большей, чем потеря дома, наполнила его грудь. Схватившись обеими руками за стол, он едва удержался, чтобы не рухнуть на дощатый пол. Бол почувствовал, что его сестра, его любимая сестра-двойняшка умерла — тяжкая печаль затуманила его взор.

— Филадельфия! — простонал он в пустую комнату.

Слезы хлынули у него из глаз и закапали на ветхие страницы. Обычно

так трепетно оберегавший их от всякого внешнего воздействия, Бол на сей раз даже не обратил на это внимания. Старые чернила расплывались под соленой влагой.

Через грубую ткань рубашки Бол схватился за висевший на груди амулет.

— Филадельфия! — снова позвал он. И, как всегда, она явилась ему.

Угол комнаты у печи вдруг засветился призрачным сиянием, становившимся все ярче и больше, пока не принял форму его сестры. Одета лишь в полупрозрачные одежды белого света, она стояла перед ним, нахмурившись, более разгневанная, чем печальная:

— Время пришло, Бол.

Изображение расплылось в его глазах, вновь наполнившись слезами:

— Значит, это правда! — воскликнул он.

— Не надо слез, — Филадельфия улыбнулась по-прежнему серьезно и строго. — Ты готов?

— Я... Я жду этого уже давно... много лет...

— Мы все ждали. Но началось только теперь. Так что придется тебе оставить свои книги, старина.

— Ты взваливаешь все на меня одного? — взмолился он. — На меня одного?!

Ее жесткий взгляд смягчился:

— Ты знаешь, что у меня своя роль, брат.

— Я знаю, ты должна найти проклятый мост. Но неужели ты думаешь, что и вправду найдешь его?

— Если он существует, найду, — почти со злобой ответила Филадельфия.

Бол вздохнул:

— Всегда негибкая, как сталь, воля, — едва слышно выдохнул он. — Воля даже после смерти.

— Всегда прекрасные, как любовь, мечты, — в тон ему ответила Филадельфия. — Даже при жизни.

И губы обоих сложились в зеркальную улыбку; такие они похожие — и такие разные. Но теперь в них присутствовала и тяжелая боль потери.

Изображение Филадельфии стало постепенно таять, слабая по краям:

— Больше я не могу здесь оставаться. Твоя очередь следить за ней, — предупредила она, и лица ее уже не было видно. Последние слова прошепестели в библиотеке, как отдаленный шорох листьев: — Я люблю тебя, Бол.

— Прощай, сестра, — произнес он в комнату, ставшую еще более пустой и одинокой, чем прежде.

Елена бросилась к отчаянно сопротивлявшемуся брату. Время стало неповоротливым и неподвижным. Девушка видела, как лицо Джоаха стало в котгах скалтума багрово-синим и, забыв обо всем, Елена подпрыгнула и вцепилась в лапу чудовища, отчаянно визжа. Слепленная страхом и ненавистью, она вонзила ногти в тонкую прозрачную кожу, решив освободить брата или погибнуть вместе.

— *Пусту!* — кричала она уже не отвратительному скалтуму, а всему миру вокруг.

И словно в ответ на этот крик правая ладонь ее вспыхнула огнем, и из пальцев ее словно хлынуло расплавленное железо. Тогда, сжав кулак, Елена стала ударять чудовище в грудь и почувствовала, что рука ее проходит сквозь его кожу, мышцы и кости.

Тварь взвыла, выпустила жертву и бросилась прочь от Елены и Джоаха.

Мальчик упал на мостовую, прижав руки к горлу.

— О, Сладчайшая мать! — прохрипел он и без сил схватился за сестру.

Елена в ужасе смотрела на свою руку, боясь увидеть обугленные кости и почерневшую плоть, но все было, как всегда — рука была белой, без единого намека на красноту. Неужели она избавилась от неведомого проклятья?

— Бежим, Эл! — закричал Джоах и снова потащил ее под черные стропила бывшей пекарни.

Но, увы, зло на улице представлял не только ужасный скалтум. Перед ними, преграждая путь к спасению, как из-под земли, возник сгорбленный старик со своим посохом. На лице его сияла улыбка, словно позорный побег чудовища был только ему на руку.

— Подойди ко мне, дитя мое, — тихо и нежно сказал он. — Я ждал тебя так, долго! — И в мгновение ока замахнулся на девочку посохом.

Елена, все еще не пришедшая в себя от силы, прошедшей через ее руку, даже не поняла грозящей ей опасности. Зато Джоах дернул ее в сторону и вниз, так что его сестра даже больно ударила колени о камни. Посох же лишь мимолетом задел по плечу Джоаха.

Девушка мгновенно вскочила на ноги и побежала. Но брат, бедный брат, не мог ей последовать; верхняя его половина никак не могла оторваться от земли ноги, вросшие в землю, словно корни двух деревьев.

— Беги! — только и мог крикнуть он, глядя на старика полными отчаяния и страха глазами.

Но Елена остановилась и, как во сне, увидела, что тело Джоаха постепенно каменеет все выше и выше. Вот уже не могут пошевелиться руки, вот застыли шея и голова... И только последняя единственная слеза успела выкатиться из обезумевших глаз.

— Неужели ты так вот и бросишь своего брата? — сладко пропел старик и поманил ее скрюченным пальцем. — Ну, иди же...

Эррил силой прокладывал себе путь через толпу горожан, стремясь не опоздать туда, откуда доносились крики отчаяния и боли. Он, как скала, зажатая в узкой протоке, никак не мог пробиться сквозь тысячи локтей, коленей и плеч. Наконец, вперед пришлось встать Кралу, который достаточно быстро сумел пробить для своих спутников вполне достаточный проход.

Кто-то из горожан, судя по окровавленному фартуку, мясник, попытался оттолкнуть Крала, но от одного только движения плеча гиганта мгновенно отлетел далеко прочь и ударился головой о кирпичную стену. Через секунду неистовый мясник уже лежал бездыханным, но никто даже не обратил на это внимания.

— Бегите! — кричал в толпе кто-то. — Дьявол уже там!

Крал выразительно посмотрел на Эррила и удвоил усилия.

Нилен и жонглер едва за ним поспевали. Через некоторое время толпа вокруг них поредела, и они побежали вперед уже одни.

— Будь осторожен, Крал, — предупредил Эррил. — Но помни, что мы рядом.

Они еще раз свернули за угол и спрятались за брошенную кем-то повозку. Эррил глянул вдоль улицы, и кровь похолодела у него в жилах. Неподалеку от них перед остовом сожженного дома стояла тварь, которую он надеялся никогда больше в жизни не увидеть. Но что это? Крылья его сморщились от боли, и скалтур выл, прижимая к груди изуродованную руку.

Неужели он ранен? Эррил скользнул вниз под повозку. Но кто мог ранить скалтума?!

Тем временем Крал спокойно вытащил из-за пояса топор, но даже против раненого скалтума это было слишком ненадежным оружием, и потому Эррил предупреждая поднял ладонь, останавливая горца и призывая его к спокойствию и терпению. Брови Крала свелись в ровную толстую нитку.

Нюмфая тоже присела рядом, выглядывая на улицу из-под повозки.

— Там дети! — прошептала она, указывая куда-то между колесами. — И еще кто-то в рясе. Кто это?

Эррил снова выглянул и увидел двоих подростков, скорчившихся перед согбенным старцем уже у самого дома. Несмотря на то, что лицо старика было скрыто капюшоном, Эррил сразу же без труда узнал эту черную рясу, и губы его свела гримаса ненависти:

— Это черный маг.

— Подойди же ко мне, дитя, — услышали они вкрадчивый голос, даже несмотря на пронзительные завывания скалтума. — Или твой брат умрет. Немедленно умрет.

Скалтур тоже заковылял к троице, и голос его вонзался кинжалом в притихшую улицу:

— Отдай мне мальчишку... шссс... Я разорву его на часссти.... Но так, чтобы видела сессстра...

Его слова неожиданно подхватил офицер в гарнизонной форме, появившийся неизвестно откуда:

— Делай, что тебе говорит миньон Хозяина, Дизмарум! Мальчишка нам все равно не нужен.

— Попридержи язык, Рокингем! — сплюнул названный Дизмарумом, и офицер снова исчез за бочкой для сбора воды.

— Отдай мальчишку... шссс... Я полакомлюсь его молодым ссердцем... — продолжал настаивать скалтур.

— Дьявол! — крикнул прямо над ухом Эррила Крал; в голосе его гремела ярость мщенья, и не успел Эррил ничего сказать, как Крал нырнул под телегу и выскочил на улицу уже с занесенным в руке топором.

Скалтур успел обернуться навстречу нежданной опасности, а черный маг, воспользовавшись замешательством, уже подходил к девочке, протягивая скрюченную руку.

О, глупый, горячий горец! Эррил еще не успел принять никакого решения, а ноги сами уже несли его из-за повозки, и в руке его тоже блеснул меч, готовый к смертельной схватке.

Елена не могла отвести глаз от Джоаха. Она, свободная и не превращенная в камень, как брат, все равно не могла двинуться с места, не могла оставить брата даже тогда, когда сухая с длинными когтями рука уже почти коснулась ее.

Но в тот же момент чей-то локоть сильно ударил ее в грудь, отбросив назад.

Между ней и стариком оказался однорукий человек с мечом. Он был высок, широкоплеч и гибок, как любой житель равнин, и, поднимая меч, прорычал:

— Ты не получишь ее, черный маг.

В тот же миг, привлекая к себе внимание, взвыл скалтур, и человек с мечом резко присел, дернув Елену вниз, чтобы когтистое крыло пронеслось у них над головами.

— Беги, девочка! — крикнул он прямо ей в ухо, но ноги по-прежнему отказывались повиноваться ей. Сердце, невидимыми нитями привязанное к брату, отказывалось верить в происходящее, и Елена скорчилась на мостовой, как раненый зверь.

Краем глаза девушка все же видела наступавшего на чудовище огромного бородатого человека, который размахивал мечом с непостижимой скоростью и силой. Крылатый дьявол невольно отступал под его напором.

Но тут ей на спину легла еще чья-то рука, почти невесомая и явно дружеская. Подняв голову, Елена увидела серьезное печальное лицо маленькой женщины:

— Пойдем со мной, девочка. Эррил поможет твоему другу.

Елена покачала головой:

— Это мой брат! — выдохнула она и протянула к Джоаху ледяные руки.

Но женщина оказалась гораздо сильнее, чем это казалось на первый взгляд. Она быстро поставила девочку на ноги.

— Нилен! — крикнул однорукий человек с мечом, который был уже занесен над черной рясой. — Уведи ее отсюда, немедленно!

Женщина по имени Нилен обняла Елену и стала что-то шептать ей на ухо. Слова эти были почти песней на чужом языке, но каким-то странным образом они проникали в самую душу девушки, напоминая ей то, что говорил покидаемый ими Старец в лощине. И слова эти освободили ей ноги, позволив таинственной незнакомке увести ее с места сражения.

Нюмфая усадила девочку в тени опрокинутой повозки. Но ту ли душу она спасла? Нюмфая продолжала петь, оболочивая человеческий разум спасенной девушки, а сама, отводя от лица рыжие пряди, все вглядывалась в зеленые глаза. Неужели это она?

Потом маленькая женщина снова посмотрела на улицу и увидела, что Эррил так и продолжает стоять, занеся меч над головой старика, но не трогая того, и оба они неотрывно смотрят на бой скалтума и горца.

Крал напал яростно, удары его были чудовищны и точны. Но все они не могли даже поранить тонкую на вид кожу дьявола, и не было видно ни единой капли крови.

Однако, несмотря на то, что удары Крала не приносили чудовищу вреда, Нилен заметила, что тварь слабеет от прежней раны и с каждой минутой становится все слабее.

Чудовище держало раненую руку далеко на отлете и защищалось только крыльями.

— Заставь его выйти на свет! — крикнул Эррил. — Тогда ты сможешь его ранить!

Крал мгновенно изменил направление атаки, и скоро твари действительно пришлось выбраться на свет. Правда, в ту же минуту зверь опомнился и начал наступать на противника, снова уходя в темноту. Когтистой здоровой рукой он попытался выхватить у горца топор, но тот отскочил, хотя и потерял при этом равновесие. Но скалтур теперь находился опять далеко от света.

Удовлетворенно завизжав, он сам перешел в наступление, наседая на Крала и почти играя им. Позиции переменялись. Теперь постоянно атаковал скалтур, а горец отступал, истекая потом и стоя лицом против солнца. Он начал заметно выдыхаться.

Чудовище торжествующе воздело крылья к небу и приготовилось к последнему смертельному удару.

Нилен в страхе зажала ладонью рвавшийся крик, но Крал огромным прыжком выскочил опять в полосу света.

Скалтур обиженно зашипел, но не мог дотянуться до горца, не выйдя за черту тени.

— Бежать здесссь некуда.... Человечесская тварь... — захотал он и высунул длинный черный язык.

И Нилен с ужасом поняла, что скалтур прав. Солнце падало лишь на небольшой квадрат улицы, по всем четырем сторонам которого лежала тень. А в тени чудовище было неуязвимо.

Крал нервно оглядывался, не видя выхода.

Елена ничего не видела вокруг. А Нилен нервно соображала. Если горец проиграет, Эррил останется один против черного мага и лорда ужаса. Этого нельзя допустить! Быстро оглядев содержимое повозки, женщина увидела железную банку из-под рыбы и, схватив ее, стала ловить солнечный луч. А когда ей это удалось, она, не задумываясь больше, направила его прямо в

лицо скалтому.

Чудовище взвизгнуло и попыталось отскочить, но Нилен неизменно наводила солнечный луч прямо в морду мечущегося зверя.

Крал быстро осознал возникшее преимущество и ринулся в бой с новой яростью. Он размахивал топором, нанося удары по груди и горлу чудовища. Под воздействием света кожа скалтума потеряла защиту тьмы, и лезвие стало погружаться в плоть.

Скалтур отходил, хватаясь за шею, из которой рекой хлынула черная кровь. Вот он зашатался и последним усилием попытался закрыться крыльями, но вдруг рухнул прямо в солнечный квадрат. Кровь, коснувшись бульжника, зашипела и пошла пузырями.

Крал подошел ближе, и в лучах солнца блеснул занесенный над узкой головой топор.

Как Крал покончил со скалтумом, Эррил уже не видел, поскольку все свое внимание вновь обратил на черного мага. От вида черной рясы внутренности у него свело острой болью — как мог человек отдаться этой темной силе, зная, что она отравила, уничтожила, истерзала всю страну?! Эррил чувствовал, как кровь его закипает гневом, какого он не испытывал уже больше столетия. И ощущение это ему неожиданно понравилось.

— Твой паценок мертв, старик! — выплюнул он в лицо старику. — Так освободи мальчишку, а не то и тебе грозит та же участь!

Опустив капюшон на самые глаза, маг прятался за мальчиком, изо всех сил налегая на посох, словно едва мог передвигаться.

— Ты вмешиваешься в то, чего понять тебе не дано, — огрызнулся он и поднял правую руку, свергнув морщинистым обрубком. Воздушные волны, поднявшиеся с земли, вздули полы рясы и подняли их к самой груди; темнота неожиданно сгустилась у правого запястья и, как черная роза, расцвел на культе темный кулак, созданный мраком. — И к тому же угрожаешь тем, чего выполнить не в силах!

— Сейчас проверим, — сузил глаза Эррил.

Маг раскрыл черный кулак, расправив пальцы, поглощавшие свет.

— В последний раз говорю тебе — отдай девочку. Зачем она тебе? Ты не знаешь ни кто она, ни что она значит.

— И не подумаю, старый дурак, — спокойно ответил Эррил и поднял свой меч, стараясь выбрать позицию так, чтобы не задеть неподвижного мальчика.

Маг притянул посох к черным пальцам, и тот из серого превратился в черный, окутанный тенями ночи, но вместо того чтобы тоже изготовиться к бою, положил свою живую руку на плечо застывшей фигуре.

— Оставь мальчишку! — крикнул Эррил и обрушился на мага, стремясь предупредить любое действие с его стороны.

Но старик закинул назад голову, так что капюшон упал, и в первый раз Эррил увидел то, что скрывалось под черной тканью. Их глаза встретились, и сердце Эррила окаменело.

Нет! Этого не может быть! Но обнаженный меч выпал у Эррила из рук, прозвенев по каменной мостовой.

Тогда старик поднял посох и сильно ударил им по бульжнику. Душная мгла поднялась из-под земли и плотным саваном окутала и мага, и мальчика.

— Неужели годы не научили тебя ничему, Эррил?!

Однако черная стена в мгновение ока исчезла, вспыхнув напоследок жгучим пламенем. Там, где только что стояли старик и мальчик, вдруг стало пусто.

Сзади голосом, полным отчаяния и горя, закричала девочка, а Эррил упал на колени, низко опустив темную голову.

Он плохо слышал, что именно кричала девочка, ибо перед глазами его все еще стояло лицо черного мага — слишком знакомое лицо. Тот же сломанный нос, выдающиеся острые скулы, тонкие поджатые губы. И культя на правой руке.

Он вспомнил человека, скорченного вместе с Шорканом в восковом кругу много столетий назад, в ночь появления Кровавого Дневника.

И тогда с его губ слетело подлинное имя черного мага:

— Грешюм!

КНИГА ВТОРАЯ ОЧАГИ И КАМЕННЫЕ ПЛИТЫ

Толчук осторожно пробирался между камнями в лощине, ощущая их сухое тепло. Дождей не было уже давно. Он обернулся и посмотрел на скалы, выстроившиеся на горизонте, как настоящая армия: самая высокая из них по прозвищу Большой Клык, тянувшаяся к небу на далеком севере, окуталась черным облаком. Скоро лощина снова потонет в грязи, которую разносят по всему своему пути потоки, устремляясь с высоких гор в бескрайние долины.

Толчук снова вернулся к своим камням. Теперь раскаты грома слышались уже совершенно явственно, и надо было спешить. К несчастью, солнце скрылось за ближними скалами, и потому различать желтоватый отблеск благоуханных камней становилось все труднее. К тому же в этой сухой лощине, за целое лето без дождей, уже явно перебивало немало народу.

В поисках камней он ощупывал все вокруг, царапая сероватыми когтистыми лапами скалы, припадал к земле, и его чувствительные ноздри, раздуваясь, ловили тончайшие оттенки разносящихся вокруг запахов.

Толчук хорошо знал те места, где благоуханные камни бывали чаще всего, но предпочитал поиски в незнакомых районах. Пусть найти их там труднее, зато никогда не столкнешься с кем-нибудь из своих. Толчук любил одиночество и независимость от остальных огров. Особенно сейчас, в преддверии своего ритуала магры. Да, завтра должно было произойти событие, которое сделает его равным всем остальным членам трибы. А потому для сегодняшней ночи ему просто необходимы были благоуханные камни, собранные им самим в канун магры.

Он наклонился над крупной песчаной плитой, провел по ней когтем, царапая поверхность, и понюхал коготь: нет, это был действительно только песчаник.

Толчук сделал еще несколько шагов и вновь склонился над очередной грудой, но тут в плечо ему неожиданно ударил камень величиной с дыню. От неожиданности Толчук даже упал на острые камни, больно ударился и откатился в сторону.

Из-за скалы выглянул Финшва.

Послышалось рычание, толстые губы Толчука поднялись в нехорошей улыбке, обнажив ровные желтоватые клыки. Он вскочил на ноги и, полусогнувшись, стал красться к скале, для верности одной рукой опираясь о землю. Поза его не предвещала для врага ничего хорошего.

Финшва тут же нырнул обратно за скалу, но Толчук еще успел заметить его широко распахнутые желтые глаза и схваченный камень. Согнувшись, как и Толчук, что было принятой нормой драки, Финшва тоже зарычал; соломенного цвета волосы на его голове поднялись дыбом и рассыпались по кожистой спине. Противник надменно улыбнулся, показав обломанные клыки. Финшва был старше Толчука всего лишь на одну зиму, но постоянно демонстрировал свои зубчатые зубы, говорившие о том, что он уже имеет подругу.

Все женщины почему-то обожали Финшву, всячески заигрывали с ним и урчали, когда он проходил мимо. Никто никогда не вел себя так по отношению к Толчуку, никто из них так не выгибал спину и не стучал по камням когтями. Увы, Толчук знал, что он уродлив; глаза у него были меньше, чем у всех взрослых огров, да еще и поставлены как-то миндально косо, совсем не похоже на огромные круглые глаза остальных в племени. Нос его тоже выдавался вперед чересчур сильно, а когти выросли слишком короткими — ими нельзя было и думать завоевать подругу.

Даже волосы у него не стояли сами по себе, и бедняге Толчуку приходилось прибегать к помощи пчелиного воска, чтобы заставить их держаться, как надо. Но все равно все знали об этом пороке и смеялись.

Финшва половчее перехватил в руке камень:

— Вот уж пообломаю тебе зубки, убудюк! — радостно сообщил он.

Толчук вспыхнул от неслыханного оскорбления:

— Ты знаешь закон, Финшва! У меня завтра магра, и ты не смеешь меня тревожить.

— Солнце еще не село! — ухмыльнулся Финшва и бросил камень. Этот удар Толчук отразил легко, что очень его вдохновило.

Финшва подобрал третий камень, на этот раз побольше прежних, и глаза его сощурились от злости.

— Оставь меня в покое, Финшва!

— Трус! Ты не огр, а жалкая козявка!

Это было уже слишком даже для привыкшего к насмешкам Толчука и не могло оставаться неотомщенным. Назвать огра трусом! Толчук отбросил всякие условности и выпрямился во весь рост. Он стоял прямо на обеих ногах, что, в общем-то ограм запрещалось. Что ж, в конце концов, его имя позволяло это сделать: на древнем языке оно и указывало на его статус выродка и означало «Тот-кто-ходит-как-человек».

Выпрямившись, Толчук почти достиг головой верхушки скалы и отчетливо видел по губам Финшвы презрение. Финшва приготовился к бою.

Не раздумывая ни о чем больше, Толчук бросился вперед, сначала схватил обидчика за свободную руку, затем стиснул, смял его, прижал к острому краю скалы и, наконец, швырнул в лощину, полную острых камней. Впрочем, через минуту Толчук пожалел о своих действиях — Финшва был не из тех, кто простит такое.

И действительно, упав плашмя, лицом на каменистую гряду, толстокожий и ширококостный Финшва тут же поднялся. Толчук отступил на шаг и увидел, как враг его медленно подносит палец к разбитым губам, пробует клыки и в отвращении отдергивает руку, почувствовав на пальцах кровь. В его глазах

вспыхнул пожар ярости, превратив их из желтых в черные.

Такого гнева Толчук не видел еще никогда!

Издав военный клич, Финшва рванулся вперед, и только сейчас Толчук окончательно понял причину его злобы: один из клыков Финшвы оказался сломан начисто — тяжелая потеря, которая может стоить огуру высокого ранга в трибе.

Крикнув еще что-то невероятно злобное, Финшва потянулся прямо к горлу Толчука. На что тот, по-мальчишески взвизгнув, наклонился и ударил головой в самую середину туловища противника. Сила удара на мгновение лишила нападающего воздуха, и, задохнувшись, Финшва отлетел назад, тяжело грохнувшись на спину.

Однако враг был слишком опытным воином, воспитанным именно в военном клане, и потому быстро собрался, ловко прыгнул вперед и, цепко ухватив растерявшегося Толчука за лодыжку, дернул и свалил на землю.

Толчук сопротивлялся изо всех сил, но Финшва принялся бить его головой о камни. Череп трещал, перед глазами замелькали оранжевые круги, и плывущим взором Толчук увидел, что враг уже заносит над ним свои страшные кулаки. Действительно спустя секунду на его живот обрушился град ударов. Стараясь хоть как-то сопротивляться, Толчук напряг все мускулы, но Финшва выпустил когти и стал рвать кожу на животе длинными полосами. А вторая его рука уже потянулась к глазам Толчука.

Толчук не сдавался, но Финшва был старше, сильней, опытней, тяжелее, в конце концов, и Толчук понял, что еще немного, и этот сидящий на нем разъяренный воин просто убьет его. Тогда, краем глаза с ужасом увидя, что тот уже вытаскивает из-за пояса отточенный кинжал из рога горного козла, Толчук схватил врага за запястья.

Когда два огура борются за подругу, когти в когти, применение оружия запрещено, а наличие прочной кожи и густой шерсти обычно. Никогда в этих схватках не приводят к смертельному исходу. В трибе ни один огу не имеет права убить другого.

Только в междоусобной войне, когда один клан борется за территорию с другим, можно пускать в ход оружие. Да, огура можно убить только оружием.

Финшва занес кинжал, глаза его по-прежнему пылали ненавистью.

— Ублюдок, — приподняв губы в крови, прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Больше ты не будешь охотиться!

Эти речи были ошибкой Финшвы. Поняв, что враг намерен не просто драться до первой крови, а действительно убить его, Толчук успел схватить по камню в обе на мгновение освободившиеся руки и со всего отчаяния ударил ими Финшву по обоим ушам. Послышался мерзкий хруст ломающихся костей — уши являлись единственным слабым местом огура.

Правда, Толчук хотел всего лишь оглушить врага, лишить его возможности действовать дальше, но от удара из ноздрей Финшвы хлынула кровь, обдавая несчастного Толчука пышущим жаром. Он увидел, как побелевшие глаза Финшвы выкатились, и услышал, как захрипело и забурчало у того в груди. Кинжал выпал из разжавшихся пальцев, а затем, как мешок, рухнуло и тело. Толчук быстро освободился из-под его туши и вскочил на ноги. Кровь продолжала хлестать из потемневших ноздрей и рта, а грудь больше не поднималась.

Толчук стоял пораженный, онемевший, не знающий, как быть дальше. Что он наделал? Как он мог убить огура своей трибы?

Тут несчастный поднял руку и увидел, что все еще сжимает в ней окровавленный камень, немного отбившийся в том месте, которым ударился о череп Финшвы. Изнутри шел манящий желтоватый свет того самого благоуханного камня, за которым он сюда и пришел.

Благоуханного камня.

И камень выпал из его похолодевших пальцев.

Могвид стоял на опушке зеленого леса на границе Далекого Запада, прислонившись к стволу огромного дерева. Ему все никак не хотелось покидать свой лесной дом. Ветерок шевелил над головой могучие кроны, и листья шуршали, словно куча мертвых сухих жуков. Далеко за лесом на востоке широкие подножья холмов казались нагими, слегка прикрытыми лишь желтеющей луговой травой. А еще дальше, уже за подножьями и голыми лугами, виднелись вершины Великих Гор. И именно эти вершины ему предстояло пересечь, чтобы добраться до страны людей. Могвид почувствовал под своей щекой шершавую теплую кору. Как он оставит лес?

Он поднял руку и внимательно посмотрел на тонкие пальцы и гладкую кожу, а потом перевел взгляд на странные одежды, мешком висевшие на его теле. Это охотник научил его, как носить такой дикий наряд. Серые брюки, надетые на нижнее белье, и шерстяная рубашка под красной курткой. Он все надел верно, и все же каждое прикосновение грубой ткани

заставляло содрогаться его нежную кожу. Самыми ужасными оказались черные сапоги. Могвид долго отказывался надевать их и даже теперь просто нес в кожаном мешке за спиной. Пока он в лесу, пусть под его ногами все-таки будет бархатный мох и ласково щекощущая опавшая хвоя!

Но Могвид знал и то, что как только он выйдет за пределы леса, ему все равно придется надеть тяжелые кожаные сапоги. Ему все равно надо будет выглядеть человеком. А в такой одежде выдать его смогут только глаза. Узкие, неправдоподобно янтарные. Только они смогут выдать его истинную природу.

Могвид стоял и все никак не мог заставить себя сдвинуться с места, пока ему в руку не ткнулся холодный нос.

— Спокойно, Фардайл, мне нужно немного подготовиться, — и Могвид посмотрел на древесного волка с укоризной.

Крупный, почти как человек, Фардайл сидел, и изо рта его высовывался длинный розовый язык. Густая черная шерсть в серых и коричневых полосах, казавшихся просто тенями, блестела, а высоко стоявшие уши тут же ловили малейший лесной шорох. Нос постоянно слегка двигался, чужа издали малейшую опасность.

Могвид даже скривился от зависти. Фардаилу не нужно ничего, кроме своей густой шерсти. Даже чтобы не быть узанным, ему не надо никаких нелепых и тяжелых переодеваний. Практически все с легкостью примут его за обыкновенного волка. Правда, опять же, если не считать глаз. Как и у Могвида, они были узкими, гораздо больше похожими на кошачьи. У обоих глаза выдавали их подлинное происхождение, явно указывая на то, что они относятся к племени *сайлугов*.

Фардайл поднял морду, и их узкие глаза встретились. От глаз волка шло к Могvidу успокаивающее тепло, в котором пронеслись смутные мысли и образы, переполнявшие его волчьего брата: *Солнце садится. Пустой живот. Ноги сами рвутся вперед.* Могвид понимал, что это значит — то, что день кончается, а им до ночи надо пройти еще ох как много.

— Я знаю, — громко ответил Могвид, хотя тоже мог разговаривать образами, как Фардайл и как все сайлуры. Но надо было упражнять язык. Скоро он окажется среди людей, и, чтобы все сошло хорошо, надо и говорить хорошо, не выдавая себя речью. — Но я не хочу покидать дом!

Фардайл понурил голову и ответил: *Материнские соски, полные молоком, запахи леса, густой и веселый, звери, прячущиеся с восходом солнца.* Что ж, волк тоже скорбел об оставленном лесу.

Но они должны это сделать. Это приказал старейшина, а словам его следует повиноваться беспрекословно.

И все же... Неужели им действительно нужно столь буквально исполнять эти древние приказания?

Могвид перевел дух и сбросил мешок с плеч прямо в грязь, потом вытащил оттуда ненавистные сапоги, присев под деревом, натянул их, чувствуя, что кладет нежные ноги прямо в гроб.

— А все-таки, может, остаться? — почти шепотом произнес он, не глядя в глаза Фардайла. — Будем жить как изгнанники.

Фардайл зарычал, и Могвид понял: *Ядовитые древесные жабы, пруд с накилью водорослей, дряхлый дуб, подернутый желтой плесенью.* Лес станет враждебен им и отравлен для них. Отказ от выполнения приказания старейшины не принесет радости.

Могвид знал, что волк говорит правду, но желание нарушить приказ жгло ему душу.

— Я знаю, Фардайл, знаю! Но они сами изгнали нас, — чем же мы им теперь обязаны?

Слова Могвида были полны жара, но лишь жара убеждения — ярость, бушевавшую в груди, он не хотел выдавать Фардаилу. Именно поэтому он и пользовался сейчас словами, а не образами. Зачем волку знать глубину его гнева?

Фардайл нехотя поднялся и угрожающе наклонил голову. Глаза его вспыхнули красным: *Хищный паук, женщина, исподтишка нападающая на другую. Ворона, крадущая чужие яйца.*

Итак, волк обвинял его.

— Я всего лишь хотел освободить нас от проклятья, — ответил он. — Откуда мне было знать, что все обернется так плохо для нас обоих?

Волк отвернулся, оторвав взгляд от Могвида и дав ему понять, что разговор их закончен.

Могвид вспыхнул, но краской не стыда, а гнева. «Будь ты проклят!» подумал он о волке, который уже слишком долго висел на его шее камнем. И страшная мысль избавиться от него и пойти одному искать свою судьбу среди людей вдруг пронзила душу Могвида. Зачем ему нужен его собственный народ? Они всегда лишь смеялись над ним! Лучше он станет искать свою долю среди людей, и неведомая сила подняла его с корней и вытолкнула на жаркий свет позднего полдня.

Он оглянулся. Свободное от крон, небо над ним было так широко, так просторно! На мгновение он даже жался перед этим необъятным небом,

которое, как тяжесть, пригбиало его к земле.

— Идешь? — обернулся он к волку, стараясь говорить беспечно и резко, но голос его предательски дрогнул. Идти в неведомый мир без единого спутника? Нет, пока Фардайл ему нужен. Но только пока.

Волк выскользнул из тени леса, оглядел узкими, косо поставленными глазами горизонт, но ничему не удивился и ничего не испугался. Он просто пошел вперед по каменной земле, и солнце маслянисто поблескивало на его густой шерсти.

Могвид сощурился. Фардайл всегда был расчетливым, храбрым и благородным, и Могвид давно ждал момента, когда волк сломается и явит свою настоящую сущность. А он, Могвид, поможет этому.

И теперь он долго смотрел, как Фардайл трусит навстречу холмам, а затем, вздохнув, отправился за ним, проклиная в душе мужественное сердце своего двойняшки.

«Но однажды, любезный братец, я все-таки научу тебя бояться!»

Толчук нес безжизненное тело Финшвы, идя прямо, используя обе руки и покачиваясь от тяжести. Подойдя ближе к деревне, он увидел нескольких женщин, выкапывавших какие-то корешки из скудной земли. Заметив его, они демонстративно отвернулись и скривили носы, выказывая отвращение к его выпрямленной фигуре. Обычно перенося тяжелые предметы, огры используют лишь спину да одну руку, опираясь другой о землю. И только когда Толчук подошел поближе, они вдруг разглядели ужасную ношу в его руках. Глаза их распахнулись, и жалобный писк вырвался из нескольких глоток. Женщины немедленно убежали, оставив после себя мускусный запах страха, долго сохранявшийся в холодном горном воздухе.

Но Толчук даже не ощутил его и продолжал свой путь по неровной тропе, ведущей в пещеры его трибы. Спина и руки его болели от напряжения, но что это было по сравнению с тем, что он совершил! Он сделал немыслимое, невозможное, ужасное — убил члена своей трибы! Он нарушил святой закон! Даже во время войны убийство разрешалось лишь по отношению к представителям другой трибы.

Пока он шел с окровавленным телом на руках, ему не раз приходила в голову мысль просто бросить мертвого Финшву и убежать. Но поступив таким образом, он неизбежно опозорил бы имя своего покойного отца, а ведь рождение его самого и так бросало на их семью несмываемую тень. Как может он добавить к ней еще и трусость? Поэтому Толчук все шел и шел к пещерам, решившись стойко вынести любое ждущее его наказание.

Вот впереди уже открылась черная дыра — вход в пещеру, которую легко можно было принять за обломки скал. Женщины, конечно, уже подняли на ноги всех, поскольку у самого входа стояла огромная толпа, почти вся триба, начиная от согбенных старцев и кончая детьми с голыми, не обросшими еще ножками. Мелькнуло несколько дубовых щитов воинов. И царила гнетущая тишина. Наконец какой-то малыш, вынув палец изо рта, указал на Толчука, но прежде, чем он успел что-нибудь пискнуть, мать зажала ему ладонью рот. Никто не должен говорить, когда среди них мертвый.

И Толчук был благодарен этой тишине. Скоро он увидит вопрошающие глаза и услышит обиняки, но пока... пока он тоже может молчать.

Сердце его глухо билось, а ноги стали подламываться. Но останавливаться было нельзя — так можно было упустить момент и полностью подпасть под власть страха, и потому Толчук медленно, шаг за шагом, шел вперед.

Один здоровый взрослый огр вдруг протянул навстречу Толчку толстую, как ствол дерева, руку и раздул широкие ноздри, приюхиваясь к тому, что доносил ему от Толчука ветер. И, разобрав, что это, застыл на месте. За годы жизни в пещерах зрение огров слабело с возрастом — зато сильнее становились обоняние и слух. Огр поднял лицо к скалам и издал короткий вой скорби, разорвавший, наконец, тишину.

Это отец Финшвы узнал своего сына.

Толчук почти остановился. Как признается он в своей вине? Он сжал челюсти до боли и, не сводя глаз с лица старого огра, двинулся дальше.

Однако отец Финшвы уже бежал к нему, толстые ноги гулко стучали по голым камням. Добравшись до Толчука, он резко остановился и неуверенно дотронулся до бессильно свисавшей руки сына.

— Финшва?

Толчук, как и предписывал обычай, ничего не ответил. Скорбь не должно показывать. И он молча шел все дальше к зияющему входу в пещеру. Но молчание Толчука стало для отца красноречивым ответом. Его сын не просто тяжело ранен — он мертв. Сзади себя Толчук слышал тоненькое постукивание, рвущееся из отцовского горла, и видел, как вся триба повернулась на этот звук.

Дрожа от напряжения и страха, Толчук прошел через толпу, даже не

коснувшись его — смерть должна проходить быстро. И он поспешил внести тело в спасительный мрак пещеры.

Потолок общего зала находился так высоко, что до него не доставала даже копать негаснувших костров, на которых готовили пищу. Опустив голову, Толчук шел через эти костры, и женщины, испуганные его странным появлением, вскакивали со своих мест, блестя отраженным огнем в широко распахнутых глазах.

Толчук прошел через жилые территории нескольких семей; из небольших отверстий высовывались головы, с подозрением смотревшие, не пришел ли он похитить их женщин. Но, увидев его ношу, мгновенно исчезали, опасаясь, что им может повредить даже сам вид мертвого тела.

Наконец, Толчук дошел до входа в собственную пещеру, но никто не выглянул и не вышел ему навстречу. Он был последний в своем роду, и родная пещера встречала его лишь пустотой и холодом с тех пор, как отец отправился к духам четыре года назад.

Не обращая внимания на привычный запах дома — все равно для того, чтобы смыть с себя вину, он должен был прежде всего побывать в пещере духов, — Толчук направился в самую дальнюю и темную часть большой пещеры, отделенную от остального пространства огромным камнем.

Дальше начиналась черная тропа. И только тут в первый раз за несколько часов Толчук остановился, потрясенный предстоящей дорогой. Последний раз он стоял неподалеку от этого места, когда в ходе битвы с трибой Кууклы погиб его отец. Но тогда Толчук был еще слишком мал, чтобы воевать, а когда они вернулись, ни один из огров не рассказал ему, как умер отец.

Толчук тогда просто играл с другими детьми, еще мало понимавшими и потому не дразнившими его, в камешки, когда воины протаскивали мертвое тело мимо. И он долго стоял, так и не выпустив из руки камешка, и смотрел, как исчез в черной пещере последний член его семьи.

А теперь он пришел сюда сам.

Преодолевая страх и дрожь в ногах, Толчук крепко прижал мертвое тело к груди, с трудом пролез в узкое отверстие и спокойно двинулся вперед по черному коридору. Наконец, за углом засиял мутный голубоватый свет. Этот свет, казалось, вытянул последние силы из его тела и последнее мужество из сердца. Решительность исчезла, и он задрожал мелкой отвратительной дрожью.

— Иди же. Мы ждем, — раздался шепот откуда-то спереди, и Толчук замер, едва занеся ногу для нового шага. Это был голос Триады. Ах, если бы можно было сейчас бросить труп на каменный пол и вернуться к трибе, признавшись ей во всем! Триада была существами, редко показывавшимися, древними, слепыми от старости и постоянно жившими в глубине пещеры. Только на самые торжественные церемонии выползали они из своего угла, расположенного неподалеку от пещеры духов, и присоединялись к остальной трибе.

А теперь на Толчука смотрели целых три старых огра. Неужели они все уже знают?

— Подойди же, Толчук, — слова долетали до него едва внятно, но он, пересиливая себя, потащился на голос.

Он едва мог дышать от ужаса, пот лил с него ручьем, и влажное тело Финшвы стало соскальзывать с ослабевших рук. Но вот широкий коридор стал шире, стены раздались, и Толчук смог, наконец, разогнуться.

И вот огр вошел в пещеру духов. Пещера была освещена мерцающим голубоватым светом, на другой ее стороне черным глазом горел вход в жилище Триады. Никто, кроме древних стариков и мертвых, никогда не появлялся здесь.

Толчук стоял, прижавшись к стене у входа. Он сам был здесь лишь однажды — на церемонии именованья, когда ему только-только исполнилось четыре. Именно в тот день Триада и дала ему это ужасное имя «Тот-кто-ходит-как-человек». И это имя жгло его стыдом все эти долгие двенадцать лет.

Он надеялся никогда больше не оказаться здесь, но обычаи должны исполняться свято. Мертвый огр должен быть оставлен в пещере духов, подальше от глаз всей трибы. Что случалось с мертвыми дальше, никто никогда не обсуждал, ибо любой разговор о них мог навести болезнь и смерть на всю трибу.

Мертвые — дело Триады.

Толчук сделал осторожный шаг к центру, туда, где сидели, как каменные глыбы, трое старцев. Обнаженные, высохшие, неумолимые старцы ждали.

Голос исходил явно от кого-то одного из трех, но от кого — Толчук разобрать не мог.

— Оставь мертвого.

Толчук хотел опустить труп осторожно, как и подобает из уважения к потерявшей члена трибе и великим духам. Но уставшие руки предали его, и тело Финшвы грубо грохнулось, череп ударился о камень с глухим стуком, эхом разнесшимся по всей пещере. Толчук согнулся, как полагалось огру, и

стал тихо пятиться назад, подальше от страшной Триады. Он выполнил свой долг, он принес тело...

— Нет. Выход для тебя отныне закрыт, — услышал он безжалостный голос. — Ты убил члена собственной трибы.

Толчок застыл. Значит, они уже узнали о его преступлении!

— Я не хотел убивать... — пролепетал он, пытаясь оправдаться.

— Отныне для тебя открыта лишь одна дорога. — Толчок увидел три взлетевшие вверх руки, указывавшие на черное окно, вход в которое был заказан любому огру, кроме Триады. — Ты отправишься тропой мертвых.

Могвид сел в тени большого камня и вгляделся в синенющие западе горы. Фардайл убежал далеко вперед, чтобы исследовать предстоящую дорогу. Они уже прошли золотые луга у самого~подножья холмов и находились теперь в каменной и пустынной местности. Лишь корявые старые дубы да одинокие сосны порой отмечали их путь. Вокруг расстилались лишь заросли колючих и пыльных кустарников. К счастью, после того как они долго продирались напрямик через эти кусты и каменные завалы, Фардайл вышел на более удачную и ровную тропу, ведущую прямо в горы. Тропа выглядела явно обжитой, и это было хорошим знаком. Но осторожный волк все же предложил разведать тропу как следует, прежде чем идти дальше.

После дневного перехода одежда Могвида намочила от пота и неприятно прилипла к телу. Сняв часть одежды, Могвид с отвращением думал, как это люди могут таскать на себе подобное целыми днями и даже ночами. Он прикрыл глаза, желая ощутить себя прежнего с летящей плотью и гибкими конечностями. Но, увы! В последнее время человеческое слишком возобладало в нем. Могвид устало зевнул, открыл глаза и снова уставился на горы. Там, далеко, неизвестно где, лежит проклятье, наложенное на него и Фардайл.

Приложив ладонь к глазам, он долго всматривался в снежные вершины, сверкавшие на горизонте, вершины, снег на которых не таял даже в самые жаркие летние дни. Особенно выделялась среди них одна — огромная и мощная, по прозвищу Большой Северный Клык. Она нависала над своими собратьями как могучая башня. Вся же гряда, иногда называвшаяся еще Зубами, тянулась от безжизненной Ледяной Пустыни на севере до Голых Степей на юге, разделяя всю их древнюю страну на две неравные части.

Но Могвид смотрел на юг: где-то там, в тысячах лиг от своего брата, Северного Клыка, возвышался его близнец Южный Клык, однако отсюда его не было видно. Но даже несмотря на то, что близнецов разделяло такое расстояние, молва утверждала, что если подняться на вершину одной горы, то можно будет беспрепятственно разговаривать с человеком, стоящим на другой. Причем, можно говорить даже шепотом, все равно будет слышно так, будто говорящие находятся рядом.

При воспоминании об этих слухах Могвид нахмурился; что ему эти глупые детские фантазии! Он скрестил руки на груди и все никак не мог оторваться от цепи гор, за которой лежала земля людей — место, которого он боялся, но куда обязан был добраться. И горькая усмешка в который уже раз зазмеилась на его губах.

Над горами постепенно стали собираться тучи, и подул резкий восточный ветер. Вершина Большого Клыка скрылась в мрачной черноте, и скоро вокруг заплескали неистовые молнии. Если они с Фардайлом хотят перебраться через гряду еще до наступления настоящей зимы, им следует очень и очень поторопиться.

Могвид вспомнил о брате, отвел глаза от гор и стал пристально всматриваться в близлежащий кустарник. Куда запропастился этот дурак? От беспоконья у него даже засосало под ложечкой. А что, если его милый братец просто удрал, оставив его одного в этой пустынной неприветливой равнине?

Но тут, словно услышав его мысли, Фардайл вынырнул из-за ближайшей скалы. Озабоченный, тяжело дыша от долгого бега, пританцовывая на широких лапах, волк посмотрел прямо в глаза Могвиду, требуя контакта. Могвид открылся.

Глаза Фардайла сияли золотом:

Запах падали, гниющей на солнце. Бегущие ноги преследуемы хищными зубами. Стрела летит в открытом поле.

Это означало, что появились охотники.

Люди? Даже несмотря на то, что он сам выглядел как человек, и на то, что с людьми ему все равно придется общаться раньше или позже, Могвид никак не хотел встречаться с ними до положенного срока. Он лелеял тайную надежду, что до тех пор, пока они не переберутся за гряду, ни с какими людьми им встречаться не придется.

Сайлур подошел к брату:

— Где нам лучше спрятаться?

Ноги бегут быстро. Подушечки лап изрезаны острыми камнями.

Фардайл хотел, чтобы они убежали — и как можно быстрее.

Ноги у Могвида заняли. Мысль о том, что им придется бежать через эти кусты по камням и песку, почти парализовала его волю.

— Но почему нельзя спрятаться в каком-нибудь укромном местечке и переждать опасность? А потом спокойно опять отправиться дальше по тропе?

Острые зубы. Когти. Широкие ноздри ищут запах.

Могвид мгновенно поджался. Снифферы? Здесь?! Но каким образом? В диких густых лесах снифферы перемещались стаями. Используя свой фантастический нюх, они выслеживали одиноких сайлугов и нападали на них безжалостно. Это были звери, которые не поддавались ни дрессировке, ни одомашниванию.

— Куда же нам теперь?

Фардайл крутанулся и затрусил вверх по тропе, призывно махая хвостом.

Могвид закинул мешок через плечо и поспешил за братом. Усталые члены протестовали против такого насилия, но мысль о кровожадных снифферах гнала Могвида вперед, заставляя забывать о боли в ногах.

Вот, свернув за очередной поворот, он снова увидел Фардайла, который стоял и быстро втягивал носом воздух. И вдруг волк резко прыгнул влево, уйдя с тропы.

Со стоном Могвид побежал за ним, продираясь сквозь кусты, колючки которых рвали на нем одежду. Впереди показался невысокий склон, весь покрытый какой-то липкой грязью, и Могвиду не оставалось ничего, как уподобиться брату и ползти вверх на четвереньках. Да и идти на двух ногах стало опасно, можно было поскользнуться и рухнуть вниз.

Едва дыша сквозь пересохшие губы, Могвид с тоской смотрел на вершину холма, где уже стоял Фардайл, высоко подняв морду по ветру. Будь оно проклято, это человеческое тело! Но страх все заставлял его вонзать ногти в грязь и медленно карабкаться наверх.

В конце концов он одолел склон и был уже почти наверху, когда в ушах у него раздалось знакомое монотонное гудение. Фардайл снова требовал контакта. Скривившись, Могвид поднял глаза и встретился взглядом с братом. Тот стоял на самой кромке, и глаза его сверкали злым огнем. *Зубы наступают на пятки. Аркан вытаскивается из сумки.*

Значит, охотники приближались.

Подгоняемый страхом, Могвид подполз к самому боку брата.

— Гд-д-е они? — спросил он, стуча зубами. Фардайл отвернулся и ткнул носом на восток, к горам. Могвид всмотрелся. Тропа, с которой они ушли, змеей вилась у подножия холмов и терялась в дикой стране настоящих гор.

— Где? — Но не успев услышать ответ, он сам заметил движение на тропе, причем, гораздо, гораздо ближе, чем ожидал!

По дороге шел целый отряд людей, одетых в зеленое и несущих на плечах луки, а за плечами колчаны со стрелами. Могвид перевел взгляд чуть ближе и с ужасом увидел трех снифферов в железных намордниках и на кожаных ремнях. Снифферы рвались впереди хозяев. Даже с такого расстояния Могвид видел широко вывернутые, раздутые ноздри, не отрывавшиеся от следа на тропе. Бугрящиеся мускулы под голой, без шерсти кожей, напоминавшей по цвету обваренное мясо, мощные кривоватые лапы... Кожаные поводки едва сдерживали их. Он увидел, как один сниффер вдруг ткнулся мордой в другого, открыв пасть и обнажив четыре ряда острых, как иглы, зубов, насаженных на крупные челюсти.

Могвид почти вжался в землю.

— Пойдем! — прошептал он брату. — Чего ты ждешь?

Но в тот же момент раздался пронзительный вопль, зловещим эхом разнесшийся по окрестным холмам. Могвид знал этот вопль. Он слышал его не однажды ночью в глухом лесу! Это вопль сниффера, жаждущего крови.

Фардайл заглянул прямо в глаза. *Щенок плачет, пищит в ночи, покинув потайную берлогу. Нос идет прямо по запаху.* Сниффер учуял запах Фардайла наверху тропы.

Но не успел Могвид ничего сказать, как Фардайл прыгнул и понесся куда-то в сторону. Могвид едва успел броситься вслед, стараясь не упускать из виду полосатый хвост. Бегство было мучительным, с разбитыми коленями, исцарапанной кожей и синяками по всему телу. За ними все еще раздавались крики, но насколько далеко были они теперь, ни один из братьев определить не мог.

Следуя прямо по высохшему руслу ручья, Фардайл уходил все выше в горы. Ноги Могвида скользили на обточенных водой круглых камнях; ноги сайлура, не привычные к сапогам, постоянно подводили его, и он несколько раз падал, больно разбиваясь о камни. В последний раз он подвернул лодыжку, и скорость его продвижения вперед значительно упала.

Едва плетясь, он с ужасом слышал, что вопли снифферов раздаются все ближе. Фардайл впереди нервно переминался с лапы на лапу. Могвид попытался, несмотря на боль, встать на подвернутую ногу, но от боли в глазах у него заплесало такое пламя, что он снова упал. Тогда он стал прыгать,

вставая лишь на здоровую, но через несколько прыжков поскользнулся и вновь упал.

— Я не могу! — Крикнул он брату. Фардайл подскочил и быстро обнюхал сапог.

— Не оставляй меня, — простонал Могвид. Морда волка уткнулась ему в лицо:

Два волка, спина к спине, могут защитить себя. Вопль послышался уже совсем рядом, и ему ответил другой, еще ближе.

— Что же нам делать?

Олень вспрыгивает на скалу. Утки умеют летать и без крыльев.

— Что? — В образах Фардайла не было никакого смысла. Неужели брат слишком долго был в шкуре волка и потерял разум? Неужели дикость волка пересилила душу сайлура? Могвид скорчился от боли и опустил голову. — Что за чушь ты несешь?

Волчица ведет помет.

Фардайл развернулся и пошел к скале по левому берегу бывшего ручья, то и дело призывно оглядываясь на Могвида.

Кое-как встав на здоровую ногу и самый кончик подвернутой, Могвид сделал два шага и схватился за волчий хвост, маячивший перед ним. И таким образом, нелепо подсакивая, он перебрался через русло. Однако на это ушло немало времени, а боль становилась все нестерпимей. Губы Могвида побелели. Он остановился у ствола сухой сосны, прижался к нему и застыл, судорожно открыв рот.

— Может, останемся тут? Просто залезем на дерево и все. Охотники в таком виде ни за что не узнают в нас сайлугов.

Глаза Фардайла превратились в щелки. *Глаз совы. Плоть, оторванная от мяса.* Могвид застонал. Конечно же, Фардайл был прав. Охотники — лесные люди с Западных Равнин, и обмануть их не так-то просто. Их единственный шанс заключался в том, чтобы пересечь Зубы, не встретив ни одного человека. Люди, ушедшие на ту сторону гор много веков назад, наверное, давно забыли про существование сайлугов. Но все же...

Вопль sniffера раздался уже где-то совсем рядом, на ручье. *Бегающие ноги! Запах близкой добычи. Под носом одного материнский сосок.*

Могвид вжался в дерево и положил руку на спину Фардайла. Толку от этого было мало, но, как намекал брат, идти им недалеко.

Постепенно они добрались до высоты, где не росли даже колючие кустарники, а под ногами оставался лишь гранит да круглые булыжники, которые оставил после себя ледник, когда-то проложивший себе дорогу в этих местах. Серый камень повсюду был испещрен какими-то черными вкраплениями.

Перед ними расстиались одни только камни, и это зрелище лишило Могвида последней надежды.

— Нет, — прошептал он равнодушным скалам. Его брат, вероятно, вовсе лишился разума. — Нет, я уж лучше встречусь со sniffером! — Полумертвыми глазами он посмотрел на волка.

Впереди тоже опасность. *Птенец, запутался в зарослях, молодая кровь вытекает из его ран и будет течь до тех пор, пока он не зарвет неподвижно.*

Сзади действительно ждала только смерть. *Бурная река стонет впереди.*

Конечно же, опасность существует и впереди, но она может принести спасение.

Вопль зазвенел в ушах обоих братьев в очередной раз, но сейчас они уже четко различали и стук кованых охотничьих сапог. А еще через несколько секунд до их ушей донесся и голос:

— Ищите здесь! Смотрите, вот и следы! Похоже, будто они полезли вверх прямо здесь. Ну, вперед, Черныш, взяты! — Раздался свист хлыста и новый кровожадный вопль: — Взять этих проклятых оборотней.

Глаза Фардайла, полные удовлетворения, уперлись в Могвида. Он оказался совершенно прав. Острый нюх sniffеров поднял на ноги лесных охотников, и по тому, с каким жаром пошли по следу sniffеры, люди догадались, кому этот след принадлежит. Ими могли быть только сайлуры, на грубом человеческом языке называвшиеся просто оборотнями.

Могвид простонал сквозь сцепленные до хруста зубы. Зачем он покинул свой лес? Надо было, несмотря ни на что, остаться, и все как-нибудь уладилось бы! Что с того, что он стал бы изгнанником? По крайней мере, он остался бы жив, а теперь...

Но даже сейчас, своим сжавшимся от ужаса сердцем Могвид знал, что не мог не отправиться в это путешествие. Мысль о том, что он навеки остался бы в этом отвратительно человеческом обличье, мучила его больше, чем клыки sniffеров и неизвестность, лежавшая впереди.

— Пойдем же... пойдем дальше... — сорвалось с его серых губ. И, продолжая опираться на спину Фардайла, они перешли за гребень скалы, оказавшись в стране голых камней, стране, которую избегали все жители Западных Равнин — стране чудовищных огров.

Толчук совсем не хотел умирать. Он стоял молча, с распростертым телом Финшвы у ног, а трое древних огров, согнув спины, уже заковыляли по направлению к страшной дыре.

— Ступай за нами. Отныне это твоя тропа, — вновь долетели до него зловещие слова.

Толчук понимал, что его наказывают за убийство Финшвы; закон огров строг и часто жесток. Но не настолько же! Толчук смотрел на страшную черную дыру — выход на тропу мертвых. Как он пожалел теперь о своем честном порыве вернуть тело Финшвы! Надо было просто уйти и жить одному на свободе и воле. Но вот и последний огр скрылся в дыре.

— Иди же! — снова донесся до Толчука настойчивый голос. И тогда он изо всех сил выпрямил спину — что ж, триба изгнала его, а потому ему нет больше надобности стараться быть похожим на настоящего огра! Пусть это делает кто-нибудь другой! Он перетупил через тело и твердым шагом пересек пещеру, над головой у него злобно шипели факелы, лишние голубоватый свет. Тень его, множась, плясала по стенам, словно демоны, насмежавшиеся над его горем.

Перед самым входом, отчаянно борясь со страхом, Толчук все же наклонил голову и... отчаянно нырнул в темноту.

Впереди слышались шарканье и вздохи древних огров, уходивших все дальше в невидимые глубины скал. Скоро последний отблеск факелов исчез, и за поворотом Толчука охватила полная беспросветная тьма. Дорогу ему теперь указывал только цокот когтей по гладким камням где-то там, впереди.

Наверное, именно по этой каменной глотке таскали тело его несчастного отца в страну мертвых. А теперь здесь приходится идти и его невезучему сыну, который оказался теперь мертвым для своей трибы ничуть не меньше, чем убитый Финшва.

То, что находилось в конце туннеля, ведомо только Триаде. Насколько он помнил, члены Триады никогда не менялись. Еще совсем малышом он как-то раз спросил у отца, что же случается, когда кто-то из них все-таки умирает. Тогда отец оттащил его в угол и прошептал, что не имеет об этом никакого понятия, поскольку на его веку никто из Триады никогда не умирал. Так ничего и не узнал об этом Толчук и в последующие годы. Об этом в трибе никогда не говорили, поскольку считали дурной приметой, почти такой же, как и всякое упоминание о мертвых.

Триада не менялась на протяжении сотен лет и хранила дух благополучия своего народа. Зачем говорить об этом еще что-то?

Итак, только они да мертвые знали, что ожидает вошедшего в том конце черного туннеля.

И страх все сильнее сжимал сердце Толчука. И он шел все медленнее; дыхания не хватало, грудь ныла, и еще более страшная боль, казалось, караулила его где-то поблизости. Он уже еле-еле полз по извилистому коридору, а воздух становился все более влажным и теплым. И в нем все явственнее ощущался запах соли, щекотавший его широко вывернутые ноздри.

Но все же юный огр полз, а туннель все сужался, словно хотел в конце концов сжать его и ни за что уже не выпустить из своих каменных объятий. Голова Толчука теперь постоянно задевала потолок, и от этих прикосновений по его телу пробегала дрожь. Вскоре ему пришлось и вовсе держать голову постоянно опущенной. Туннель явно спускался все ниже, он вел в самую сердцевину гор. Наконец, Толчук вынужден был ползти, просто вжавшись в каменную ложу и едва слыша шорох где-то далеко впереди.

Колени его уже совсем ободрались, когда впереди неожиданно слабо засветился зеленоватый свет. Постепенно свет становился все ярче, и Толчук, уже забыв о страхе, теперь рвался вперед, к этому таинственному свету.

Конец пути, видимо, был недалек.

Тропа снова стала расширяться, и при все усиливающемся свете Толчук обнаружил, что стены усыпаны светящимися червями размером с большой палец, излучающими бледное зеленоватое свечение. Вся эта живая масса кишела, передвигалась, где группами, сплетаясь, словно древесные корни, где в одиночку, где парами.

Чем дальше, тем червей становилось все больше, они появлялись уже на полу и стали видны кучки мертвых, раздавленных, вероятно, недавно проползшими здесь старыми ограми. Толчук поднялся на ноги и старался идти, ступая след в след с Триадой. Кишение червей под его голыми ступнями внушало ему отвращение, а сам вид этой копошащейся массы вызывал тошноту.

Поглощенный наблюдением за червями, он не заметил, как оказался в большой пещере. Туннель кончился. Триада сбилась в кучу посередине, встав

головами друг к другу и бормоча что-то непонятное.

Толчук увидел старцев, потом поднял глаза выше и обнаружил высокую арку, сложенную из грубо отесанного камня сердца. Он упал на колени. Камень сердца был драгоценностью, который горы редко кому открывали. Последний, найденный ограми такой камень, был размером не больше птичьего глаза — но и тот поднял такую сумятицу в трибе, что началась война за его обладание. Именно в этой войне и был убит его отец.

Триада сидела как раз под аркой, но, как ни старался Толчук, запрокидывая голову вверх, он так и не смог увидеть, где арка заканчивалась.

Мелко ограниченная по всей высоте арка отражала свет червей таким бесчисленным количеством цветных бликов, что грубый язык огров не мог бы найти им описания. И Толчук безмолвно стоял, не в силах отвести глаз от этого чуда.

И если от мутного света червей его тошнило, то их отраженный свет буквально проникал через его толстую кожу и достигал до самого мозга костей. Что-то поднялось в его груди, и первый раз в жизни Толчук почувствовал себя цельным, пронизанным духом до каждой клеточки своего тела. Струи света, стекая, словно водопад, легко смывали позор и грусть не только с его тела, но и с души. Он ощутил, что выпрямляется все больше и больше, что мышцы его становятся гибкими и податливыми, а руки сами тянутся вверх.

Он не был больше проклятым выродком с куцым неполноценным духом! Он был настоящим и цельным!

Слезы покатились по его лицу, и он ощутил всю свою красоту и значительность. Толчук вдыхал пьянящий воздух, упивался им и сам, как ему казалось, начинал, светиться, как камень сердца. Двигаться больше не хотелось — хотелось просто умереть, не сходя с места.

«Пусть Триада теперь перережет мне горло, — думал он. — Пусть крови моей напьются мерзкие черви под ногами. Что из того, когда тело — только вместилище духа, прекрасного духа, который нельзя убить ни топором, ни кинжалом. Он цельный и останется таким, каков есть, навеки!»

Он ничего не хотел больше, но вдруг с неудовольствием услышал голос, звавший его по имени:

— Толчук!

Это имя вновь всколыхнуло глать его успокоенной души.

— Толчук! — услышал он снова.

Огр повернулся по направлению, откуда шел голос, и спокойствие его оказалось окончательно нарушенным. Он тряхнул головой, мучительно пытаясь вернуться, но что-то ушло безвозвратно. Арка продолжала светиться и сиять, но теперь это было всего лишь светом, не более.

На него смотрели три пары глаз, и ноги Толчука стали медленно подгибаться.

— Начинается, — услышал он скорее не слово, а стон. Толчук опустил еще ниже, и сердце его застучало от страха. Один из Триады приблизился к нему, и Толчук ощутил на своем запястье костлявые пальцы. Руку подняли и вложили в нее что-то холодное и твердое. Старец тут же отошел.

— Смотри! — приказал голос, и снова Толчку показалось, будто голос исходит сразу от всех троих и напоминает свист ветра меж узких скал.

Он посмотрел на то, что лежало в его ладони, — это был кусок камня сердца размером с козью голову.

— Что? Что это? — его собственный голос прозвучал в мертвой тишине неожиданно громко. Толчук даже пригнулся.

— Это Сердце огров, — ответил голос. — Источник нашего духа.

Камень чуть не выпал из задрожавшей руки Толчука. Сколько он слышал разговоров и слухов об этом камне! Этот камень сопровождает души огров в иные края. И тогда Толчук протянул камень обратно старцам.

— Смотри, — глаза Триады светились. — Смотри внутрь. Сглотив слюну, Толчук поднял камень к глазам. Камень тут же потерял свой красный густой цвет и стал светиться слабым отражением арки. Но сколько ни глядел Толчук в его глубину, он ничего не видел и наконец, сконфуженный, снова протянул камень обратно.

— Смотри внутрь, — снова прошипел голос.

Толчук напряг мускулы, сузил глаза и попытался сконцентрировать на камне все свое внимание. За исключением размера, камень казался обыкновенным драгоценным камнем. Что же Триада от него хочет? Если убить, то при чем здесь камень? Глаза его стали убежать в сторону, но огр снова упорно устремлял их на камень и вдруг увидел какую-то точку в самой его сердцевине, какое-то темное пятно, поначалу совсем невидимое из-за сверкающих граней.

— Что это... — Неожиданно пятно пошевелилось. В первый момент Толчку показалось, будто он просто повернул камень, но потом он

увидел, что черная масса в глубине действительно двигается и живет. На сей раз, парализованный страхом, он точно знал, что никак его не поворачивал.

Тогда сощурившись, огр поднес камень ближе к свету и заметил, что при этом его движении черное пятнышко в камне попыталось спрятаться, — и только тут Толчук понял, что в камне скрывался червь. Должно быть, это был близкий родственник тварей, покрывавших стены пещеры, только черный, как те черные камни, которые иногда находят в горах и которые так хорошо горят. Кто же это?

И Триада, словно прочтя его мысли, ответила:

— Это Напасть. Она торжествует над духом наших мертвых, когда они попадают сюда. Она пожирает их. — И три пальца указали на камень — Вот он, подлинный конец тропы мертвых — желудок червя!

Толчук зарычал, обнажив короткие клыки. Как это может быть? Все с детства знают, что когда огр умирает, то с помощью триады переходит через камни в новый мир к новой жизни. Он недоверчиво посмотрел на странный камень. Должно быть, они обманывают его!

— Не понимаю...

— Много-много лет назад огры нарушили клятву, данную ими духу земли, и за это предательство на них наслана Напасть, — ответила Триада.

Толчук опустил руку и понурил голову:

— Зачем вы говорите мне это?

Но Триада молчала.

А по горам вдруг прокатился глухой ропот, словно там наверху вовсю бушевала гроза, и гремело то, что огры называют «голосом гор». Разразилась первая за эту зиму настоящая буря.

Когда эхо замерло в глубине пещеры, Толчук снова услышал обращенные к нему слова:

— Ты еще не прошел магру, это именно тот возраст. Слышишь, даже сами горы зовут тебя.

— Почему же меня? — жалобно проскулил Толчук, поднимая глаза на страшных старцев.

— Ты и огр и *не-огр*. В тебе смешались духи двух рас.

— Я знаю. Я ублюдок. Я помесь огра и человека.

Трое переглянулись и что-то тихо проурчали, и до насторожившихся ушей Толчука долетели обрывки тихого шепота, отдельные слова и странные фразы:

— Лжет... не знает... книга крови... хрустальные клыки... — и, наконец, совсем уже непонятное: — камень убьет ведьму...

Толчук слушал дальше, но все смолкло, и сердце заколотилось в его груди еще отчаянней.

— Чего вы от меня хотите?! — не выдержал он. Слова его прокатились по пещере, как камнепад.

Триада посмотрела на него шестью горящими глазами и еле слышно ответила:

— Освободи наш дух. Убей Напасть.

Могвид и Фардайл спрятались под выступом скалы. Он давал мало убежища, но вечерняя гроза началась так неожиданно и так яростно, что они не успели найти никакого другого пристанища в этой пустынной стране огров.

Огненные руки молний хватались за снежные пики и потрясали их, гром гремел еще сильнее, отдаваясь в их каменной крыше, с гор дул пронизывающий ветер, несущий с собой ледяной дождь.

После того как их загнали на территорию огров, охотники, видимо, успокоились, и теперь единственной опасностью для путников осталась возможность встречи с обитателями пещер под снежными вершинами.

Так что о погоде можно было вообще не думать.

Капли дождя кусали незащищенное тело Могвида, как разозленные осы.

— Надо найти убежище получше, — предложил он, с завистью глядя, как Фардайл запросто стряхивает влагу с густой шерсти. — Ночью мы замерзнем здесь до смерти.

Но Фардайл ничего не ответил, повернувшись к брату спиной и взглядываясь сквозь завесу дождя в близлежащие скалы. Он, казалось, даже наслаждался дождем, поскольку его шерсть, смазанная жиром, как и перья гусей, просто отталкивала воду. А Могвид промок насквозь и уже едва выносил прикосновение холодной мокрой одежды.

Зубы у него стучали, а подвернутая нога нестерпимо болела в сапоге, до краев налившимся водой.

— Надо хотя бы костер разжечь, — прошептал он. Фардайл, наконец, обернулся, и янтарный свет в его глазах был скорее холоднее, чем горяч.

Глаз орла видит пушистый хвост глупой белки. Но Могвид лишь еще глубже забился под скалу.

— Ты что, серьезно думаешь, будто огры увидят наш огонь? Да от этого дождя они все забились в свои пещеры и сидят там безвылазно!

Фардайл продолжал молча глядеть на скалы. Могвид понял, что

настаивать бесполезно. Холод все же лучше, чем встреча с ограмми. Могвид снял мешок и положил его на пол в самом дальнем углу их убежища, постаравшись свернуться калачиком так, чтобы как можно меньше холодных капель попадало на его истерзанное тело. Уже в который раз за этот день он пожалел, что не обладает и тысячной долей своих прежних навыков и способностей.

«О, если бы я только мог превратиться в медведя, — думал он. Тогда ни этот дождь, ни холод не имели бы для меня никакого значения!» Он посмотрел на брата и скривился от злобы. Фардайл всегда был счастливым! Жизнь улыбалась ему с первого его вдоха. Рожденный первым, он был сразу же объявлен наследником всей семейной собственности. Кроме того, ему достался редкий дар оратора и умение говорить то, что нужно в нужный момент. Слухи о его талантах скоро пошли по всему племени, и на Фардайла стали возлагаться большие надежды. Могвид же всегда говорил не то, что нужно, не вовремя, не к месту, и скоро стал раздражать всех своей нелепостью. Редко кто искал его общества или спрашивал у него советов.

Но даже не это больше всего раздражало и беспокоило Могвида. Больше всего его бесило то спокойствие, с каким Фардайл воспринимал их проклятое рождение.

Родившись совершенно одинаковыми в мире оборотней, они создали этим настоящую сумятицу. У сайлугов, правда, и раньше рождались двойняшки, но никогда еще не было близнецов. Могвид и Фардайл оказались первыми. Различить их не мог никто, включая собственных родителей.

Поначалу и для клана близнецы были новинкой и забавой, но скоро все обнаружили, что если один из братьев меняет форму, то вне зависимости от своего местонахождения, точно так же повторяет форму брата и другой, даже если ему в данный момент подобно превращение было крайне нежелательно. Это привело братьев к длительной войне за обладание контроля над формой, и в мире, где перемена формы была самым обыкновенным делом, Могвид и Фардайл оказались связанными и несвободными. Причем, обреченными на это самим фактом своего рождения.

Но, если такое положение вещей было воспринято Фардайлом как естественное, то Могвид с каждым годом озлоблялся все больше, ропща и жалуясь на судьбу.

Он перерыл все древние тексты в поисках какого-нибудь выхода и способа разорвать постылые цепи и, в конце концов, неожиданно обнаружил средство, известное только одному старому сайлуру, жившему отшельником в дремучем лесу.

Могвид даже вздохнул при воспоминании об этом. Ах, если бы он был тогда осторожнее...

Из древнего, погрызенного червями пергамента он вычитал один малоизвестный факт относительно природы сайлугов: когда два любовника соединяются в порыве страсти, в самый ее пик ни один из них не может измениться.

Могвид переживал это открытие многие луны, чувствуя, что именно в этом кроется возможность освободиться от ненавистной связи с братом. И постепенно у него начал созревать некий план.

Он знал, что Фардайл ухаживает за молодой девушкой, третьей дочерью старейшины. Все сайлуры всегда имели склонности к какому-то определенному обличью, и эта девица предпочитала форму и повадки волка. Именно в таком виде со своей снежно-белой пушистой шкурой, длинными ногами и горячими глазами она и пленила сердце Фардайла. Скоро слух об их связи пополз по всему племени.

Пока роман брата заходил все дальше, Могвид таился в тени, смотрел, запоминал, плел сети и ждал.

И вот однажды ночью, перед самым полнолунием, его нетерпение победило. Он прокрался за братом и под прикрытием ближайших кустов стал смотреть на любовные игры Фардайла с молодой волчицей. Он ласкал и нежил подругу, и шерсть ее отливала серебром в холодном свете луны. Увлечшись, она очень скоро стала готовой отдаться возлюбленному, и, как с отвращением и завистью увидел Могвид, Фардайл обнял ее сзади, нежно покусывая за горло и уши, и вот уже начал ритмичные движения со все нарастающей страстью.

Могвид хладнокровно ждал до того момента, когда у Фардайла не вырвался характерный стон — и начал действовать. Он быстро обернулся человеком, понимая, что в это мгновение брат не сможет измениться и навсегда останется волком.

И его план удался...

И теперь, стоя под утесом в стране огров, Могвид с ненавистью рассматривал бледную кожу своих ладоней.

План удался даже *слишком хорошо* !

Той проклятой ночью Могвид навсегда превратился в человека, так же, как Фардайл в волка. Но скоро Могвид понял, что ему придется расплачиваться за это превращение слишком дорогой ценой.

Ни один из них уже действительно не мог больше принять иной формы и каждый застыл в своем последнем обличии навечно.

Ах, если бы он был тогда осторожней...

Фардайл тревожно зарычал, возвращая Могвида из прошлого в настоящее. Могвид посмотрел на брата: брыли его поднялись, а уши плотно прижались к опущенной голове. Из горла сайлура-волка рвался протяжный и страшный рык.

Могвид подвинулся ближе.

— Что случилось? Огры?

Даже одно произнесение этого страшного слова заставило Могвида задрожать.

Но вопрос остался без ответа, поскольку из завесы дождя на них выскочила отвратительная тварь, с намордником, болтавшимся на ремне у горла и волочащейся сзади порванной цепью. Набывшись, он встал, вцепившись когтями в скалу и глядя на Фардайла огненными глазами.

Сниффер!

Должно быть, он все-таки вырвался у охотников и продолжил кровавое преследование. Могвид юркнул за спину брата, но как простой волк мог защитить его от сниффера!? Фардайл весил всего какую-нибудь десятую часть зверя и выглядел перед противником, как щенок перед медведем.

Плечи хищника забугрились мышцами, и он открыл свою страшную пасть, не сдерживаемую больше намордником. Показались два ряда кинжалоподобных зубов, и сниффер издал чудовищный рев, эхом прокатившийся по окрестным горам.

Потом он прыгнул.

Толчук замахнулся камнем сердца в первого, сидевшего ближе всех огра, и сердце у него стало таким же тяжелым, как камень в руке.

— Я не понимаю, чего вы просите. Как это я могу разрушить Напасть?

Триада сидела неподвижно и молча. Три пары глаз пристально смотрели на Толчука, и ему казалось, что они читают не только у него в мыслях, но в самих костях.

— Ты один можешь это сделать, — последовал, наконец, ответ.

И, как ни прискорбно было это признать, Толчук понял, что старцы, вероятно, просто сошли с ума от старости.

— Я!!! Да разве вы не знаете, кто я?!

Ответа снова не последовало, и три пары глаз все так же неотрывно смотрело на него.

Арка над головой Толчука, казалось, стала медленно опускаться и уже давила ему на плечи.

— Прошу вас! Я всего лишь полуогр. А то, что вы мне предлагаете, может исполнить только воин, полноценный, взрослый воин! Как могу это сделать я?

— Ты последний наследник Клятвоступника, того, кто предал нашу страну и наслал на наш народ Напасть, — наконец долетели до него страшные слова.

Толчук почувствовал, как колени у него подгибаются. Неужели его стыд и позор не кончатся никогда? Мало того, что он ублюдок, так оказывается, что он еще и проклятое семя продажного огра, навлекшего на их народ такое несчастье! У него не было слов, чтобы ответить на подобное обвинение, и он по-детски прошептал:

— Этого... не может быть... Это неправда.

— Ты, сын Ленчука, знаменует собой последнюю поросль древнего рода, услышал он, как в бреду. — Последнее семя Клятвоступника.

— Но... что значит — *последний* ?

— Когда происходила церемония твоего именованья, тебя осмотрел старый знахарь и обнаружил, что твоя смешанная кровь не даст тебе стать отцом. У тебя не будет детей. Никогда.

Слезы готовы были хлынуть из распахнутых глаз юного огра.

— Но почему никто не сказал мне об этом раньше?

Вопрос остался без ответа.

— Ты последний и потому должен отдать свою кровь на то, чтобы искупить предательство своего предка.

Толчук прикрыл глаза и стиснул в руке камень. Слова застряли у него в горле.

— Но что сделал тот, который нарушил клятву? — кое-как выдавил он.

Триада снова опустила и сдвинула головы, совещаясь о чем-то.

— Мы не знаем. — раздалось спустя несколько минут.

— Тогда как же я могу что-то исправить?

— Мы не знаем, — последовал все тот же ответ.

— А как же узнаю я? — пролепетал Толчук.

— Ты должен покинуть страну с этим камнем в руках и найти ответы на все

вопросы за Воротами Духа.

Но Толчук не услышал ничего, кроме слова «покинуть», и плечи его вздрогнули от рыданий. Именно изгнания он и боялся больше всего. Покинуть родину, оказаться брошенным в чужой враждебный мир, мир, который так ненавидели и так боялись все члены его трибы.

— И куда же я должен теперь идти? — сквозь слезы выдавил Толчук.

Три руки поднялись в едином порыве и указали на арку из камня сердца.

— Через Врата Духа.

Толчук свел в недоумении брови. Перед ним был непроницаемый камень — и только. Пройти через него было невозможно.

— Иди. — Два старца встали под арку, один у левого столба, другой — у правого. Третий взял Толчука за руку и подвел к самому центру.

— Что мне надо делать? — дрожащим голосом спросил Толчук.

Огры снова заговорили, но на этот раз в их голосах послышалась даже какая-та теплота, словно с ним говорил отец.

— До того как к нам пришла Напасть, Ворота собирали духи умерших и переносили в иной мир, а теперь и ты должен собрать все свое мужество и решимость — и тогда ворота перенесут тебя туда, где ты должен оказаться. Было сказано, что когда последний из рода Клятвопреступника пройдет через Врата Духа, то он найдет способ снять Напасть и освободить духи всех умерших.

Толчук поклонился арке.

— Но я не дух, я не могу пройти сквозь камень.

— Тебе и не надо быть духом.

— Тогда как же?

Ответа не было, но от двух старцев, стоявших по бокам арки, вдруг послышалось какое-то низкое гудение, которое проникало, казалось, в самый костный мозг Толчука. У него закружилась голова, в ушах зазвенело, а камень сердца в руке быстро запульсировал, как кровь в сердце. Юный огр поднял глаза и увидел, что арки перед ним больше нет. Вернее, она все так же находилась перед ним, но почему-то Толчук точно знал, что это всего лишь иллюзия, галлюцинация, обман, отражение скалы в неподвижной воде.

Гул все нарастал, камень в его руке стал тянуться к Вратам, как дитя тянется к матери холодной ночью, и от этого ноги Толчука сами приподнялись над полом, огры внизу исчезли, а он все продолжал подниматься прямо к вершине уже несуществующей в действительности арки.

Но стоявший в середине старец еще был виден, и Толчук явственно услышал его слова:

— Слушайся камня сердца. Пусть почерневший, он все же являет собой наше сердце. Слушай его, и он приведет тебя к цели.

Слова достигали его ушей, но расслабленное сознание отказывалось проникнуть в их смысл. Толчук перестал слушать, он поднимался все выше, и гул становился все громче. Вот он уже коснулся арки, рука его провалилась в воздух, но огр уже верил, что Врата вынесут его туда, куда нужно и, закрыв глаза, совершил первый шаг — первый шаг на пути к освобождению своего народа — шаг к вере.

Он прошел сквозь дымку Врат, гул смолк, но тут же мгновенно сменился рычанием зверя, жаждущего крови.

Когда сниффер прыгнул, Могвид бросился в глубину навеса, а Фардайл, оскалившись, уперся ногами в скалу. Он тоже рычал, причем так, Могвид мог признаться, что никогда не слышал от брата ничего подобного. Рев Фардайла леденил кровь и останавливал сердце. Даже сниффер приземлился раньше намеченной цели.

Теперь они стояли друг против друга — волк и сниффер, стояли, опустив головы, обнажив клыки и выискивая друг у друга единственно верное слабое место.

Могвид скрючился, едва дыша. Одарила молния, на секунду осветившая все вокруг зловеющим призрачным светом. Дождь заливал обоих противников. Сниффер, будучи вдвое выше, нависал над Фардайллом, как гора, и острые, как бритва, клыки, могучие когти и нескрываемая дьявольская злоба не оставляли сомнений в том, за кем останется это поле битвы. Вопрос теперь заключался лишь в том, как далеко сможет убежать Могвид, пока сниффер расправляется с его братом. Он завертел головой в поисках выхода из этого убежища, превратившегося в ловушку.

Неожиданно, без всякого предупреждения, повинувшись какому-то инстинкту, оба противника бросились друг на друга. Вверх полетели ключья черной шерсти и обрывки багровой кожи, послышались хрип и ляг челюстей. Зубы и когти терзали живую плоть.

Могвид лихорадочно искал выхода из-под навеса и уже почти совсем

сумел вскарабкаться наверх, как дерущиеся вдруг оказались совсем рядом с ним, и от вида льющейся крови ему стало дурно. Сайлур снова упал вниз. Кровь действительно лилась ручьем по шкуре Фардайла, и понять, его ли она или чужая, Могвид не мог. Впрочем, и без этого было ясно, что долго продержаться брат не сумеет.

В следующее мгновение сражающиеся откатились, открывая Могвиду путь к спасению, и он стал тихо красться, держась за край скалы. Холодный дождь снова полоснул по его коже, но он уже не обращал внимания на боль и, глядя одним глазом на Фардайла, другим искал тропу, ведущую прямо в горы. Однако только он хотел на нее выйти, как его вновь остановило какое-то движение.

Сверху вдруг пролетел огромный камень и рухнул прямо рядом со сражающимися. Звук удара на мгновение заставил их прекратить бой. Волк и сниффер застыли, каждый держа окровавленные клыки на горле другого.

Но камень непостижимым образом ожил и оказался огром.

Могвид вновь бросился назад и забился в самый дальний угол своего укрытия. Фардайл, ковыляя на трех лапах и держа поджатой правую переднюю, встал так, чтобы перекрыть огру путь к брату.

А спустя несколько секунд Могвид увидел, как сниффер, самый непобедимый и кровожадный хищник Западных Равнин, оказался разорванным руками огра на дымящиеся куски мяса.

Весь в крови, опутанный внутренностями сниффера, с окровавленной мордой и желтыми клыками огр повернулся к волку и с чудовищным акцентом прокричал на языке жителей равнин:

— Кто вы и зачем вторглись в наши владения?

Толчук отряхнул с себя останки лесного зверя, на какое-то время насытив свою жажду крови, охватившую его, когда он услышал неистовый, жаждущий крови рык. Ему очень хотелось запустить когти и в волка, по-прежнему стоявшего поодаль, с высунутым и покрытым пеной языком. Запах крови с его железистым привкусом мутил огру голову. Он даже вспомнил многочисленные разговоры воинов трибы о *фиренгате* — огне сердца, которое охватывает сражающихся, и о том, что запах свежей крови настолько силен, что любой огр может от него полностью потерять контроль над собой.

Толчук чувствовал, что сердце у него готово вырваться из груди; громовые удары вокруг казались всего лишь игрушкой по сравнению с грохотом собственного сердца. Кровь взывала к новой крови.

Он честно боролся с собой. Теперь было не время для кровавых действий. День уже начался ею, и вот теперь несчастный Финшва лежит на полу пещеры мертвых. И решение укротить себя стало в Толчуке еще сильнее.

Он видел и скрючившегося под навесом человечка, и охранявшего его волка, и потому как-то неожиданно для себя заговорил на том универсальном общем наречии, который в ходу среди всех племен, населяющих горы. Ему было очень трудно произносить слова, ибо горло огров не приспособлено для речи. Обычно они больше пользуются жестами, позой, ворчанием, но сейчас Толчук понимал, что если Врата духа вынесли его именно сюда и сейчас, то это неспроста. Он вспомнил слова Триады о том, что благодаря арке он окажется там, где ему быть необходимо. К тому же он увидел человека. Люди редко осмеливались заходить на территорию огров и не бывали там столетиями. А черепа тех, кто приходил, до сих пор украшали пещеру барабанов войны. И потому Толчук с трудом, но все-таки заставил себя спросить у этих двоих — кто они и что им здесь надо.

Но в ответ он получил лишь низкое рычание волка. Правда, в нем не было угрозы, а всего лишь вежливое предупреждение.

Более того, в этом ответе Толчук почувствовал, что от этих двоих ему и его стране не исходит никакой угрозы. Они всего лишь просят, чтоб их оставили в покое. Но понял он и то, что, как бы то ни было, для него самого это — не простая встреча. В ней был какой-то смысл и, возможно, она предполагала необходимые на его пути последствия.

— Не бойтесь, — сказал он тогда медленно и вятно. — Подойдите. Говорите.

Эти простые слова почему-то смутили волка. Толчук видел, как он быстро глянул в сторону скорчившегося человека. А когда он снова встретился с янтарными волчьими глазами, то произошло нечто странное — огр увидел, что разрез глаз у зверя точно такой же, как у него самого. И что это совершенно неестественно ни для волков, ни для огров! Кроме того, Толчук прочитал в этих миндалевидных глазах разум, ничуть не уступающий его собственному.

И в голове у Толчука каким-то непонятным образом возникла картина, словно он вдруг связал воедино обрывки давнего сна:

Волк приветствует другого волка нос к носу. Добро пожаловать в стаю.

Могвид так и продолжал лежать в глубине скального навеса и не поддавался на уговоры Фардайла выйти и посмотреть на глаза этого странного огра. Что было говорить, чужак снаружи был явно не сайлуrom, и незачем было рисковать. Выйти и оказаться в досягаемости этих страшных рук и зубов? Нет, он лучше останется здесь и умрет от истощения, чем его руки и

ноги окажутся так же разбросанными по скалам, как это только что случилось со sniffфером.

Но дальнейшие слова огра заставили-таки его задуматься.

— Как это так выходит, что твои волчьи мысли вдруг оказываются у меня в голове? — спросил огр натужно, словно в глотке у него ворочались камни. — Что это за шутка такая?

Значит, огр слышал Фардаила? Могвид незаметно для себя подполз ближе и выглянул. Дождь перестал, и на небе среди черных туч кое-где просвечивало синее небо. Могвид посмотрел на огра, стоявшего всего в нескольких шагах от входа под навес, и увидел на его лице мучительную попытку понять происходящее. В набедренной повязке и с мешком за плечами, чудовище все еще сидело среди останков sniffфера и не совсем походило на те картинки, которых в детстве достаточно нагляделься Могвид. Оно оказалось гораздо приятней, если так можно выразиться. Может быть, картинки преувеличивали безобразность огров? Если сидящий сейчас перед ним, конечно же, огр.

А в следующий момент Могвид увидел и его миндалевидные, косо поставленные глаза. Фардаил не обманул его. Похоже, они видят сайлура... Но нет, даже для помеси, этот огр был слишком велик, для сайлура превратиться в такую массу просто невозможно. Кем бы сайлур ни был — оленем, волком, медведем, человеком, горным орлом, — при любых изменениях формы масса его тела всегда оставалась приблизительно той же.

Фардаил снова бросил на брата многозначительный взгляд, в котором явно читалось такое же любопытство.

Волк узнал мысли волка.

Значит, этот странный огр тоже может воспринимать образы Фардаила. Могвид на всякий случай уполз обратно. Как это возможно? Огр был больше их раза в три. Еще никому из сайлуров не удавалось принять такого обличья.

— Подойди, человечек. Не бойся. Я не съем тебя. — Могвид понял, что огр заметил его даже среди темноты навеса и смотрел теперь прямо ему в глаза. Наверное, живя постоянно в темных пещерах, они привыкли хорошо видеть в темноте. — Выходи. Я рассмотрю тебя лучше.

Могвид напрягся, но, посмотрев на брата, прочел:

Ястреб не летает со сломанным крылом. Лесные кошки крадутся в кустах.

Фардаил намекал на то, что теперь им все равно не обойтись без посторонней помощи, без нее они не смогут пересечь страну огров.

На трех ногах он прыгал от брата к огру и обратно, но Могвид все колебался. Он понимал, что другого выбора у него нет, но ноги его все-таки отказывались ему повиноваться.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, человечек. Мое слово в сердце моем. — Огр приложил к груди окровавленный коготь, и в последних его словах послышались боль и печаль. И именно это убедило Могвида больше, чем слова.

Сайлур выбрался из-под навеса и встал перед огромом. Его грубо вытесанное лицо с раздувающимися ноздрями и безобразно толстыми губами заставило Могвида вздрогнуть от отвращения, а гора мышц — окончательно онеметь.

Фардаил осторожно подтолкнул его носом, но Могвид сердито отмахнулся. О чем ему разговаривать с огромом?!

Тогда Фардаил громко засопел, плюхнулся на задние лапы и сам повернулся к огру. Могвид ощутил тонкое покалывание контакта. Но мысли брата были обращены не к нему. А огр поднял руку, начал скрести когтем в затылке и, наконец, покачал головой.

— Долина далеко отсюда? — проворчал он. — Что это такое?

Тогда, поняв, чего добивался брат, заговорил и Могвид:

— Это имя волка, — пояснил он. — Фардаил означает отдаленная долина. Он разговаривает не словами, а образами.

— Так делают все волки?

— Нет, — доверие Могвида к огру росло по мере того, как он все больше убеждался в мирном настрое чудовища. — Он не волк. Он мой брат. А меня зовут Могвид.

— Я Толчук, — огр кивнул головой в качестве приветствия. — Но как волк может быть братом человека?

— Мы не люди, мы сайлуры — оборотни. И можем разговаривать друг с другом внутренним языком.

Толчук вскочил и отступил на два шага:

— Так вы тутура! Обманщики! — взревел он. — Похитители младенцев!

Могвид скривился. Почему его народ так не любят? И сквозь вспыхнувший страх в нем начал говорить гнев.

— Это ложь! Мы просто лесной народ, о котором наплели злых

небылиц другие. Мы никому не вредим и мирно живем собственной, никому не опасной жизнью.

Эти слова, видимо, подействовали на огра, поскольку его узкие глаза совсем сузились от раздумья.

— Я слышу, что твои слова правдивы, — гораздо более мягко ответил он. — Я виноват. Я тоже слышал про вас много плохого.

— Нельзя верить всем сказкам.

— Сегодня я уже не раз убеждался в этом, — как-то странно вздохнул загадочный огр.

— А мы, к тому же, хотим лишь пройти через вашу страну, куда нас загнал убитый тобой sniffфер. Прошу тебя, дай нам пройти — и все.

— Я и не держу никого. Но одни вы у нас не выживете. Вас схватят, не успеете вы пройти и половины, — Могвид вздрогнул. — Вопль этого зверя уже явно достиг ушей моих собратьев, и скоро запах его крови приведет сюда много, много огров. И они съедят вас.

При этих словах Фардаил вскочил и прыжком оказался рядом с братом.

Могвид задохнулся от ужаса. Огры будут здесь! Много огров!

Но, увидев такую реакцию, Толчук поспешил признаться:

— Этой ночью я должен покинуть родину, и, если хотите, пойду с вами. Я защищу вас и помогу спрятаться в укромных местах.

Путешествовать в компании с огромом? Во рту у Могвида пересохло. Но Фардаил смотрел ему прямо в глаза:

Чем больше волков, тем сильнее стая.

Могвид кивнул, но все никак не мог оторвать глаз от длинных желтоватых клыков. Ладно, теперь мы пойдем вместе и будем надеяться, что один из членов стаи не сожрет остальных.

Толчук смотрел на обоих братьев через огонь костра. Они много прошли в эту ночь и теперь остановились отдохнуть на несколько часов до рассвета.

Брат-волк уже лежал, свернувшись кольцом, уткнув нос в полосатый хвост, и лишь его сломанная лапа была вытянута по направлению к костру. Толчук видел, как ровно вздымается его грудь — Фардаил спал.

Во второй брат лежал на расстеленном одеяле по ту сторону костра, и по блеску его глаз Толчук понял, что тот не спит. Значит, он все же не доверяет ему, Толчуку, и это было обидно.

— Надо спать, — тихо сказал он, с трудом подбирая слова. — Я буду сторожить. Мне не надо спать много.

— Я не хочу, — ответил Могвид совершенно уставшим голосом, выдававшим его ложь.

Толчук промолчал и стал изучать это странное существо. Как все-таки хрупок человеческий род! Какие тоненькие ручки, словно у паука, а грудь такая узкая, что непонятно, как он вообще дышит!

— Впереди тяжелый день, — все же снова предпринял он попытку уговорить человека. — Впереди еще два дня пути, а вокруг горы, перевалы, ущелья.

— А что потом?

— Не знаю, — честно ответил Толчук, и брови его взъерошились от напряжения. — Я сам ищущу ответов. Когда я встретил вас, то подумал — это знак. Мы не просто так встретились. А вы оказались всего лишь заблудившимися путешественниками.

Могвид зевнул, выворачивая челюсти:

— Мы, к сожалению, тоже ищем ответа.

— На что?

— Почему мы не можем больше менять обличье.

— А вы не можете?

— Нет. Это был... несчастный случай... и мы застыли в этих обличьях. Как и ты, мы с братом путешествуем, пытаемся найти способ, как освободить наши тела. Мы ищем город магии в стране людей, город под названием Алоа Глен.

— Но ваше путешествие опасно. А почему вам не нравится ваши нынешние обличья? Жили бы себе и не печалились?

Но при этих словах Толчук увидел, как губы Могвида презрительно скривились.

— Мы сайлуры. И если мы останемся в одном и том же обличьи более четырнадцати лун, то забудем, кто мы. А я не хочу этого забывать — а больше всего на свете я не хочу быть человеком! — Могвид почти выкрикнул эти последние слова, и Фардаил во сне тревожно завозился.

Толчук нахмурился, почесал когтем подбородок и счел за лучшее сменить тему разговора, так взволновавшего его спутника.

— Твой волк... то есть твой брат... знаешь, он все шлет мне одно и то же, одно и то же: волк видит брата. Какого брата? Кто видит? Я ничего не понимаю.

Могвид заколебался, но лежал неподвижно, и если бы не отблеск огня в его неприкрытых глазах, Толчук мог бы подумать, что он заснул.

— А что, все огры такие, как ты? — неожиданно вопросом на вопрос ответил Могвид.

Вопрос этот застал Толчука врасплох. Неужели его уродство так бросается в глаза? Даже посторонним?

— Нет, тихо признался он. — Я ублюдок, полукровка. Во мне смешалась кровь огров и людей.

Но то, что вдруг после этих его слов сказал сайлур-человек, поразило Толчука, как громом:

— Ты ошибаешься, огр. Ты наполовину не человек, а сайлур.

— О чем ты это?!

— Я знаю охотников и других обитателей Западных Равнин. В тебе нет человеческой крови, огр. Ни один человек не может понимать и не понимает внутреннего языка сайлуриков. А ты понимаешь. Твои глаза... они точно такие же, как наши. В тебе течет наша, а не человеческая кровь.

Толчук сидел недвижим, сердце его едва колотилось, по всему телу пробежала дрожь. Он вспомнил смущение Триады при своем вопросе о смешанной крови. Они сказали, когда шептались между собой, — «он не знает». Так, значит, Триада знала, но почему-то не открыла ему правды.

Слова Могвида пахли правдой — это Толчук чувствовал точно, особенно после того, как убедился в хрупкости и слабости человеческого тела. Человеческая женщина не могла стать женою огра, их самки были плотны и очень широки в кости, да и те порой не выдерживали веса и любовных объятий крупных самцов. Поэтому огры держали целые гаремы: если умрет одна, останутся другие.

Толчук уронил голову на руки и задумался. Значит, это сайлур обратился в форму их самки и принял в себя его огромного отца. Но было ли это сделано специально, или она тоже как-нибудь закаменела в этом облики и забыла свое прошлое? Этого ему уже никогда не узнать. Его мать умерла в родах — или, по крайней мере, ему так представили это дело. Но где же правда?

Могвид, вероятно, почувствовал смятение огра.

— Ты... ты прости, что я... — с трудом выговорил он, боясь наказания за столь ужасное, быть может, оскорбление.

Но Толчук молча поднял руку, останавливая его. Слова застряли у него в горле, и он только безмолвно смотрел теперь на двух братьев, которых отделил от него костер. Значит, он свой и здесь? И это тоже его дом? Но ни тут, ни там он никогда не будет своим полностью, ни у тех, ни у этих. Половина огра в нем всегда будет пугать и раздражать сайлуриков, а уж про половину сайлура для огров и говорить нечего.

Толчук увидел, как Могвид завернулся в одеяло и натянул его край на голову. Огонь грел плохо, ночь стояла уже по-настоящему зимняя. Огр-сайлур смотрел на мерцавшие в просветах туч звезды. Костер пожирал последние поленья.

Никогда еще юный огр не чувствовал себя таким одиноким.

Но уже на завтра Толчук пожалел о своем одиночестве. Нежданно-негаданно все горные тропы оказались просто запержены народом. Он продумал над словами Могвида всю ночь напролет, и только необходимость затушить костер и убрать место стоянки оторвали его немного от этих мыслей. Но бессонная ночь измотала Толчука так, что бдительность его притупилась, и уже через час после выступления на них обрушилось трое огров с ближайшего холма, а он никак не успел ни спрятать, ни даже предупредить своих компаньонов.

Он остановился и как можно спокойней посмотрел на трех членов клана Куукла — как раз того, в войне с которым погиб его отец. Мощные, все в шрамах, эти трое явно были опытными воинами и немало повидали на своем веку. Вожак подошел поближе и навис над Толчуком.

— А, это ты, ублюдок из клана Токтала, — прохрипел он и махнул огромным дубовым стволем, который держал в правой руке. — Видно, и ты на что-то годишься, раз поймал такую парочку.

Толчук переместился так, чтобы прикрыть явно трусившего Могвида, а Фардайл на своих трех лапах встал рядом. Он что-то ворчал и недвусмысленно скалил зубы. Толчук же встал, опершись рукой на мокрый камень, дабы придать себе самую что ни на есть огровскую форму искренности и доверия. Если хочешь выжить, придется вести себя так, чтобы вызвать у этой тройки как можно меньше отвращения. Переходя снова на родной язык, он прорычал нечто вежливое и мягкое.

— Это не добыча. Они под моей охраной.

Вожак приподнял толстые губы, выражая одновременно удивление и злость.

— С каких это пор огры охраняют людей? Или человеческое в тебе вдруг взяло власть над огровским?

— Нет, я огр, — покорно сказал Толчук, и в то же время тоже приподнял край губы и показал желтый клык, как бы намекая, что подобные предположения по меньшей мере оскорбительны.

Но это никак не повлияло на вожака.

— Так, что же, значит, сын Ленчука считает себя лучше, чем был его

отец? Нечего угрожать тому, кто отправил твоего отца в пещеру духов!

Толчук вспыхнул, напрягся, мускулы на его шее вздулись. Неужели это правда, и перед ним в самом деле стоит убийца его отца?! Он снова вспомнил слова Триады о том, что камень сердца приведет его туда, где ему следует быть, — и полностью обнажил клыки.

При этом действии удивление в глазах вожака пропало, оставив одну лишь ненависть.

— Не откусывай больше, чем можешь проглотить, ублюдок! Я прощу тебе твою наглость и отпущу с миром — только отдай мне свою добычу. — Глаза вожака метнулись в сторону Фардайла и Могвида. — Они хорошо пахнут.

И хотя огры разговаривали на своем языке, какой-то смысл происходящего все же доходил и до Могвида. Или это был просто голодный блеск в глазах вожака, бросившего на него откровенно жадный взгляд. Как бы то ни было, Могвид застонал от ужаса и еще глубже спрятался за Толчука. Фардайл остался на месте, но рык его стал еще более угрожающим.

— Они под моей защитой, — повторил Толчук. — Они должны пройти нашу страну нетронутыми.

— А уж вот это решит сила рук! — вспыхнул воjak и бросил ствол прямо посередине дороги. Эхо загремело вокруг, как громовые раскаты.

Толчук посмотрел на свои пустые руки. Оружия у него не было.

— Тогда коготь к когтю, — тихо сказал он.

Вожак расхохотался:

— Знаешь первый закон войны, ублюдок? Никогда не отдавай возвышенности, понял? — и с этими словами он поднял бревно и встал на невысокий пригорок.

Толчук хмуро насупилсь. Какой шанс оставался у него, безоружного, против троих?

— Так вот какова честь клана Куукла? — горько прошептал он.

— При чем тут честь? Бывает только одна честь — победа. И клан Куукла еще будет править всеми трибами!

Вожак надулся и приготовился к бою. Толчук быстро осматрел местность в поисках хотя бы какого-нибудь оружия — вокруг были лишь скалы да сухая трава и больше ничего. Все небольшие камни, палки и прочее, что могло бы стать оружием, было снесено ночным ливнем. Оружия нет, и взять его неоткуда.

Но в тот же момент Толчук вспомнил и о том, что одно оружие у него все-таки есть — камень сердца. Он сунулся в свой мешок, который по обычаю огров носил на бедре, и достал оттуда камень.

Вожак тотчас заметил это, и глаза его вылезли из орбит от удивленья.

— Камень сердца! — От жадности у него даже затряслись руки и ноги. — Отдай его мне, и я пропущу вас всех!

— Нет.

Вожак захрипел от ярости и занес свое бревно высоко над головой. Толчук резко оттолкнул Фардайла и Могвида и приготовился использовать священный камень как оружие. Один раз он уже убил соотечественника камнем — может, удастся и сейчас.

Но этому не суждено было случиться. Как только он тоже занес камень над головой, луч солнца из разорванной тучи коснулся Сердца огров, и камень вспыхнул тысячью ярких огней.

Толчук зажмурился на мгновение от ослепительного света, а когда открыл глаза, то увидел, что воjak трибы Куукла купается в сияющих лучах, а от его тела поднимается легкий дымок, повторяющий форму самого вожака. Но спустя несколько секунд дым словно втянулся обратно в камень и исчез в сиянии.

Тучи тотчас закрыли солнце, и камень потерял силу.

Толчук и два других огра стояли как вкопанные и смотрели на вдруг задрожавшее и в мгновение ока рассыпавшееся тело вожака. Только длинный дубовый ствол с грохотом покатился вниз в ущелье.

Огра-вожака больше не существовало.

Оба огра, пришедшие с ним, развернулись и бросились прочь с тропы.

— Что случилось? — Подошел к Толчку Могвид, тоже не сводивший глаз с камня в его руке.

Толчук еще раз посмотрел на то, что осталось от убийцы отца.

— Справедливость восторжествовала, — тихо прошептал он.

В следующие два дня Могвид не переставал исподтишка наблюдать за огром и обнаружил, что с ним произошли значительные перемены. Шли они большей частью ночью, чтобы не попасться на глаза ограм других триб, но даже в темноте Могвид видел, как горбится Толчук, словно от тяжелой ноши. Говорил он редко, и глаза его были постоянно устремлены вдаль. Он не воспринимал даже образов, которые спал ему Фардайл.

Неужели это лишь оттого, что он узнал правду своего рождения?

Могвид давно забыл думать об опасности столкновения с ограми, будучи уверен, что они давно миновали их земли и стоит только пересечь Зубы, как они окажутся в восточных краях — краях людей.

Приближался рассвет, и Толчук пошел вперед присмотреть место для ночлега, а Фардайл двинулся за ним следом, след в след, как хорошо натасканная собака.

Могвид смотрел, с каким трудом взбирается брат на скалу; сломанная лапа мешала ему, но остановить не могла. Он шел вперед, как одержимый... и рука Могвида снова как бы невзначай тронула сквозь толстую ткань мешка железные прутья намордника, который он тайком снял с убитого sniffфера. Он еще пригодится, чтобы взять в руки Фардайла, когда понадобится. Лучше быть к этому готовым.

Остановившись у ближайшего камня, Могвид посмотрел на восточные склоны гор. На них лежали длинные тени вершин.

Отсюда все тропы вели уже только вниз.

Фардайл поднял голову и потянул носом ветер, прилетавший с равнин, но даже Могвид с его слабым человеческим обонянием теперь отчетливо мог ощутить запах соли от недалекого моря. Этот запах был непривычен, чужд, но любопытен и перебивался другим, гораздо более знакомым — запахом дыма.

— Дым, — вслух повторил Могвид.

— Старый дым, — поправил Толчук, и голос его звучал громче и строже обычного. Он долго приноховивался, глотая воздух даже ртом. — Огонь бушевал здесь больше чем день назад, — наконец объявил он.

— Но идти уже не опасно? — осторожно поинтересовался Могвид, представив себе ужасы лесного пожара.

Огр кивнул.

— А теперь, когда мы прошли мою страну, вероятно, нам настало время расстаться.

Могвид стал мямлить слова благодарности, но огромная рука огра вдруг протянулась к нему и схватила его за рубашку на груди.

— Что-то не так? — удивился Могвид и завертел головой в поисках причины. Фардайл прыгнул или, вернее, сполз со скалы, подошел ближе и поставил большую лапу на ногу Толчука.

Толчук в ответ распрямился, полез в мешок и достал драгоценный камень, убивший злого соплеменника два дня назад. Камень пульсировал ярким рубином даже в полумраке, его свет буквально слепил глаза. Но вдруг сияние стало затухать, словно остывая, и наконец совсем пропало.

— Что это такое? Ты так и не сказал нам, — спросил Могвид, стараясь не выдать голосом жадности, пронзавшей все его существо. Камень явно стоил баснословных денег. Как бы он пригодился им в стране людей!

— Это камень сердца, — вздохнул Толчук и спрятал его обратно в мешок. — Священный камень моего народа.

Но Могвид не сводил глаз и с мешка.

— А это сияние? Откуда оно? Что означает?

— Это знак. Духи зовут меня вперед.

— Куда?

Толчук указал на восточные склоны в порыжевшей листве, Там в предутреннем свете еще можно было разглядеть поднимающиеся к небу столбы дыма.

— Если хотите, я смогу пойти с вами в страну людей. Расходитесь нам еще рано, как видно. Впереди нас всех ждут ответы на вопросы, которые нам не дают покоя.

— Или гибель, — отвернувшись, глухо пробормотал Могвид.

КНИГА ТРЕТЬЯ ТРОПЫ И ПРЕЗНАМЕНОВАНИЯ

Елена, окаменев, стояла посередине улицы, глядя туда, где еще секунду назад был ее брат. Теперь на этом месте оставались лишь ровные, покрытые сажей булыжники. Город лежал для нее в развалинах, способность понимать ушла вместе с потерей Джоаха. Она даже не вздрогнула, когда ее коснулся однорукый человек с мечом:

— Прости меня, — вздохнул он, кладя единственную руку ей на плечо и заговорив с трудно скрываемой яростью. — Я не подозревал, что он обладает такой силой. Но не бойся. Я выслежу его и освобожу твоего брата.

К ним подошла и маленькая женщина, перед этим спрятавшая девушку под опрокинутой повозкой.

— Кто был этот в плаще, Эррил? Ты узнал его?

— Некто из моего прошлого, — пробормотал Эррил. — Некто, кого я надеялся никогда уже более не встретить.

— Кто?

— Сейчас это не имеет значения. Город возбужден, и лучше всего нам ударить из этой проклятой долины. — Вокруг них действительно стала снова потихоньку собираться толпа, распуганная дьявольским нападение. С близлежащих улиц раздались призывы к оружию.

— А как быть с девочкой? — осторожно спросила женщина.

Елена так и не отрывала глаз от мостовой.

— Брат... Мой брат... — шептали ее запекшиеся губы.

— Надо переправить малышку куда-нибудь в безопасное место. А уж потом я начну думать, где искать мага и мальчишку.

К ним подошел огромный горец и тоже посмотрел на пустоту мостовой, на какие-то мгновения закрыв от взгляда девушки место, где стоял брат. Что-то оказалось нарушенным, и в глазах у нее потемнело. От падения ее спасла только вовремя подставленная рука человека с мечом.

— Эррил, детскому сердцу не выдержать такого, — прошептала женщина. — Надо отнести ее в тепло и подальше отсюда.

— Узнай у нее, остался ли в живых еще кто-нибудь из ее семьи, — тихо ответил Эррил, наклоняясь над бесчувственной девочкой.

Но слово «семья» разорвало черную пелену, окружавшую несчастную Елену, и перед ее глазами промелькнули окровавленные останки тети Филы, валившиеся неподалеку, как груды тряпья. Что-то дрогнуло в груди, и на щеках девушки показались теплые слезы, через несколько секунд перешедшие в отчаянные рыдания. В ушах Елены вновь зазвучали последние слова тетки, и она с трудом повернула лицо к человеку с мечом:

— У меня... у меня есть дядя... Она сказала, чтобы... я к нему...

Женщина встала перед ней на колени:

— Кто сказал это тебе, дитя мое?

— Где этот твой дядя? — перебил Эррил.

Елена вяло махнула рукой на северную часть города.

— Ты сможешь довести нас туда?

Она кивнула.

— Посмотрите-ка, что я тут нашел! — раздался у них над головами громовой голос Горца, и Елена увидела, как человек-гора залез за бочку для сбора воды и вытащил оттуда хрупкого мужчину в роскошной форме местного гарнизона.

— Кто это?

Елена знала, что ответить на этот вопрос, она видела это тонкое лицо с подстриженными усиками и черными глазами.

— Это один из тех, кто... убил мою семью! Он был с тем стариком!

Это действительно был Рокингом.

Эррил долго разглядывал дрожащего человека, беспокойно оглядывающегося, видимо, в надежде на помощь. Но Крал уже наматал на кулак его плащ, а другой недвусмысленно сжимал топор. Эррил тоже узнал в нем человека, говорившего с магом.

— Кто ты? — потребовал он.

— Я... Я начальник гарнизона, — Рокингом старался говорить с угрозой, но слова его были пронизаны страхом, а глаза не могли оторваться от обезглавленного остова скалтума. — И вы поступите правильно, если отпустите меня.

— Эта девочка говорит, что ты в заговоре с магом. Это правда?

— Нет, она лжет.

Эррил кивнул на горца. Проверить слова гарнизонного начальника было нетрудно.

— Испытай его, — коротко бросил Эррил.

Крал кивнул и прислонил топор к бочке, а потом положил ладони прямо на виски Рокингема. Тот попытался выскользнуть, но Крал держал его крепко. Через секунду гигант отдернул ладони от головы человека так, словно обжегся.

— Так он говорит правду или нет?

Горец подул на руку, словно действительно дотронулся до огня.

— Я не могу сказать. Ничего подобного я никогда не чувствовал. Это как... как... — Крал так и не закончил.

— Как что? — не выдержала Нилен.

— Это выглядит так, будто он *сотворен* из одной только лжи. То, что он сказал — лишь жалкие капли в океане неправды. Я не могу прочитать его, — теперь горец держал Рокингема на расстоянии вытянутой руки, словно сама мысль о прикосновении к нему была отвратительна.

— Так ты думаешь... — над городом тревожно пронесся сигнал горна, оборвав вопрос Эррила.

Ему тотчас ответил хор рожков, тем самым согнав с ближайшей крыши стаю голубей. Рожки слышались со стороны кордегардии. К неудовольствию Эррила, горожане стали высовываться изо всех дверей и окон, город начинал все отчетливее пробуждаться к жизни после гибели скалтума.

— Вероятно, придется воспользоваться твоим советом, Эррил, и уходить отсюда, — неожиданно согласилась Нилен — Здесь больше нечего делать.

Рожки запели еще раз.

— Это идут мои люди, — улыбнулся Рокингом. — Отпустите меня, отдайте девочку и ступайте с миром.

Крал молча, но чувствительно встряхнул его.

— Я не думаю, что в данной ситуации ты можешь отдавать какие-либо приказания, — усмехнулся Эррил. — Тащи его с нами, Крал.

— Нет! — закричала Елена. — Это же дьявол!

Эррил сурово положил руку ей на голову. Еще не хватало ему бьющегося в истерике ребенка!

— Он может ответить, куда делся твой брат, — как можно мягче пояснил он. — Если мы действительно хотим найти его, этот человек будет нам полезен.

Эррил увидел, как девочка мужественно справилась со страхом и распрямила плечи. В глазах ее блеснула решимость:

— Только не верьте ему! Ни в чем! — горько предупредила она.

— Я не верю вообще никому, — сухо ответил Эррил, почувствовав на мгновение уважение к этому истерзанному ребенку. — Давайте на север, — обернулся он к Нилен и Кралу. — Посмотрим, правда ли можно там найти ее дядю, а заодно и ответы на те вопросы, которых сегодня вдруг обнаружилось так много.

Крал кивнул, привязал топор к поясу и взял Рокингема за руку, приставив к его ребрам нож.

— Чтоб не болтал лишнего, — пояснил он и еще больше нахмурился.

Нилен обняла девочку:

— Пойдем, дитя мое.

И вся компания поспешно направилась к северу, минуя центр пода и пробираясь тихими улочками окраин. Большая часть народа, наоборот, рвалась к центру, и на своем пути они не встретили почти никого.

Бол осматривая комнату, поглаживая усы над искусанными губами. Он был почти готов, горы книг и рукописей распиханы по всем полкам, шкафам, кладовкам и просто по углам. Он освободил от них даже обеденный стол. Последний раз хозяин этого стола видел его ровную поверхность, наверно, лет десять назад. От некоторых книг остались темные пятна, всюду виднелись капли воска, придавая столу вид больного оспой. Бол вздохнул. И все же это надо было сделать, тем более что никакими горничными он не располагал.

Пробежав рукой по седым волосам, он вдохнул запах супа, готовящегося на плите, и подумал, что у него есть еще несколько минут, чтобы набрать в огороде хороший пучок моркови для второго. Все равно скоро грянут морозы, и морковь пропадет ни за что, ни про что.

Он посмотрел в западное окно, в котором было видно, как медленно опускалось над горами солнце. В горах бушевала гроза и лил дождь. Значит, и здесь ночью будет сыро.

Нет, морковь подождет. Время бежит слишком быстро.

Рука его легла на амулет, висевший на цепочке, сплетенной из прядей волос сестры Филы. Ах, лучше бы она приготовила обед, но такого быть не могло. Судьба между ними двумя выбрала его, а не ее. У Филы были теперь собственные обязанности, а на его долю выпали вещи более земные. А что из этих двух зол худшее или лучшее — это будет видно впереди. Перед ним лежало слишком много дорог, но ни одной обратной — к покою и благополучию.

— Появление ее будет отмечено огнем, — в который раз пробормотал он вслух. — Но что же потом?

Неожиданно дрожь пробрала его даже под теплым шерстяным бельем, и Бол подошел поближе к камину, чтобы пошевелить кочергой дрова и заставить пламя разгореться сильнее. Он стоял перед самым огнем, будто напиваясь одеждой теплом камина. С чего это так застыли его старые кости? Кажется, за эти дни он промерз так, как еще никогда в жизни не замерзал.

Впрочем, не поэтому стоял он теперь у пылающего камина. Важные дела его еще не окончены. И Бол снова взялся за амулет на груди.

— Прощу тебя, Филя, освободи меня от этой обязанности! Ты всегда была сильнее меня!

Но ответа не последовало. Амулет даже не наполнился привычным теплом. Значит, Филя уже пересекла ту грань, до которой действовал этот нехитрый трюк. И он был один на один со своим делом.

Согрев пальцы в потоке горячего воздуха, поднимавшегося от камина, Бол попытался хоть как-то очистить руки для предстоящего. Он посмотрел на седые волоски и пигментные пятна на костяшках — когда же он успел так состариться?

Вздыхнув, старик уронил руки и отвернулся от камина. Что ж, если он прочел и понял все правильно, они должны быть сейчас уже совсем рядом. Бол еще в юные годы построил свой дом у развалин старой школы, чтобы все могло произойти именно здесь и как можно удобней. Отсюда и начнется дорога.

Сегодня ночью ему предстоит быть не менее сильным, чем сестра.

Бол подошел к столику из прочного железа. В ящике торчал ключ. Поколебавшись немного, он снял цепочку с шеи и еще раз взял в руки

амулет. Вырезанный из зеленого жадеита амулет был сделан в виде винной бутылочки, в которой хранилось три капли святой воды. Вода содержала в себе древние следы элементарных энергий. Она позволяла двойняшкам общаться на любых расстояниях и помогала координировать их усилия и планы.

Бол прикрыл глаза. Этот амулет — последнее, что связывает его с умершей сестрой, и он не хотел, чтобы память о ней покинула его. И все же... Он представил себе серые суровые глаза Филы и почти услышал ее слова: «Поторопись же, старина. Когда-нибудь, может, и ты вернешься». Что ж, Филя всегда была практичной.

Бол улыбнулся краешками губ, снял амулет с цепочки и резко бил его о запечатанный ящик железного столика. Зеленые брызги жадеита блеснули по полу, один впился ему в щеку как наказание за уничтожение столь драгоценного произведения искусства.

Но старик почти не обратил на это внимания, так все и должно быть. Печать разбита. Он потянул за ручку и открыл ящик, запечатанный почти двадцать лет назад. Там находился всего один предмет — коробочка из розового дерева с инкрустацией по краям. Он не стал вынимать коробочку полностью, а лишь немного приподнял крышку. На сиреневой подушечке из шелка лежал кинжал. Этот кинжал был старше всех домов в этой долине, старше даже самых людских воспоминаний.

И не давая страху сковать руку, Бол взял кинжал за деревянную рукоять и вынул его из уютного шелкового гнезда. Потом он поднес оружие к пламени камина. Черное лезвие, казалось, поглощало свет, а золотая роза на рукояти, наоборот, расцветала от огня все пышнее.

Слезы были уже готовы показаться на глазах Бола, но рука его оставалась тверда, и слезы так и не посмели явиться. Бол знал свое дело. Он был настоящим братом своей сестры.

— Прости меня, Елена, — тихо прошептал старик в пустую комнату.

У Елены перехватило от радости дыхание, когда под низко опущенными ветвями она снова увидела мирно щиплющую траву кобылу.

— О, Мист, ты тут! — Девочка прильнула к шее животного, жадно вдыхая привычный запах сена и мускуса. Так всегда пахло дома, в конюшне. Она прикасалась к лошади еще крепче и закрыла глаза, на секунду позволив себе представить, что она снова на ферме и ничего не произошло.

Мист взбрыкнула и вырвалась из объятий, ничуть не растроганная возвращением хозяйки, и потянулась к очередному вкусному пучку травы. И от того, что Мист не изменила своих привычек, Елена снова заплакала.

За ее спиной разговаривали Эррил и Крал, но о чем, девочка не слышала, полностью поглощенная общением с капризной Мист, которая, кажется, единственная не изменилась в этом мире: те же железные мускулы, широкая кость и густая грива.

— Будь осторожен, Крал, — сказал Эррил. — Просто забери из гостиницы нашу поклажу и лошадей и немедленно возвращайся сюда, ни во что не ввязываясь.

— Никто не сможет помешать мне. А как быть с пленным?

— Пока привяжи его к этому дереву и...

При последних словах Елена прикусила губу и отвязала лошадь.

— Что ты делаешь, девочка? Оставь лошадь на месте, — устало приказал Эррил.

— Я не хочу, чтобы она была рядом с этим человеком, — девушка дернула лошадь и вывела ее на самый край ручья. Она и так потеряла слишком много, чтобы теперь лишиться еще и последнего родного существа! — А меня зовут не *девочка*, а Елена! — добавила она, с вызовом глядя на однорукого.

Нилен, в чьих фиалковых глазах вспыхивали золотые солнечные блики, удивленно улыбаясь, подошла к ней. Только теперь разглядела Елена, как красива эта маленькая женщина, и даже вздохнула от восхищения. Там, в городе, она казалась девушке почти уродливой, но здесь, среди деревьев, незнакомка вдруг расцвела, как лесной цветок. Девушка даже раздвинула руками ветки, чтобы солнце еще больше осветило неземную прелесть стоявшей перед ней маленькой женщины.

— Какая красивая кобыла, — похвалила Нилен.

Елена невольно сравнила свою разорванную одежду с прелестным костюмом женщины и вспыхнула от досады. К тому же от Нилен пахло весной и медом...

— Спасибо, — пробормотала девушка. — Я сама вырастила ее из жеребенка.

— Значит, вы с ней по-настоящему близки. Как хорошо, что ты привела нас сюда, — женщина протянула Мист половинку откуда-то взявшегося яблока, и кобыла, запрядав ушами от удовольствия, взяла яблоко своими мягкими бархатными губами.

— Мист! Что за манеры!

Нилен улыбнулась:

— А дорогу к дяде ты тоже найдешь? — обратилась она к Елене.

— Да. Он живет в соседней с нами долине. Долина называется Зимнее Гнездо Орла, там еще неподалеку руины.

— Что?! — На мгновение на лице Эррила отразился шок. Крал ушел, а он все это время занимался осмотром одежды и содержимого карманов Рокингема. — Что? Где, ты сказала, он живет?

— Она сказала, где он живет рядом с какими-то развалинами. И потише, прошу тебя. — Легкая рука Нилен легла на запястье девочки.

Лицо Эррила потемнело:

— Забавно. Ну, а теперь, девочка... Прости, я хотел сказать, Елена. Скажи, это развалины старой школы?

— Не у самых руин, конечно, — Елена зябко вздрогнула. — Там полно ядовитых змей. Но дядя все время рылся там, выискивал всякие старинные книги и всякое другое.

В груди у Эррила раздался какой-то хрип.

— И как... нашел он чего-нибудь... необычное?

Елена грустно покачала головой:

— Мне он ничего не рассказывал, но, может, он просто прячет это для себя...

— Ты знаешь это место, Эррил? — вмешалась Нилен. Когда-то давно я бывал там, — сквозь зубы ответил Эррил. Значит, знаешь и дорогу туда?

— Да.

Тогда отправимся, как только вернется с лошадьми Крал, Нилен ласково посмотрела на девочку.

— А пока ждем, может быть, ты расскажешь нам об этом злом человеке?

Елена стояла, ковыряя землю носком ботинка, не желая повторять снова все ужасные подробности той ночи. Рана была еще слишком свежа.

Нилен снова коснулась ее плеча легкой рукой:

— Теперь все хорошо. Эррил опытный воин и никому больше не позволит тебя обидеть. Но нам нужно узнать больше, чтобы помочь твоему брату. Ведь ты именно этого хочешь, правда?

Елена опустила голову и не поднимала ее на протяжении всего рассказа. Эррилу пришлось даже подойти поближе, чтобы не пропустить ни слова:

— Этот и тот старик в рясе пришли к нам домой прошлой ночью... — она мельком посмотрела на совершенно нормальную теперь руку и почему-то решила пропустить то, что касалось ее странного пятна. — ...А потом мы с Джоахом ускакали прежде, чем до нас добрались черви или огонь. Мист привязали здесь, но в городе нас уже ждали и вот...

— И ты не знаешь, отчего они вас преследуют? — осторожно спросила юмфая.

— Я не знаю... Не знаю, — еще ниже опуская голову, пробормотала Елена.

Но краем глаза она заметила, как Нилен и Эррил обменялись тайными быстрыми взглядами.

— Тогда, может быть, стоит допросить пленника, — вздохнул, предложил Эррил. — Ну-ка.

Нилен нахмурилась:

— Я думаю, мы все... Нам всем хватило насилия за сегодняшнее утро. Почему бы не подождать, пока девочка не вернется к дяде, а потом уже можно начать свое... расследование.

— Ладно. В любом случае придется дожидаться Крала, — неохотно согласился Эррил. — Тут нужны как раз его умелые руки.

Нилен снова обернулась к Елене:

— Тебе надо отдохнуть — впереди путь еще долгий.

Девушка кивнула и присела рядом с лошадью, делая вид, что отдыхает. Ах, зачем, зачем она солгала им? Может быть, из-за этого они не смогут теперь освободить Джоаха? А ведь они бескорыстно спасли ее! Елена снова посмотрела на правую ладонь, красноты как не бывало, исчезла в мгновение ока, как и Джоах. Слезы опять подступили к глазам. Что ж, какую бы ненависть ни испытывала она к своему магическому дарованию.

Если она может вернуть брата, она готова снова принять на себя это проклятье.

Девушка опустила руку.

Силы больше не было. Или она исчезла на время?

Наступали сумерки.

Эррил уже едва видел тропу среди деревьев, и в каждой тени ему мерещилась опасность. Из головы у него не выходил исчезнувший прямо с улицы старый маг. Насколько он еще силен? На что способен? Эррил понимал, что сейчас надо думать не об этом, а о непосредственной опасности, но проклятые вопросы не выходили из головы.

Как Грешюм мог выжить? Или это галлюцинация? Нет, он не мог ошибиться: это старое лицо, эта культия. Старый воин попытался снова отчетливо восстановить ту ночь в харчевне, связь, которая существовала между его братом и магом, то уважение, которое испытывал сам к старшему, раненому... Как можно соединить те чувства с нынешней ненавистью?

Эррила даже передернуло от недавних воспоминаний. Дешевый фокусник! В какую игру ты играешь все эти годы?

А как же Книга? И что вообще все это значит?

Лошадь замедлила шаг, и он пришпорил ее грубей, чем намеревался. Жеребец дернулся от недоумения и обиды и поскакал вперед, Эррил, устыдившись, прижался лицом к загривку. Да, он возбужден и взволнован, он почти не владеет собой, но при чем тут животное?

Воин успокоил коня и обернулся к своему маленькому отряду. Как только Крал вернулся с лошадьми и вещами, Эррил сразу взял хорошую скорость, дабы избежать любой погони. А она могла быть, поскольку в харчевне хозяин вдруг стал обвинять Горца в том, что он похищает чужую собственность, поднял пару солдат, но, к счастью, они были слишком заняты горожанами и не стали разбираться с Кралом. Поэтому Эррил что бы не терять драгоценных дневных часов, навьючил вещи и сразу же возглавил маленький отряд, уходивший в горы.

За ним ехали вдвоем Нилен с Еленой, а замыкал дорогу Крал с пленником на своем мощном высокогорном жеребце, чьи налитые злобой глаза и железные подковы могли отбить охоту преследования у кого угодно.

Нилен поймала взгляд Эррила и указала вперед: — Приближается буря. Надо бы добраться до места еще до ночи.

Эррил перевел взгляд на девочку. Какую роль играет во всей этой истории она? Явно роль бессловесного орудия — какой-нибудь девственницы, нужной для магических операций. За время своего путешествия старый бродяга уже вдоволь наслушался подобных рассказов. Подняв глаза, Эррил действительно увидел собиравшиеся прямо над головами тучи, почти закрывшие заходящее солнце. Что ж, только освободившись от девочки, он сможет вплотную заняться магом. Жонглер снова послал коня вперед, но на этот раз лишь мягким похлопыванием по шее. Впрочем, освобождение мальчишки — тоже лишь часть его будущей охоты за Грешюмом. Черный маг должен ответить слишком на много вопросов.

Лес ближе к горам стал меняться. Осенние листья дубов и кленов, тронутые немилосердным огнем, начали уступать место зеленому покрывалу вечнозеленой альпийской растительности. Под ногами шелестели, как море, опавшие иглы пиний.

Но провожатый Эррилу был не нужен. Он сам прекрасно знал дорогу к руинам, спрятанным в долине Зимнего Гнезда Орла. Интересно, кому это пришла в голову мысль поселиться в таком уединенном и продуваемом всеми ветрами месте? Зимой снег здесь заносит дома по крыши. Именно поэтому-то здесь и была построена школа — уединение было обязательным условием занятий тех, кто собирался вступить в Орден. Но, помимо того что уединение предоставляло ученикам мало соблазнов, пустое пространство вокруг давало возможность снизить нежелательные последствия ученических опытов, чья магическая сила была еще слаба, неуверенна и не всегда верно направлена.

Но теперь, когда нет больше бога Чи, зачем кому-то жить здесь?

Эррил повел лошадь осторожно, поскольку подковы стали сильно скользить по иглам, а затем, на вершине одного из холмов, остановился и вовсе. Впереди в помрачневшее небо поднимался единственный дымок, а к нему, как бабочки на свечу, тянулись темные тучи с гор. Гроза была совсем близко, меж туч уже посверкивали молнии.

Старый воин посмотрел туда, откуда поднимался этот дым, и увидел каменный домик, стоявший в самой глубине долины. От дыма пахло хорошим сухим деревом, сулившим тепло, еду и гостеприимство, а желтый огонек в окне лишь подтверждал эти ощущения.

Рядом остановилась лошадь с Нилен и Еленой:

— Вот он, дядин дом, — указала девочка. — Кажется, дядя дома!

Эррил осторожно начал спуск.

— И к тому же готов принять такую ораву, — добавил бродяга себе под нос.

Стиснув зубы, он смотрел на растилающиеся вокруг холмы, уже прикидывая, как и где можно будет дать бой, если понадобится, куда отступить и где спрятаться. Его опыт воина за время войны с Гильготой давно стал частью его самого, как дыхание или биение сердца.

С тем же вниманием изучил он и дом этого загадочного дяди, и после внимательного исследования хозяин перестал вызывать у него уважение. Это, собственно, был даже и не дом, а настоящие развалины. Покосившаяся крыша, поломанные ворота, висевшие на одной петле. Чуть далее, в полуразрушенном сарае, сквозь дыры в стенах бродяга увидел трех жующих сено коз. Изгородь также оказалась почти вся сломана. Услышав шум, козы оторвались от своего занятия и, высунув головы в щели, с любопытством

установились на прибывших. Затем до путников донеслось их оскорбленное бление.

Эррил покачал головой, вспоминая идеальный порядок фермы своих родителей на равнинах, но заставил себя оторваться от этого сладкого воспоминания и перевел глаза на руины за домом.

Горделивые останки еще сохраняли кое-где былую красоту, и память Эррила быстро восстановила ряды залов и тротуаров Школы Ордена, ставшей теперь лишь тихим кладбищем былых времен.

Неожиданно дверь домика распахнулась, залит светом трех лошадей и всадников. В этом свете появился невысокий человек и протянул навстречу своим гостям руки.

— Чего вы ждете? — вскричал он. — Слезайте скорее! Сейчас грянет буря. — И человек, призывно замахав руками, скрылся внутри.

Елена торжественно обвела всех горящими глазами:

— Видите?! — Но тут же задумалась: — Вообще-то он обычно нелюдим и неразговорчив, — честно добавила она.

— Но, кажется, нас он все-таки действительно ждал, — вздохнул Эррил, почувствовав вдруг странное напряжение.

Беспокойство его возросло еще больше, когда они, поставив коней в стойло, зашли в дом. После холода гор в нем оказалось особенно тепло и уютно, но Эррила поразило не это, а заботливо накрытый и явно ожидавший гостей стол. Над множеством яств торжественно горели три высоких свечи, приветливо освещая свежезажаренное мясо, дымящуюся розовую картошку, густой бобовый суп и буханку перечного хлеба размером с мужскую голову. Рядом с чашками поздней осенней черники яркими пятнами горели блюда моркови и зелени. И в довершение ко всему перед шестью тарелками стояло шесть бокалов, наполненных искристым домашним вином.

— Садитесь, садитесь, — суетился седой человек и стал сразу же разливать суп, успев быстро поцеловать племянницу в лоб. — Едва успел все. А Фила бы рассердилась, если бы я не сумел выполнить ее приказание.

Елена нежно взяла руку дяди в свои.

— Дядя... Дядя Бол, у меня плохие новости — тетя Фила умерла.

Однако странный хозяин домика вытянул руку из детских ладоней и похлопал Елену по щеке.

— Я знаю, моя девочка. Не думай больше об этом. Ну, садитесь, садитесь же, садитесь! А то все остынет!

— Вы ждали гостей? — нарушил, наконец, молчание Эррил.

Старик почесал в затылке испачканным в чернилах пальцем.

— Гости? Да нет. Я ждал именно вас, Эррил из Стенда.

Елена смотрела, как Эррил накладывает себе картошки и мяса, и слышала, как вилка его громко царапает по тарелке. Она сидела рядом и видела, какие темные подозрительные взгляды бросает он на дядю, сидящего во главе стола. Но дядя, казалось, не замечал их, будучи весь поглощен маленькой красивой женщиной, устроившейся на противоположном конце. Ее красота, словно немного затуманенная тенями камина, конечно, не могла сравниться с той, какой цвела она в лесу, но и это зрелище не давало Болу оторвать от нее глаз. Он лишь изредка поглядывал на других, с неохотой отрываясь от лица нюмфай. А Елена вдруг подумала о том, как странно меняется и вянет порой красота этой маленькой женщины.

Крал, едва сидевший на хрупком стуле, быстро наелся и стал утирать рот длинным рукавом своей куртки. Елена едва не захихикала.

— Что такое? — удивился горец, бросив вилку на скатерть, откинувшись и довольно потирая сытый живот. — Что такое? — завертел он головой, чувствуя, что сделал, вероятно, что-нибудь не так.

Рокингем, евший ложкой — ибо никаких других приборов ему не дали, а для верности еще и привязали его ноги к ножке стола, — пробормотал возмущено себе под нос:

— И они еще связали *меня* !

Но вот Эррил откашлялся и посмотрел на Бола в открытую:

— Итак, кажется, наелись все. И теперь вы, может быть, будете столь добры, что прольете свет на то, откуда вы узнали о нашем скором прибытии и даже о моем имени.

— Кто хочет десерта? — в ответ спросил Бол и громко отодвинул стул. — В честь сгоревшего сада я испек настоящий яблочный пирог. Кто будет?

— Это подождет... — попытался продолжить Эррил, но остальные подняли руки. Тогда он покорно вздохнул и буркнул: — Ладно. Давайте сюда ваш десерт.

Дядя довольно улыбнулся и обратился к нюмфай:

— Может быть... Кажется, вас зовут Нилен, не так ли? Может быть, вы поможете мне на кухне?

— Конечно, — Нилен вытерла руки лежащей на коленях льняной салфеткой, грациозно встала и пошла за Болем.

Эррил нетерпеливо постукивал по своему бокалу.

Елена чувствовала, что странный воин находится на грани взрыва. С того самого момента, как дядя назвал его по имени, а потом еще и отказался ответить на вопрос, жилы на шее Эррила вздувались все сильнее, и пища оставалась на тарелке почти нетронутой.

— Не обращайтесь внимания на дядю, — шепнула девушка. — Он всегда себя так ведет.

Эррил прекратил стучать и резко повернулся к ней:

— Так как же прикажешь себя вести?

— Он все скажет, на все ответит, но только потом, когда сам захочет.

Раньше, когда он приезжал к нам, он всегда рассказывал нам на ночь всякие истории, но если мы торопили его, чтобы узнать, что же будет, он только нарочно все затягивал.

— Короче, мы все спокойно сидим и едим пирог, — сухо подытожил Эррил.

Елена кивнула и положила в рот несколько ягод черники. Ее саму весьма беспокоило поведение дяди, ибо она видела, что и у него сердце не на месте. Она никогда за всю свою жизнь не видела его столь суетливым и вскакивающим при любом звуке. Треснувшее в камине полено заставило его подскочить чуть ли не до потолка. А ведь обычно дядя ел медленно, спокойно и так много, что все женщины родни с завистью обсуждали, как после такого чревоугодия ему удается оставаться таким же стройным и мускулистым, как юноша. А сегодня он, как и Эррил, едва дотронулся даже до мяса.

Дядя вернулся с новыми тарелками и вилками, а за ним Нилен несла уже разрезанный пирог. Комнату наполнил запах печеного яблока и корицы. Даже Эррил одобритительно повел носом.

Но эта новая отсрочка оказалась недолгой. Пирог с тарелки исчез мгновенно, и скоро все, сытые и довольные, немного успокоились.

— Надеюсь, все остались довольны, — провозгласил Бол и поднялся. — Ему ответил хор благодарных голосов. — Тогда настала пора показать вам ваши спальни. Увы, мужчинам достанется одна на всех, а другая достанется Нилен и Елене.

Эррил поднял руку:

— А как насчет вопросов, так и не получивших ответов?

— Давайте займемся ими, когда все лягут, а мы сядем у камина, раскурим трубочки и поговорим обо всем, — неохотно ответил Бол. — И ты с нами, моя родная. У меня есть нечто и для тебя, — обернулся он к племяннице.

— То, что вы мне скажете, вы можете сказать и при моих друзьях, — заупрямился Эррил. Глаза Крала и Нилен вспыхнули любопытством, и даже Рокингем, старавшийся изо всех сил казаться равнодушным, все же не преуспел в этом.

Бол провел рукой по усам:

— Не думаю, чтобы Братство приветствовало такую расточительность, — задумчиво начал, он.

— Какое братство... — начала Елена, но Эррил положил ей на плечо руку, заставив замолчать.

— Давно я не сидел с трубкой в руке, — вдруг совершенно спокойным голосом признался он. — Прекрасная возможность. Жду — Но в голосе его теперь прозвучала наглухо скрытая злоба.

— Вот и ладно. А теперь пойдемте, я покажу вам ваши комнаты.

Рокингем слышал, как горец запер двери их комнаты, освободился от своего тяжелого верхового костюма и улегся на тюфяк. Ветки, которыми он был привязан за руки и за ноги к прутьям кровати, ограничивали его движения, позволяя видеть лишь часть потолка и угол слева от двери. Потом единственная лампа погасла, и бедняга не видел уже совсем ничего.

Он лежал связанный под толстым одеялом и кривился от отвращения. Не видя горца, он все же ощущал его запах — смесь мокрой овечьей шерсти и навоза. Рокингему казалось, что он спит в овчарне. Тогда он попытался дышать ртом, но и это не помогало. Уткнуться носом в подушку, тоже было невозможно. Кроме того, все его бесполезные усилия кровать сопровождала громким предательским скрипом.

— Я сплю чутко, — тут же предупредил его Крал. — И не надо меня ловить на этом.

Рокингем промолчал. Да, все попытки бесполезны, веревок не развязать.

Пленник продолжал лежать с открытыми глазами, глядя в едва различимые балки под потолком. А зачем ему и пытаться? Куда он пойдет отсюда? Уж, конечно, не в кордегардию. Как только ушей Лорда Гульготы достигнет слух, что один из его лейтенантов обезглавлен, а жертва ускользнула, Рокингема первым же казнят на устрашение всему гарнизону. И это еще в лучшем случае. Страшные подвалы донжона Блекхолла он слишком хорошо знал. Даже сейчас, под теплым одеялом, пленник вздрогнул при воспоминании о них.

Его единственным шансом будет исчезнуть, убежать, скрыться в надежде, что миньоны Темного Лорда никогда не найдут его или... Или остаться с этими пятью и попытаться счастья все-таки выкрасть девчонку. За нее ему все простят, и гнев Лорда Гульготы пронесется мимо.

Словом, в эту ночь Рокингом решил не пытаться бежать из плена. Пускай они уведут его как можно дальше от города — тем лучше. Он не будет сопротивляться. Пусть их удительность притупится, — он терпеливый, он подождет. И легкая улыбка появилась на его губах, когда он представил, как однажды вдруг вернется с девчонкой в Блекхолл. Ради этого стоило и потерпеть. И он решил ждать.

Вскоре Рокингом уже начал засыпать, как вдруг у него остро заняло в промежности. Будь проклята эта девка из таверны! Бедняга попытался свести ноги и унять зуд, но стало еще хуже. Гигант храпел так, что тряслись стены. И от всего этого месте Рокингема буквально выворачивало наизнанку. Но оставалось только сжать зубы, закрыть глаза и поскуливать. Ночь впереди долгая.

И теперь подвалы Блекхолла уже не казались Рокингему столь страшными.

Эррил оперся о каминную доску. Где же старик? Остальные давно ушли к себе, оставив их вдвоем с девочкой. Воин видел, как она, не отрываясь, смотрит в огонь, и лицо ее, откинувшееся на подголовник старого мягкого кресла, казалось, тонет в багровых отсветах. За усталостью на лице девочки проступила горькая печаль. Что ж, такой юной оказаться лишенной всех родных и вести себя так стойко... На это надо много мужества.

Старый бродяга пытался придумать какую-нибудь утешительную фразу, но с того времени, когда он в последний раз выказывал кому-то участие, прошло слишком много времени. Он бросил это пустое занятие и стал тоже смотреть в огонь. Время не всегда делает нас мудрыми, порой оно делает нас просто опустошенными.

Но печальные размышления воина прервал, наконец, появившийся старик. В руках он нес две трубки.

— Табак с самого юга, из Стендая. Я думал, может, вам будет приятен запах дома, — и хозяин протянул трубку Эррилу. Благодарю, — бродяга поднес трубку к носу. Запах подсушенных скрученных листьев проник в самое его сердце, и он увидел перед собой широкие поля родины. Мужчины молча раскурили трубки углями из камина, причем рука Эррила долго не хотела поджигать то, что так остро напомнило ему о доме.

— Садитесь, — предложил Бол, указывая на еще одно кресло около камина. Сам же хозяин остановился рядом с племянницей.

Эррил кивнул и сел, утонув в набитых гусиным пухом подушках. Затем, слегка затянувшись, с досадой оторвал чубук от губ.

— Откуда вы меня знаете? Как предугадали наш сегодняшний приезд?

— Ваши вопросы, имеют отношение лишь к самому концу истории, — заметил Бол. — А есть еще и начало, которое тоже стоит узнать, чтобы получше разобраться в конце.

— Я слушаю, — и Эррил наконец поглубже затянулся ароматным дымом.

— Вы уже слышали, что я помянул «братство». Кажется, полностью это звучало как «Разбитое Братство». Так что позвольте начать именно с этого.

— А что это за братство? — не выдержала и Елена. Дядя выдохнул облако кудрявого дыма, потом колечко, потом снова облачко. Они, мягко покачиваясь, поплыли в нагретом воздухе, и на губах девушки появилась улыбка.

— Ты многого не поймешь, моя радость. Но когда-то давным-давно в нашей стране существовал орден магов, занимавшихся белой магией. Власть им давал дух по имени Чи, и власть эта была гораздо сильнее элементарного простонародного колдовства. Орден использовал эту силу и создал прекрасную, высокоразвитую цивилизацию.

— Но в школе мы проходили совсем другое! — с сомнением протянула Елена.

— Не все, чему учат в школе, — правда.

— И что же произошло потом?

— Прошло много лет, и магия внезапно стала угасать. И произошло это как раз в то время, когда она больше всего требовалась. В страну вторглись армии монстров из Гульготы. Маги и народ сражались храбро, но без помощи белой магии не могли противостоять черной магии интервентов. Аласия была разбита, народ ее покорен, а история переписана по-новому.

— Но куда же пропала белая магия?

— Она просто оставила нас, — с глухой тоской ответил Эррил.

Бол кивнул:

— От нее остались лишь жалкие обрывки. Орден, не имея силы, распался, но некоторые из самых верных его братьев соединились снова, чтобы попытаться найти и возродить магию несчастной страны. Это приходилось делать в строжайшей тайне, поскольку всюду рыскали темные лорды Гульготы, чтобы стереть с лица земли последние воспоминания о белой магии. Так было создано Разбитое Братство.

— Тайное общество? — затаив дыхание, уточнила Елена. «Тайное — это еще мягко сказано», — подумал Эррил. Он знал, что к сегодняшнему дню едва ли набралась бы и горстка людей, которые знали о штаб-квартире Братства в страшных развалинах Алоа Глен. Мало кто знал и то, что уничтоженный город все еще существует и подступы к нему охраняются магическим следом, проходящим по их сердцам. Все считали Алоа Глен мифом, некоторые рисковали искать, и некоторые даже нашли. Но никто уже никогда не вернулся оттуда.

— Но Братство совершило роковую ошибку, — продолжил Бол.

Глаза Эррила вспыхнули. Что такое?

— Их глаза были настолько ослеплены мощной энергией Чи, что они так и не сумели понять, что в стране после его исчезновения родилась иная магия.

— Зачем говорить о каких-то жалких фокусах деревенских колдунов? — вспыхнул Эррил. — И как могут они противостоять темной власти гульготалов?

Бол повернулся к Елене:

— А теперь ты, наверное, поймешь, почему было создано и Сестринство. Мужчины различают только степень силы, — женщины же ведают ее источники и колебания.

— Что еще за Сестринство? — перебил Эррил. — Я прожил много и никогда ни о чем подобном не слышал. Кто его создал?

— Это не открытое мужское общество — членом Сестринства надо родиться.

— То есть?

Бол помахал трубкой:

— Вы спросили, кто создал Сестринство. Один человек. И, возможно, вы даже знаете о ней.

— Кто она? — Эррил весь так и выпрямился в кресле.

— Сисайкоффа.

Слово упало камнем.

— Ведьма духа и огня! — Эррил мгновенно вспомнил, когда в последний раз слышал это чудовищное название — его произнес Грешюм в ту страшную ночь. — Однорукий маг сказал тогда, что Книга объявит о возрождении ведьмы.

— Да, — спокойно подтвердил Бол. — Она мой отдаленный предок, очень отдаленный, по боковой линии, и давно стала просто сказкой уже во времена моего детства.

— И вы можете проследить свою родословную до этой глупой женщины?

— Глупого в ней ничего не было, — побагровел Бол. — Она была человеком, одаренным силой не меньше, а порой и больше, чем мужчины. Она даже носила знак Розы. И глупые мужчины не могли простить ей этого, а потому всячески чернили и поносили ее.

Эррил видел, что при этих, слова дяди Елена привстала, но его собственное сердце билось в груди слишком сильно, чтобы продолжать обращать внимание на девочку. — Невозможно. Чи никогда не награждал этим даром женщин!

— А кто здесь говорил про Чи?

— Как? Неужели вы хотите сказать, что элементарная магия может быть равной магии Чи?

Бол выпустил целую цепочку колечек, снова поплывших по комнате:

— Порой да, я верю в это. Но с Сисайкоффой поделилась своей силой не элементарная магия.

— Тогда какая же?

— Вы прыгаете вперед рассказчика.

Эррил прикусил губы. Бол явно хотел рассказать историю так, как считал нужным.

— Хорошо, продолжайте.

— Ближе к концу жизни этой женщины сила оставила ее, сообщив, что вернется к кому-нибудь из ее потомков тогда, когда это будет действительно нужно. Сисайкоффа была предупреждена и о тех темных тучах, что собирались над Аласией, она не знала лишь точного срока. И тогда-то она и создала общество ее женских последовательниц. Она учила их быть готовыми к возвращению магии, а пока ее нет, учила тому, как обращаться с элементарной магией.

— Откуда такие подробности? Ведь вы, кажется, не являетесь представителем женского племени?

— Я был рожден вместе с сестрой-двойняшкой, Филой, и, будучи первым мальчиком, рожденным вместе с девочкой, оказался посвященным в тайну. Все считали, что мое рождение — знак, знак того, что давший власть

Сисайкоффе скоро вернется. И Сестринство готовилось, изучая все, что необходимо. — Бол обвел рукой полки с книгами. — Они изучали древние тексты и слагали целое из частей.

— И что же выяснилось?

— Мы узнали знаки ее прибытия и основных действующих лиц — вас, например. Также мы узнали, какие элементы будут вовлечены в процесс возвращения. Сказано было: «Придут трое», но кто или что? Этот Крал, конечно, силен в своей скальной магии. А Нилен... Ведь она нюмфая, не так ли?

— Да.

— В ней силен природный огонь, и я с трудом отвожу от нее взгляд. Но этот последний... Он тоже силен, но чем — сказать не могу.

Крал тоже чувствует в нем какую-то странность. Значит, он и есть третий? — Бол задумался и медленно пускал дым после каждой фразы. — Хотя существовал и еще один пророческий текст, который, как я думаю, говорит о прибытии «некоего из прошедших времен и потерянных стран», но, вполне возможно, я ошибаюсь. Это, конечно, может означать и вас, но я сомневаюсь. А, может, и зря. Как я уже говорил — многие толкования Книги весьма туманны.

— Но, кажется, вы владеете темой вполне. И когда же эта ведьма соизволит пожаловать?

Глаза Бола распахнулись от удивления:

— Да что вы? Она уже здесь. Разве вы не знаете?

Эррил застыл, словно пораженный громом.

И тогда Бол указал на девочку в кресле. И только сейчас Эррил заметил, как она испугалась и побледнела.

— Рожденная по линии Сисайкоффы и возродившаяся в огне. Вот сидит перед вами ваша ведьма.

Как только Бол произнес это страшное признание, в комнате повисла гробовая тишина. Елена лишь попыталась как можно глубже уйти в пуховые подушки кресла и с ужасом смотрела, как густые брови Эррила сходятся в ломаную линию, а лицо его, и без того темное, становится едва ли не совсем черным. Он смотрел на девочку так, словно пытался проникнуть в самое ее сердце. Елена невольно приложила к груди руки, словно защищаясь.

Потом она слегка подняла правую и поднесла ее к огню.

— Но я... Я больше не ведьма, — пролепетала она. — Это ушло.

Дядя успокаивающе положил ей на плечо свою добрую руку:

— Это происходит не так, родная.

Но Эррил зацепился за это:

— Она еще дитя. Как я могу вам верить?!

Бол отошел от Елены к огню, и по тому, как он шел, шаркая ногами и опустив плечи, девушка поняла, что дядя тоже на грани срыва, вернее, истощения.

— Вы сомневаетесь? — тем не менее громовым голосом вдруг произнес он. — Вы слишком долго были в дороге, Эррил! Разве вы не чувствуете, что я говорю правду? Зачем же иначе черному магу понадобилась эта девочка? Да потому, что он почувствовал родившуюся в ней силу.

— Так вы приводите мне действие черного сердца как доказательство?!

Бол протянул руки к огню и заговорил уже более спокойно:

— Вы знаете, что я не лгу. Нам нужен Кровавый Дневник.

— Так вы и об этом знаете?

— Разумеется. Как же не знать? Именно поэтому мы все здесь этой ночью.

Забывая трубка погасла в руках Эррила:

— Я пришел для того, чтобы вернуть вам вашу племянницу. И только.

— Нет. Это ветер судьбы принес вас туда, где вы необходимы. Ведьма и Книга идут одной дорогой.

— Мой брат ничего не говорил мне о ведьме. Он сказал лишь, что Книга будет создана в том случае, если осталась хотя бы малейшая надежда на конец темного царствования гильготалов. А об этой ведьме он ничего не знал, — последние слова Эррил произнес с таким отвращением, что щеки Елены вспыхнули.

— Мы решили, что Шоркану знать об этом необязательно.

— Так о чем же вы говорили?

Бол задумчиво пустил очередные несколько колечек:

— А как вы думаете, где же ваш брат научился созданию Кровавого Дневника?

— Понятия не имею. Он говорил что-то о древних текстах, не более.

— Это знание было передано ему Сестринством. Незнаемые и невидимые, мы водили его рукой.

— Невозможно!

Бол пожал плечами и спокойно посмотрел прямо в глаза Эррилу — тот выдержал взгляд, но все-таки не вынес молчания и заговорил первым:

— Итак, мы с братом оказались лишь случайными орудиями в чужой игре по возвращению потомков Сисайкоффы в Родную страну? Ведь вы говорите об этом?

— Нет, не совсем. Ваша цель та же, что и у Сестринства, — вернуть в наш край свет, свергнуть гильготалов. Неужели вы думаете, что она в одиночку, — он кивнул на Елену, — даже с помощью Кровавого Дневника сможет справиться с полчищами Темного Лорда и победить самого Черного Зверя?

Эррил уставился на девочку потемневшими глазами, глазами, в которых гнев уступил теперь место смущению.

— Пришла пора соединиться Братству и Сестринству, — продолжал Бол. — Братство создало и сохранило Книгу. Сестринство приготовило все для возвращения ведьмы. А теперь время слиться в одно, и для одного — разбить Гильготу и освободить страну!

— Как? — с болью спросил Эррил.

— Соединив ведьму и Кровавый Дневник.

— И что потом? — горько усмехнулся Эррил. — Что ждет нас потом?

Следующие слова Бола прозвучали тихим вздохом, словно это были не слова, а дым:

— Мы не знаем. Кровавый Дневник — талисман огромной силы, но даже то, как он действует, скрыто тенями сомнений. Водоворот, что возникает вокруг него, силен настолько, что становится закрытым для прочтения. И кроме союза Дневника и ведьмы предсказать невозможно ничего. Кто-то видит — победу, кто-то — смерть. Но большинство — и то, и другое вместе.

— Но если будущее столь туманно, зачем жертвовать и Дневником и ведьмой?

— Затем, что если мы этого не сделаем, то судьба Аласии останется ужасной. Страна пойдет своим черным путем, который поглотит не только ее саму, но и весь мир, и все время. Ведьма и Книга должны соединиться.

Елена забила в самый угол кресла. Зачем все это? Откуда пришел к ней этот ужас? Она не хочет, не хочет! Эррил, казалось, тоже не был уверен ни в чем.

— Но моя-то какая роль во всем этом?

— Вы страж Книги, ее вечный хранитель. Теперь вы должны взять под свое покровительство и ведьму. Охраняйте Елену и приведите ее к Книге.

— Но зачем рисковать ребенком? Почему бы мне самому не достать книгу и не принести ее сюда?

Бол покачал головой:

— Вы не сможете сделать этого. Так предсказано. Для того, чтобы все могло свершиться, ведьму должен сопровождать страж, и три остальных составляющих, которые и собрались здесь. Это мы уже выяснили. Но будьте осторожны, даже этот путь неясен и темен, и успех не гарантирован. Путешествие чревато слишком многими опасностями.

— И никакого выбора?

— А разве он у вас есть сейчас? Разве эта бессмысленная жизнь жонглера с переездами из одного города в другой так вам нравится?

Эррил опустил голову:

— Я хочу вернуть свою прошлую обыкновенную жизнь — ту, которую вел, прежде чем переступил порог той харчевни вместе с Шорканом много столетий тому назад.

— Это невозможно. Но, быть может, на том пути, к которому призываю вас я, вы сможете найти способ приблизиться к тому состоянию.

Эррил опустил голову еще ниже, и Елена, хотя и испуганная пророчествами дяди, почувствовала глубокую жалость к этому смелому, умному и несчастному человеку. Казалось, от тяжести прожитых лет он устал так, что едва может носить свое тело.

— Так сделайте же выбор, Эррил из Стендая!

— Я отведу ее туда, где спрятана Книга, — Слова мертвыми листьями легли на каменный пол.

— В Алоа Глен?

— От вас воистину ничего не скроешь, — поднял темные глаза Эррил.

Дядя Бол пожал плечами.

— Я знаю лишь намеки и знаки, — тихо сказал он. — Слова в книгах и рукописях. Я ничего не знаю о реальном мире.

— Дорога до Алоа Глен длинна, город охраняется волшебством, и, прежде чем попасть туда, надо принести отмычку, скрывающую вход в город. Я спрятал ее здесь, в развалинах школы, неподалеку от...

Бол махнул кончиком трубки в сторону Эррила.

— Не надо, не говорите. Чем меньше людей знает о чем-либо, тем лучше.

После этих слов в комнате надолго воцарилось молчание.

Елена застыла в кресле и мучительно пыталась осмыслить услышанное. Большая часть из этого не имела для нее никакого смысла. Ясны были только

вещи. И страх.

— Я не хочу быть ведьмой! — вдруг выкрикнула она самое страшное, что душило ее весь этот час.

Бол попытался улыбнуться в ответ, но смог лишь провести рукой по усам, И горькая печаль, мелькнувшая в его глазах, ударила девочку в самое сердце. Вместо того, чтобы успокоить племянницу, Бол встал к ней спиной, повернувшись к Эррилу:

— Вы, кажется, просили доказательств? — Он вытащил что-то из жилетного кармана и показал собеседнику. — Узнаете, Эррил?

Елена видела только лицо, но и этого было достаточно. Рот Эррила раскрылся, как у безумного:

— Это Шоркана! Где вы его взяли?

Предмета, о котором они в этот момент говорили, Елена не видела, как ни крутила головой: широкая спина дяди закрывала от нее эту вещь.

— Если вы помните, Шоркан в ту ночь отдал его мальчику. После убийства мы забрали его, мальчик все сжимал его в мертвых пальцах.

— И что вы собираетесь с ним делать?

— То, что должен.

Дядя резко обернулся. В руках у него сверкнул черным лезвием кинжал. В глазах Бола стояли слезы:

— Я никогда не хотел этого, Елена.

Затем старик схватил девушку за запястье и дернул к себе. Елена задыхнулась от ужаса. Что он собирается сделать? Но сопротивляться у нее уже не было сил.

— Этот древний кинжал использовали маги, дабы освятить Кровавый Дневник в процессе его создания. — И Бол резко полоснул лезвием по доверчиво раскрытой детской ладони.

Кровь хлынула на пол прежде, чем Елена почувствовала боль, но затем у нее вырвался пронзительный крик, и, не веря своим глазам, она смотрела на красную линию через всю ладонь.

А Бол прижал рукоять к кровавой ладони, и по мере того, как кровь пропитывала ее, черное лезвие начинало светлеть и через несколько секунд засверкало в отблесках пламени чистейшим серебром.

— Теперь это кинжал ведьмы, — прошептал Бол и упал перед девочкой на колени.

Эррил сидел, не шевелясь, в своем кресле, трубка его давно упала на пол, рассыпав по основному паркету недокурненный табак. Несмотря на то, что в глубине души он верил всему, что говорил старик, увиденное собственными глазами настолько парализовало его мозг и тело, что старый воин не мог двинуться с места. Много лет назад он видел такие же инициации, совершаемые мастерами Ордена над юношами, посвящаемыми в науку магии. И их сопровождал такой же спящий свет.

Елена действительно была *ведьмой*!

Он смотрел, как девочка вытирает кровь, положив кинжал на колени. На руке не осталось даже следа пореза, тут же зажившего безо всякой боли и шрама.

— Прости меня, девочка моя. — Бол по-прежнему стоял перед ней на коленях.

— Но мне не нужен этот гадкий нож! — упорствовала она.

— Ты должна взять его — он требуется тебе для магии.

Девушка подняла правую руку:

— Но я же сказала, что ничего больше нет! Моя рука снова обычная, чистая! Красного совсем нет!

Тогда заговорил Эррил, стараясь хоть немного успокоить ребенка, который был уже близок к истерике:

— Твоя Роза исчезла, потому что ты исчерпала свой запас силы, — спокойно объяснил он. — Его надо пополнить.

— Но я не хочу! — крикнула Елена и разрыдалась. Бол обнял ее колени:

— Я знаю, как тебе тяжело, моя радость. Но тетя Филя так на тебя рассчитывала.

При упоминании о тетке рыдания чуть стихли.

— О чем ты говоришь?

Бол поднялся:

— Пойдем, я покажу тебе кое-что. Тётя оставила тебе подарок.

— Она знала все это про ведьму?

— Да, Елена, знала. И гордилась, какой сильной ты растешь.

— Правда? — слезы на щеках девушки вдруг мгновенно высохли.

Бол кивнул:

— Правда. Пойдем же. Вы тоже можете пойти, — обернулся он к Эррилу. — Это поможет вам найти спрятанную в развалинах отмычку.

Эррил поднялся и подошел вместе с девочкой к груди пропыленных книг на старой книжной полке.

Пальцы Бола пробежали по их корешкам, как по коже возлюбленной, и

вдруг резко надавили на один с изображением головы дракона. За полкой послышался стук камешков, и полка разъехалась надвое. За ней оказалась дверь.

— Отойдите-ка назад, — предупредил Бол и дернул дверь на себя. За ней оказалась каменная лестница, ведущая вниз. Любопытство пересилило у Елены и боль, и страх.

Даже Эррил был заинтригован:

— Что это?

Бол дотянулся до лампы на краю полки и сделал ее поярче.

— Идите за мной и смотрите под ноги. Камни мокрые и скользкие.

Эррил взял девочку за руку, и они последовали за Боллом. Лестница, сложенная из камня, казалась гораздо старше дома. С потолка повсюду свисали гирлянды паутины, колыхаясь от дуновения свежего воздуха. Нагнув головы, все трое прошли под ними, но высокому Эррилу это не совсем удалось, и он с отвращением ощутил на шее маленькие бегущие лапки. Елена увидела, как он трет шею.

— Осторожно: убить паука — плохая примета.

— Давай, иди, — воин слегка подтолкнул ее и тоже увидел у нее в волосах запутавшегося паука.

Елена прислушалась. Шаги тихим эхом отдавались по старым камням. Потом девушка сморщила нос от густого запаха застоявшейся воды и сырости. На последней ступени она остановилась. Бол стоял немного впереди нее, высоко держа над головой фонарь. Его свет падал в огромный зал, имевший вид не совсем правильного круга с грубыми стенами. Словно каменные стражи, в зале стояли двенадцать гранитных колонн, а между ними, в самой глубине, виднелся альков с несколькими висящими зеркалами, на которых время и сырость оставили свои зеленоватые уродливые пятна.

Бол ободряюще улыбнулся:

— Бояться здесь нечего, моя девочка.

Подосевший Эррил слегка подтолкнул Елену вперед. Она сделала несколько шагов по направлению к дяде, и на поверхности старых зеркал метнулась черная тень — отражение ее движения. Потом в зеркалах задрожал свет фонаря, и от страха Елена вернулась назад, к Эррилу. Правда, она так и не спускала глаз с отражений в серебряных зеркалах, откуда еще один темный коридор вел куда-то к новым тайнам.

— Что это за место? — спросил Эррил, словно услышав мысленный вопрос девочки.

— Мы на окраине старых руин, — ответил Бол, так и не выпуская изо рта трубку. Ее вспыхивающий кончик показался вдруг Елене указующим перстом в неизвестное. Бол обвел рукой пространство:

— Это бывшая молельня Школы, — пояснил он. — Здесь молодые посвященные — между прочим, как раз твоих лет, Елена, молились и медитировали, прося вразумления от великого Духа Чи.

Девочка всмотрелась в темноту. Может, и здесь полно ядовитых змей, как в развалинах наверху? Она еще ближе подвинулась к Эррилу, у которого был меч.

— И что, нам здесь надо сейчас помолиться? — на всякий случай спросила девушка. — Да?

— Нет, радость моя, Чи больше нет. Тот дух, что наделил тебя даром — иной.

— Как это так? — вмешался Эррил, которого не меньше, чем Елену, беспокоило движение непонятных теней, будь то даже просто ядовитые гады.

Бол немного задумался и обратился к Эррилу, в то время как девушка все прислушивалась к странному шипению вокруг.

— В то время, когда Чи был больше, чем только мужским божеством, хотя и контактировал только с мужчинами, мы верили, что божество, давшее свою силу Сисайкоффе и Елене, тоже более чем только женская ипостась Чи, — при этих словах старик махнул рукой в сторону зеркал: — Как его зеркальное отражение.

— Но Чи одаривал многих мужчин, — зачем ему вдруг понадобилось взять в качестве инструмента маленькую девочку?

— Это тоже много обсуждалось, поскольку этот вопрос был поднят и в писаниях Сисайкоффы. И лучший ответ, наверное, заключался в том, что Чи, как и любой мужчина, мог раздавать свое семя широко и часто, даруя его многим, а тот, другой дух, как женщина, мог одарить только раз в год, и одного. Тогда это была Сисайкоффа, теперь — Елена.

— Значит, это божество слабее Чи, — сухо произнес Эррил. Бол нахмурился, и кончики его белых усов поникли:

— Чтобы родить ребенка, нужны и мужчина, и женщина. Кто сильнее и кто нужнее в этом союзе? Это всего лишь две стороны одной монеты.

— Это слова мечтателя, — повел плечом Эррил.

— Но что это за дух? — спросила вдруг Елена, несмотря на боязнь змей, все же немного заинтересовавшаяся разговором. — Откуда он появляется?

— Много мы еще не знаем, моя радость. На это должна была ответить

твоя тетка.

— Но она умерла. Как она может помочь нам теперь? Бол погладил племянницу по щеке:

— Фила была человеком особенным. По нашей линии все женщины имели дар общения с элементарными духами. Даже твоя мать.

— Мама?

Бол кивнул:

— Ты же знаешь, что она всегда могла предсказать пол еще неродившегося ребенка и угадать, кого принесет корова: телку или бычка.

— Да, к нам все ходили за этим.

— Таков был ее дар.

— У тети тоже был особый дар?

— Да, и не один. Она обладала силами. Она умела справляться с элементарными духами не хуже, чем противнями в своей пекарне. Она умела хорошо колдовать.

Но Елена снова уже была готова заплакать, вспомнив родителей, брата и тетку.

— Тогда зачем же она умерла?

— Ш-ш-ш, моя хорошая... Не плачь. Лучше я покажу тебе кое-что, — и Бол потянул ее между двумя колоннами прямо в альков.

Девочка покорно пошла за Болом, на ходу заметив, что там, куда повел ее дядя, нет зеркал. Альков, освещаемый только фонарем, был целиком вырезан в скале. Внутри на каменном пьедестале помещался какой-то сосуд с водой. Маленькие капли безостановочно скатывались с сырых стен и падали в этот сосуд с тихим звоном.

— Что это? — спросил у нее за спиной Эррил.

— Это сосуд для омовения новопосвященных. Опытные маги использовали его для мытья рук перед медитациями.

Елена прищурилась и сделала несколько робких шагов к сосуду:

— А какое это отношение имеет к тете Филе?

— Вода, выступая из самой сердцевины гор, обладает сильной элементарной магией. — Бол бросил быстрый взгляд на Эррила: — Даже думаю, что маги Академии, бывшие всегда глухими к подобным вещам, и не подозревали о той силе, что таится в воде. Может быть, что-то они и чувствовали и потому построили святилище именно здесь.

— И каково же действие воды? — не унимался Эррил.

— Как вода пробивает свой путь через камень, точно так же она обладает и способностью создавать пути от одного человека к другому. У меня и у Филы были амулеты с несколькими каплями этой воды, и это позволяло нам общаться на расстоянии, — Бол достал из жилетного кармана маленький жадеитовый амулет в виде алхимического сосуда на длинной плетеной цепочке сероватого цвета и протянул его девочке.

Елена осторожно поднесла его к свету:

— Ой, спасибо! Какой красивый!

Бол наклонился и поцеловал племянницу в лоб:

— Это тебе подарок от тети Филы. Цепочка, между прочим, сплетена из ее волос, — Бол нежно и осторожно вытащил жадеитовый кусочек, служивший пробкой. — Иди, набери воды, — шепнул он, указывая на альков.

Елена с сомнением посмотрела на дядю, но все же погрузила пузырек в воду. Холодная влага обожгла ей пальцы.

Не зная, что делать, она осталась стоять, но Бол быстро подал ей пробку:

— Закрой как можно плотнее.

Елена снова послушалась и стала затыкать пробочку с таким напряжением, что брови ее сошлись в одну линию.

— А теперь что? — полюбопытствовала она.

— С помощью этого амулета ты сможешь разговаривать с теткой — просто сожми бутылочку в руке как можно крепче и пожелай ее увидеть.

Елена испуганно вздрогнула, — она, конечно, любила свою тетку, но все же...

— И я буду разговаривать с привидением?

— Да. Тело ее ушло, но дух жив. Я со своим амулетом не смогу больше с ней связаться, сама по себе элементарная магия не настолько сильна, чтобы преодолеть расстояния между царством людей и царством духов. Но Фила верила, что тебе это удастся.

— Но как? — удивилась Елена, с сомнением глядя на зеленоватый пузырек.

— Подойди к одному из зеркал, тебе нужна отражающая поверхность. А потом загляни вглубь зеркала, крепко сжимая амулет, и произнеси ее имя. Попробуй.

Елена задрала голову и подошла к зеркалу, висевшему ближе всех к алькову. Затем, надев цепочку на шею, девушка крепко зажала амулет в ладони, так что острые грани его даже впились ей в кожу. Прижав кулак к

груди, она стала смотреть в зеркало. Зеленые пятна плесени, покрывавшие амальгаму, придавали маленькой ведьме какой-то грустный болезненный вид.

— Думай о ней и называй ее имя, — шепотом подсказал Бол. В голосе его звучали такая тоска и одновременно такая надежда, что Елена не смогла ему отказать и нарисовала перед глазами суровую улыбку тетки и ее привычную строгую прическу с тугим пучком волос на затылке.

— Тетя Фила? — осторожно позвала она в зеркало. — Ты меня слышишь?

При этих словах девушка почувствовала, как амулет в ее ладони вздрогнул, будто цыпленок, пытающийся выбраться из яйца, но ничего больше не произошло. Она повернулась к Болу:

— Он не работает.

Старик прищурился, но плечи его понуро обвисли:

— Должно быть, она уже очень далеко.

— Или просто ошиблась, — заметил Эррил. — А мы должны...

Дверь наверху вдруг захлопнулась с чудовищным грохотом, от которого Елена невольно вздрогнула и еще туже стиснула стекляшку. Острый край оставил на большом пальце тоненькую красную царапинку.

Фонарь в дрожавшей руке Бола заходил ходуном, но и он, и Эррил какое-то время стояли совершенно неподвижно. Неожиданно подвал осветился иным светом, и свет этот шел из зеркала, перед которым по-прежнему стояла Елена. Привлеченная светом, девушка обернулась и увидела ту, которую уже не думала увидеть более никогда. Перед ней стояла тетка Фила. Пожилая женщина была окутана волнами света, а над ее головой светили звезды. Эти звезды вдруг напомнили Елене, что совсем недавно она уже видела нечто подобное... но когда? Где?

Не успела девочка подумать об этом, как по лицу тетки пробежала гримаса боли, и, подняв призрачную худую руку, старая женщина с трудом прошептала: — Бегите!

Рука ее медленно повернулась в сторону единственного темного прохода, что вел из зала в неведомые глубины.

— Быстрее! Оставьте дом и спасайтесь в лесах!

Усталость и раздражение окончательно сморили Рокингема, и он погрузился в некое подобие сна. Ему снилось, что он стоит на краю скалы, под которой неистово ревет темный гневный прибой. Начальник кордегардии смотрел, как белая пена лижет скалу, и каким-то образом понимал, что спит. Небо было затянато мрачными тучами, словно буря шла со стороны моря, но, как это часто бывает во снах, время дня определить было невозможно. Свет менялся с каждым мгновением, но разгорался ли он, как утром, или гас, как на закате, Рокингем не понимал. Он знал точно лишь одно — место. Он уже стоял здесь раньше, ибо помнил и ощущение соли в носу и прикосновение легкого бриза к лицу. Это был берег его родины, его острова, Дивунберри!

На лице у измученного пленника промелькнула улыбка. Как давно он не был на Архипелаге! И бедняга был счастлив даже этим сном. Набрав в грудь как можно больше соленого воздуха, он блаженно прищурился и даже смог разглядеть на горизонте далекий остров Маунск, над которым, едва ли не полностью скрывая его, висели низкие тучи.

Но при виде этого отдаленного острова сердце Рокингема почему-то охватил мучительный страх. Он начал боязливо оглядываться в поисках того, что могло так напугать его, ожидая увидеть какое-нибудь чудовище, порой являющееся всякому в ночных кошмарах. Но бедняга не увидел ничего, кроме пустых и гладких зеленых холмов.

Однако что же так сжало его уставшее сердце? Ведь там был его дом, а дома бояться нечего. Рокингем пристально всматривался.

Прибой, ветер и дождь казались ему знакомыми, но какими-то странными, какими-то более чем знакомыми... Эту картину — отдаленный остров, исчезающий в тучах, рокот разгневанной воды у ног и колючие струи дождя на щеках — он не только видел, стоя здесь совсем недавно... Да он просто-напросто действительно стоял здесь... *буквально секунду назад* .

Или когда?

Рокингем попытался собраться с мыслями, но его неожиданно охватила ужасная паника. Что-то гнало его прочь, заставляя бежать. И не успел он свыкнуться с этой мыслью, как ноги его стали двигаться сами по себе — однако, не унося его прочь, а, наоборот, подвигая к краю скалы! И, как это бывает в страшных снах, несчастный пленник никак не мог остановиться. Его тело превратилось в тряпичную марионетку, которой управляла какая-то неведомая сила. И как бедняга ни сопротивлялся, он придвигался все ближе и ближе к опасному краю. И вот уже правая нога зависла над смертельной бездной. И тут он вдруг все вспомнил! Рокингем не только однажды уже стоял на этом месте, но и совершал именно те же действия! Жгучая боль пронзила все его тело, когда он полетел в волны с отчаянным криком: «Линора!»

Обточенные водой камни неминуемо надвигались на него, приближая неминуемую смерть. Но тут у него в ушах раздался сухой и насмешливый голос. Это был голос Дизмарума:

— Тебе нечего бояться, Рокингем! Я снова поймаю тебя! — и смех старого мага дьявольским эхом гремел над скалами.

Рокингем проснулся в полном ужасе, ощущая на губах солоноватый привкус крови. Его рубашка была в поту, словно он и вправду пробежал много лиг. Несчастный попытался сесть, но веревки не дали ему этого сделать.

Неожиданно на его губы легла широкая жесткая рука. Рокингем попытался закричать, но незнакомая рука надавила ему на рот еще сильнее.

— Молчать! Или ты погибнешь, — прошептал кто-то в самое ухо и Рокингем ощутил на горле холодящее лезвие ножа. Он прекратил борьбу. Лезвие скользнуло вниз и перерезало веревки.

Рокингем вытянул руки и потер запястья. Над кроватью огромной горой навис горец.

— Одеваться! Быстро! — приказал Крал.

Только тогда Рокингем заметил крошечную женщину уже полностью одетую и выбирающуюся через окно.

— Быстро! — прошептала и она. — Он уже внутри, но путь пока свободен, и если успеем добраться до лошадей, то сможем увести их!

— Что происходит? — спросил Рокингем, тем не менее, быстро натянув штаны и рубаху и уже хватаясь за сапоги.

— Скалтум, — последовал ответ.

Рокингем утробил усилия. Теперь никак не время попасться в руки лейтенантам Темного Лорда. Предложить им ему пока нечего.

— А где девчонка... и остальные?

Крал проигнорировал этот вопрос и толкнул пленника прямо к окну, не понимая, зачем нюмфая так настаивала на том, чтобы прихватить с собой и этого несчастного. Надо было оставить мерзавца на растерзание его же друзьям, да и дело с концом! Но Нилен уперлась.

Теперь она осторожно спускалась вниз через окно. Снизу доносились шум и треск.

— Как ты думаешь, они... живы? — прошептала она. Гигант опять промолчал, не желая выдавать своих опасений.

Ах, если бы он почувствовал приближение этих тварей чуть раньше! Но теперь у него хватило времени лишь на то, чтобы захлопнуть двери подвала, в который ушли хозяин с Эррилом и Еленой как раз в тот момент, когда первый скалтум подобрался к дверям дома. Горец едва успел подняться обратно к себе и растолкать Рокингема.

— Хватит ли у нас времени добраться до лошадей? — прошептала Нилен, выбравшись, наконец, за окно.

— Дверь подвала хорошо замаскирована.

— И все же надо поторопиться! — Нилен снаружи, а Крал, подталкивавший Рокингема, изнутри, осторожно вскарабкались с окна на крышу. Причем, Кралу удалась это с трудом, поскольку для того чтобы вылезти через окно, ему понадобилось выдохнуть из себя весь воздух и снять поясной ремень, который цеплялся и мешал.

— Как корова телится, — прокомментировал эти действия Рокингем, попутно острым взглядом обшаривая каждый изгиб крыши.

Нилен стояла уже у самого края. Конюшня с ее болтающимися на одной петле воротами и дырявыми стенами находилась на расстоянии брошенного камня.

— Можно попытаться прыгнуть, — прошептала она. — Или спуститься по задней стене, опираясь о дерево.

В ответ Крал просто прыгнул вниз, подняв тучу прошлогодних опавших иголок, и помахал остальным, предлагая последовать его примеру.

Нилен приказала Рокингему прыгнуть первому, явно не желая оставлять его на крыше одного. Повторять ему было не надо, и та скорость, с которой он исполнил требуемое маленькой женщиной, говорила о том, что и он никоим образом не хочет встречаться с тварью, которая уже, наверное, прочесывала сейчас нижние комнаты. Зависнув на мгновение, держась руками за край крыши, он благополучно попал в протянутые руки Крала.

Нилен поправила мешок за спиной и глянула вниз. Крал протянул руки и к ней. Нюмфая замерла на мгновение, но, услышав за спиной звук ломаемой в гостиной мебели, в следующее же мгновение решительно прыгнула.

— Бежим! — вырвалось у нее, и не успел Крал сделать и нескольких шагов, как она уже была у дверей конюшни. Нилен неслась, словно подгоняемый ветром опавший лист, и двое мужчин едва за ней поспевали.

Сзади раздавался звон разбитого стекла и, на мгновение обернувшись, Рокингем увидел в окне черную массу, царапающую когтями подоконник. Скалтум, так же как и Крал, застрял в раме, но мог вырваться в любую секунду. Рокингем поддал бегу, однако железная рука горца остановила его и вынудила пойти рядом. Нилен уже исчезла в конюшне, и к тому

времени, когда они к раскачивающимся на петле дверям, нюмфая как раз выводила двух лошадей — серую кобылу Елены и каурого жеребца Эррила, уже взнузданных. Боевой жеребец Роршаф не подпустил к себе женщину и дыбился, поводя красными возбужденными глазами и роя землю копытом. Его круглые бока вздымались от возбуждения, он чуял страшных чудовищ неподалеку. Крал тихо присвистнул, и Роршаф, успокоившись, подошел к нему, продолжая лишь тихо всхрапывать.

Нилен вскарабкалась на жеребца, а поводя Мист передала Рокингему. Крал с удовлетворением заметил, что нюмфая успела даже привязать кобылу к своему коню, явно не доверяя пленнику. Тем не менее кобыла вдруг заупрямилась, и Рокингем, хотя и отличный наездник, с трудом удерживался в седле.

Бросив вещи на круп Роршафа, Крал привычил их, и в мгновение ока вскопил сам, последний мешок привязав, по обычаю всех жителей гор, к бедру.

Ногой он пнул ворота, но тут же оказался перед огромной фигурой, притаившейся среди камней и грязи. Его боевой конь, прошедший столь многие сражения, неожиданно дернулся, взвизгнул и поднялся на дыбы. Могучим усилием руки Крал осадил его, и в следующее мгновение окончательно понял, что перед ним, расправив крылья, стоит еще один лейтенант Темного Лорда. Скалтум шипел и преграждал выход. Последним усилием воли Крал заставил Роршафа встать спокойно, широко расставив передние копыта. За ним металась встревоженная Мист, забиваясь все дальше в глубину конюшни! Но этот путь не сулил спасения — скалтума не остановят тонкие дощатые стены. Крал послал Роршафа вперед, и впервые конь не послушался его. Гигант пришпорил его снова, но жеребец, парализованный страхом, так и не сдвинулся с места.

Тогда Крал нагнулся к самому уху коня и прошептал сквозь зубы, едва сдерживая гнев:

— Роршаф, *парту сагуи вени скай*! — Это был язык горных лошадей, язык, который все горцы знали не хуже своего. А Крал был одним из лучших шептунов в своем клане, и многие утверждали, что он и родился уже со знанием лошадиного языка. Однако даже и ему, могучему горцу, прекрасному знатоку лошадей и их языка, пришлось в эти мгновения приложить все свои умения, чтобы заставить Роршафа преодолеть страх и послушаться хозяина.

Жеребец снова стал управляемым и после пары шенкелей сделал несколько шагов навстречу скалтуму.

Уши чудовища прижались к черепу, словно он оценивал ситуацию. Когти ног его были глубоко зарыты в землю, с когтей на руках капала зеленоватая смрадная жидкость. Между тонкими губами показались клыки, и в лунном свете черные глаза отливали почему-то зловеще-красным. Движение лошади привело скалтума в окончательную готовность.

— Где ссспрятали девчонку... шссс? — прошипел он. — Отдайте ее шссс... и мы позволим вам умереть быссстро!

Но в словах твари Крал почувствовал усталость, скалтум тяжело дышал, ибо добраться в этот отдаленный край так быстро стоило ему немало сил. Крал подумал, что при удачном стечении обстоятельств его можно будет задержать достаточно долго или отвлечь, чтобы дать возможность спастись остальным. Горец отвычил топор, крепко взял его в руку и, понукая коня, поехал прямо на скалтума. Изо рта горца вырвался боевой рев его клана, и он занес топор высоко над головой.

Как Крал и надеялся, усталость и удивление заставили скалтума сделать пару шагов назад прежде, чем он поднялся в полный рост. Но этого оказалось достаточно для того, чтобы за спиной Крала открылся проход в густой лес для второй лошади.

— Бегите, — крикнул Крал, махнув рукой в сторону леса, и в тот же миг услышал у себя за спиной стук удаляющихся копыт. Но гигант удержался, чтобы не поскакать вслед, и теперь весь сосредоточился лишь на зубах и когтях скалтума.

Чудовище, несмотря на то, что видело, как часть его добычи ускользает, бросилось на Крала как раз в тот момент, когда они промчалась мимо. Взмах топора предотвратил удар ядовитого когтя по лицу Крала. Он, как обычно бывало в битвах, слился с Роршафом в одно целое так, что конь стал продолжением его собственного тела. Но в этой схватке горцу пришлось дело тоже с комком мускулов и воли.

— Хорошо сссражаешьссся, человек ссс гор! Но эта ночь моя... шссс!

Крал гордо перекинул топор из одной руки в другую, однако это было пустой демонстрацией — он с самого начала знал, что эту битву со скалтумом проиграет. Как горец понял из предыдущей битвы, в темноте черная магия защищает скалтума от любого повреждения или раны. А до восхода солнца еще далеко, и столько времени ему не выстоять. Как не выстоять и Роршафу, которого раньше или позже заденет ядовитый коготь твари. Оставалось только выиграть как можно больше времени для Нилеи и пленника и увести чудовище как можно дальше от дома. Если, конечно, он сумеет продержаться хотя бы какое-то время.

Скалтурм меж тем чего-то ждал и дышал все легче, по мере того как усталость отпускала его. Ему незачем было спешить и можно было поиграть с жертвой, как кошке с мышью. Он уже знал, что нужного ему ребенка среди убежавших нет, а значит и торопиться пока некуда. Крал сидел в седле неподвижно, давая возможность Нилен и Рокингему уйти от этого места как можно дальше. И если ему суждено умереть здесь, он все равно умрет с топором в руке и вместе с жеребцом, воспитанным им из сосунка.. Горец снова замахнулся, провоцируя чудовище, и скалтурм действительно прыгнул, будь он проклят!

Теперь надо увести его подальше от дома.

Крал пришпорил Роршафа, заставив его быстро развернуться, а сам продолжал смотреть через плечо на противника. Конь встал на дыбы и повернулся, готовый мчаться к лесу. Скалтурм, оставшийся позади, взревел, а Крал погнал лошадь мимо дома, в сторону, противоположную той, куда убежала Нилен. Но, проскакав несколько секунд, Роршаф вдруг остановился, намертво упершись копытами в грязь. Такая остановка поймала Крала врасплох и, не справившись с собственным телом, гигант перелетел через голову жеребца. Он упал умело, не сломав костей и даже не особенно сильно ударившись. Вскочив, горец первым делом посмотрел вперед, желая понять, что же могло так внезапно остановить Роршафа.

И тут отважный гигант увидел, что из-за угла медленно вышел второй скалтурм, полностью отрезав Кралу всякую возможность не только отступления, но даже и маневра. За спиной у горца раздался насмешливый хохот первого чудовища:

— Возвращайссся, человек... Мы еще не доиграли ссс тобой... шссс...

Пока Бол зажигал фонарик, потухший при появлении Филы, Эррил решительно направился к лестнице, чтобы узнать, что за грохот начался вдруг наверху в доме.

— Остановись, житель равнин!

Жонглер обернулся на голос призрака из зеркала. Свет так и струился, завиваясь вокруг прямой фигуры пожилой женщины.

— У меня там, в опасности, остались друзья, — твердо ответил Эррил.

— Они тебя уже не касаются, — холодно ответил призрак, сузив глаза. — Отныне ты страж Книги и должен охранять ту, ради кого она была создана. Надо спасти Елену. Черное Сердце не насытило своей похоти. Иди же! — Изображение в зеркале начало вспыхивать и гаснуть, как колеблемая ветром свеча, и последние слова призрака прозвучали уже тихо и прерывисто. — Темная магия... там наверху... она истощает мои силы... Бегите же, бегите, пока еще можно... И не обмани меня, Эррил из Стенда...

Призрак исчез, и темнота охватила пещеру.

И в этой страшной тишине Елена подошла вплотную к Эррилу как раз в тот момент, когда наверху раздался оглушительный грохот. Девочка вцепилась в его единственную руку. Он успокаивающе пожал ее, эту доверчивую детскую ладошку своей жесткой рукой. Как может это дитя быть ведьмой? Ведьмы это средоточие зла, это согбенные веками старухи в сырых болотах или красавицы, заманивающие любовников к себе в постель и убивающие их в полночь. А эта девочка, с полными страха глазами и полураскрытым от удивления ртом! Локон над ее маленьким ухом трогательно дрожал, и Эррил вдруг бесповоротно решил, что ведьма она или нет, теперь это уже не важно — она все равно будет под его защитой.

Бол, наконец, снова сумел засветить фонарь и указал им на единственный свободный выход.

— Туда, — старик сорвал со стены фонарь и сунул Эррилу, отчего тот вынужден был отнять руку у девочки. Тогда Елена намертво схватилась за полу его кожаного камзола.

— Идем, — снова поторопил Бол. — Я облазил все эти руины и прекрасно в них ориентируюсь. Однажды мне удалось выйти. Но здесь слишком много лабиринтов и зрительных ловушек.

Все трое углубились в проход, весь покрытый липкой холодной плесенью. Скорее всего, раньше здесь был школьный зал. Иногда в стене встречались альковы и ниши, в которых стояли статуи, разрушенные временем и водой до такой степени, что превратились в уродливые глыбы, пугавшие проходящих.

Эррил заметил, что чем дальше они углубляются, тем больше нервничает Елена. От каждого шороха она вздрагивала, рука ее дрожала, а губы шептали что-то несвязное, кажется, насчет змей. Эррил сжал зубы. Ребенок не спит вот уже больше суток, ей во что бы то ни стало надо передохнуть и прийти в себя. Иначе угрожает опасность не только физическая...

Ему хотелось обнять девочку и прижать к себе, но рука его была

занята фонарем, и впервые за много-много лет старый воин пожалел о второй потерянной руке.

Шедший впереди Бол остановился у разветвления трех коридоров. И в былое время Школа представляла собой переплетение множества ходов, каморок и проходов, а сейчас руины были просто настоящим лабиринтом. Сначала Бол действительно шел по ним вполне уверенно, но чем дальше, тем чаще останавливался, щуря глаза и поворачивая голову то в одну, то в другую сторону.

— Что случилось? — подошел ближе Эррил.

— Должно быть, я где-то неправильно свернул, поскольку этого перекрестка не помню.

— То есть вы хотите сказать...

— Да, я хочу сказать, что мы заблудились. Я исследовал только часть руин, а многое осталось так и не изученным. Некоторые места опасны: стены там могут рухнуть в любой момент. В других помещениях полно подземных животных, и вход туда, мягко говоря, небезопасен.

— Но где же мы теперь?

И словно в ответ на его слова громкое шипенье эхом прокатилось по всему подземелью. Елена уткнулась головой в грудь Эррила. Бол взял у него фонарь.

— Как быстро вы сможете передвигаться, неся Елену? — прошептал он.

— Зачем?

Бол всмотрелся во мрак:

— Я не думал, что их власть простирается так далеко. Должно быть, в эти глубины загнал их зимний холод.

— Змеи? — прислушивался ко все нарастающему шипению Эррил.

— Хуже. Гораздо хуже. — Бол опустил голову: — Это скальные гоблины.

Встав на ноги, Крал почувствовал, как ветер бьет ему в лицо от движения крыльев обоих скалтурмов. Одно колено все же болело, и для поддержки он схватился за стремя Роршафа. Конь, как жеребенок, сам прильнул к нему, и, несмотря на то, что глаза его покраснели от страха, а бока были в пене, он был готов защищать хозяина до последнего вздоха.

Скалтурм позади снова засмеялся, и смех прозвучал предвестником бури:

— Мой птенчик сссломал крылышко... шссс... Иди сссюда, я его поправлю... шссс... — Крал почувствовал скрип костистых крыльев и стук когтей, приближающихся сзади. А руки его были пусты — топор выпал, когда он перелетел через голову Роршафа и теперь лежал на земле у ног второго скалтура. Больше оружия у него не было. Если только...

Вторая тварь напирала на него спереди.

— Мы проделали сссюда долгий путь... шссс... Нам надо немного подкрепиться прежде, чем рассстачить по досссочке дом и найти то, что мы ищем... шссс...

Оба скалтура шипели теперь в унисон, и зеленый яд капал с когтей переднего, глядевшего на Крала, как голодная собака на кость. Рука горца скользнула в набедренный мешок и вытащила лассо.

— И что же такого вытащил... шссс наш малышшш? — спросил задний. — Еще одно лезвие... шссс... Этим нам не повредишь, малыш, а лишь раздразнишь наш аппетит...

Но в мешке было не только лассо — там лежала отрубленная голова скалтура, которую припасливый Крал предусмотрительно взял с собой, чтобы показать дома.

Крал высоко поднял ее за длинное ухо, встав так, чтобы видеть теперь обоих своих противников.

— Не надо верить так глупо своей чертовой магии! Я прекрасно знаю, как с вами можно расправиться!

Зрелище головы с ее длинным языком, свисающим меж мертвых губ, произвело на скалтурмов должное впечатление. Крал правильно рассчитал: оба скалтура не видели ничего подобного на протяжении многих столетий, и шок заставил обоих немного отступить от своей жертвы в раздражении и неуверенности. Крал прыгнул вперед, и движение это повторил Роршаф. Сунув голову прямо под нос второму скалтуру, тот снова отпрыгнул, но топор оказался теперь в пределах досягаемости горца.

Схватив топор, отважный гигант высоко поднял его, показывая чудовищам капли густой крови на его лезвии:

— Кровь вашего приятеля закалила сталь так, что вся ваша черная магия стала теперь бессильной! И мне достаточно лишь немного солнца, чтобы убить вас!

И эти слова подействовали. Уставшие лейтенанты Темного Лорда не хотели испытывать действие заколдованного топора на себе. А горец, ведя беседу со своими противниками, не терял времени даром. Теперь он уже вновь стоял вооруженный рядом со своим конем, а оба скалтура находились прямо перед ним.

— Мы всссе равно убьем тебя, человек... шссс... Попомни наши

сслова... Как только весть о том, что ты ссделал, доссстигнет нашего рода, ты и весть твой род будут расстерзаны на кусски нашими клыками... шссс...

— Мы найдем тебя... шссс... Ваша кровь потечет ссс гор на равнины, как реки... шссс, — прошипел второй.

А Крал тем временем вновь сел на своего боевого коня и поскакал во всю мочь к лесу. Железные подковы гулко грохотали по мерзлой земле, с обеих сторон проносились деревья, и, только оказавшись под прикрытием густого леса, закрывавшего над его головой все небо, Крал позволил себе передохнуть.

Они скакали вперед всю эту долгую зимнюю ночь, а сверху опять надвигалась гроза. Черные тучи прочерчивали огненные стрелы, и два чувства боролись в груди бесстрашного горца: счастье от того, что он выжил, и стыд за то, что он сделал. Крал погонял Роршафа еще яростней, словно эта бешеная скачка могла действительно унести его от места его постыдного бегства. Уже давно бока и морда жеребца пенились, а хозяин все гнал его сквозь непроходимый лес.

Однако брошенные в доме друзья лежали тяжелым камнем на сердце горца. Да, пусть он оставил их, но перед этим он сделал все, что мог, чтобы дать им время выбраться из дома и уйти. Он сделал все, он рисковал жизнью.

Нет, сжималось его сердце, а горло душило то, что он в первый раз в жизни сказал неправду, солгал — , и солгал для того, чтобы просто-напросто спасти свою жизнь!

Крал сердито дернул поводья, Роршаф вздохнул, стряхнул с морды пену и перешел на спокойную рысь. Над их головами грохнул гром, словно сами небеса укоряли его во лжи, а секунду спустя полил дождь, хлеща горца, как плетью, по опущенному от позора лицу.

Никогда еще ни один человек его рода не приносил лжи ради своего спасения, а он, Крал, своим глупым языком опозорил теперь навеки не только себя, но и весь свой род. И теперь дорога в горы ему навсегда закрыта.

И навсегда потерянный для Родины и семьи, Крал подставил дождю свое воспаленное лицо.

По мере того как шипение кругом становилось все громче, Елена все крепче прижималась к кожаному камзолу Эррила. Что делать? За последний день она навиделась слишком много ужасов и потому сейчас хотела хотя бы просто ничего не видеть. На мгновение сверху раздался громовой раскат, и шипение ненадолго умолкло. Однако лишь замерли последние отзвуки грома, жуткий шум возобновился, леденя у путников кровь. Девушка одним глазом оторвалась от спасительной куртки и оглядела место, где они стояли. Откуда подбираются к ним зловещие тени?

— Кажется, сюда откуда-то проникает дождь, — приняхивался стоящий рядом Бол. Елена с надеждой посмотрела на дядю, неопределенно махнувшего рукой влево. — Да и шума в этой стороне, кажется, меньше.

— Тогда идем, — решительно сказал Эррил.

Старый воин прижал девушку к груди, и она слышала, как бьется под кожаным камзолом его сердце, и заставила себя слышать лишь этот ток крови и больше ничего.

— Брось фонарь, — посоветовал Бол. — Так тебе будет легче нести Елену. Надо торопиться. Они могут и пропустить нас через свои владения, если не замешкаемся.

Девочка еще крепче обвила руками железную шею Эррила, но тот предложил ей переместиться на спину.

Девушка послушалась и обвила сзади ногами его талию, а он одной рукой поддерживал ее.

— Не надо, не держи меня, — прошептала она. — Я буду держаться сама.

Эррил хмыкнул, но руку опустил.

Елена стиснула колени, переместила вес и почувствовала, что так продержаться можно довольно долго: было похоже, что едешь на лошади.

— Я готова.

— Вперед, — приказал Эррил, кладя ладонь на рукоять меча. Голос его звучал глухо, поскольку Елена держалась за шею крепко.

Все трое свернули налево и стали продвигаться осторожно, но быстро.

Девочка прижалась щекой к могучей шее и всеми силами старалась весть как можно меньше и не особо душить своего спасителя. От Эррила пахло лошадью, мускусом и хлебом, напоминавшим запах его родных равнин. Ей тут же представилось, как он мальчиком скачет на жеребце по бескрайним просторам Стендая, с длинными мускулистыми ногами, лежащими на шелковых боках лошади и широко вздымающейся грудью,

вдыхающей желтоватый воздух весенних цветущих полей. Ах, как было бы здорово, если бы они встретились, когда ему было столько же лет, сколько ей! Интересно, стали бы они друзьями или нет?

Но не успела девушка как следует обдумать вопросы, возникшие у нее от этого странного запаха, как они уже оказались и другой пещере. Шипение становилось все громче и теперь эхом отдавалось от узких проходов. Казалось, звук этот проникает прямо в мозг и не дает ни вздохнуть, ни открыть глаз. Однако Елена рискнула посмотреть на едва различимого впереди дядю.

Они шли действительно быстро, но не настолько, чтобы поскользнуться на сыром камне или стукнуться головой о косую балку. И все же это было бегом от смерти. Впереди виднелась лишь совсем непроглядная чернота, почему-то испугавшая девушку. Ей вдруг показалось, что сейчас эта тьма поглотит их всех троих, и тогда Елена пронзительно крикнула:

— Посмотрите! Там, впереди!

Но Бол в этот момент уже сам увидел, что ждало их впереди, и резко остановился, едва не упав от этого. Перед ними маячила пропасть, и подоспевший Эррил со своей ношей уже не только увидел ее, но и предусмотрительно отвел от ее края Бола.

Елена спрыгнула, и все трое стояли теперь перед непроходимым препятствием — противоположного конца пропасти даже не было видно.

Над головами снова громыкнуло, на этот раз гораздо отчетливей и громче. Казалось, будто звук идет прямо с того конца пропасти. Значит, Бол был прав — выход на поверхность находился именно за пропастью. Но ее наличие делало выход столь же недостижимым, как если бы он лежал в тысяче лиг отсюда.

Гром затих, и тогда стало ясно, откуда доносится грозное шипение — оно шло из пропасти, поднимаясь над ней, словно пар, будто там, внизу, готов был взорваться какой-то огромный котел.

— Скальные гоблины, — снова прошептал Бол.

Теперь и все услышали, что шипению, доносящемуся из пропасти, явно отвечает такой же шум за их спинами.

Бол повернулся к Елене, и она с ужасом поняла, что никогда еще не видела в глазах дяди такого отчаяния.

— Простите меня, — прошептал он и ей, и Эррилу.

Но девочка едва расслышала эти слова — с боков и сзади к ним уже подходили чернильно-черные тени, охватывая их полукольцом.

— Крал! — позвала Нилен сквозь шумящий грозой лес. Жестокий дождь хлестал по лицу, но она упорно продвигалась вперед, туда, где услышала стук кованых копыт. Мист нехотя, но брела вперед.

Рокингом ехал за ней на жеребце Эррила. По-прежнему привязанный к серой кобыле, он, тем не менее, не делал никаких попыток отвязаться и убежать. Пленник явно не имел никакого желанья плутать в этом лесу с затерянными в ночи чудовищами в одиночку.

— Он мертв, — в который раз проворчал Рокингом. — Давай найдем дупло и переждем хотя бы грозу.

— Нет.

— Он не мог выжить.

— Однажды это уже случилось.

— Только не ночью, — отрубил Рокингом, но приподняв плечи, покорно поплелся дальше.

— И я слышала его.

— Ты слышала только гром.

Но Нилен гнала кобылу вперед, полностью открывшись окружающему миру. Ошибиться было невозможно — она слышала отнюдь не гром.

— Крал! — снова и снова кричала маленькая женщина, и ветер уносил в пространство срывавшееся с ее нежных губ имя.

И внезапно, словно в ответ на ее зов, впереди вспыхнул какой-то призрачный свет. Поначалу нюмфая подумала, что они просто сделали круг и снова вернулись к домику старика. Но это было немисливо, слишком густой лес стоял вокруг, и потому Нилен только прищпорила лошадь, продолжая неотрывно смотреть вперед сквозь пелену дождя. Свет, мерцающий и смутный, слепо тыкался то туда, то сюда. Что это? Кто кого ждет?

Тогда Нилен нашла дерево потолще и, закрыв глаза, положила ладонь на его грязную шершавую кору, пытаясь проникнуть к самому его сердцу, к самым корням, что были связаны со всеми остальными корнями того леса. И почти неслышно запела песню нюмфай, песню вопросов — кто там впереди, друг или враг, жизнь или смерть? Но ответом ей был лишь раздраженный гул, похожий на храп спящего мужлана. О, как неповоротливы и тупы оказались здешние деревья! Как несравнимы с ясными и чистыми голосами, поющими на ее родине! И среди этого нестройного шума она с трудом разобрала лишь одно слово — эльф.

Пораженная, женщина убрала руку со ствола. Все это показалась Нилен каким-то старым ночным кошмаром. Весь лес был погружен в прошлое, в его

страхи и ужасы. Никаких эльфов не бывало в этих краях уже тысячи лет, они исчезли давно, подняв паруса на Великом Западном Океане, чтобы отправиться на далекий волшебный остров, откуда уже никогда не вернулись.

Но даже просто упоминание о древних существах подняло в груди Нилен настоящую бурю — настолько проклято было то имя и так страшно было действительно наткнуться на эльфа в этом ревушем грозой лесу.

Но лошади словно сама собой шла на свет, а то и дело возникающие между ними и светом деревья делали его похожим на какие-то таинственные знаки, то вспыхивающие, то гаснущие. Потом полыхнула особенно яркая молния, дождь полил еще сильнее, и свет исчез. Нилен остановила Мист и стала ждать, не зная теперь, в какую сторону ехать.

Она почти затаила дыхание, но острые глаза ее продолжали всматриваться в пелену дождя.

Неожиданно Рокингем подъехал ближе и остановил своего каракового жеребца вплотную к Мист.

— Не нравится мне все это. Лучше поехали отсюда подальше. Кто знает, какие еще твари могут оказаться ночью в лесу.

— Т-с-с! — приложила палец к губам нюмфая и снова прислушалась. Где-то совсем рядом хрустнула ветка.

— Что... — но на рот Рокингема легла широкая влажная ладонь.

Нилен вздрогнула и едва не упала, когда увидела, как над Рокингемом склонилась огромная темная фигура и стащила его с седла. Маленькая женщина мгновенно вытащила из-за пояса кинжал и приготовилась. Увы, того, кто стащил Рокингема, не было видно за жеребцом.

В ту же секунду краем глаза она увидела, что свет снова появился, на сей раз справа от нее, в глубине леса. Но теперь ей было не до него, поскольку все внимание оказалось сосредоточенным на возне за жеребцом. Правда, через пару секунд над седлом показалась знакомая борода.

— Крал? — сдавленным шепотом прошептала Нилен.

— Вниз, — прошептал он, и та же рука сдернула с седла и ее.

Теперь они втроем лежали на мокрых листьях. Рокингем сердито потирал шею, и в глазах у него стоял нескрываемый гнев.

— Отвяжите коней, — прошептал Крал.

— Зачем?

Он махнул рукой в сторону негаснущего больше света.

— Лошади отвлекут внимание, а вы и так на шумели достаточно...

Можно накликать чего и кого угодно... Вон хоть горную кошку. Пешком, да еще в такую грозу, будет легче замести следы.

— Но что это?

— Это... Не знаю, не уверен, — Крал быстро отвернулся. — Но в такую ночь надо быть все время настороже.

Нилен нахмурилась. Горец вел себя странно и явно чего-то недоговаривал.

— Я лично никуда не пойду, — уперся Рокингем, снова потеряв шею.

— Ну и правильно, — неожиданно согласился Крал и, схватив его за запястья, связал их, а другой конец веревки перекинул через ветку дуба. В результате руки Рокингема взлетели вверх, и он затанцевал на цыпочках, стараясь не оторваться от земли. Веревку Крал закрепил на стволе.

Рокингем начал возмущаться, но во рту у него немедленно оказалась затычка.

— Неужели это так необходимо? — укоризненно спросила Нилен, неприятно пораженная жесткостью Крала. — Он не причинил мне ни малейшего беспокойства в пути.

— Да? А скалтумы? Откуда они взялись? Как узнали, где мы?

Нилен промолчала, не зная, что ответить.

— Пошли, солнце уже встает, — объявил горец. — Я собираюсь вернуться к дому и проверить, нет ли там еще каких гостей. Но прежде надо все же пойти и проверить, кто это там бродит по лесу вместе с нами.

Нилен вспомнила о том, что услышала от деревьев, но и без того пораженная действиями горца, решила не открывать ему своего беспокойства. К тому же, зачем было упоминать эльфов, которых давным-давно здесь уже не было.

— А ты пока оставайся здесь, с лошадьми.

— Нет, — вырвалось у Нилен раньше, чем она успела подумать, но отступить нюмфая не собиралась. — Я пойду с тобой.

Крал возмущенно задыхался, протестуя, но потом пожал плечами и повернулся в сторону света.

Нилен пошла следом, неотрывно глядя в широкую спину горца. Крал казался кораблем, рассекающим воды леса. Молчаливый и уверенный, шел он к далекому свету, и топор поблескивал в его руке. Нилен, сама плоть от плоти лесное существо, едва попевала за ним. Гроза и дождь словно одевали ее непроницаемой пеленой в то время, как о горца

разбивались, как о скалу.

Они шли, не обмениваясь ни словом, но в голове у Нилен металась тысяча вопросов. Даже после ужасной битвы со скалтумом еще в городе Крал покинул поле сражения невозмутимым и спокойным, а теперь, в относительной безопасности, он почему-то нервничал, и действия его были скоры, как лезвие его боевого топора. Казалось, даже плечи гиганта совершенно стали железными.

Если бы не такое поведение горца, Нилен, скорее всего, осталась бы рядом с пленником и лошадьми и, возможно, даже отвязала бы несчастного, дабы он не чувствовал себя куропаткой, подвешенной за ногу. Но в покрасневших глазах Крала было нечто такое, что понуждало маленькую женщину отправиться вслед за ним, ибо нюмфая понимала, что в такую ночь могут понадобиться не только острое лезвие и стальные мускулы.

Наконец, ей удалось почти догнать Крала, и они оба явственно увидели свет, исходивший откуда-то из-за поваленных стволов. Но кто бы ни зажег его в эту грозу, он заслуживал чего-то иного, а не просто слепой ярости. Маленькая женщина нырнула под руку горца и решительно пошла вперед, желая сама проверить, так уж ли нужен здесь его боевой топор. Она шла теперь впереди великана, неслышно ступая по сломанным веткам и сорванным листьям. Неслышное хождение по лесу являлось ее неотъемлемой природой, второй натурой. Сзади гневно и громко сопел Крал.

Легкая улыбка скользила по губам женщины до тех пор, пока она, наконец, не перебралась через последнее дерево и не увидела, кто зажег свет в этом темном лесу. *Нем!* Инстинкт заставил ее полностью затаить дыхание и снова молниеносно выхватить тонкий кинжал. Нюмфая стояла в круге света.

Высокий гибкий человек, в два раза выше, но и в два раза легче ее самой, одетый лишь в длинную белую рубашку, заправленную в зеленые штаны, повернул к ней голову на длинной тонкой шее. Он стоял в кольце грибов, высоко подняв одну руку, в которой и был источник света. Вернее, на которой, ибо на его запястье сидела небольшая птица, от чего оперения шел яркий и в то же время призрачный свет. Удивленная птица два раза махнула крыльями, и свет вспыхнул ярче. Лунный сокол! Сокол открыл клюв и что-то проклекотал.

— Нет, Нилен, нет! — закричал сзади Крал, когда Нилен бросилась вперед с высоко поднятым кинжалом.

Но маленькая женщина не услышала этого крика; ибо мозг ее затуманила ненависть.

Эльфы давно должны были умереть!

Эррил обнажил меч. По проходам с трех сторон медленно приближались шипящие темные фигуры. Бол тоже отошел на шаг и крепко обнял племянницу. Сзади зияла пропасть, и любой шаг к отступлению означал только смерть. Фонарь тускло светил, освещая обреченную троицу.

— Не понимаю, — пробормотал растерянный дядюшка. — Все те несколько раз, что я сталкивался со скальными гоблинами, мне спокойно удавалось уйти. Они никогда не преследовали меня.

— Может быть, теперь они стали храбрее, — насмешливо проворчал Эррил, глядя, как несколько теней уже приблизились к ним на расстояние пары вытянутых рук. Но дальше кольца света от фонаря шагнуть они, казалось, не решались.

Но вот одна из теней оторвалась от остальных и приблизилась к полосе света почти вплотную. Теперь половина ее тела была в тени, половина на свету, отражавшемся в красных глазах и иглообразных зубах гоблина. Эррил почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом. Гоблин напоминал самые худшие из ночных кошмаров его детства; в такие моменты одеяло натягивается на голову, а по всему дому разносится отчаянный детский крик.

— Сейчас они бросятся, — прошептал он Болу. — У вас есть какое-нибудь оружие?

— Нет. Только фонарь. — Старик шагнул вперед, выставив фонарь на вытянутой руке еще дальше.

Неожиданное перемещение света удивило гоблина, и на какое-то мгновение он застыл. Ростом он оказался не больше козы, но его кожа, смотревшаяся в тени черной, теперь оказалась мертвенно белой, как брюхо дохлой рыбы. Всю ее покрывала какая-то салыная смазка, а огромные красные глаза, не мигая, смотрели на пришельцев. Потом, злобно зашипев и оскалив зубы, зверек метнулся назад, в тень. Длинный хвост с единственным черным шипом на конце вильнул из стороны в сторону, являя угрозу и злобу.

Эррил скривился даже не столько от вида отвратительного существа, сколько от того, что при свете фонаря увидел впереди. Вся пещера перед ними была забита шевелящимися скорченными фигурками этих тварей, даже стены и балки были усыпаны ими, держащимися когтями за любой выступ.

Гоблин перед ними быстро скрылся в этой мешанине, и вся масса несколько отступила под воздействием света назад.

— Ну, и что нам теперь делать? — устало спросил Эррил. — Моему мечу не прорубить прохода в такой массе. А где ваша ведьминская магия? —

усилием воли старый воин заставил себя не смотреть в сторону скорчившейся за стариком девочки.

— Нет, она истощена, и, подобно ее мужским отражениям, для того чтобы вернуть силы, ей нужен свет. Она нам не поможет.

— Тогда чем же можно урезонить этих господ?

— Не знаю. Они живут очень уединенно, и их привычки известны мало. Особенно тем, кто здесь никогда не был.

— А где же те, кто здесь бывал?

— Их черепа и кости иногда находят, причем обглоданными очень чисто.

Эррил снова посмотрел в темноту и увидел, как гоблины медленно, но верно снова подбираются к свету. Старый воин жестом попросил Елену встать вплотную с Болом и освободить хотя бы небольшое пространство, чтобы у него оставалась возможность для маневра. И медленно стал поднимать меч.

Оставалось только увидеть малейший знак того, что твари готовы броситься, но они по-прежнему ждали, сгрудившись за световым кругом, словно тоже ждали какого-то знака. Казалось, они согласны скорее не выпускать пришельцев, чем наброситься и пожрать.

— Что... что они делают? — прошептала Елена из-за спины Бола, и голос ее прозвучал не по-детски серьезно и твердо. Эррил подумал, что она, вероятно, еще не полностью осознает их положение в силу возраста.

— Еще не знаю, моя хорошая, но нам лучше всего оставаться спокойными и не двигаться.

При этих словах по массе гоблинов прошло волнение, и по пещере зазвучали отзвуки эха, наполненного шипением и клацанием кожистых языков.

Эррил приготовился, напряг руку с мечом и сузил глаза.

Но тут из темноты снова выскочил один гoblin и встал почти у самого света. Как и прежний, он вперил в Эррила огромные красные глаза и нервно задергал хвостом. Но в его крошечных руках блестел в неверном фонарном свете какой-то предмет. Гoblin протянул ручки вперед, словно принося дар, но Эррил направил острие меча прямо ему в грудь.

Остальные твари вдруг внезапно и дружно замолчали и даже перестали двигаться, а стоявший с предметом гoblin вдруг раскрыл протянутые ладони, и Эррил увидел на них металлическую скульптуру, вероятно, весьма тяжелую, поскольку гoblin явно удерживал ее с трудом.

Металл на ладонях отливал золотом — Эррил знал, что это, и знал, что это отнюдь не золото, но железо, созданное из крови многих-многих магов. Он сам спрятал его однажды в этих руинах больше века назад, дабы сберечь в целостности и сохранности во время своих многочисленных разъездов по стране.

Это был ключ защиты Алоа Глен. Пораженный и онемевший, Эррил опустил меч, и гoblin с даром сделал еще шаг вперед, продолжая протягивать ручки. Но протягивал он их не Эррилу, а куда-то за него, и не успел воин оглянуться, как гoblin юркнул мимо и подбежал к зияющей пропасти. На ее краю зверек застыл, словно раздумывая, и на мгновение обернулся через плечо на Эррила.

— Нет! — Крикнул старый воин и, бросив меч, протянул руку к гoblinу. Ключ защиты не должен быть потерян. Но он опоздал — гoblin уже прыгнул в пропасть, в черную бездну, унося с собой ключ к потерянному городу.

Эррил замер на краю, упал на колени и протянул руки в темноту. Но на него смотрела лишь непроглядная вечная ночь.

— Света! — крикнул он.

— Смотрите, они уходят, — прошептала Бол. Эррил быстро обернулся и увидел, как масса гоблинов уходит, как воды морского отлива. Что ж, одной опасностью меньше. И старый воин снова устремил глаза в пропасть.

— Фонарь! Светите сюда! Скорее!

— Зачем? Лучше просто уйти отсюда. Скоро мы будем на поверхности. — Бол осветил пропасть.

— Ниже, еще ниже, — приказал Эррил.

Вздыхнув, Бол нагнулся и опустил фонарь как мог низко. Перед ними была одинокая скала, грубо вырезанные ступени которой вели еще дальше в глубину. Было видно, как гoblin ловко прыгает по ним все дальше и дальше вниз. Скоро он вышел из полосы света и пропал из виду.

— Надо поймать эту жабу! — Эррил вскочил на ноги к схватился за меч.

— Зачем? Оставьте его в покое. Главное — спасти Елену.

Эррил с досадой вложил меч в ножны.

— Если мы хотим добраться до Алоа Глен и добыть Кровавый Дневник, нам во что бы то ни стало надо заполучить то, что унес гoblin. Это ключ, который откроет нам путь к потерянному городу. Без него вокруг города сомкнутся древние стены, и он станет непроницаемым. Я должен

вернуть ключ.

Чем дольше говорил Эррил, тем сильнее хмурился Бол.

— Как они нашли его? И зачем показали нам, а потом ушли?

— Мы им просто мешали. — Эррил бросил взгляд на опустевшую пещеру. — Теперь они уверены, что мы уйдем, то есть не уйдем наверх, а бросимся за ключом вниз. В общем, они правы.

Елена заглянула в пропасть:

— Как это? — испугалась она.

Эррил положил руку ей на плечо:

— А вот так, прямо туда, — и старый воин указал на осклизлые каменные ступени.

Крал бросился вслед за Нилен. Что могло пробудить такую ярость в столь спокойной и рассудительной до этого женщине? Дождь казался еще сильнее на этой открытой полянке, а ее единственный обитатель смотрел на летящую на него с кинжалом Нилен всего лишь с удивленной улыбкой на поджатых губах. Его длинные волосы, завязанные в хвост, отливали серебром, но это явно не было сединой, поскольку лицо у него выглядело гладким и юным. Синие глаза мельком остановились на Крале, и тут же удивление и молодость исчезли с лица странного существа.

Единственный свет посреди этой чудовищной грозы, исходивший от птицы, польхнул ярче, а сам сокол во второй раз прокричал громко и тревожно, отзываясь на крик Нилен не меньшей яростью и гневом.

Порыв дождя хлестнул Крала прямо по глазам, и на мгновение он ослеп, но когда прозрел, птица уже не сидела на широком костистом запястье — она парила над Нилен и вдруг при свете очередной молнии выбила кинжал у нее из рук: А еще через пару секунд сокол уже спокойно восседал на своем прежнем импровизированном насесте.

Нилен застыла с прилипшими к лицу длинными прекрасными волосами, и на лице ее ясно читались обида и ненависть.

— Это не ваша страна! — кричала маленькая женщина, и голос ее сливался с грохотом грома. — Вы здесь чужие!

Но подоспевший Крал уже положил ей на плечо тяжелую руку, и теперь, не зная, что за существо перед ними, но веря Нилен, стоял готовый к обороне. Он чувствовал, как женщина вся дрожит мелкой дрожью; ее переполнял гнев, готовый в любую секунду вырваться наружу.

— Что это за человек? Ты его знаешь?

— Нет, не его, — начав говорить, Нилен немного успокоилась. — Но я знаю это племя — это *эльфы*! — Последнее слово прозвучало как плевок.

Однако незнакомец не обратил на это никакого внимания, словно не понимал языка, на котором все это говорилось. Он только поднял руку, сделав движение, от которого рука Крала тоже потянулась к топору. Но незнакомец длинным пальцем лишь поправил растрепавшиеся перья птицы. Это, казалось, успокоило сокола, и он уселся основательней на своем странном насесте.

— Никогда о таких не слышал, — не зная сам почему, прошептала Крал.

— Ты и не мог. Эльфы, исчезнув в делях Великого Западного Океана, стали мифом еще до того, как здесь появились первые люди.

— Тогда откуда знаешь их ты?

— У деревьев долгая память. Самые старые из наших корней были тогда совсем еще юными, когда это племя разгуливало под их кронами на Западных Равнинах. И самые древние деревья до сих пор поют песни... песни о войне и предательстве.

— Они больше не поют, — спокойно заметил незнакомец, заговорив в первый раз за все это время. Голос его оказался похожим на перезвон колокольчиков. Он говорил, не отрывая взгляда от сокола и склонив голову набок, словно в раздумье.

— Из-за вас! — выкрикнула Нилен и снова задрожала от негодования.

Незнакомец только пожал плечами.

— Вы нас предали! — нюмфая почти плакала.

— Нет, вы уничтожили себя сами, — на этот раз в голосе эльфа промелькнул гнев, и в его синих глазах, как тучка в небе, повисло недовольство. Затем незнакомец повернулся к Нилен и Кралу, показав свое высококулое белое лицо.

Крал стиснул хрупкое плечо, чтобы не дать выход гневу Нилен, и сразу же почувствовал, что она не солгала относительно этих эльфов, во всяком случае, она сама совершенно искренне верила в свои обвинения. Но, по его ощущениям, не лгал и эльф, он тоже верил в свою невиновность.

Тогда горец решил вмешаться в этот странный разговор, по своему накали ничуть не уступавший бушующей грозе на небесах.

— Не понимаю, скажите толком, что же между вами произошло?

— Когда-то давным-давно деревья духа моей родины, коа-кона, росли на этой земле повсюду, простираясь от Зубов через все Западные Равнины до самого Океана, — повернув к Кралу пылающее лицо, начала Нилен. — Нас

почитали как духов корней и кроны, и мы щедро дарили себя всем.

Эльф только презрительно фыркнул:

— Вы жили и вели себя так, будто другие племена в этой стране не более, чем орудия для выращивания ваших драгоценных стволов. Ваше правление оказалось настоящей тиранией.

— Лжешь!

— И сначала даже мы не сознавали, насколько неестественна ваша власть над всей страной. Мы помогали вам, обладая властью над ветрами и светом, помогали расти, помогали жить. Но потом благодаря ветрам с гор начали понимать, как страшно уродуете вы нашу землю: как пересыхают от вас болота, как меняют русла реки, как рушатся от корней горы. Красота и разнообразие жизни уничтожались вашим владычеством, захватывавшим все большие территории — и тогда мы перестали помогать вам, но попытались вразумить ваших старейшин. И за это были опозорены и изгнаны!

— Но до этого вы прокляли нас! Вы принесли своими ветрами Блайт и заразили им наши корни и листья. Мы стали гнить и умирать пока не превратились в крошечную рожицу, охраняемую новой магией появившихся в стране человеческих племен. Вы убили нас!

— Это абсурд. Мы всегда ценили любую жизнь, и вашу в том числе. И это не мы прокляли вас и принесли Блайт, но сама страна не вынесла вашего владычества. Природа боролась, чтобы сохранить свое многообразие. Вас свергла сама страна, сама земля! И не вините в этом нас.

Глаза Нилен широко распахнулись, и она произнесла вдруг как-то растерянно тихо:

— Ты лжешь, — но в голосе маленькой женщины дрожала неуверенность, и словно за поддержкой она повернулась к горцу. — Ведь он лжет, Крал?

Крал отрицательно покачал головой:

— Я чувствую только правду. То есть я хочу сказать, он свято верит в то, что он говорит. Но это не дает основания знать, правду ли говорит он.

Нилен в отчаянии сжала кулаками виски.

— Но зачем, зачем вы вернулись!?

— Когда нас изгнали, землю заколдовали, чтобы мы никогда не вернулись обратно, но со смертью последнего дерева коа-кона заклятие потеряло силу, и путь к нашему возвращению снова открылся. Я послан первым.

— Зачем? — поинтересовался Крал.

— Вернуть потерянное, вернуть то, от чего нас вынудили отказаться.

— И что же это? — удивилась нюмфая. — Мы ничего у вас не брали.

— Ах, нет, брали. Вы спрятали это здесь, в долине, в месте, которое по-прежнему называется Зимним Гнездом Орла.

— Что!? — в один голос переспросили Нилен и Крал.

Эльф высоко поднял сокола.

— Ищи же, ищи здесь то, что когда-то было нами потеряно! — И сокол взмахнув крыльями, взмыл в полосу лунного света и полетел в начинающую светлеть тьму. — *Ищи пропавшего короля!*

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ ЛУННЫЙ СВЕТ И МАГИЯ

Толчук плелся за оборотнями, подняв плечи от непрекращающегося дождя. Буря разразилась сразу же, как только они спустились с гор и вошли в густой лес предгорий. По ночному небу замечались молнии, освещающая лес впереди слепящими вспышками неживого света.

И в одну из таких вспышек Толчук вдруг обнаружил, что Могвид со своим братом-волком уже опередил его на целую лигу. Несмотря на дождь, его спутники, как только очутились в лесу, пошли легко и быстро. Лес был их домом, и хотя сейчас это был чужой лес, привычная обстановка, мягкий мох под ногами и груды опавших листьев придали им новые силы. Раненый волк, несмотря на поврежденную лапу, носился между деревьями, как угорелый, в то время как Толчук, раздираемый кашлем и обливавшийся потом даже под дождем, шлепал по сырости все медленнее и уже заметно устал.

Он шел и грезил о своей сухой теплой пещере с веселым треском в родном очаге. Голова от усталости клонилась, и невеселые мысли то и дело вмешивались в сладкие воспоминания о доме. Начало зимы всегда ознаменовывалось Сулачрой — церемонией мертвых, на которой в память об ушедших зажаривалась целиком заботливо пестуемая всю весну и лето коза. Великан буквально ощущал этот сладковатый, наполняющий пещеру дым и видел женщин, широкими листьями деревьев токатака разгоняющих это жертвенное курение по всей пещере. Сулачра всегда происходила в грозу, поскольку считалось, что дыры, образуемые в куполе неба

молниями, дают возможность духам принять дары и почувствовать, что их все еще помнят и почитают. Толчук снова закашлялся, и гром эхом ответил ему, а огр в очередной раз грустно подумал, кто же теперь устроит Сулачру в память о его несчастном отце. А если к нему не поднимется никакого дыма, то он непременно поймет, что забыт...

Толчук печально вздохнул и прибавил шагу, содержимое набедренной сумки захлопало его по ноге, и он вспомнил про Сердце Огров. Остановившись, Толчук положил руку на мешок, нащупал там камень, и в ушах его явственно раздалось слова Триады о том, что духи огров мертвы, что они не перешли ни в какой иной мир, а пленены здесь, в Камне сердца!

И от этого открытия Толчку стало легче. Значит, Сулачра всего лишь сплошной обман, никакой дым никогда и не достигал раздутых чувственных ноздрей, и никаких мертвых нет ни в каком ином мире.

Огр убрал руку. Сулачра обернулась просто возможностью собираться всем вместе и несколько дней проводить дома, без походов и ссор. Славным временем мира и понимания, короткой передышкой, объединявшей всех чувствами милосердия и добра. Но теперь, с тем знанием, что открыла ему Триада, этот прекрасный праздник навеки потерял для Толчука все свое обаяние.

От этого знания за какие-то несчастные несколько мгновений он перестал быть огром даже больше, чем наполовину. И теперь впереди расстилался чужой темный враждебный лес, через который ему предстояло пройти, и какие еще страшные открытия ждут его на этом пути — неизвестно. Кем его назовут еще?

Гром насмешливо гремел над его головой, разрывая черную крышу мира, и при очередной вспышке молнии Толчук вдруг обнаружил, что ни Могвида, ни Фардайла вообще больше нет поблизости. Его спутники прямо-таки растворились среди влажных черных стволов. И в этом неведомом грозовом лесу Толчук почувствовал себя так, словно был на свете один-одинешенек, дан на тысячи лиг вокруг. В промежутках между ударами грома лежал загадочный и тихий, если не считать упорного шороха листьев и посвиста ветра в намокших ветвях. Ни карканья вороны, да кваканья жабы. Толчук громко фыркнул хотя бы для того, чтобы как-то нарушить эту неестественную для него пустоту, словно этим фырканьем огр-сайлур хотел доказать равнодушному миру, что, кто бы он ни был, он есть, он жив.

И великан упорно шел дальше и, пройдя еще несколько шагов, вдруг справа увидел какое-то сияние, то угасавшее, то расцветающее, как диковинный цветок. «Наверное, Могвид и Фардайл направились именно туда», — предположил огр и тоже свернул направо. Но почему-то ноги совсем уж отказывались его нести, став тяжелыми и неповоротливыми, как стволы былинных деревьев. Великан совсем потерял ориентацию в этом болотистом краю, и теперь только этот странный свет служил ему маяком. И, едва передвигая ноги, Толчук медленно пробирался к свету.

Этот одинокий свет давал надежду, словно говоря о том, что не все еще умерло в ночном лесу, что есть еще кто-то, кто жив и добр. Толчук продирался сквозь сломанные ветки и завалы и удивлялся тому, как это его оборотни могли радоваться такому чудовищно неудобному и неприятному обиталищу. Где вольные просторы и открытые пространства, на которых видно на десятки лиг вокруг? Где строй снежных вершин, свободных и уносящих ввысь? Ничего подобного! Здесь то и дело приходится отводить руками ветки, чтобы они не хлестнули по глазам, а впереди не видно и на пару шагов. Даже туннель тропы мертвых, пожалуй, был приятней!

Подойдя ближе, Толчук заметил, что земля впереди становится все утоптанней, — видно, его спутники действительно были здесь и, наверное, даже остановились где-нибудь переждать эту ужасную грозу. Кроме обретения потерянной компании, Толчук мечтал еще и о сухом клочке земли. И надежда ускорила его шаг.

Скоро он смог уже различить, как вокруг сияния двигаются какие-то темные фигуры, и сердце его запрыгало от радости. Он снова не один! И действительно, в тот момент, когда свет вспыхнул ярче, огр-сайлур увидел сразу три силуэта. Три... И это заставило его остановиться.

Как три? Кого же могли повстречать здесь оборотни?

Неожиданно свет метнулся влево и вверх, прочертив в воздухе огненную дугу, и исчез. Подошедшего огра, конечно же, никто не заметил, и это хорошо. Но что, если его товарищи попали в беду, если они встретили грабителя или мародера? Толчук совершенно не представлял себе обычаев леса и теперь не знал, выходить ему на свет или нет? Или, может быть, лучше подкрасться и разобраться в ситуации? Но самому понять, что происходило, ему, пожалуй, не удастся. К тому же слишком много треснувших веток, задетых сучков и громкое сопение мгновенно выдадут его присутствие.

Практически нарочь лишённые хитрости и способностей к обману, огры всегда полагались и в обороне, и в нападении лишь на свою могучую и жестокую силу. Однако, будучи огром лишь наполовину, Толчук знал все минусы и плюсы своего рода.

Поэтому он выбрал привычный путь, то есть вытер мокрые ноздри, набрал в грудь побольше сырого воздуха и пошел вперед той самой мощной походкой, которая так часто разгоняла горных козлов среди снежных вершин. Обычная медлительность огров — только природный обман, мало кто представляет себе, с какой скоростью могут они двигаться, когда в этом возникает необходимость. Но те, кто это знает, подобно горным козлам, никогда не остаются в живых и никому уже ничего рассказать не могут.

Именно благодаря этой скорости, даже несмотря на треск ломаемых веток, ему удалось застать троицу совершенно неподготовленной к своему появлению. Все трое мгновенно обернулись на раздавшийся уже рядом звук, — и на огра уставились три изумленных человеческих лица.

Но это были чужие люди!

Толчуку и в голову не приходило, что кроме них троих, в лесу может находиться еще кто-нибудь. Пристыженный и растерянный великан остановился, не сводя взгляда с распахнутых от ужаса глаз людей. Самый большой из них, ростом почти с него, держал в руках топор, а хрупкая крошечная женщина зажимала себе рот рукой. Третий, высокий, тонкий мужчина с серебряными волосами, стоял спокойней всех, но и у него тоже глаза вылезли на лоб.

Этот серебряноволосый мужчина и опомнился первым. Каким-то неуловимым движением губ и расслабившимся телом он показал Толчуку, что не боится и, подняв тонкий палец, сказал мелодично, словно переливались колокольчики:

— Кажется, не я один оказался в эту ночь далеко от дома.

При этих словах Толчук почувствовал, как в груди у него словно что-то лопнуло, и ему стало проще и легче. Значит, и эта встреча неслучайна. Огр перевел взгляд на белокурую женщину и ее могучего спутника:

— Кто вы? — проговорил великан на общем языке, стараясь говорить как можно чище.

То, что он умеет говорить, казалось, поразило тех двоих еще больше, чем появление чудовища. Тощий же человек отнесся к этому совершенно равнодушно.

— Да кто вы все? — повторил Толчук.

Тощий небрежно махнул рукой в сторону остальных:

— Искатели вроде тебя, огр. Это маленькая ведьма тащит нас всех к себе, и мы слетаемся на ее незримый зов, как бабочки на огонь.

Толчук шмыгнул носом, сконфузился» но сказал уже спокойней:

— Не понимаю. Что за ведьма?

Человек улыбнулся, но в словах его не было насмешки:

— Ведьма, которая уничтожит наши миры.

Могвид склонился над углублением в холме. Нагромождение камней у входа в старинный туннель было покрыто влажным мхом и кустистыми лишайниками. Старый дуб, росший на холме, своими корнями, как змеями, оплел землю перед входом, и теперь они смотрелись, как прутья, преграждающие вход и выход. Судя по толщине этих корней и соли лишайников, ясно, что туннель стар так же, как и сам лес. Вокруг валялось множество разбросанных камней, и неподалеку виднелись развалины каких-то древних стен.

Вероятно, они вышли на заброшенную шахту. Могвид слышал, что там, за горами, полно шахт, в которых когда-то добывали уголь и драгоценные камни и которые теперь превратились в простые пещеры. Мысль о золоте и драгоценных камнях заставила Могвида наклониться еще ниже.

Он повел носом, словно принюхиваясь к запаху, идущему из черной дыры, — пахло старой течкой и мускусом медведя. Но запаха эти были очень старыми, поскольку переплетенные перед входом корни были слишком густы, чтобы туда мог пробраться медведь. Даже Фардайл пролез через них с большим трудом.

— Что ж, если никакой опасности нет, то это будет вполне безопасным местом, чтобы укрыться и переждать бурю. — Из глубины донеслось шумное дыхание волка.

— Нашел что-нибудь? — крикнул Могвид. Разумеется, брат ему не ответил. Он и не волком всегда предпочитал контакт лишь глаза в глаза, как и подобает их народу. Но произнесение вопросов вслух помогало Могвиду справиться с тоской и одиночеством, которые паутиной начали оплетать его сердце среди этих чужих и непонятных деревьев. Он мог поклясться, что пару минут назад слышал какой-то вскрик, причем не так далеко отсюда. Правда, его тут же заглушили гром и ливень, и теперь Могвид уже начал сомневаться, не принял ли он за крик обыкновенный порыв ветра.

И куда подевался огр?

На самом деле Могвид обманывал себя — ему не было никакого дела

до этого урода, который мог одним движением руки переломить его пополам. И хорошо, что пропал. Однако, смутная мысль о том, что это чудовище могло и защитить его при случае, не давала Могвиду покоя. Да, здесь, в этом странном лесу, он, пожалуй бы согласился терпеть около себя эту остроухую грубую физиономию.

Человек-сайлур встал и при вспышках молний принялся осматривать склоны холмов. Толчук оставался где-то позади, поскольку, терзаемый какой-то своей тоской и, наверное, простудой, последнее время плелся медленно. Впрочем, им всем теперь не хватало доброго костра и крыши над головой.

Фардайл все не было, и Могвид снова вернулся к входу. Хорошо еще, что острый волчий нюх помог брату обнаружить это место, — тут, по крайней мере, сухо. Могвид снова наклонился над входом, и вода, скопившаяся за воротником, обрушилась ему на спину маленьким ледяным водопадом. Вздрогнув всем телом, он снова позвал брата:

— Давай назад, Фардайл, пока я тут до смерти не замерз! — на этот раз в голосе Могвида уже звучало неприкрытое раздражение.

Неожиданно сзади него взорвался бриллиантовый свет, и в этой ослепляющей вспышке Могвид увидел всего на расстоянии вытянутой руки от себя пару чьих-то настороженных глаз. Пронзительно завизжав, он отскочил, больно ударился спиной о камень и только тогда понял, что появившиеся глаза густого янтарного цвета принадлежали его собственному брату.

Это Фардайл просто-напросто высунул свою волчью морду меж двух камней, и если на волчьей морде может отражаться удивление, то сейчас именно оно и отразилось на ней.

— Вечно ты со своими шутками, Фардайл! — огрызнулся Могвид и встал. Его всего прямо-таки трясло от злости: — Предупреждать надо!

Глаза брата слегка вспыхнули.

Голодный воробей нацелился на червя, которого уже съел ястреб.

— У меня, конечно, нет твоего нюха и глаз. Как это люди с их убогими чувствами еще живут на этом свете!? — раздражение так и душило его. Он отряхнулся, насколько возможно. — Ну, как, там безопасно?

Гнездо, устланное перьями и находящееся высоко на суку, — ответил образами Фардайл и подковылял на своих трех ногах поближе к брату.

Могвид вздохнул:

— Тогда можно будет хотя бы согреться и высушить одежду, а то, мне кажется, я промок навеки.

Но тут в голове у него помимо воли возник образ огра. Глаза брата ответно вспыхнули:

— Я не знаю, где он, — отрезал Могвид. — Если зажжем там костер, то он увидит свет и сам придет сюда.

Но в глазах волка горела нерешительность, ему все же очень хотелось снова оставить Могвида, одного и пуститься на поиски огра.

— Да он сам, сам сюда приползет, — не сдавался Могвид, которому ни за что не хотелось оставаться в этом проклятом лесу одному. — Кроме того, этому чудовищу ничего не страшно в таком месте!

Последние слова, вроде бы, успокоили волка, но глаза его все еще продолжали обшаривать склоны холма. Однако, увидев, что брат остается, Могвид успокоился, снял заплечный мешок и кое-как пропихнул его за корни, а потом пролез и сам. Толстый до лодыжек ковер из опавшей листвы и хвои встретил его сразу у входа. Человек-сайлур нагнулся, поднял упавший и провалившийся в листья почти наполовину мешок, отряхнул его и в тот же момент услышал низкий рык снаружи. Поначалу ему показалось, что это гром, но спустя секунду он понял, что это предупреждающий рык брата.

Могвид бросился к входу и успел увидеть, как яркий свет, подобно пущенной стреле, прорезал черное небо надо всей долиной и метнулся прямо в направлении их пещеры. Спустя еще секунду человек-сайлур приблизился к брату. Фардайл присел и, подняв голову к небу, грозно рыкнул во второй раз.

Что это? Могвид прикинул плотнее к корням, еще не успев осознать, что свет миновал брата и приближается к нему! Человек-сайлур отшатнулся назад и увидел совсем рядом с собой странную светящуюся птицу. Из ее раскрытого клюва доносился протяжный тревожный клекот.

Затем, прижавшись к стене, Могвид увидел, как птица очутилась за переплетенными корнями и залетела в туннель. Невольно он поднял руки, прикрывая лицо и голову, но птица, громко хлопая крыльями, пролетела над ним и лишь слегка задела ладонь острыми когтями.

Скоро странная светлая птица полностью растворилась в черноте пещеры.

Могвид опустил руки, и к нему тут же подошел Фардайл, уже успевший пролезть в пещеру. Он настойчиво ткнул носом в поцарапанную руку, но Могвид так и не понял, сделал ли он это из сострадания или лишь для того, чтобы проверить запах.

Волк потянул носом над царапиной, обдавая ее горячим дыханием, и, кажется, вполне удовлетворившись, отошел. Потом потрусил немного вглубь,

но остановился и замер.

— Куда это ты? — спросил Могвид.

Волк обернулся и посмотрел на брата через плечо: *Волчица свернулась клубком и защищает своих щенков от прячущихся в траве змей.*

Потом волк-сайлур нагнул голову и прыгнул в темноту.

— Постой, — успел крикнуть ему вслед Могвид.

Но Фардайл и не подумал остановиться, и Могвид снова остался один. Но сейчас, без дождя и в относительной безопасности, благодаря переплетенным корням у входа, он чувствовал себя гораздо спокойней.

И, тем не менее, человек-сайлур все равно боялся и поэтому напряженно вслушивался в окружающую тишину, пытаясь понять, насколько далеко убежал Фардайл. Кровь по-прежнему пульсировала в ушах, а руки сами тянулись к шее, чтобы прикрыть ее.

Странность птицы очень напугала сайлур. Как житель Западных Равнин он хорошо разбирался во всех лесных и степных крылатых жителях, но такой птицы не видел никогда. Может быть, они распространены только здесь, в человеческих краях? Но каким-то образом он ощущал, что птица эта тоже здесь чужая. Она казалась существом другого мира, несколько неуверенным в этом неприветливом лесу.

Пока он так сидел и раздумывал о странной птице, гроза умолкла, и дождь стих. Самое неприятное закончилось, и Могвид уже хотел, было, вздохнуть с некоторым облегчением, как вдруг шум дождя сменился другим шумом. Возможно, он был и раньше, но заглушался ливнем, а, вероятно, начался действительно только что.

И шум этот доносился не снаружи, а откуда-то изнутри, из глубины туннеля, оттуда, где скрылись и птица, и брат.

И от этого шума волосы по всему телу Могвида стали медленно подниматься.

Он вспомнил последние слова брата о змеях — а этот тихий шум и вправду напоминал шипение многих сотен пресмыкающихся, поднимающихся из глубины к нему, Могвиду...

Но шипение оказалось вдруг прервано диким криком, криком боли и ужаса, — и спутать этот кричавший голос было невозможно ни с чем. Это кричал Фардайл.

Потом наступила гробовая тишина, и она легла на сердце Могвида могильным камнем.

— Какая ведьма? Ничего не знаю, — пробормотал Толчук, переводя взгляд с одного на другого. И хотя могучий человек с топором в руке был опасен, гораздо больше тревожил Толчука тощий с серебряными волосами. В его тяжелых полуопущенных веках таилось гораздо больше угрозы, чем в лезвии топора.

— Никакие ведьмы меня не касаются, — твердил он. — Идите себе своей дорогой. — И Толчук мирным жестом прикрыл ладонью торчащие клыки, хотя и не был уверен, что его правильно поймут. Потом он спокойно повернулся к ним спиной и пошел прочь.

— Подожди, — вдруг остановила его маленькая женщина, преодолевая страх. Она убрала с лица намокшие волосы: — Ночь темна и полна опасностей. Опасайся этого леса!

Толчук убавил шаг, оглянулся и увидел, что женщина многозначительно смотрит на сереброволосого.

— Тут полно чудовищ без сердца, которые охотятся за нашими друзьями. Будь осторожен!

И огр мгновенно вспомнил о своих потерявшихся спутниках:

— У меня тоже здесь есть друзья. А что за...

Но в тот же момент ночь и затихающий дождь прорезал отчаянный крик. Все повернулись в ту сторону, но неожиданный звук уже растаял вдали.

— Волки! — проворчал человек с топором.

— Нет, это один из моих друзей, — всполошился Толчук, узнав Фардайла. — На него напали, я должен помочь! — и Толчук понесся в сторону крика.

— Подожди, огр, — на этот раз его остановил человек с топором. — Если не возражаешь, я тоже с тобой. Это может быть одно и тех чудовищ, что пришли в этот лес за нами, а теперь напали и на твоих друзей. А если так, без меня ты с ними не справишься!

— Да, Крал прав, — подхватила маленькая женщина. — Позволь, мы оба пойдем с тобой.

— Нет, Нилен, — остановил ее мужчина. — Это слишком опасно.

— Этой ночью и в этом лесу опасно везде. Я тоже пойду.

Толчук совершенно не хотел, чтобы они шли с ним, но не хотел он и терять время на споры, а потому, не говоря больше ни слова, развернулся и стал пробираться в сторону затихшего крика. Но краем глаза огр видел,

что за теми двумя пошел и тощий. Нилен тоже это заметила:

— Ты не нужен нам, эльф! Уходи по своим темным делам и оставь нас!

— Я и не собираюсь вам помогать. — спокойно догоняя их огромными прыжками, заметил эльф. — Просто так вышло, что в ту же сторону улетел и мой лунный сокол.

— Ты ищешь впустую, эльф. Никаких ваших королей в этой стране давно не осталось.

— Чего вы всегда и добивались.

— Тише! — рявкнул Крал. — Хватит препираться! Вы наведете на нас скалтумов. Так что отсюда и дальше — полное молчание!

Толчук про себя поблагодарил бородатого. И зачем все эти люди так много говорят? Даже Могвид, будучи все-таки оборотнем, пусть и в человеческом облики, постоянно произносил какие-то утомительные монологи, словно сам звук голоса приносил ему удовольствие.

И снедаемый беспокойством за своих болтливых спутников, Толчук ломился через чащу напрямик, сначала к небольшой каменной гряде, а затем ниже по склону холма. Склон был скользким, бежать по нему оказалось трудно, и только разбросанные там и сям камни позволяли как-то удерживать равновесие в опавшей хвое и грязи.

Компания прыгала с камня на камень и медленно, но верно приближалась к заброшенной пещере.

Скотившись, наконец, с холма, Толчук на мгновение остановился. Крик прозвучал так, словно кричали неподалеку, но лес притупил его чувство расстояния. Куда же теперь идти? И в то же мгновение огр разглядел Могвида, стоявшего к ним спиной и боровшегося среди толстых корней старого дуба неподалеку. Казалось, будто он борется с самим деревом, но, присмотревшись, Толчук увидел за ним так знакомое ему черное око пещеры. Могвид просто судорожно выбирался из пещеры наружу, пытаясь вытащить и свой мешок. Наконец, мешок вылетел, и Могвид от неожиданности упал лицом прямо в грязь. Подняв голову, он увидел перед собой четыре столь разных существа, что рот у него раскрылся от удивления.

— Все в порядке, Могвид! — приблизился к нему Толчук. — Эти люди не сделают тебе ничего плохого.

Могвид судорожно сглотнул несколько раз, пытаясь что-то сказать, но так и не смог и только махнул рукой в сторону пещеры.

— Фардайл в беде? — уточнил Толчук. — Я слышал его крик. Что случилось? Где он?

— Птица... — наконец, выговорил Могвид. — Проклятая птица заметила его в подземелье...

— Лунный сокол! — крикнула за спиной у Толчука Нилен, и в голосе ее прозвучала новая ярость. — Это птица эльфов! Я же говорила, говорила! Ему нельзя верить!

— Мой питомец никак не мог повредить вашему другу, — сухо заметил эльф. — Если только ваш друг не глуп настолько, что вздумал ему угрожать. Сокол просто научен выживать, — как и все эльфы.

Толчук снова в растерянности стал смотреть то на одного, то на другого и заметил в глазах женщины по имени Нилен жгучую ненависть, что и совсем запутался. Но это замешательство прервал бородатый человек с гор:

— Меня не волнуют ваши старые распри, — гигант ткнул пальцем в эльфа: — Что это за туннель, эльф, говори! Или...

Эльф предупреждающе поднял руку:

— Во-первых, у меня есть имя, и зовут меня Мерик из Дома Утренней Звезды, а не просто «эльф». А во-вторых, о вашем туннеле я ничего не знаю. Мой сокол полетел по следу нашего потерянного короля, и это он выбрал подземный путь, а не я.

— Он лжет! — снова не выдержала Нилен.

— Я не собираюсь вас ни в чем убеждать, — Мерик повернулся на острых пяточках и пошел к туннелю, и Могвид поспешно посторонился, чтобы дать ему дорогу. Он, как и Толчук, чуял, что от этого существа исходит какая-то непонятная угроза.

Но Толчук, чувствуя свою ответственность за Фардайла, все равно последовал за эльфом. Ведь то, что происходило сейчас с волком, происходило отчасти и по его вине: он сам отстал от них, а если бы не отстал, то, может быть, ничего и не произошло бы или он сумел бы защитить Фардайла. Против огра мало кто мог устоять.

Шедший впереди Мерик согнулся вдвое, чтобы войти в туннель, и легко проскользнул между корней. Но для Толчука это оказалось невыносимым. Тогда он с яростью принялся рвать корни, но даже ему оказалось не под силу справиться с многовековыми корнями, переплетенными с камнями и землей.

Через корни он видел, как, оказавшись внутри, Мерик достал из кармана камешек, потер его между ладонями, потом подул, как дуют на умирающий огонь, — и камень засветился ярким зеленым светом. Держа в руке этот импровизированный фонарь, эльф быстро исчез в глубине туннеля.

Толчук почувствовал, что за спиной у него кто-то встал.

— Позволь, я просто прорублю вход, — пробасил горец, и огр отступил, давая возможность размахнуться как следует.

— Стойте! — снова закричала вдруг Нилен и, подбежав, маленькой ручкой отвела топор — Дерево не виновато, его не надо трогать! — И присев на корточки, она нежно погладила корявые корни. И корни под ее рукой мягко и спокойно разошлись, оставив широкий проход. Сам ощутивший мощь корней, Толчук едва ли не испугался слыы, оказавшейся в этих крошечных ручках.

Но поражен был не только он: у него под рукой ахнул Могвид.

— Нюмфая! — прошептал он с восторгом и обожанием: — А я думал, они все давно умерли!

Никто ничего не сказал на это, но Толчук заметил, что горец с топором как-то странно посмотрел на женщину, и глаза его сузились.

— Знаешь, что, Нилен, — вдруг сказал он. — Учítывая твои отношения с эльфами, лучше бы ты вернулась обратно к Рокингему. Мы с огром вполне справимся вдвоем, — Нилен хотела возразить, но горец твердо продолжил: — Кроме того, Рокингем все еще почти висит, и я уверен, уже на последнем издыхании.

И хотя Толчук не понял, о чем идет речь, однако увидел, что горец победил и нюмфая уйдет.

— Но ведь лес опасен для такой маленькой женщины, — все-таки произнес он, удивляясь сам себе, что так переживает за какого-то человечка.

— Спасибо за участие, огр, — холодно ответила Нилен, словно слова его как-то ее оскорбили. — Но в лесу среди деревьев мне нечего бояться.

— Я... Я, например, тоже могу... пойти с ней... для безопасности, — раздался вдруг голос Могвида.

— Тогда решено, — не слушая больше никого, отрезал Крал и, согнувшись, первым полез в образовавшееся отверстие. Там, внутри, ему так и пришлось идти наполовину согнутым. За ним последовал и Толчук, придерживаясь за стены рукой.

— Будьте осторожны! — прокричала им в спину Нилен. — И не верьте эльфю!

На этот раз, боясь снова оскорбить нюмфаю, Толчук промолчал и пошел, не упуская из виду Крала.

Скоро слабый предрассветный туман растаял позади них, и даже глаза огра уже с трудом различали что-либо. Он услышал, как выругался Крал, наткнувшийся на какое-то препятствие.

— Этот Мерик со своим светом, должно быть, уже далеко впереди, — пробормотал бородатый гигант, потирая ушибленное место и убирая с царапины кровь.

Толчук ничего не ответил, его все больше смущал слабый шум, едва доносившийся до его чутких ушей. Не веря сам себе, он прочистил сперва одно ухо, потом другое, но шум все-таки не исчез. Значит, звук действительно шел из туннеля. Крал упорно продвигался вперед, и стук его сапог о камни почему-то успокоил Толчука, который шел, не отставая и высоко держа уши. Вот оба повернули за угол, и шум стал еще более отчетливым и ясным, слышимым даже через топот сапог.

Крал остановился и прислушался:

— Что за шум? — прошептал он.

Теперь, кроме шума, Толчук различал уже и слабое свечение, шедшее из-за следующего угла.

— Там свет, — осторожно сказал он и указал за угол.

Крал двинулся туда, но уже медленно, таясь и не стуча сапогами. Толчук попытался подражать ему, но с когтями на ногах сделать это оказалось трудно, они цокали весело и звонко.

Чем ближе подходили они к повороту, тем ярче сиял непонятный свет, словно он тоже приближался.

— Кто-то идет, — выдохнул Крал.

— Мерик, наверное. — и при этих словах зеленый камешек эльфа действительно выкатился из-за угла и лег у сапога горца. — Камень эльфа.

Крал нагнулся и поднял его, но ничего не разглядев, передал Толчку. Шум уже давно превратился в угрожающее громкое шипение, и, сделав еще один шаг, горец вздрогнул и указал на темное пятно впереди:

— Кровь.

Страшный крик, раздавшийся в глубине пропасти, потряс Елену до самого сердца. Даже Бол смутился, пробормотав что-то насчет того, будто волков здесь нет уже несколько столетий. Волчий отчаянный вой раздался на фоне все продолжающегося шипения гоблинов и лишил девушку последних остатков мужества. Она застыла на первой ступеньке, не в силах заставить себя спускаться дальше. Чернота пропасти пугала ее, но еще больше пугал вид терзаемого животного, насилие и кровь. Веки ее

дрожали от напряжения, но как ни вглядывалась Елена во тьму, она не видела ничего, даже мечущихся теней. В любой момент девушка ждала, что вот сейчас острые когти полоснут ее кожу или уволкут вниз, и она никогда больше не увидит ни солнца, ни неба. Дядин фонарь едва рассеивал мглу на пять шагов.

— Будь здесь осторожней, родная! — рука Бола легла ей на плечо и отодвинула от скользких ступеней. — Стоять так на краю опасно, камень истончился и может обвалиться в любую минуту. Скорей всего, он не выдержит даже и твоего веса, так что стой лучше у стены, а не здесь.

Девушка послушно прислонилась к стене.

Эррил теперь стоял на четыре ступеньки ниже, куда спустился, услышав душераздирающий крик. Конец его меча скрывала тьма. По лицу метались тени от фонаря, придавая глазам неживой блеск, а губам мертвенный цвет. Елена вздрогнула, по лампа вовремя вернулась на место, и лицо вновь стало человечески теплым, а глаза живыми.

Старый воин уловил ее взгляд:

— Если мы хотим поймать вора, придется поторопиться, — напомнил Эррил.

Бол кивнул, и Эррил, вытянув руку с мечом вперед, начал спускаться дальше.

— Дядя, если эти гоблины хотят, чтобы мы пошли туда, как говорит Эррил, то чего они от нас ждут? — тихо спросила Елена, изо всех сил стараясь подавить противный липкий страх, заполнявший душу.

После всего, что случилось со вчерашнего заката, девушка втайне уже знала ужасный ответ на свой вопрос, но просто не хотела верить. Конечно, им нужна была она, Елена.

Но дядя ответил совсем иное:

— Никто не может знать, что на уме у этих существ, которые никогда не видели солнца. Пока все это похоже на обман. Они вообще всегда славилась своими кражами и обманами.

Но Елена не поверила этим детским объяснениям, хотя и покорно кивнула — зачем еще беспокоить дядю? Сглотнув комок в горле, словно корку сухого хлеба, она даже попыталась жалко улыбнуться.

Дядя слегка подтолкнул ее вслед за Эррилом, который был теперь уже почти за пределами света от фонаря и через пару шагов остановился перед бесконечным океаном тьмы. Затем старый воин обернулся, и Елена увидела, что на лице его, всегда таком спокойном, написано удивление, почти озабоченность, а глаза глядят не на нее, а куда-то за ее спину.

— Там кто-то идет, — пробормотал Эррил, снова разжигая страх в сердце девушки. Меч поднялся и указал ей за спину.

Елена и Бол мгновенно обернулись и увидели, что в темноте за ними появился светящийся глаз. И глаз этот, моргая и медленно перемещаясь, кого-то искал.

— Кто... — начал было Бол, но Эррил знаком остановил его. Глаз замер, упершись в стену, а потом медленно повернулся к ним.

Как призрак, Эррил проскользнул вперед Елены, закрыв девушку собой, и все трое прижались к скале. Елены почти не было видно за спинами двоих мужчин. Но какие еще ужасы ждали их?

Глаз, не отрываясь, смотрел на них, и вдруг оказался птицей, сиявшей золотом и медленно пролетевшей мимо с гордо расправленными крыльями и высоко задранном хохолком. Когда крылья складывались, в них можно было заметить слабый отблеск розового и медного. Странная птица парила перед ними, держась на каких-то невидимых воздушных струях, и внимательно изучала встреченных путников глазками, похожими на два уголька.

— Удивительно, — пробормотал Бол. — Я думал, что они давно вымерли.

Эррил все еще держал меч острием вверх:

— Что это, какая-нибудь пещерная птица?

— Нет, это существо верхнего мира. Он вбирает в себя лунный свет, который позволяет ему охотиться в темные ночи.

— За века путешествий я повидал многое, но подобного — никогда.

— Они водились здесь еще задолго до твоего рождения, Эррил, и задолго до рождения твоих предков.

— Так что это такое, дядя? — спросила Елена, страх которой неожиданно исчез, вытесненный любопытством. Мужчины расступились, чтобы она смогла встать в середину и посмотреть на еще не скрывающуюся из поля зрения птицу. Девочка встала подальше от края ступеньки, как учил дядя, и замороженно смотрела на переливающееся пятно.

— Я думаю, это и есть тот самый лунный сокол. Я только читал описание их в одной древней, очень древней книге, — дядя говорил задумчиво, словно отвечал самому себе. — Природа этих птиц описывалась там, с одной стороны, как высшее благородство, а с другой — как предзнаменование дьявола.

Бол продолжал говорить еще что-то, но Елена уже не слышала, пораженная и очарованная названием. Лунный сокол! Влекомая такой

неземной красотой, она потянулась к птице. Ах, если б у нее была хотя бы крошечка хлеба, чтобы приманить этого красавца, как приманивала она жирных гусей из Кленовой Просеки! Или, наверное, лучше кусочек мяса, поскольку, судя по крепкому клюву и загнутым когтям, птица была хищником. Но на что же можно охотиться в темноте мертвой пещеры?

Девушка медленно тянулась к птице, словно нарочно почти застывшей в полете, и та вдруг развернулась и направилась прямо к ней. Лунный свет сверкал все ярче, проливая на волосы Елены свое молочное сияние. Девушка взмахнула руками почти как крыльями — сокола можно было уже достать, кончики пальцев скользили по легким перьям. Елена чуть не замурлыкала от удовольствия и молила лишь об одном — чтобы сокол ее не испугался.

— Осторожней, Елена, — предупредил Бол, видя что птица уже совсем рядом с племянницей.

Рука Елены уже полностью купалась в лунном сиянии. От страха не осталось и следа, он сменился наслаждением, но неожиданно сокол вскрикнул, словно предупреждая о чем-то. Девушка оторвала взгляд от птицы и...

Рука ее *пропала* !

Она дико вскрикнула, вторя крику птицы, и испуганный сокол взмыл вверх. Но это было уже неважно. Руки у Елены не было, вместо кисти зияла чернота, словно эта пещера проглотила всю ее ладонь до запястья.

Отдернув руку, девушка с ужасом готова была увидеть следы крови и почувствовать боль, но едва только она поднесла руку к груди, как кисть снова появилась, будто ни в чем не бывало.

Елена застонала. Кожа на руке, четко видимая в свете фонаря, снова стала ярко-красной, а на ладони краснота, завиваясь и сгущаясь все более, стала почти черной.

Девушка разрыдалась. Только не это! Она протянула руку дяде, словно моля его снова лишить ее кисти, но в тот же момент лунный сокол спикировал и сел на эту ее руку цвета крови.

От неожиданности и тяжести птицы рука девочки почти упала, но прежде, чем она успела ее отдернуть, сокол так впился когтями в ладонь, что кровь закапала с нее тяжелыми густыми каплями. Елена все-таки отдернула руку, и птица, теряя опору, в последний раз скользнула когтями по коже. Теперь в свете лампы когти сверкали сталью и серебром, и это прекрасное зрелище заставило девочку забыть даже о боли.

Сокол сел на ее плечо и с недоумением стал смотреть на пустую ладонь, и Елена подумала, что сама виновата в происшедшем. Ведь она сама только что мечтала иметь в руке хоть кусочек мяса. Но сокол склонил голову и неожиданно подлетев к руке, потерялся о нее своими сверкавшими перьями.

Потом, довольный и гордый, взмыл вверх, широко расправив крылья, издал победный клич, эхом разнесшийся по пещере, и перья на его голове засияли уже совсем неземным светом.

— А что говорят ваши древние тексты по этому поводу? — спросил Эррил и кивком указал на птицу, вновь присевшую на руку Елене. После победного взлета сокол как-то притих, упокоился и стал просто чистить перышки. И теперь Эррил не знал, что беспокоило его больше: поведение птицы или явное свидетельство ведьмовской силы у девочки. Он все не мог оторвать глаз от кровавой руки; доказательства налицо, но поверить в это по-прежнему казалось почти невозможным.

— Как я уже говорил, мнения о лунных соколах расходятся диаметрально — от самых лестных до отрицательных, — спокойно ответил Бол, чем заставил Эррила, наконец, оторваться от созерцания Елениной руки.

— А насчет руки девочки? Мне всегда казалось, что для восполнения силы магам необходимо солнце. Как же она смогла обновить свою Розу в темноте?

Бол почесал в затылке:

— Может быть, благодаря свету птицы?

— Лунному свету!?

— Помню, я читал текст одного давно умершего алхимика, который предположил, будто свет Луны есть всего лишь отраженный свет Солнца. — Бол снова потянулся к затылку. — Разумеется, беднягу за такое кощунство сожгли, но мнение-то осталось.

Оба мужчины взглянули на сокола, и Елена увидела, что они смотрят на гордую птицу.

— Можно... Можно мне оставить его? — робко спросила девушка, и глаза ее блеснули отраженным светом сокола.

— Это существо дикое и свободное, — ответил Бол. — И никто, ни Эррил, ни я, не сможет вынудить его к послушанию. Он выбирает сам. Сейчас он выбрал тебя. Но это только сейчас.

— И ты думаешь, он хотя бы немного побудет со мной?

Бол пожал плечами:

— Кто знает? Боюсь, радость моя, птица останется с тобой лишь до тех пор, пока вокруг нас эти пещерные своды. Может быть, она залетела сюда в поисках спасения от бури и потерялась. И как только мы окажемся наверху, она снова улетит.

Елена отвернулась и все свое внимание направила на столь неожиданный подарок, а Эррил вспомнил о том, что привело их сюда. Впрочем, догонять гоблина теперь было делом бессмысленным, хитрый вор давно уже скрылся неведомо где, и найти его среди этих развалин теперь вряд ли представлялось возможным. Поиски тщетны, но мириться с этим было трудно, особенно такому человеку, как Эррил. Ключ, один из пары, был вручен ему Братством как дань уважения к его семье... и к его жертве. Старый воин даже почувствовал, как вдруг заныла его давно не существующая правая рука, и невольно прикрыл глаза, на миг отдавшись воспоминаниям. Цену за этот ключ он заплатил слишком большую.

И через несколько секунд бродяга заставил себя оторваться от прошлого и снова поднять меч. Нет, он не оставит ключа этим низким шипящим тварям!

— Будем продолжать наши поиски. Иначе следы совсем остынут.

Бол кивнул и поднял фонарь со ступенек.

— Хорошо. К тому же, у нас теперь два источника света, а не один, — хмыкнул он, кивая на сокола. — Так, возможно, и по холодным следам идти будет легче.

— Если мы не отправимся сейчас же, нам не поможет и настоящее солнце, — Эррил взмахнул мечом и решительно начал спуск. Его сапоги гремели по камню, и им вторили быстрые шаги старика и ребенка. Но как ни жалел Эррил о потере времени из-за птицы, слова Бола оказались правдой. С двойным светом дорога теперь просматривалась под ногами вся до последнего камешка, а влажная грязь прекрасно хранила следы от маленьких раздвоенных копыт, сопровождаемых длинными смазанными полосами от хвоста.

Эррил молча ткнул в них острием меча, Бол кивнул, и эта неожиданная удача удвоила скорость преследователей. Кроме того, это даже успокоило их: значит, им это не привиделось, а все произошло в действительности. Воздух между тем становился все более влажным, туман сгущался. Дышать становилось все труднее и труднее, и каждый новый вдох приходилось проталкивать в легкие с большим трудом.

— Ты... уверен, что нет другого пути... чтобы открыть.. волшебные стены... Алоа Глен? Неужели... этот ключ... и вправду так нужен? Может, магия Елены... — с трудом переводя дыхание, не выдержал Бол.

— Нет! — рявкнул Эррил. — Я должен... Ключ нам необходим.

— Я не хочу больше никакой магии, — запротестовала девушка, услышав это, и голос ее дрогнул от страха.

Бол погладил ее по голове, чтобы успокоить, но сокол воспринял его жест как посягательство и встрепенулся. Грудь птицы надулась, а черный клюв недвусмысленно нацелился на стариковские пальцы. Бол немедленно убрал руку.

— Кажется, я тут становлюсь совсем лишним, — смущенно пробормотал старик.

Эррил шел все быстрее, вниз и вниз по осклизлым ступеням, опасаясь, что еще какая-нибудь непредвиденная отсрочка окончательно погубит все предприятие. Но было и еще нечто, что тревожило Эррила. Бол то и дело возобновлял свои попытки уговорить его отказаться от сомнительного преследования, и сознание его медленно, но верно начинало поддаваться этим уговорам. Может быть, и вправду *есть* иные способы попасть в потерянный город. Может, ведьмовская сила Елены действительно *сумеет* развеять чары вокруг города? И ключ совсем им *не нужен* ?

Но, сжав рукоять меча до боли в пальцах, старый воин все гнал и гнал себя вперед. В конце концов, это его, его ключ!

— Сбавь скорость, Эррил! Я уже не так молод, как ты! — услышал он сзади сквозь тяжелое прерывистое дыхание. — К тому же ступени скользкие, как спина саламандры.

Эррил убавил шаг, но не столько по просьбе старика, сколько из-за того, что впереди показались последние ступени, теперь хорошо видимые в двойном свете фонаря и птицы.

Они добрались до дна.

Эррил предупреждающе поднял руку, чтобы Бол и Елена остановились и подождали, пока он исследует, что находится за ступенями.

Касаясь спиной стены, старый воин спустился с последней ступеньки и направился вперед, выставив меч. Глаза его были широко раскрыты, но скоро света все равно перестало ему хватать.

За лестницей расстился пол из изъеденных временем скал с разбросанной по ним галькой. Вилась узкая тропа, а в конце смутно чернело нечто, возможно, выход в следующий туннель. Тропа вела явно туда.

Пока бродяга стоял, изучая местность и прикидывая, кто может прятаться

за лежавшими там и сям камнями, сзади послышался скрип сапог, и Бол с Еленой, нарушившие запрет, оказались с ним рядом.

— Ну, и что вы думаете делать дальше? — спросил Бол, почти касаясь плечом его плеча.

Эррил сдержался, чтобы не сказать резкость. Какого черта им было не выполнить его просьбу и не остаться там, где стояли!? Но старый воин ничего не ответил и снова стал всматриваться вдаль. Теперь, с фонарем Бола, он действительно увидел еще один туннель, открывавшийся в дальней скале.

Но это оказался уже не специально сделанный проход, как в развалинах Школы, а естественная трещина. Она была широкой и высокой, почти в два человеческих роста. И там, около это входа, что-то двигалось.

Эррил весь превратился в зрение и слух.

И тогда он увидел маленькую черную фигурку, замершую у входа в туннель. Каким-то шестым чувством Эррил вдруг понял, что над ним смеются — фигурка дернулась, мотнула хвостом и скрылась в расщелине.

— Скорей! — уже не таясь, крикнул Эррил. — Мы у цели! Но смотрите вокруг: я не склонен очень-то доверять этим гоблинам!

Елена разрешила соколу пересесть с руки на плечо. Острые когти прорвали материю и вцепились в кожу, словно не хотели, чтобы их с девочки разделяло хотя бы что-то, пусть даже ткань. Птица прижалась к ее щеке, но как бы повинуюсь приказанию Эррила, голова сокола постоянно вертелась туда-сюда, зорко осматривая камни.

Не говоря больше ни слова, Эррил ринулся по тропе вперед, тяжелые сапоги его гремели. Бол быстро семенил за Еленой, но больше уже не протягивал к ней рук. Дыхание старика стало совсем прерывистым, а воздух, между тем, становился все хуже. Даже Елене приходилось каждый раз втягивать его с трудом, силой заставляя попадать в легкие. Девушка обернулась к дяде, но тот лишь слабо улыбнулся в ответ. Лицо его сделалось совсем серым, но Елена подумала, что это, наверное, просто игра света.

— Не надо, чтобы Эррил далеко отрывался от нас, — пробормотал Бол и даже слегка подтолкнул ее в спину.

Елена и сама уже с трудом попевала за Эррилом, который несся вперед, подстегиваемый опасностью и гневом. Не боясь ни поскользнуться, ни сломать шею, он рвался к заветному входу, забыв обо всем и всех.

Еще через несколько мгновений Елена снова обернулась: дядя отставал все сильнее, он ковылял, то и дело переводя дыхание и вытирая заливавший глаза пот. Руки его дрожали. Девочка испугалась.

Может быть, надо окликнуть Эррила, чтобы тот шел помедленнее? Но в эту минуту Эррил и сам остановился, быстро вскинув руку в предупреджающем жесте.

Значит, можно немного передохнуть. И Елена рванулась к Эррилу.

— Дядя... — задыхаясь проговорила она, указывая назад и не в силах проговорить всю фразу до конца. — Дяде нужно отдохнуть.

Эррил ответил что-то невнятное, а сам так и не отвел глаз от кучи огромных камней, прилепившихся к стене, как яйца дракона.

— Стой тут, — приказал он и бросился к камням. Елена встала, вертя головой и переминаясь с ноги на ногу.

Дядя был еще далеко и еле шел, держась рукой за левый бок. Увидев, что Елена остановилась, он пошел еще медленнее. Девочка побежала за Эррилом.

Он, вероятно, услышал ее шаги, потому что вдруг резко обернулся:

— Послушай, девочка. Стой, где стояла, понимаешь? Я должен проверить эти камни, и в случае опасности лишняя обуза мне не нужна, ясно?

— Но там темно. А птица посветит вам, — в глазах девочки стояли слезы. Дядя был далеко и не двигался, опершись о скалу спиной.

— Нет. Если там эти твари, то свет просигналит им о моем приближении. Я лучше пойду один. Возвращайся к дяде.

Елена кивнула, понуро опустила плечи, поджав дрожащие губы, и уже собралась пойти назад.

Но в последний момент Эррил вдруг улыбнулся ей, и его резкое мужественное лицо на мгновение стало таким нежным и юным, что Елена тоже улыбнулась в ответ, успев подумать, что, наверное, этот бродяга так не улыбался уже давно.

— Нам всем страшно, Елена, — тихо сказал он. — Но порой приходится преодолеть страх и идти вперед. Только не позволяй страху победить себя.

— Как, разве и вы боитесь?

Старый воин посмотрел на девушку долгим странным взглядом — и ничего не ответил. Глаза его, казалось, смотрели куда-то далеко-далеко

сквозь нее и видели то, чего ей видеть было не дано.

— С тех пор, как я потерял брата, я никогда не чувствовал себя в безопасности, — наконец, тихо ответил Эррил.

Она тронула его за локоть:

— Я тоже.

Ее слова поначалу поразили его, но через секунду свет понимания вспыхнул в темных глазах:

— Мы найдем его.

— Я столько всего потеряла с Джоахом.

— Что ж, мы не вечно будем торчать в этом подземелье. Мы выйдем наверх и найдем твоего брата. А теперь иди, помоги дяде — сейчас ему нужно твое плечо. А я схожу на разведку.

Успокоенная этим разговором, Елена кивнула. Эррил еще какое-то время смотрел на нее, потом резко развернулся и пошел с поднятым мечом в сторону камней. Скоро он исчез за скалой размером с небольшой дом. Подождав еще немного и не услышав и не увидев больше ничего, девушка собиралась уйти, как вдруг мысль о том, что она со своей светящейся птицей стоит здесь как маяк, как мишень, как приманка для того, кто, может быть, прячется сейчас за ближайшими валунами, пронзила ее, словно молния.

Елена вздрогнула с головы до ног, словно чья-то холодная рука провела ей сзади по шее, и ощутила, как на нее из-за всех камней действительно уставились сотни пар глаз. И, пятась, девушка стала медленно отходить к дяде.

Но что там движется под этой скалой, похожей на дом? Это зверь или тень? Казалось, скала сама передвигалась, и вместе с ней передвигались тени, казавшиеся живыми и полными угроз. Может быть, они уже поглотили несчастного Эррила и теперь жаждут ее?

Девушка стала пятиться быстрее, но тут же поскользнулась, и... что-то метнулось из-под ее ноги. Елена вскрикнула — это не камень, а какое-то подобие пещерного краба со злобно открывающимися и закрывающимися маленькими челюстями убежало от нее в темноту.

Значит, темнота и вправду кишела живыми тварями! Не раздумывая больше, Елена развернулась и уже помчалась в сторону дяди, которого от нее закрывал теперь очередной валун. Хорошо еще, что свет фонаря по-прежнему оставался надежным маяком.

— Дядя Бол! — позвала она, огибая валун и видя дядю, как-то странно лежащего на скале. Фонарь стоял рядом.

Девочке стало не по себе. Борясь с желанием снова закричать, она осторожно приближалась к неподвижной фигуре, еще не позволяя себе и думать, что может потерять последнего родного человека. Но, подойдя поближе, девушка с облегчением заметила, что грудь Бола мерно поднимается и, значит, он жив! Да, дядя дышал, хотя и был уже без сознания. Не зная, огорчаться или радоваться, Елена заставила себя подойти к дяде и почти упала рядом. При этом резком движении сокол предупреждающе вскрикнул и возбужденно захлопал крыльями. Яркий лунный свет залил неподвижное тело Бола.

Елена взяла его за руку, оказавшуюся холодной и странно влажной. Бледные щеки ввалились, глаза прикрыты. Елена неуверенно похлопала старика по руке:

— Дядя Бол, проснись! Не оставляй меня здесь одну! Проснись, пожалуйста, проснись! — От руки она перебралась к липу и осторожно провела пальцем по кустистым бровям. Лоб был горячим, и прикосновение ее холодных пальцев привело Бола в чувство. Простонав, он открыл глаза и бессмысленно огляделся кругом. Стон этот прозвучал в могильной тишине пещеры, как гром.

Бол несколько раз мотнул головой, словно прогоняя кошмары, но так и не проснулся окончательно. Тогда девушка стала растирать его щеки, массировать запястья, но напрасно — старик так и не приходил в сознание. Елена беспомощно оглянулась, готовая разрыдаться. Нужна помощь! Но где Эррил? Громко звать его девочка боялась, не зная, кого еще ее крик может вызвать из-за этих страшных камней.

Прошло несколько минут. Никаких признаков возвращения Эррила не было слышно, только где-то с мягким упорством капала вода. Неужели поблизости есть источник? Девушка огляделась и поняла, что источник совсем рядом, за ближайшей скалой, напоминаяшей колонну.

Елена еще раз бросила взгляд на дядю — наверняка, глоток холодной воды приведет его в чувство, и она не боится... но как оставить его одного в таком состоянии?

Но в то же мгновение Бол перестал метаться, словно кошмары покинули его, однако дыхание старика стало еще более прерывистым и хриплым. Это было уже даже не дыхание, а какой-то клекот, с трудом вырывающийся из горла. Елена невольно сама схватила себя за шею. Но нельзя же стоять просто так и смотреть, как ее дядя умирает! Племянница невольно скосила глаза на правую руку и увидела, как по ладони быстро ходят красные волны.

Может быть, ее магия спасет дядю? Но перед глазами у нее встали две скорчившиеся в огне фигуры ее родителей — нет, она не может рисковать во второй раз. Елена опустила руку. Ей надо добыть воды во что бы то ни стало. Вода близко, она мигом сбегает туда и обратно, и все будет хорошо.

И не давая страху связать себя, девушка метнулась к скале, снова сокол требовательно вскрикнул и вонзил когти в ее плечо еще крепче. Но Елена не обратила внимания на боль и лишь побежала быстрее.

Сознание того, что цель близка, придавало ей силы, и потому, вылетев из-за скалы к источнику, она не сразу даже смогла осознать, что стоит над водой — и не сразу смогла остановиться. Только крик начался и оборвался в ее груди, так и не выйдя наружу. Потрясенный сокол захлопал крыльями и, взмыв, сделал круг над ее головой.

Подземный ручей тек на расстоянии вытянутой руки, но был уже занят.

Словно в страшном сне Елена увидела, как нечто огромное поднимает от ручья голову, и в огромных желтых глазах его отражается яркий свет птицы. Девочка знала, кто это. Их иногда приносили в город охотники с гор. Это был волк.

Он зарычал, но не двинулся с места, видимо, опасаясь ее не меньше, чем она его, а потом отполз на несколько шагов назад, припадая на правую переднюю ногу. С ноги свисали остатки какой-то повязки, под которыми виднелась рваная рана. Одно ухо волка тоже было разорвано и залито кровью.

Тогда только Елена вспомнила услышанный несколько часов назад ужасный крик и догадалась, что кричал именно этот волк.

Какое-то время оба с опаской смотрели друг на друга; волк перестал рычать и теперь тихо стоял, стараясь не касаться камней раненой лапой.

Елена смотрела на старую повязку и думала о том, что сам волк, конечно не смог бы перевязать себя и, значит, это сделал кто-то другой. Елена знала, что некоторые желтые приручают волков для охоты вместо собак — так, может быть, это просто чей-то потерявшийся друг?

Как только девушка осознала, что волк не вцепится ей немедленно в горло, она немного успокоилась и хотела уже уйти обратно, но вдруг остановилась. Назад гнал ее страх, но недавние слова Эррила о том, что страху нельзя поддаваться, удерживали ее на месте. А вдруг волку тоже нужна помощь, как и ее дяде?

И еще одна неожиданная мысль пришла в голову девушки: а вдруг этот волк с его тонким нюхом поможет им выйти отсюда? Дядя совсем плох, им надо выбираться как можно скорей... Если бы можно было подозвать этого волка...

И она решилась. Прикусив губы, Елена прокралась к источнику, зачерпнула воду обеими ладонями и протянула их волку. Он должен понять этот жест как предложение мира и дружбы, как же иначе? Но желтые глаза, наоборот, сузились от подозрения.

Елена изо всех сил старалась, чтобы руки ее не дрожали, несмотря на то, что обеспокоенный сокол то и дело взлетал и снова садился ей на плечо.

Волк посмотрел на птицу, потом на воду.

Девочка сделала еще шаг:

— Иди сюда, — хрипло прошептала она. — Иди, не бойся!

Волк неуверенно шагнул и потянулся к ней носом так, что она ощутила на кончиках пальцев его горячее дыхание. Из-за длинных клыков высунулся узкий розовый язык и коснулся воды, в то время как желтые глаза упорно смотрели прямо на нее. Только теперь девушка заметила, что глаза эти какие-то странные, не круглые, а длинно и красиво разрезанные, как миндаль, да еще и косо посаженные.

Елена смотрела в эти прекрасные и страшные глаза до тех пор, пока они вдруг не потемнели, и волк, рыча, не повернулся направо.

— Елена, назад! Немедля! — Девочка обернулась и увидела выходившего из-за камня Эррила, чей меч был уже занесен над хромым волком: — Спрячься за меня! — Эррил замахнулся мечом.

Но, не раздумывая, Елена, наоборот, встала между Эррилом и волком и голой рукой оттолкнула лезвие.

— Нет!!!

И как только ее рука коснулась лезвия, ледяное пламя выплеснулось из ладони и охватило меч. Эррил, задохнувшись от неожиданности, выронил заледеневший клинок. Тот упал с металлическим звоном и разбился на тысячи сверкающих осколков, словно хрустальная ваза.

Елена с ужасом смотрела на почерневшее от гнева и боли лицо Эррила.

— Мой меч!

— Я не хотела... не хотела... — пролепетала девушка, пряча правую руку за спину и только сейчас понимая, что лишила их последнего оружия. — Простите меня! — и она заплакала.

А за ее спиной послышалось неожиданное рычание волка.

Эррил оттолкнул застывшую девочку и приготовился сразиться с волком голой рукой. Зверь, конечно, был ранен, так что шанс у него явно имелся, можно было надеяться на удачный удар кулака или ноги.

Но волк, как оказалось, рычал не на них, а в темноту перед ними, которую они недавно миновали. Шерсть на загривке встала дыбом, и по пещере покатились ровный и громкий рык.

— Кто-то идет, — прошептала Елена.

Теперь и Эррил услышал шаркающие шаги и знакомое шипенье.

— Гоблины! — воскликнул он, и спрятал Елену за спину. Волк перепрыгнул через узкий ручей и присоединился к ним.

— Он тоже знает их, — кивнула на него девушка. — Наверное, это они его и поранили!

Эррил ничего не сказал и продолжал молча отходить к расщелине, толкая впереди Елену.

— Надо дойти до Бола и уходить отсюда. Без оружия нам здесь делать нечего. И идти придется все время впереди них.

— Волк идет за нами, — даже обрадовалась девочка, увидев ковыляющую фигуру.

Эррил тоже заметил это, хотя волк следовал за ними не явно, а прячась в тени камней. Но он молча и упорно держался поблизости от них.

— Он нас защищает!

— Нет, просто идет за светом.

— Но у него на лапе старая повязка. Кто-то просто потерял его!

Эррил подумал, что девочка права, но волк мог и сам сбежать от хозяина.

Повязка была очень старой и поношенной, словно животное проходило с ней уже очень много времени. Но, как бы то ни было, дикий или нет, волк сейчас представлял наименьшую из опасностей, а если гоблины нападут, то его острые зубы сослужат им неплохую службу, — по крайней мере, дадут время, чтобы уйти.

Поэтому Эррил не стал отгонять волка, но и не подзывал его.

Около дяди Елена снова упала на колени, и ее примеру, увидев, что старик еще дышит, последовал и Эррил. Он прижал палец к сонной артерии и почувствовал, что пульс действительно есть, но очень слабый и прерывистый.

Старый воин поднялся с колен и прислушался. Шипения больше не было слышно, но, может быть, гоблины только затаились.

Елена подняла глаза:

— Он умирает?

— Не знаю. Он человек старый...

— Что можно сделать?

— Я понесу его.

Елена с сомнением взглянула на единственную руку Эррила.

— Он легкий, я смогу.

Девочка кивнула и положила руку дяде на грудь. В двойном свете рука засветилась глубоко-пурпурным. Эррил невольно вспомнил погибший от этой руки меч. Он еще вовремя успел его бросить, пока не превратилась в лед и его единственная рука. Да, магия ее сильна, а контролировать себя она не умеет. Пока не умеет...

— Значит, остается один выход, — неожиданно для себя сказал он. — Хотя риск немалый.

— Какой? — вспыхнуло надеждой лицо девушки.

— Твоя магия.

Надежда тут же погасла на лице малышки, и Елена опустила голову:

— Нет. Я не могу делать то, что хочу.

— Но ты же спасла волка!

— Да, но я не хотела уничтожить меч. Магия эта какая-то слишком дикая.

— В мои времена молодые маги тоже делали немало ошибок. У меня был брат Шоркан. Он получил силу бога Чи, когда был таким же, как ты. И я очень хорошо помню, как он спалил нашу кухню, когда пытался своей силой растопить там печь.

— Но потом он научился!?

— С помощью учителей и упорного труда он стал великим магом.

— Но кто будет учить меня?

Эррил опустился рядом:

— Я был ленником моего брата.

— Что?

— Человек, который защищает мага. У каждого мага есть такой ленник, который охранял его от дурных последствий магии на первых порах. Я был с Шорканом все время, пока он тренировался и учился и вытаскивал его из многих неприятностей. Мы, ленники, не допущены к вершинам магии, но научены контролировать силу и помогать управлять ею на первых порах. Это наша обязанность и долг, — Эррил постарался не морщиться, беря ее красную руку в свою. — Возможно, я смогу помочь и тебе.

— Правда?

— Я попытаюсь. Но то, что надо сделать, чтобы помочь твоему дяде, требует лишь нежнейшего магического прикосновения.

— И мы спасем его?

— Не знаю. То, чему я сейчас хочу тебя научить — не простое лечение, вернее, не лечение вообще. Что это — я не знаю, не спрашивай. И я покажу тебе только то, как передать крошечную каплю своей силы дяде. Это оживит его дух и, возможно, вернет сознание.

— А если что-нибудь выйдет не так? — в ужасе спросила девочка.

— Тогда он умрет.

Елена растерянно заморгала и прикусила губу:

— Но ведь если я не попытаюсь, он тоже умрет, — тихо сказала она самой себе и стиснула плечи обеими руками.

Эррил кивнул, пораженный совестливостью и мужеством ребенка. Рука ее дрожала, когда она поднесла ее к глазам и долго рассматривала переливающиеся по ладони завитки, но в глазах горела решимость. Девушка, наконец, оторвалась от ладони и посмотрела на Эррила открыто и прямо. И тогда в первый раз он увидел в этом детском лице ту женщину, которой она когда-нибудь станет: яркие зеленые глаза, водопад рыжих волос, сильный красивый рот. Она станет красавицей — если только выживет...

— Покажите, что мне делать.

Старый воин встал на колени и сказал ей сделать то же:

— Нужна кровь.

Елена отшатнулась.

— Не бойся, это небольшая магия, нужна всего капля, — он указал на данный Боллом кинжал в ножнах. Девочка неохотно вытасила его из-за пояса. Сталь сверкала в лунном свете сокола, как серебро.

— Дай мне его, — потребовал Эррил. Елена тут же с радостью отдала оружие.

Эррил взял старика за руку и положил ее себе на колени, потом острием проколол крошечную дырочку на подушечке большого пальца. Из раны, как черный жемчуг, медленно вышла капля густой темной крови. Эррил вернул кинжал Елене:

— А теперь сделай то же самое.

Девушка вздрогнула и нерешительно подняла кинжал. Выражение ее лица остро напомнило Эррилу того маленького мага, которым пожертвовали для создания Кровавого Дневника. Он точно так же глядел на лезвие, когда нужно было в первый раз порезать себе ладонь. Теперь, глядя на девочку, Эррил мог только молить небеса, чтобы она не повторила его судьбу.

— Это надо сделать. Первый раз это сделал дядя, окрестив твой кинжал, во второй — надо сделать тебе самой.

Елена опустила веки в знак согласия и с поразительным спокойствием занесла нож над большим пальцем. Только маленький укол. Слишком много крови затруднит контроль. Елена набрала в легкие побольше воздуха, долгим взглядом посмотрела на Эррила и спокойно уколола себе палец. Он видел, старалась она не порезаться сильно, и сразу же убрала кинжал обратно в ножны, словно всего-навсего отрезала кусок хлеба. Глаза ее так и не отрывались от выступившей капли крови.

— Молодец! А теперь положи этот палец на палец дяди, — девушка послушно поднесла руку, но в последний момент Эррил на мгновение задержал ее. — Когда ты коснешься его, то можешь ощутить... ну, словом, ощутить своего дядю.

— Почувствовать?

Эррил скривился — как объяснить то, чего сам никогда не испытывал?

— Однажды брат сказал мне, что на какое-то время кажется, будто ты сам стал этим, другим человеком. Ты не мыслишь и не чувствуешь так, как он, а просто... Просто будто на тебе его кожа.

Елена сощурилась, непонятно, от сомнения или страха.

— А потом что?

— Как только ты это почувствуешь, позволь пройти всего лишь краткому мгновению, а потом быстро разорви связь, убери палец. Более длительное соприкосновение перельет в него больше магической силы, чем нужно, а это опасно. Так что помни — одно мгновение.

— Но разве больше не означает более быстрого выздоровления?

— Нет. Это дикая магия, а не лекарство. И только избранные, вроде тебя, могут вынести так много силы. Рискнуть можно только мгновением.

— А если...

— Вспомни мой меч.

Елена представила себе рассыпающийся на осколки меч, — и ей стало даже холодно. Дядя по-прежнему лежал на скале, словно распытый. Нет, с ним ничего не должно случиться!

И оставаясь на коленях, боясь собственной рукой убить последнего человека в их семье, Елена застыла над Боллом. Краем глаза она видела,

что волк все еще стоит, прячась в тени большого валуна, и в его янтарных глазах горит отблеск лунного света от сидевшего на ее плече сокола. Эррил протянул ей окровавленный палец дяди. Ах, как много глаз следит теперь за ней!

Девушка зажмурилась и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться а когда открыла глаза, решила уже ни за что не сводить их более с дядино лица, до самого конца. Теперь он, человек, рассказавший ей столько сказок при свете камина, нуждался в ее помощи. А она вдруг каким-то неведомым ей образом сделала героиней одной из тех сказок.

Но только теперь, вглядываясь в лицо дяди, девушка поняла, как он похож на ее мать, с теми же высокими скулами и широко расставленными глазами.

А его нос был почти таким же, как у Джоаха. Слишком много семейного, родного, знакомого до боли было в этом лице! И надежда проснулась в ее сердце. Ведь если сейчас она спасет его, то тем самым как бы сохранит живыми и всех остальных!

Елена подняла глаза на Эррила.

Он смахнул слезу с ее щеки.

— Я готова.

— Только мгновение, только каплю, — напомнил он.

И с последним тяжелым вздохом, похожим больше на стон, Елена прижала палец к ранке дяди.

По началу она не почувствовала ничего и почти закричала от безнадёжности и освобождения одновременно, но тут же ощутила, как часть ее существа перетекает в дядю.

Девушка пока еще глядела на мир своими глазами, видела, как взлетел с ее плеча сокол, как он уселся на верхушке ближайшей скалы, как щурится неподалеку волк... но в то же самое время вдруг борода начала колоть ей шею, а все тело стало болеть и ныть. Спину ее леденил камень, и на сердце лежала тяжесть, и почти мгновенно эти ощущения сменились дрожью и напряжением, сердце заколотилось, но чье это было сердце — ее или дядино? Девушка потерялась между дядей и собой, кровь закипела...

Но взмах руки Эррила и охвативший страх заставили ее отдернуть руку, — и в ту же секунду Елена снова оказалась сама собой. Тряхнув головой с запутавшейся в волосах паутиной, она на пятки, неожиданно почувствовав себя маленькой и бесконечно одинокой.

Пришла в себя девушка только от стона, который раздался с места, где лежал Бол. Она повернулась, — а он уже пытался сесть, поднося ко лбу дрожащую руку.

— Что случилось? Неужели я заснул?

Дядя казался почти совсем здоровым, щеки порозовели, и дыхание наладилось. Но Елена, только что ощущавшая его сердце, знала, что он все еще болен. И племянница обняла дядю, подставив все объяснения Эррилу.

Выслушав его короткий рассказ, Бол потянулся и до боли сжал ее руку:

— Ты спасла меня своей магией, и теперь я чувствую себя помолодевшим на десять лет. Я могу теперь сразиться с целым батальоном гоблинов, не меньше!

Елена нерешительно улыбнулась.

— Видишь, я же говорил, что сила Филы с тобой, — дядя порывисто обнял племянницу, и лежа в его объятиях, она все прислушивалась к по-прежнему неровному биению старого сердца. И каждый удар заставлял ее вздрагивать, ибо мог означать последним.

Какой же толк в этой магии? И как она может спасти мир, если не может вылечить обыкновенного старика? И груз двух минувших дней вдруг навалился на нее смертной тяжестью, клоня ко сну. И девушка прикорнула в руках у Бола.

Тем временем злое шипение началось снова — скальные гоблины приближались. Бол с сожалением разбудил девочку и поставил на ноги.

— Поспешим, — позвал Эррил. — Твари становятся нетерпеливыми и могут перекрыть нам отступление.

Ноги девочки дрожали, плечо ныло от царапин сокола, все так же сидевшего на нем. Волк по-прежнему крался за ними. Но почему эти животные так доверяют ей?

Елена посмотрела на красную руку и ранку на большом пальце.

Что это за безвестный дух, что наградил ее этим даром? Почему и он поверил именно ей? Ведь она всего лишь фермерская дочка, — что же за существо видят в ней все остальные?

Слезы снова выступили у девушки на глазах, но Елена тайком стряхнула их. Она не хочет такой ответственности — неужели не было никого другого, чтобы нести этот страшный груз!?

Елена посмотрела на широкую спину шедшего впереди Эррила Ее ленник, как он недавно себя назвал. Что ж, если ей суждено нести эту ношу, то пусть она хотя бы несет ее не в одиночку. От этой мысли слезы высохли сами собой. У нее есть человек, которому верит она.

— Мой ленник, — прошептала она, и слово это медом растеклось по ее губам.

Крал передал светящийся зеленый камешек Толчуку и вытер кровь с пальцев о штаны. Странное шипение перешло в шорох, а потом исчезло вовсе.

Тишина навалилась, как душный полдень перед грозой, и Крал решил. Оставив огра исследовать камень эльфа, гигант двинулся вперед один, стараясь не отрываться от стены.

Свет от камешка окрашивал мокрые стены в неестественный цвет, с них свисали мох, лишайник и корни неизвестных деревьев, пол покрывали обломки, которые под его коваными каблуками рассыпались в прах.

Крал отвел от лица очередной корень, вынул из бороды лишайник и завернул за угол. Толчок и свет, тем не менее, не пропали, а последовали за ним. Коридор через несколько шагов закончился просторной пещерой, где горец уже строже приказал огру остаться и ждать.

Сняв с пояса топор и держа его наизготовку, он прошел немного вперед. Зеленый свет превращал засохшую на топоре кровь в черную, и эта чернота сияла, отливая серебром. Эта кровь снова напомнила горцу о его бесчестье, и, сжав зубы, бородатый гигант еще крепче стиснул рукоять топора. Может быть, новая кровь смоет не только черные пятна с лезвия топора, но и позор его сердца.

Вот он вошел в пещеру и поначалу остановился, прислонясь плечом к стене и быстро оглядывая то, что можно было рассмотреть. Вероятно, пещера когда-то служила особой комнатой, поскольку по потолку шли волюты, а на стенах сохранились остатки фресок, говоривших о чем-то, давно минувшем и забытом. Скорее всего, это был зал для встреч или собраний: в разные стороны из него вело множество проходов, подобных тому, по которому пришел сюда Крал. К тому же зал был невероятно огромен, даже свет таинственного камешка не достигал противоположной стены. Но никаких следов эльфа не было видно, несмотря на то, что тот явно должен был находиться где-то поблизости — ведь не мог же его зеленый камешек прикатиться сам по себе! Однако зал был явно пуст. Оставалось предположить, что эльф находится где-то за пределами света. Крал махнул рукой, подзывая Толчука и прося его осветить зал получше.

Огр быстро застучал когтями по камням и вмиг очутился рядом.

— Запах... Какой-то странный запах, — пробормотал Толчук, и ноздри его раскрылись еще сильнее.

Крал на всякий случай остановился и посмотрел внимательно вперед. На серых камнях снова отчетливо проступило темное мокрое пятно.

— Кровь, — снова повторил он.

Оба шагнули вперед, но огр смотрел больше по сторонам, чем на пятно. Успокоенный такой охраной Крал позволил себе спокойно наклониться, чтобы удостовериться, что это и вправду кровь. Обмакнув палец, он поднес его к носу — пахло железом и солью.

— Кровь совсем свежая, — Крал резко поднялся. — Мерик должен быть недалеко.

Но огр, озабоченный другим, не обратил на эти слова никакого внимания:

— Запах... все сильнее! — предупредил он.

Крал принялся, но кроме запаха пыли и сырости не почувствовал ничего. И гигант решил пойти дальше, туда, куда вели капли крови, обнаружившиеся за лужей.

Однако не прошел горец и пяти шагов, как перед ним разлилась тьма, которую не мог разогнать и свет камня. До Крала же не сразу дошло, что перед ним совсем не стена, а открытое пространство, словно какое-то неведомое божество вдруг сдвинуло стену и оставило впереди пропасть.

Гигант подошел к краю. Кровавый след вел вниз, на острые скалы.

Неужели Мерик умудрился как-то сползти вниз, или его тело лежит теперь изувеченным и разбитым внизу? Но кто на него напал?

— Они идут! Запах! — прошипел подошедший Толчук.

Странный запах ударил в нос горца резко и неожиданно — это был запах свежих ран, навалившийся на него, как толстое одеяло. Крал занес над головой топор.

— Что это?

— Не что, а кто, — огр поднял коготь и ткнул в другую сторону. Впрочем, теперь Крал видел и сам — со всех сторон из темноты на них смотрели сотни красных глаз, похожих на раскаленные звезды.

Шипение стало невыносимым.

Крал отступил на шаг, чтобы лучше замахнуться, но пятка его сапога вдруг поскользнулась на каком-то мелком камешке.

И что-то с шипением налетело на них, в ярости вырвавшись из всех проходов.

Рокингем потер занемевшие запястья и покрутил головой, чтобы размять шею.

— А я уже думал, что вы оставили меня на растерзание воронам, — со злобой и все же облегчением ядовито произнес он.

Нилен продолжала стоять рядом, сжимая в руках кинжал, которым только что разрезала веревки.

— Я бы никогда так и не сделала. Кроме того, сейчас нужны лошади.

Она взяла поводья Мист и жеребца Эррила, но боевой Роршаф скосил глаз и вновь не дался.

Рокингем, все еще потирая мускулы, наконец, заметил спутника Нилен. Мужчина стоял рядом с женщиной, такой же высокий и стройный, как сам Рокингем, блестящие каштановые волосы спадали на плечи свободной волной, не будучи завязаны сзади по обычаю этой местности. Было сразу ясно, что это чужак, пришелец. Скульпты незнакомца сильно выдавались вперед, но еще поразительнее были его глаза — миндалевидные, косо посаженные, пронзительные. Носил он кожаную охотничью куртку, серые узкие брюки и безрукавку — странный костюм для здешних мест.

— И кто же ваш новый друг? — фамильярно поинтересовался Рокингем.

Нилен молча закончила вьючить вещи, смахнула с потного лба волосы и только тогда спокойно ответила:

— Крал помогает ему найти пропавшего товарища.

Незнакомец стоял тихо, словно старался слиться с окружающим их лесом.

— Как тебя зовут, дружище? — обратился к нему Рокингем.

— Могвид, — голос мужчины прозвучал напряженно и нервно.

— Ведь вы не здешний?

Незнакомец только кивнул в ответ.

— Откуда же к нам?

Могвид вновь промолчал.

И Рокингем мгновенно понял, что перед ним человек, который намерен не говорить о себе правды, а скорее, рассказать какую-нибудь выдуманную историю, легенду. У таких людей всегда полно секретов, и Рокингему нравилось это. Человека, у которого есть, что скрывать, всегда можно соблазнить и сделать своим рабом — стоит только раскрыть его тайну.

— Я... Я пришел с юга, — наконец, глухо признался Могвид.

Рокингем кивнул, но, конечно же, не поверил. Ложь в словах незнакомца почувствовала даже Нилен и тут же пристально посмотрела ему в глаза.

Что делает этот человек здесь, в этих диких лесах? Чего он хочет, чего ищет? Ах, если бы только узнать желание его сердца — и тогда он заплатит за это душой... Рокингем откровенно изучал пришельца, и тот под его взглядом совсем скорчился, но тут заволновались лошади, а Роршаф и вообще принялся яростно рыть землю коваными копытами.

Все трое одновременно услышали страшный звук — звук приближающихся тяжелых крыльев, откуда-то из глубины долины, от дома старика. И никто не осмелился назвать причину этого звука вслух.

— Должно быть, девочку так и не нашли, — пробормотал Рокингем.

— Быстрее! — вскрикнула Нилен. — Пещера близко, скалтам туда не пролезет, и мы будем в безопасности! Крал уже внутри!

Могвид понял, о каком месте идет речь, и вцепился в рукав Нилен:

— Нет, там опасно, мой брат...

— Уж поверь нам, что ничего внутри пещеры не может быть ужасней того, что сейчас приближается к нам сверху, — отрезал Рокингем и на лету схватил брошенные ему Нилен поводья серой кобылы.

Могвид растерялся. Его глаза метались по лесу, словно он мог найти в нем спасение. «Как вспугнутый олень», — подумал почему-то Рокингем, но далее размышлять над этим у него не было времени. — Вас это не касается, Могвид. Они ищут нас. — Нилен тщетно пыталась освободить рукав из цепких пальцев. — Если вы побежите в лес, за вами они не погонятся.

Нилен вскочила на коня, а глаза Могвида все еще продолжали тянуться к лесу, и страх так и сиял в этих странных янтарных глазах.

— Я знаю, кто вы, Могвид, — снова заговорила Нилен. — Вы с Западных равнин, так же, как и я. И вы не человек. Ваши глаза говорят совсем не то, что ваш язык, вы — сайлур!

— Оборотень!? — Рокингем даже задохнулся от неожиданности и отступил от человека. Так вот что было тайной незнакомца. Взбираясь на кобылу, он даже подумал, что, пожалуй, с радостью избежал бы любых контактов с подобным существом.

— Сайлуру легко спрятаться в лесу, превращайтесь в любого зверя и убегайте. Грядущая битва не для вас. — сказала Нилен

— Нет, — прошептал пришелец, и страх так и хлынул у него из глаз. — Вы не знаете меня, я не могу превратиться ни в кого! Я в ловушке этого человеческого обличья!

Такое признание поразило нюмфау, она придержала лошадь и свела брови в тонкую линию. Шум кожистых крыльев звучал все громче. И женщина протянула оборотню руку:

— Тогда убегайте куда хотите или с нами. Времени больше нет!

Могвид метнулся в сторону леса, потом застыл, но через секунду все-таки

схватил протянутую руку и с ее помощью забрался в седло за спиной Нилен.

Нилен припортила лошадь и понеслась вперед. На какие-то доли секунды у Рокингема мелькнула мысль, поскакать в другую сторону и покончить с пленом, но, прислушавшись к громкому хлопанию крыльев в холодном воздухе, начальник кордегардии передумал и погнал кобылу за жеребцом Нилен. Отдаться в руки лейтенантов Темного Лорда после того, как девчонку так и не нашли, было бы сущим безумием.

Проклятое дитя должно быть у него в руках!

На ходу он видел напряженную спину Могвида, вцепившегося в Нилен. Первоначальный шок от раскрытия его тайны прошел — чего бояться оборотня, который никем не может обернуться? Теперь он просто человек — человек, у которого есть тайна и есть необходимость ее скрывать, человек, которым можно играть, как беспомощной мышкой. Ему, Рокингему, судьба неожиданно вложила в руку замечательный шанс, и, быть может, с таким союзником, он сумеет избежать и своих нынешних хозяев — и гнева Темного Лорда.

И пленник надал рыси, чтобы держаться вплотную к жеребцу.

Шум крыльев не утихал.

Ах, только бы хватило времени!

Толчук знал этих тварей. В своих путешествиях в нижние пещеры огры не раз сталкивались со скальными гоблинами, но те обычно доставляли им лишь мелкие неприятности, вроде кражи вещей, разбивания горшков да порчи коридоров своими экскрементами и вонью. Но чтобы гоблины нападали сами — такого он не помнил!

Толчук видел, что накаывая изо всех туннелей, как поток в сухую долину, каждый гoblin держал в маленьких ручках крошечное лезвие, отливавшее в свете камня зеленым. Каждый из них по отдельности, разумеется, не представлял угрозы ни для огра, ни даже для мощного человека с гор. Но их было слишком много.

Толчук припомнил, как в детстве однажды видел ястреба-тетеревятника, который, преследуя имбирную мышь, сдуру сунулся головой в ее норку. В открытом поле мышь всегда представляла собой хороший обед, но сотня мышей была уже хищной стаей, и ястреб быстро погиб под крошечными зубами. От могочей птицы остались лишь обглоданные начисто кости и кривой клюв, мыши выпили даже глаза несчастной птицы. И теперь эта картина очень ясно предстала мысленному взору Толчука. Теперь, когда гоблины рванулись на них со всех сторон. Теперь этим ястребом будет он.

Крал проревел нечто нечленораздельное и занес топор над головой.

Толчук счел это действие совершенно бесполезным и сделал единственное, что можно было сделать в этой ситуации: он схватил горца сзади в свои могочие объятия и, не обращая внимания на его сопротивление, ринулся вниз, в пропасть.

К чести горца, тот не кричал, не визжал, а только напряженно замер в страшных объятиях огра. Толчук больно ударился о скалу, чуть не грохнулся, но удержал равновесие. Потом у него заскользила по камню нога, потом скала раскрошилась под их двойным весом, но все-таки он удержался и умудрился даже весьма мягко упасть на дно, всеми силами оберегая человека от последствий такого падения.

Крал мгновенно вырвался у него из рук — к большому облегчению Толчука — и с нескрываемой злобой посмотрел на огра:

— Ты что это делаешь, огр, а?!

— Надежды на спасение там наверху все равно нет. Они оставляют только мертвыми.

На мгновение лицо Крала исказило сожаление, словно он больше всего на свете хотел именно битвы и, может быть, даже именно битвы безнадежной.

— Я всегда решаю за себя сам, — проворчал он. — И не смей больше так делать, огр!

— Простите, — Толчук попытался сесть, но это удалось ему с трудом.

— Ты ранен?

— Не очень. У нас прочные кости.

— Что за глупость была вот так взять и прыгнуть, — уже гораздо мягче произнес Крал.

— Понимаю... — огр с трудом подбирая слова: — Но я увидел это место... куда прыгнуть... еще сверху.

Крал посмотрел на него с сомнением:

— Что, неужто огры видят лучше, чем люди?

Толчук, наконец, встал, но его пошатывало.

Крал положил руку ему на плечо, чтобы поддержать своего неожиданного союзника. В другой он все еще сжимал топор, и Толчук подумал, что такой человек, наверное, не выпустил бы своего оружия даже

и после смерти. Топор и этот бородатый человек давно срослись в одно.

Крал дал Толчуку возможность отдышаться:

— В общем-то, прошу прощения, — выдавил горец. — Я обязан тебе жизнью. А ведь о вас, ограх, всегда думают...

Толчук ощупал сломанное ребро:

— Ваши люди часто...

— Но больше я не повторю их ошибки.

Толчук неуклюже подошел к бородатому гиганту и положил руку ему на плечо.

— Тогда я тоже буду стараться... попытаюсь предупредить вас, когда мы снова будем прыгать со скалы.

Крал улыбнулся:

— Странный ты, огр.

— Больше, чем вы думаете, — вздохнул Толчук и убрал руку. — Но что же теперь? Прыгнуть-то я прыгнул, но куда прыгать дальше?

Крал нагнулся и поднял зеленый камешек, выпавший при падении из пальцев Толчука и, к счастью, далеко не улетевший.

— Как бы то ни было, решать надо быстрее. Свет гаснет.

Тут и Толчук заметил, что камень, на который еще недавно было больно смотреть, теперь горит тускло.

— Гоблины все равно не оставят нас в покое, — вздохнул он и, подойдя к краю площадки, на которую прыгнул, посмотрел еще глубже вниз.

— Есть дорога? — спросил из-за его плеча Крал.

— Вижу дно. Но прыгнуть нельзя — глубоко.

Крал лег и провел рукой вниз по скале:

— Слишком гладко, но есть много выбоин и выступов, попробовать можно.

— Лучше с другой стороны. Там я видел много булыжников, по ним будет легче.

Крал кивнул и, устремив взгляд куда-то в темноту, видимо, прикинул, насколько опасен будет такой спуск. Неожиданно он ткнул рукоятью топора куда-то в дальний угол бездны:

— Или мне мерещится, или это и вправду какой-то свет?

Толчук взгляделся туда, куда указывал ему горец, и действительно увидел свет — и даже не один источник света, а два. Оба тускло светились где-то на дне пропасти и явно двигались в их сторону.

— Опять гоблины? — неуверенно спросил Крал.

— Нет, гоблины света не любят. Он ослабляет их кровь. — Толчук вспомнил, как они в племени постоянно держали пылающий огонь в горшках, чтобы гоблины не приближались к святым местам их пещер.

— Тогда кто?

— Не знаю.

— Ты говоришь, что хорошо видишь даже в темноте — неужели так-таки ничего и не рассмотришь?

— Очень далеко, — ответил Толчук, не переставая, тем не менее, всматриваться во мглу. В неверном свете передвигались какие-то тени, но ничего больше разобрать не удавалось. — Нет, ничего. Но их, вроде, двое...

— Что? — удивился Крал, но огр поднял коготь. На лице его застыло какое-то странное выражение. Действительно, в сознании Толчука вдруг возник знакомый образ — Фардайл. Внизу был он, брат-волк, питающийся ему что-то сказать.

Раненый щенок ищет защиты. Странный запах ведет по следу.

Потом промелькнули еще какие-то образы, но Толчук так и не смог удержать и распознать их. Смутно проявился только еще один:

Кровь течет во вспышках света.

Последнее было совсем непонятным, но шерсть на загривке Толчука встала дыбом.

— Что? Что ты видишь? — нетерпеливо добивался Крал. — Не вижу — но чувствую. Там внизу происходит что-то странное.

— Откуда ты знаешь?

— Друг... Брат... Он там. Не один.

— И что он тебе говорит?

— Слишком далеко, чтобы все разобрать, — вздохнул Толчук. — Оба огня скрылись, вероятно, в одном из туннелей.

— Надо идти туда, — серьезно и тревожно произнес он.

— Зачем?

— Я... я не знаю... — неожиданно солгал огр.

Крал посмотрел на него с подозрением, и Толчук почувствовал себя виноватым. Однако огр-сайлур промолчал. Все равно он не сможет описать этот неожиданный удар сердца. Можно, конечно, вытащить Камень сердца из набедренной сумки, и он осветит всю пропасть до дна. Но это сейчас излишне — камень зовет его вперед.

И он должен идти на его зов.

Могвид изо всех сил старался удержаться в седле бешено несущегося

жеребца. Как странно ехать верхом на другом существе! Никогда он не мог даже и подумать о таком! Однажды они с Фардайлом как-то наткнулись на табун диких лошадей у себя на западных равнинах. Кобылы с бархатными глазами окружали злобно храпящие жеребцы, и весь табун грациозно несся по бескрайним просторам. Как же теперь эти красавцы подчиняются железу и коже?

Какие странные здесь жители! Неужели они подчинили себе вообще всех животных? Он вспомнил, как высокий тощий человек обращался со своим соколом и как охотники повелевали снифферами. Что помогает этим людям властвовать над другими живыми существами? Сайлуры сами принимали вид любого животного, но мысль о том, что можно их поймать и владеть ими, казалась чудовищной.

Но если он еще пробудет в этой человеческой шкуре какое-то время и забудет свою настоящую сущность, то, может быть, и поймет людей? И тогда, как и этот конь под ним, забудет, что значит вольный бег по просторной равнине... Нет, только не это! И в страхе Могвид плотнее прижался к спине нюмфаи.

Неожиданно лошадь поскользнулась в грязи, и Могвид уже по-настоящему обнял женщину, опасаясь, что одними только ногами точно не удержится.

— От этого вы не упадете, — попыталась объяснить Нилен, тщетно освобождаясь из его объятий. Он немного отпустил руки, но остался наготове. Как можно верить поработанному животному? Рабам не верят. И Могвид напрягся еще больше.

Почва, принявшая в себя опавшие за много столетий листья, глушила звук подков, но шум крыльев не утихал, хотя теперь и не приближался. Правда, как мог слышать Могвид своими слабыми человеческими ушами, взмахи стали быстрее и резче.

Нюмфая, очевидно, тоже услышала это:

— Нам надо уйти, мы уйдем, — прошептала она, но прозвучало это слабо и неуверенно.

К ним подскочила вторая лошадь, бежавшая резвее, чем жеребец с двумя седоками. Она ворвалась на гребень очередного холма первой, и Рокингем едва сумел осадить ее.

— Впереди пусто, — крикнул он, перекрывая порыв ветра. — Где пещера? Не вижу! — И дождь вдруг снова обрушился на них с затянутого тучами неба.

— Она тут, просто ее не видно, — успокоила его Нилен, тоже въезжая на гребень и махнув Рокингему рукой. — Поторопитесь!

Обе лошади помчались вниз по склону, словно желая сломать себе шею, и Могвид понял, что ему остается только зажмуриться, чтобы не закричать от страха. Сверху вновь загрел гром, но и он был ничем по сравнению с грохотом его сердца. А когда гром утих, Могвид вдруг услышал, что сам подвывает тонко и жалобно, как щенок.

Он уже хотел как-нибудь соскользнуть с лошади, но жеребец неожиданно остановился, и Могвид рискнул открыть глаза. Перед ними лежал небольшой луг, и, опасаясь, что конь сейчас опять рванет, Могвид спрыгнул на землю и отошел на несколько шагов.

Нилен махнула рукой вправо, и человек-сайлур увидел знакомый вход в пещеру, переплетенный корнями векового дуба.

— Вот она! — крикнула Нилен Рокингему, остановившемуся рядом.

— Тихо, — прошептал он в ответ и поднял руку. Могвид приготовился бежать.

— Что? — прошептала Нилен, не зная, куда смотреть.

— Послушайте! — Он спрыгнул с лошади и знаком предложил нюмфая сделать то же самое.

Могвид наострил свои жалкие человеческие уши, но не услышал ничего, кроме стука дождя по опавшим листьям. Молчал даже гром, но по напряжению воздуха Могвид понимал, что это всего лишь краткое затишье перед настоящей бурей.

— Ничего не слышу, — прошептала Нилен, перекладывая поводья кобылы в свою руку. Она казалась смущенной и даже слегка покраснела. — Крылья! — вдруг осенило ее. — Я слышу их! Бежим!

Рокингем уже бежал.

Но они опоздали — перед входом в спасительную пещеру, расправив крылья, с шумом приземлились две темные фигуры. Когти их глубоко зарылись в грязь, и, казалось, уже ничто не сможет сдвинуть их с места.

При виде чудовищ Могвид завизжал и грохнулся от страха на колени. Две пары красных глаз уставились на него. Костистые черные крылья сложились за спинами, и в воздухе явственно повис запах гниющего мяса, от которого к горлу подкатывала тошнота. Никогда, даже в самых страшных кошмарах, не мог он представить себе подобных тварей.

— Откуда ты здесь, мышонок... шссс?.. — прошипело одно из чудовищ и захохотало.

— Думаешь, сможешь улизнуть... шссс... от голодной кошшки? — эхом ответило второе.

Лошади в ужасе метались. Мист попыталась рвануться в лес, но Рокингем удержал ее, а жеребец просто рвал поводья с выкаченными от ужаса глазами.

В мгновение ока один из скалтумов поднялся и вонзил когти в спину коня, расплосовав его сверху донизу. Красные дымящиеся внутренности вывалились в грязь, и скалтур некоторое время с наслаждением смотрел, как еще живой жеребец идет, волоча за собой кишки. При виде этого зрелища красная пена закипела на его тонких губах. Пройдя несколько шагов, жеребец вытянул от боли шею и зашатался, чудовище радостно засмеялось и налетело на жертву. К счастью, широкие крылья закрыли от всех присутствующих происходившее дальше. Но им хватило и страшного предсмертного крика, вонзавшегося в уши и мозг, словно гигантские сверла.

Могвид зажал уши, желая только одного — умереть в ту же секунду, чтобы уже никогда более не слышать и не видеть ничего подобного.

Достигнув самой высокой, непереносимой ноты, оборвался, и скалтур отошел от жертвы. На земле не осталось даже подобия лошади — лишь груда дымящегося мяса, сломанных костей и сизой требухи.

Могвид вжался лицом в землю, его начало рвать. Тошнота превозмогла даже ужас, и скоро человек-сайлур уже лежал в луже собственной блевотины.

— Посмотри, хоть один научился кланяться, как это и исследует перед хозяевами... шссс, — усмехнулся первый скалтур.

Второй подошел ближе, морда его была в крови, благодаря чему особенно ярко сверкали клыки:

— Ну, где дитя... шссс... что мы ищем? — спросил он и махнул крылом в сторону остывающих останков: — Кто еще хочет такого... шссс?

И тут вперед выступила нюмфая и сказала такое, что Могвид снова повалился на землю:

— Мы ничего вам не скажем, грязные псы грязного лорда!

Ближайший скалтур грозно зашипел.

— Вы знаете меня, о лорды Черной Крови, — быстро перебил женщину Рокингем. Нилен бросилась к нему, но, отстранив ее рукой, он спокойно добавил: — Я скажу вам, где девчонка.

Эррил старался идти медленно, чтобы не утомлять старика. Если он упадет снова, то они потеряют больше времени, чем при медленном, но надежном передвижении. И потому он сдерживал себя и шел еле-еле, как бы ни рвалось все время вперед его сердце.

И все-таки, периодически взглядывая на седобородого Бола, Эррил иногда думал, что беспокойство о нем излишне. После магии Елены старик совершенно ожил, ноги больше не шаркали, дыхание стало нормальным. Он даже рискнул бы пойти быстрее, если бы не племянница, которая все время озабоченно поглядывала на дядю. И в ее глазах Эррил видел неуверенность в силах старика и неверие в его внезапное оживление. И потому маленькая процессия шла медленно, очень медленно.

Бол сам возражал против такого черепашьего шага:

— Пещерные крабы, и те ползут быстрее. Послушайте, шипенье так и не стихает, гоблины теряют терпение.

— Нет, дядя, они все время держатся на расстоянии. А, кроме того, нас охраняет волк.

Эррил заметил, что девочка уж как-то слишком внимательно относится к этому лесному зверю; она даже один раз настояла, чтобы подождать его, когда волк, казалось, учуял что-то в сыром воздухе пещеры и застыл с поднятой по ветру мордой. Тот стоял и всматривался в темноту этими своими странными янтарными глазами, но потом, словно вдруг что-то поняв, снова приблизился к своим спутникам. И только тогда Елена разрешила Эррилу сдвинуться с места.

— Волк за спиной! — фыркнул Бол. — Хорошего мало!

— Все равно быстрее мы не пойдем, — отрезала Елена тоном, не терпящим возражений, и словно придавая вес ее словам, лунный сокол захлопал крыльями. Он явно давал понять, что сам будет иметь дело с тем, кто станет возражать его хозяйке.

И Эррил тащился, преодолевая свое неукротимое стремление, но в какой-то момент вдруг поймал себя на мысли, что доверяет инстинкту девочки больше, чем себе и старику, вместе взятым. А инстинкту ведьмы доверять можно. И нужно.

И Эррил вернулся памятью к тем сотням юных магов, которым была дарована подобная сила. Многие из них с годами стали опытными и мощными магами, но со временем все эти гордые души так или иначе сдавались, осознав, что и в их ремесле есть ограничения, опасности, а самое главное — большая ответственность.

Эррил краем глаза посмотрел на девочку. Придерживая дядю за рукав одной рукой, она шла, то взглядывая во тьму, то оборачиваясь проверить, на месте ли волк.

Глаза их встретились. И Елена не отвела взгляда. Она научилась многому

за столь короткое время, девушка поняла, что магия может не только созидать, но и разрушать и что ее можно и нужно держать под контролем. Но все это всего лишь начало, первые робкие шаги.

Старый воин смотрел в ее упрямые и усталые глаза, в которых светилась мудрость — мудрость не опыта, но горя. Эти два дня дали ей в отношении занятий магией больше, чем несколько лет прежней Школы. Конечно же, те выпускники знали больше приемов и ходов, но Елена вникла в нечто гораздо более важное — любая сила должна быть ответственной, потому, ведьма она или нет, Эррил все равно верил ей.

Наконец, бродяга оторвал взгляд и снова устремил его на расщелину в скале. Впереди их ждала неизвестность и опасности, с которыми ему придется встретиться теперь без меча, пустой рукой. И поэтому он радовался, что за плечом у него все-таки ведьма.

Он шел впереди, предупреждая остальных о скользких или неровных местах, а за ними, не стихая, доносилось шипение гоблинов, ни один из которых все же не рисковал появиться в круге света или еще как-нибудь обнаружить себя. Вокруг были только тени да сзади ковыляющий на трех лапах волк.

— Мы почти пришли, — вдруг объявил Бол, когда они оказались около расщелины.

Неужели старик действительно устал? Эррил быстро окинул его взглядом: все казалось в порядке, дыхание ровное, щеки даже покраснелись от ходьбы:

— Я уж давно хотел облазить эту часть пещеры, — добавил он, и усмехнулся, закашлявшись. — А после такого похода это уже и не потребуется.

— Скоро мы уйдем отсюда, — громко успокоила его девочка. И тихо добавила: — Я надеюсь.

Эррил подошел и заглянул в трещину:

— Посветите-ка вашим фонарем, Бол, — попросил он, понимая, что без меча не имеет возможности продвинуться в темноте дальше. А он чувствовал, что впереди их ждет опасность, и опасность гораздо большая, чем сзади.

Бол передал ему фонарь, и Эррил увидел, что масла там уже совсем мало:

— Какую бы игру ни вели эти твари, нам стоит поторопиться, — хмыкнул он и убавил огонь, чтобы сэкономить последнее масло. Пока еще есть сокол, можно было что-то предпринимать.

Затем старый воин поднял фонарь высоко над головой.

Поначалу ему показалось, что расщелина образовалась естественным путем в почему-то треснувшей скале, но, поглядев повнимательней, Эррил понял, что ошибся. Это был туннель с арокными сводами и обработанными стенами. Ни природа, ни боги не могли этого сделать, но, судя по работе, этого не могли создать и люди. Вся поверхность арок и стен была испещрена древними следами когтей, а на первой из арок виднелись грубые изображения переплетенных гоблинов.

Эррил почти механически коснулся рукой одной из исцарапанных стен, и, к его великому удивлению, шипение за спиной смолкло. Неожиданная тишина обрушилась на них, как гром.

— Подозреваю, что игре приходит конец, — прошептал у него за спиной Бол, и голос его прозвучал непривычно громко, — о масле можно уже не беспокоиться.

— Пошли, — равнодушно ответил Эррил. — Мне уже надоели все эти игры.

Пройдя несколько шагов, путники оказались под первой аркой и, приглядевшись внимательней, Эррил заметил, что сплетенные гоблины изображены в различных любовных позах. Вся арка была занята изображением массовой оргии в таких позициях, которых Эррил никогда не мог себе даже вообразить.

Он быстро посмотрел на Елену. Девочка стояла, приоткрыв рот, но при его взгляде покраснела и тут же отвела глаза.

— Интересно, очень интересно, — спокойно оценил Бол, не стесняясь и подойдя поближе, чтобы внимательней рассмотреть одну из позиций, где два гоблина овладевали одной из своих женщин.

И пока оба мужчины не могли оторвать глаз от барельефов, Елена заметила, что туннель как-то изменился.

— Смотрите, свет впереди! — прошептала она.

Эррил поднял голову и действительно увидел слабое свечение впереди за углом. Чтобы оценить его яркость, он заслонил плечом фонарь, и в полной темноте свечение стало еще более ярким. И какие-то смутные воспоминания мелькнули у Эррила, где и когда он уже видел этот серебристый чистейший свет?

— Я думал гоблины избегают света, — неуверенно произнес он.

— Да, яркого света. Но некоторые говорят, что их глаза могут

приспособляться к разным видам освещения, что позволяет им передвигаться на любых подземных глубинах. А некоторые считают, что это эманация элементарной скальной магии освещает их пути. Из таких скал создается особое железо, — подробно пояснил Бол.

— Мой железный ключ! — осенило Эррила. — Он был вырезан из такой скалы! Я спрятал его так хорошо, но если они умеют обращаться со скальной магией...

— Не умеют. Некоторые утверждают...

— «Некоторые утверждают, некоторые считают!» Хватит этой пустой болтовни! — неожиданно взорвался Эррил. — Источник света таков, что запросто может ослепить любого. Но вопрос не в этом, а в том, что делают с этим светом гоблины. — И старый воин решительно двинулся вперед: — Элементарная это магия или нет, но я должен добыть свой ключ.

Он шел по серебряному лучу, и свет густел вокруг его высокой фигуры. Когда же еще он видел этот свет? Его пронзительная яркость, казалось, высасывала отовсюду все остальные цвета, оставляя скалы голыми в их сущности. И даже непристойная арка начинала казаться прекрасной. Где же, где...

И мгновенное воспоминание, пронзившее мозг, заставило Эррила остановиться. Он вздрогнул всем телом, но тут же взял себя в руки. Это невозможно. По крайней мере, здесь. Должно быть, это просто обман зрения, после стольких часов, проведенных в темноте всего лишь с жалким фонарем и режущим глаза холодным синеватым светом лунного сокола. Чистота этого света не может быть тем, о чем он вспомнил!

Но ноги уже сами несли его вперед.

— Нет, — вдруг раздался сзади решительный голос Елены. — Мы не побегим. То, что впереди, может подождать.

«Нет, — подумал Эррил, — не может». Но все же попридержал шаг. Ведьме надо верить.

— Куда вы так помчались? — спросил удивленный Бол, когда они с Еленой догнали Эррила.

Елена, не веря действию своего магического излечения, озабочено смотрела на дядю и просила только об одном — чтобы он смог дожить до окончания их скитаний. Девушка знала, что подобно маслу в фонаре, сила, перелитая ею в Бола, иссякает, и скоро снова он станет беспомощным и неподвижным. Правда, пока он был бодр.

— Не торопись, — повторил старик, касаясь рукой Эррила. — Девочка устала, она не выдержит такой гонки.

Улыбка мелькнула на губах Елены. Она так беспокоилась о оде что и представить себе не могла, что он думает о ней не меньше.

— Со мной все в порядке, но лучше и дальше идти помедленней.

— Она права, — согласился Эррил. — Впереди нечто странное, и я не уверен, несет оно нам пользу или вред. В таких ситуациях всегда лучше приготовиться к худшему. — И старый воин, подняв фонарь еще выше, снова двинулся вперед.

Елена, поскольку туннель стал шире, теперь могла идти не перед Болом, а рядом.

— По твоему лицу я вижу, что ты знаешь или, по крайней мере, подозреваешь, что там впереди, — вдруг сказал Бол в спину Эррилу.

— Вы ошибаетесь, мой старый друг.

— Старый? Да вы старше меня раз в пять, если не в шесть! Но теперь речь не об этом. Что вы подозреваете? Что вас томит и тревожит?

— Всего лишь дурные воспоминания.

— О чем?

— Не кажется ли вам, что... что качество этого света несколько странное? Бол прищурился.

За него ответила девочка:

— Мне кажется, он очень красивый.

Эррил покачал головой так, что она тут же почувствовала себя пристыженной. Но ведь свет и вправду красив! Казалось, он омывал даже воздух, который с каждым шагом становился все менее сырым и тяжелым, словно путники прямо из зимы шагнули в весеннее утро.

— Свет действительно какой-то неестественный, — подтвердил Бол. — Но это не элементарная магия, для нее он слишком интенсивен. Может быть, нечто вроде фокуса или заклятия? Заклятый свет — такое тоже бывает. Правда, я никогда не слышал, чтобы этим могли заниматься гоблины. Но, впрочем, о них известно так мало, — старик махнул рукой назад, в сторону арки. — Я, например, даже не подозревал о... об их столь мощном воображении.

— Но это магия, — заявил Эррил. — Я почти ощущаю запах.

— Уверю вас, нет. Элементарная магия дело слабое, тонкое и никогда не может дать света такой силы.

— А не элементарная? — сквозь зубы прошептал Эррил. — Это Чайрический свет!

Бол даже остановился:

— Абсурд! Здесь, в подземелье! Как только Чи покинул нашу страну, у нас не осталось ни единого источника подобного света. Может быть, в Алоа Глен, но только не здесь.

— Я уже видел такой свет раньше, — обернувшись к Болу и глядя прямо ему в глаза, ответил Эррил.

— Где? — не выдержала Елена.

Но Эррил ничего не сказал и даже не повернул к ней головы.

— Где? — потребовал и старик.

— Там, где создавалась Книга, — тихо ответил Эррил, опустив голову.

— Что? Вы уверены в этом?

— Этого забыть невозможно, — взгляд бродяги ушел в глубины далекого прошлого. — Я был тогда там, и Шоркан сказал мне: «Вспышка спящего белого света!» Тогда я должен был закрыть Книгу и закончить дело.

— Этот свет... Не хотите же вы сказать, что...

— Такого не забыть. Даже после пяти сотен зим. Он горит у меня в глазах, сверля мозг. И это тот же свет, полный энергии Чи.

Бол почесал бороду:

— Странно. Но, вероятно, должно быть и другое объяснение.

— Пусть проклятые гоблины оставят это объяснение при себе, как и прочие тайны. Мне нужен мой ключ.

— А, может, именно ваш ключ и объясняет все дело, — вдруг тихо сказала Елена.

— Девочка права! — обрадовался Бол. — Это же так очевидно!

Но Эррил только еще больше нахмурился:

— Ключ не имеет к этому никакого отношения.

— Да нет же, Эррил, имеет! Зачем тогда гоблины показали нам ключ и убежали? Почему не напали, а только привели нас сюда? Это на них совсем непохоже. Чего же они хотят?

Эррил бросил взгляд на девочку, но тут же отвел глаза.

— И я так подумал, — подхватил Бол, явно перехвативший этот взгляд. — Это как-то связано с Еленой.

Девочка вздрогнула. Одно дело подозревать это самой, а другое — услышать от других. Почему же опять она? У нее за плечами и так столько вины — за родителей, за дом, за Филу, за Джоаха.

— Но я, наверное, ошибся, — продолжил старик, и Эррил с Еленой разом поглядели на него в недоумении.

— Тогда чего же они хотят?

— Ах, это так ясно, — вздохнул Бол и провел рукой по рыжим волосам племянницы. — Но все же, если она не добавит своего видения, я не смогу объяснить ничего.

— Как чего же? — выдохнули снова Елена и Эррил.

— Не чего, а кого.

Ноздри Эррила раздулись от нетерпения, а девушка просто ждала. Она опять подумала, что дядя сейчас все расскажет. Надо только набраться терпения. Ведь Елена уже однажды сказала Эррилу — там, наверху, за ужином, который казался теперь забытой стариной, — что ее дядя все и всегда рассказывает так, как считает нужным.

— Да скорей же, не томите! — вспыхнул Эррил. — Кого они хотят?

— Вас, разумеется, — удивился в ответ Бол. При этих словах девушка прислушалась. В глубине души ей хотелось надеяться, что дядя прав, что гоблины преследуют их вовсе не из-за нее, а...

— Да вы рехнулись! — воскликнул Эррил. — Меня? Зачем я. Я никогда с ними не встречался — ни разу за все пятьсот зим, что путешествую по стране. Чего они могут от меня хотеть?!

Бол провел пятерней по бороде и пожал плечами:

— Ответ лежит впереди.

Елена, обрадованная тем, что с нее сняли такую ношу, с облегчением вздохнула и позволила себе обернуться назад. У стены неподалеку возникла тень: волк был по-прежнему рядом. Бедное существо, должно быть, он намучился не меньше, чем они, и теперь верит, что они помогут ему выбраться из этого подземного лабиринта! И они его не обманут!

— Тогда пошли, — вздохнул Эррил. — Если им нужен только я, то вас они, быть может, пропустят беспрепятственно.

— Нет, мы выйдем только все вместе, — отрезал Бол.

— И волк, — добавила девочка, но на эти слова никто не обратил внимания.

И путники снова пошли по туннелю, Эррил впереди, Бол и Елена сзади, а волк немного поодаль, следом. Фонарь, выкрученный до отказа, едва давал слабый свет, но сокол, дремавший на плече, продолжал светиться холодно и ярко.

Елена то и дело оборачивалась, проверяя волка. Зверь подождал, пока они отойдут на приличное расстояние, и несколькими прыжками

перебрался к новому убежищу, где опять спрятался в тени. Но приближающийся свет лишал его этих убежищ, и волк нервничал все больше. Только теперь девушка смогла получше рассмотреть их странного спутника и очень удивилась, обнаружив, что шкура у него вовсе не черная, как ей показалось у ручья, а испещрена коричневыми и золотыми полосами. Шерсть лоснилась в густом свете, а миндалевидные глаза янтарно горели. С ногой же дело обстояло все хуже; волк каждый раз вздрагивал от боли, задевая рану. Вот бедняга!

Глядя на волка, Елена видела, что и он следит за ней, изучая и наблюдая. И вот в один момент их глаза встретились, и в ту же секунду Елена почувствовала, как голова у нее слегка закружилась, а правая рука стала горячеей. Она ощутила и его родной дикий лес и то, как он рвется отсюда прочь, в родные дубравы. Стены пещеры исчезли, они с волком остались вдвоем во всем мире. В голове у нее возникла отчетливая картина. *Птенец выпадает из гнезда и падает на землю, но прежде чем упасть, вдруг расправляет свои слабые крылышки и взлетает. И птенец становится могучим орлом, и крылья его заслоняют солнце и обнимают весь мир.*

Но виденье исчезло столь же быстро, как появилось, снова вокруг были стены и темнота, и сзади сверкали янтарные глаза. Елена поскользнулась.

Ее успел подхватить дядя:

— Осторожней, родная.

Но вряд ли девушка слышала его слова, поскольку так и не могла отвести глаз от странного волка. Что это было? Елена протерла глаза, но волк не исчез, а все так же смотрел на нее из своего очередного укрытия. Каким-то образом она знала, что волк тоже знает все, только что происшедшее с ней, и видел картинку с птенцом и орлом. Но вдруг желтые глаза закрылись.

Нет, поняла в тот же миг Елена — волк не просто знает, это он сам и послал ей это виденье!

Но как? Зачем? Что все это значит?

Елена потянула Бола за рукав, прося остановиться:

— Волк... этот волк... он...

— Тихо, Елена, мы уже почти пришли.

Но она успела заметить, как при ее словах Эррил внимательно взглянул на волка, и лицо его исказила злая гримаса, словно он подумал, что волк хотел напасть на них. Однако, увидев, что зверь спокойно стоит в тени, старый воин вопросительно посмотрел на девочку.

Она же словно проглотила язык. Как выразить словами то, что с ней только что случилось? Так и не получив ответа, Эррил вновь отвернулся.

Дядя же смотрел только вперед, где из-под каменной арки сиял спящий свет, обозначавший выход из туннеля.

— Какая красота! — мечтательно произнес он.

Только теперь эту красоту заметила и Елена.

— Ну, посмотрим, что же там, — и Бол подтолкнул Эррила вперед.

Но теперь Эррил сам шел осторожно и медленно, словно опасаясь того, что вот-вот должно было открыться его взгляду. Елена тоже почувствовала, что ноги ее не хотят идти, но не из страха, а словно им мешал идти сам свет, ставший густым и плотным, как ветер. Приходилось теперь идти, согнувшись и напрягая все силы.

— Очень, очень интересно, — пробормотал за ее спиной Бол, который тоже едва продвигался вперед.

Эррил даже поднял к глазам руку, защищаясь от света. Волк сзади тоже шел, боязливо ступая уже по освещенной части туннеля. Теперь не было ни теней, ни камней, и прятаться было негде. Волк крался, прижав уши плотно к голове, а голову к земле, но неожиданно резко остановился.

Он задрожал, сделал еще один нерешительный шаг, но в этот момент свет затопил его полностью, и тело его словно задымилось. Волк-сайлур шагнул еще раз, явно преодолевая боль, вытянув шею и дрожа еще больше. Елена ахнула. Теперь все волчье тело превратилось словно в густой сироп, а свет все продолжал вымывать из него волчью форму. Теперь перед нею оказался лишь какой-то расплавленный воск, непонятная масса.

И только то место, где были глаза, все еще оставалось нетронутым, и эти безумные прекрасные глаза смотрели на девочку из дымящейся неопределенной массы.

Елена попыталась рвануться к ним, но не смогла, словно сама превратилась в камень и непонятным образом почувствовала, что это лишь продлит мучения волка. Однако тот сделал шаг, другой назад — и снова превратился в волка с ушами, хвостом и шерстью, как ни в чем не бывало. Елена ничего не понимала и ничего не могла бы даже рассказать. Волк с тоской смотрел, как она уходит за дядей под арку спящего света. Но теперь она знала, что это не волк. И ей стало до боли грустно.

— Сладчайшая мать! — воскликнул вдруг Эррил, и Елена с надеждой обернулась к тому, который, как она заметила, тоже видел превращения волка. Но Эррил уже смотрел в другую сторону, стоя с поднятой единственной рукой прямо под световой аркой. И вдруг он рухнул на колени.

— Нет, Сладчайшая Матерь, только не это! Все что угодно, только не это!!! — закричал он. — Только не здесь! Только не после стольких мучений!!!

— И где же... шссс... дитя? — подступая все ближе к Рокингему и вгрызаясь в остаток конского крупа, спросил скалтурм.

Не в силах выдержать запаха, Рокингом отступил на шаг в сторону нюмфаи. На губах Нилен появилась презрительная улыбка, но он спокойно протянул к ней руку. Рокингом понимал, что женщина в любой момент может рвануться прочь и тем испортить его план. С этими лейтенантами можно действовать только обманом! И Рокингом показал Нилен открытую ладонь, прося о молчании.

Но нюмфая только презрительно дернула плечом:

— Ты ничтожный жук, роющийся в отбросах, — выплюнула она ему в лицо, явно думая, что он собирається продавать их. И он бы действительно непременно так сделал, если бы только это спасло ему жизнь — но сейчас речь шла не об этом.

Тогда Рокингом рискнул отвести взор от скалтума и посмотреть прямо в лицо Нилен, придав при этом голосу интимную нотку откровенности. В Блекхолле частенько поговаривали, что лейтенанты не слышат низких тонов, поскольку их уши, как у летучих мышей, различают лишь высокие звуки. Но вне зависимости от того, было ли это правдой или пустыми сплетнями, шанс оставался, и Рокингом предпочел сказать глухо:

— Тихо! Если хотите выжить, поручите это дело мне. Доверьтесь.

— Поверить тебе! — как нарочно громко воскликнула нюмфая. — Да я скорее поверю самому Темному Лорду!

— Если не хотите оказаться пищей для скалтумов, попридержите язык! — все также продолжал начальник кордегардии.

Рядом корчился на земле Могвид, чьи миндалевидные глаза так и не могли оторваться от дымящейся груды костей, еще несколько минут назад бывшей гордым и прекрасным животным. Кобыла неподалеку уже перестала рваться и теперь покорно стояла, крупно подрагивая от ужаса. Ее побелевшие глаза выкатились из орбит, но она все же продолжала стоять, и Рокингом вдруг подумал, что эту лошадь ему будет жаль больше всего.

— Если этот человек знает чудовищ, то, может быть, и правда, пусть он с ними разговаривает, — вмешался в разговор испуганный Могвид.

— Ничего он не знает! — тряхнула волосами Нилен, даже не глядя на Могвида. — Он...

— Вот именно! — воскликнул Рокингом, любимым способом желая удержать маленькую женщину от дальнейших откровений, через которые тут же выяснится, что они и сами толком не знают, где девчонка. Начальник кордегардии приблизился к нюмфае почти вплотную и выдохнул ей прямо в лицо:

— Я не знаю. Да, я сам ничего не знаю, и не могу навести их ни на какой след. Но я могу попытаться спасти нас. Я не желаю попасть к ним в лапы снова, ибо смерть в котях этих тварей — счастье по сравнению с тем, что сделают со мной там... — Он быстро оглянулся на груды костей: да, все это выглядит воистину милостью, когда знаешь, что делают с людьми в подвалах донжона Блекхолла. — Позвольте, я сделаю все так, как нужно, — добавил он глухо, вкладывая в слова и взгляд всю силу своей надежды и воли. — Надо выжить — выжить любой ценой.

Нилен отвела взгляд и ничего больше не ответила.

Тогда Рокингом снова повернулся к скалтуму, догрызавшему круп и теперь высасывавшему из костей мозг. Сырое чудовище держалось совершенно спокойно, поскольку знало, что жертвы пойманы и больше беспокоиться не о чем.

Но тут подошел второй скалтум, все это время не сводивший глаз с Рокингема.

— Я слышал хорошее предложение, но не услышал его продолжения... Где прячется девчонка... шссс?

Рокингом одернул камзол, стараясь выглядеть спокойно и достойно перед нагнувшейся над ним громадой скалтума. Выждав паузу, начальник кордегардии откашлялся:

— Я, как и вы, славные лейтенанты Черного Сердца, все это время охочусь за девчонкой-ведьмой.

— Но ты не преуспел в своих поисках. Сслухи об этом уже достигли Блекхолла. И мы посланы исправить твою ошибку... шссс..

Рокингом с сожалением извиняющимся жестом развел руками:

— Это не моя ошибка. Вся вина за это лежит на старом шарлатане Дизмаруме. Он отказался от моего предложения задействовать войска и взять девчонку силой. Вместо этого он настоял на нелепом пути выслеживания и обманов. Словом, это его неудача, но, увы, и наше поражение! Девчонка оказалась хитрей и проворней, чем предполагал

старый маг, и сумела избежать всех его ловушек.

— А где же все это время был ты, жалкий человечис-шшка... шссс?

Рокингом прижал руку к сердцу:

— Черное сердце дало Дизмаруму все права, и мне не оставалось ничего, кроме как подчиниться — не важно, действовал старик правильно или нет. Но после того как Дизмарум применил магию аркана и скрылся, я сам стал преследовать ведьму. Чем и занимаюсь в данный момент.

— И почему же она до сих пор на свободе, в таком случае?

— Она проворна, у нее много помощников, а главное — магия ее сильна и могущественна.

— Она... шссс... дитя.

Рокингом ткнул пальцем в сторону первого скалтума:

— Дитя, убившее одного из вас!? Не надо недооценивать ее силу — как уже раз сделал один ваш несчастный собрат.

Второй скалтум при этих словах подошел поближе, обливаясь красные от крови котги, и Рокингему стоило немало усилий заставить себя не отступить.

Именно сейчас ему больше всего требовались все его мужество и самообладание.

— Ты обманываешь нас, слабое вместилище плоти прошипел скалтум. — Мы уже встретились с убийцей нашего брата, — и это была не девчонка... шссс... А тот, кто это сделал, даже знал наши слабые места.

Будь он проклят, этот горец! Надо же так распускать язык! Злоба, смешанная со страхом, промчалась по жилам Рокингема, но начальник кордегардии не отвел взгляда и не дрогнул ни одним мускулом, а даже, наоборот, несколько возвысил голос:

— А кто, как вы думаете, выдал убийце ваши секреты?

Этот неожиданный поворот заставил обоих скалтумов умолкнуть.

Како-то время они стояли, переводя взгляд то друг на друга, то на Рокингема, но потом оба заговорили снова, хотя и более осторожно:

— Однако девчонка все еще не поймана... шссс.. И позор за это будешь нести ты!

— Конечно, пока она еще не в цепях и не у ваших ног и не готовится испытать то наслаждение, которое ее ожидает, — надменно проговорил Рокингом, сам внутренне содрогаясь при мысли о том наслаждении, которого может пожелать хозяин и в отношении его самого. Голос начальника кордегардии невольно дрогнул при этом. — Но... Но я иду по ее следам и гоню девчонку перед собой, как буря гонит листок. Она уже почти в ловушке — нужно ее только достать.

— Где она?

Рокингом указал на переплетенный корнями вход в пещеру:

— Вот тут. Однако она слишком глубоко, чтобы вы смогли добраться до нее своими котгами. И пока не сядет солнце, вам ее не достать оттуда. — Скалтумы тут же повернулись к горизонту и нетерпеливо задрожали крыльями. Рокингом даже позволил появиться на своих губах прозрачному подобию улыбки: — Только я смогу выманить ее из этой дыры.

— Как же ты, ничтожная тварь... шссс... можешь это сделать, если она действительно так сильна, как ты говоришь?

— У меня есть то, что ей нужно, — Рокингом кивнул в сторону застывшей с ненавистью на лице нюмфаи: — У меня с собой ее любимая сестра.

Начальник кордегардии увидел, как глаза Нилен широко распахнулись от неожиданности, и улыбнулся уже почти торжествующе. Да, порой и честность может сыграть на руку обману. Он с удовольствием отметил про себя, как эти горящие ненавистью глаза и приоткрытый рот полностью доказывают его слова, и уже спокойней повернулся к скалтуму:

— Впрочем, я даже рад, что вы прибыли вовремя. Я теперь смогу оставить ее под вашим присмотром, а сам, уже не опасаясь ее побега, немедленно отправиться за ведьмой.

Рокингом махнул рукой Могvidу, чтобы тот приблизился, но человек-сайлур стоял, как вкопанный, дрожа мелкой нервной дрожью:

— Пока вы будете сторожить сестру, мы с моим товарищем сможем быстро выловить девчонку.

Он снова позвал жестом Могвида. На этот раз оборотень с трудом оторвал ноги от земли и, шатаясь, подошел поближе. Теперь сайлур стоял рядом с начальником кордегардии, напоминая скорее тень, чем человека.

Один из скалтумов приблизился к Нилен, но она не то, чтобы не отступила, но даже не вздрогнула. Единственное, что нюмфая себе позволила — это презрительно посмотреть на Рокингема.

— Охраняйте ее как следует, — громко произнес тот. — Она одна может заставить ведьму выйти.

— Сделаем, что надо, — бодро ответил первый скалтум.

— Но и ты делай свое дело как следует, — прошипел второй.

Рокингом почтительно склонил голову, пряча торжествующую улыбку, затем взял оборотня под локоть и повел к черной дыре пещерного входа.

— Но сссмотри: ессси предашь, то не думай, что не оторвем тебе руки-ноги и не сссожрем их на твоих глазах... шсс... даже несссмотря на то, что ты ссоставленник хозяина! — крикнул ему в спину тот, кто задрал жеребца.

Плечи Рокингема вздрогнули, но теперь не от страха, а от осознания собственной победы, хотя он так и не понял, какой смысл вложила тварь в слова «ставленник хозяина». Теперь было уже неважно, какими понятиями набиты их головы. Он толкнул Могвида на корни, торопя скорее скрыться в пещере. Но перед тем как уйти самому, он еще раз обернулся к чудовищам:

— Верьте мне, — громко крикнул он, глядя на Нилен. Но та быстро отвернулась, как и он сам. Что ж, предательство не бывает чистым. Но все же какая-то острая тоска пронзила на мгновение его сердце, поскольку он вспомнил, что однажды какая-то женщина уже смотрела на него точно так же — глазами, полными боли и гнева. Но кто это был? И где? Рокингем отвернулся и быстро скользнул через корни на ковер из опавших листьев с внутренней стороны. И когда? Начальник кордегардии почти уже вызвал своим мысленным взором тот женский образ, с тем запахом астр на губах и солнечным отсветом на волосах, но, как бабочка, загадочный образ вдруг упорхнул, не оставив ничего. Рокингем тряхнул головой: верно, тогда он был слишком пьян. Однако боль в сердце говорила ему, что он лжет сам себе.

Могвид закашлялся, пытаясь обратить на себя внимание. Миндалевидные глаза стали шире и блестели странным блеском:

— И куда же мы теперь?

Рокингем усмехнулся:

— Как можно дальше, от этих монстров, — и беспечно махнул рукой в глубину пещеры.

— Но никто из ушедших туда не вернулся, — пробормотал Могвид, не двигаясь с места...

Толчук упорно карабкался вниз по камням, стараясь побыстрее добраться до дна пещеры. Наверху Крал с трудом справлялся со спуском, хотя огр и оставил ему зеленый камешек, чтобы можно было видеть, куда ставишь ногу. Однако сила камня таяла с каждой минутой, и теперь он уже едва светился и вместо того, чтобы помогать, превратился, скорее, в обузу. Но несмотря на это Крал все равно намертво вцепился в него.

— Давай левее! — крикнул Толчук горцу. — Дам камни неровные, но спускаться легче — много уступов для ног и когтей!

— У меня нет когтей, — фыркнул Крал, но последовал своего спутника и стал спускаться с другой стороны.

Толчук ждал. Ничего другого делать все равно не оставалось и он даже с некоторым любопытством следил за передвижениями человека. Конечно, как житель гор Крал был вполне умелым скалолазом, поскольку без этого там не выжить. И даже со своими слепыми человеческими глазами и камнем в одной руке Крал спускался с поразительной быстротой и ловкостью.

Но для Толчука это, конечно, было черепашей скоростью. Огр даже начал пристукивать ногой от нетерпения. Столько еще ждать! Пусть ноют мускулы, и пусть болит вырванный коготь на правой руке, пусть дрожат от колоссального напряжения ноги но он должен продолжать, его ждет брат-волк! Сердечная боль за Фардайла перекрывала все остальное. Камень сердца звал и звал огра вперед, не позволяя никакой передышки. А ждать Крала все-таки необходимо.

Толчук попытался отвлечься, чтобы побороть в себе желание бросить горца и пуститься за волком одному. Но огры так не поступают. Ни один член трибы никогда не оставит другого в опасности — эту истину все огры впитывали с молоком матери, — даже такие полукровки, как он. Правда, сейчас Толчук подумал, что хотя это и хорошая традиция, но именно она и делала все войны между племенами такими жестокими и затяжными. Рана, нанесенная одному члену трибы, расценивалась как общее оскорбление, а всякое оскорбление оставалось неотомщенным до тех пор, пока не оказывалась уничтоженной почти вся мужская часть враждебного племени. Толчук опечалился. За исключением тех недолгих периодов, которые посвящались религиозным церемониям, огры постоянно воевали, и конца этим войнам не было видно.

Ах, порой преданность и честь не так уж и хороши... Молодой огр вздохнул, но все же понял, что горца он не оставит, пусть его хоть на аркане тянут отсюда. Нельзя просто так взять и перешагнуть голос крови многих поколений, что течет в твоих илах. Пусть понятия о преданности и чести уже унесли тысячи его соплеменников, но они по-прежнему у него в крови, деться от этого некуда. Надо ждать.

Правда, ждать Толчку пришлось не так уж и долго: тяжело дыша, Крал довольно скоро оказался с ним рядом.

— Надеюсь, мы взяли верное направление, — едва переведа дух, сказал он. — Обратно нам уже не подняться.

Толчук пожал тяжелыми плечами:

— Найдем другой путь наверх, — и оба потрусили в ту сторону, куда скрылся Фардайл. Горец поспевал за ним, и хотя Толчук понимал, что после такого спуска человеку надо бы отдохнуть, он не мог позволить, чтобы брат-волк ушел слишком далеко. Если это подземелье такое же, как его родные пещеры, тогда стоит только Фардайлу миновать несколько поворотов и развилку, — и он будет потерян навсегда.

— Только скорость позволит нам уйти от скальных гоблинов! — слукавил огр и еще ускорил шаги.

— А может быть, лучше просто вернуться да и напасть на них, — проворчал Крал, однако тоже прибавил ходу.

Какое-то время оба шли молча, храня силы для неожиданностей, которые могли подстергать их здесь в любой момент и откуда угодно. Воздух становился все гуще, как козье молоко; Толчук с его мощными легкими дышал без проблем, огры и предназначены для передвижений глубоко под землей, но Крал, житель вершин и снежных пиков, привык к холодному разреженному воздуху, и тяжелый сырой воздух глубин очень затруднял его передвижение. Правда, гигант изо всех сил старался не отставать.

Одним ухом Толчук все время прислушивался к прерывистому дыханию горца. Крал не жаловался, но огр и так знал, что передохнуть раньше или позже все равно придется. И он уже искал подходящее место для стоянки, как вдруг наткнулся на россыпь булыжников, перекрывавших дорогу впереди. Надо добраться до них, а там уж можно и передохнуть, потому что именно за ними начинается туннель, в котором исчез Фардайл.

Но Камень сердца пульсировал и бился, не давая Толчку и этой передышки.

Крал сзади вдруг закашлялся, хрипя и сотрясаясь всем телом. Толчук нахмурился. Еще немного, еще чуть-чуть... И даже не повернув головы, огр шел дальше. И, озабоченный этим кашлем и скользкими камнями под ногами, не заметил тень метнувшуюся из-под камня и вставшую вдруг на его пути.

— Я бы хотел забрать мой камень назад, — сказала тень.

Крал поднял камень повыше, и бледное сияние выхватило из темноты гибкую и длинную фигуру того, кто назвался эльфом Мериком. Его белая рубашка была разорвана и вся в пятах грязи и крови. Зеленые штаны тоже располосованы, а бедро в повязке, явно сделанной из ткани рубашки. По ноге текла кровь, и черные рваные царапины уродовали белое лицо.

— Отдайте мой камень ветра, — попросил он и протянул руку. Голос его звучал требовательно и надменно, но рука явственно дрожала.

— А мы думали, вы умерли, — пробормотал горец, все еще сжимая зеленый камешек. — Кровь, кровавые следы на скалах. Как вы выжили на этом спуске?

— Я никуда не спускался, — ответил эльф, не убирая руки, а другой отводя с лица прядь серебряных волос, выбившихся из повязки. — Я прыгнул прямо сюда.

Крал вспомнил высоту, с которой они спускались так мучительно и долго.

— Нилен предупреждала нас о ваших обманах, — пробормотал горец, но с еще большей жадностью всмотрелся в тощего человека.

— Я не лгу.

— Даже огр не выживет при таком падении, — вмешался Толчук.

— Я и не падал, — упрямо повторил эльф, и в голосе его прозвучала нотка презрения.

— Что же вы тогда сделали? — не сдавался Крал. — Летели, что ли?

— Нет. Эльфы, конечно, считаются хозяевами ветра и воздуха, но и они не могут летать. Элементарная магия сильна не настолько. Но я прекрасно могу контролировать падение, замедлять, выравнивать, ну, и так далее.

— И вы ждали тут нас?

Тонкая улыбка тронула узкие губы:

— Я залечивал раны. — эльф указал на ногу. — Эти твари застали меня врасплох, и пришлось немного повозиться, прежде чем удалось ускользнуть. А пока сидел здесь и останавливал кровь, я увидел наверху свет моего камня. Потом заметил ваши передвижения — и решил подождать. Не вас, разумеется, а камень. — Он почти коснулся рукой Крала: — Прошу вас, верните мне мою собственность.

Но горец так и не выпустил камня:

— Это единственный источник света здесь. А нам нужно во что бы то ни стало найти друга.

— Мне тоже. — Крал и Толчук беспомощно переглянулись.

— Может... пойдём вместе? — нерешительно предложил огр. — Если гоблины снова нападут, каждый человек нужен!

— Я не отдаю камень, — вдруг решился Крал.

— Вы убиваете его свет, а у меня он снова засияет.

Но горец стиснул камень еще крепче, хотя свет его и в самом деле

уменьшался с каждой секундой. Однако еще через секунду, видимо, поборов себя, Крал положил камень на протянутую ладонь Мерики, но не выпустил его при этом из своих цепких пальцев.

— Остаемся все вместе. Поклянитесь.

— Мы не разбрасываемся клятвами, человек с гор.

— Мы тоже, — буркнул Крал. — Но теперь поклянитесь.

Глаза эльфа сузила ненависть, но он стиснул зубы и процедил:

— Я даю вам мое слово. И помогу найти вашего друга.

Крал пронзительно посмотрел на Мерику и отпустил руку.

— Надо идти. — поторопил Толчук.

— Куда? — усмехнулся эльф.

— Мы ищем друга, он ушел вон в тот туннель, — поспешил объяснить огр. — А с ним еще двое, с двумя источниками света.

— Свет? — с надеждой переспросил Мерик. — Который плывет по воздуху? Это, должно быть, мой сокол.

Толчук почесал в затылке:

— Нет.

Мерик снова усмехнулся.

— Вы не видели других огней?

Толчук покачал головой и спросил:

— А зачем вам так надо найти эту птицу?

— Она чует королевскую кровь. Потом объясню подробней.

— Я ничего не понял, — смутился Толчук, и ему на помощь пришел

Крал:

— Он пускает свою птицу по следу, как гончую. Сокол ищет их пропавшего короля.

— Наследника короля, — уточнил эльф и потер камень, который снова засиял, освещая серебро волос и бледное лицо эльфа. — Королеве, когда нас изгнали, позволено было уйти, но король остался заложником, — продолжил неожиданно Мерик, и в словах его прозвучала незатихшая еще злорада.

Крал обвел рукой пещеру и свод над ней:

— Откуда же вы знаете, что после стольких лет здесь есть какие-то наследники?

— Король поклялся, что сохранит свой род в этой стране.

— А если все-таки не смог?

— Я сказал, что он поклялся, человек с гор, — процедил Мерик. — А мы умеем держать клятвы.

Все больше нервничая, Толчук решил сменить тему:

— Этот ястреб...

— Это лунный сокол, — поправил Мерик, отворачиваясь от горца.

— Ну да, эта птица. Как она может искать того, кого никогда не видела? Ведь даже sniffферу нужен запах.

— Здесь главное не запах. Яйца лунных соколов омываются королевской кровью, так что птица и кровь тесно связаны. Этот сокол прямой потомок того, что когда-то принадлежал королю. И потомок узнает потомка того, в ком текла великая кровь.

— Но он же был с вами, — пробормотал Крал.

Мерик тяжело вздохнул, словно удивляясь человеческой глупости:

— Я сам королевской крови, четвертый сын королевы Траталы, Утренней Звезды. Но наш народ решил соединить два рода — ныне правящего и древнего королевского.

Крал грубо расхохотался:

— Так вы, значит, вроде свата, ищете жениха для сестры, что ли? Соединить два благородных дома! Хвала небу, мы такими глупостями не занимаемся и не кланяемся никому!

Мерик вспыхнул при этой насмешке, губы эльфа стянулись в нитку, а глаза вспыхнули ненавистью. И в тот же миг Толчук ощутил, что внутри этого тощего человека вскипела такая волна злобы, что если выпустить ее наружу, он будет опасней сотни гоблинов. И огр понял, что надо вообще заканчивать разговор. К тому же, Камень сердца уже давно настойчиво звал его дальше:

— Вот впереди туннель. Мой друг ушел туда. Может, и ваш сокол тоже.

Кровь медленно отхлынула от щек Мерики, он вздохнул и пожал плечами:

— Я дал слово и пойду с вами, — эльф быстро посмотрел на горца, но промолчал. — Пусть птица поохотится чуть подольше.

— Тогда пошли, — сказал Толчук и быстро пошел вперед, не давая возможности Кралу возразить или еще чем-нибудь разозлить эльфа. Мерик двинулся за ним, а Крал остался замыкающим. Все трое стали пробираться среди камней в полной тишине; порой Толчук переносил Мерику и Крала через препятствия на руках, на что Крал только хмурился и краснел. Он никогда не принял бы такой помощи в иной ситуации, но

сейчас все же понимал, что Толчук прав.

Мерик же наоборот, принимал помощь огра как должное, без благодарности, сам протягивая руку тогда, когда Толчук еще и не предлагал ее. Казалось, он вообще привык, чтобы ему помогали и даже носили на руках. Толчук поднимал эльфа, как пушинку, дивясь легкости этого странного существа, напоминавшей ему легкость пустой яичной скорлупы.

Все эти действия совершались в полном молчании, и Толчук все никак не мог избавиться от размышлений о том, что услышал от эльфа. Что-то в этом рассказе весьма беспокоило его, но что — он никак не мог понять. Сначала огр попытался вспомнить все, что было ему известно об эльфах, потом постарался восстановить все подробности их первой встречи здесь, и к тому моменту, как они перелезли через завал, вдруг понял, что именно так обеспокоило его.

На первом же привале Толчук повернулся к Мерику. Тот стоял опустив плечи, явно утомленный переходом. Даже неутомимый Крал присел на первый попавшийся валун, массируя себе лодыжки и икры.

— Когда мы в первый раз встретились в лесу, вы ведь ничего не говорили про наследника, а только про какую-то ведьму. Это что, одно и то же? — осторожно спросил огр. Мерик кивнул, стараясь дышать спокойно и ровно:

— Да, это еще одна причина, по которой я ищу потомков короля. Наши оракулы сказали, что в этой земле появится ведьма, — и появится там, в той же долине, что и наш король. К этой ведьме, как бабочки на пламя, слетятся ее защитники со всей страны, и она окончательно разорит наши древние дома. Так что, помимо короля, я ищу и ведьму.

— Зачем? — припадая на ушибленную ногу, грозно выступил вперед Крал.

— Чтобы убить ее.

Елена увидела, как дядя шагнул к Эррилу, упавшему на колени у входа в этот таинственный зал. Старый бродяга изо всех сил отворачивал лицо от люющего отсюда света. По щеке жонглера и воина проползла единственная слеза, сверкнув на мгновение алмазом.

— Что это? — спросил Бол, кладя руку на плечо Эррилла. Но тот ничего не ответил и только указал вперед. Елена осторожно подкралась к дяде и выглянула из-за его плеча.

Свет шел откуда-то из самого центра круглого зала, оказавшегося совершенно пустым и даже лишенным каких-либо украшений по стенам.

— Удивительная работа, — прошептал дядя, щурясь на свет. — Но что вас так взволновало, Эррил?

Однако старый воин снова промолчал и лишь слегка покачал головой.

Обойдя дядю, чтобы лучше видеть, Елена, наконец, смогла рассмотреть зал в подробностях. В центре на голом полу стояла хрустальная статуя, излучавшая яркий серебристый свет, вернее сама она была, наверное, из этого чистейшего из чистых сияния. Но сияние это не жгло, не ослепляло и не мешало как следует рассмотреть статую, скорее, наоборот. Оно сгущалось вокруг, придавая скульптуре больший объем и выразительность.

— Творец, создавший такое, был гениальным, — снова прошептал Бол, но глаза его с тревогой все переходили от статуи к Эррилу. — И, конечно, это творение не гоблинов. Гладкость камня, тонкая прорисовка деталей, особенно глаза и губы — это совсем иное, чем сцены на арке...

Елена тотчас согласилась с дядей: то, что стояло перед ними, было статуей совершеннейшей красоты, — но красоты жестокой.

Перед ними был маленький мальчик, никак не больше десяти зим. Он стоял на коленях, одной рукой опершись о пол, а другую подняв высоко вверх, словно зовя кого-то. Лицо мальчика, тоже обращенное к небесам, было искажено жестокой болью. И причина ее тоже была вполне ясна.

— Видишь, как скульптор выбрал материал для усиления драматического эффекта? — спросил Бол, кладя руку на плечо девочке. — Мальчик прозрачен, но меч сделан из серебра.

Елена кивнула, в тот же миг краем глаза увидев, как вздрогнул Эррил при упоминании о мече. Ей и самой эта подробность не очень понравилась.

В спину мальчика, прямо в сердце, был вонзен серебряный меч. Его рукоять почти касалась спины, а острое, пронзая ребенка насквозь, входило в камень пола. Мальчик еще, казалось, пытался избежать своей участи, словно не понимая смертельности удара, а испытывая лишь боль. В лице его, испуганном и наивном, читалась только жалкая просьба прекратить мучения, а глаза молили объяснить, что же произошло.

Девочка почувствовала, как ее собственные глаза наполняются слезами, глядя на несчастного малыша, и больше всего на свете ей сейчас захотелось броситься к нему и облегчить его мучения. Но девушка понимала, что это всего лишь статуя, что случилось, случилось, вероятно, много столетий назад, к бы ни были живо изображены страдания бедного ребенка.

— Какой стыд, что статую попорчена! — возмутился Бол, который, как человек, занимающийся древней историей, всегда очень переживал при виде поврежденных произведений искусства — Это, должно быть, гоблины

раскололи ее, когда тащили сюда.

Сначала девочка даже не поняла, о чем он говорит, но потом заметила, что левая рука мальчика, которую он так безнадежно тянул к небесам, обрублена ровно по запястью, словно топором. Как странно, что она не заметила этого сразу! Но все же ей и сейчас показалось, что дядя неправ и что статуя вовсе не повреждена, а всего лишь не закончена — словно грустная песня, оборванная на полуслове...

Бол снова обернулся к Эррилу, но на этот раз с лицом, полным решимости:

— Ну, хватит этих глупостей, Эррил из Стендая! Что могло вас так взволновать в этой хрустальной скульптуре!?

Эррил склонился еще ниже, едва не касаясь лбом пола, а когда заговорил, то голос его был глух и слова невнятные:

— Это мой воплощенный позор, моя вина во плоти.

Когда на пороге зала Эррил склонил голову, он уже знал, что старик прав, что гоблины преследуют их не из-за Елены, но из-за него самого. Каким-то образом они узнали о его вине и заманили его сюда, чтобы он насытился своим позором сполна.

Но если это все, чего хотели подземные твари, то хвала небесам. Что ж, он не намерен больше закрываться и таиться и потому решительно поднял голову и открыто посмотрел на статую.

Лицо мальчика, вырезанное с таким искусством, тут же вспыхнуло еще ярче, и жгучее воспоминание пронзило мозг Эррила. Этому лицу ему не дано забыть никогда — да он и не забыл его. Вечная память — это всего лишь его жалкая жертва несчастному ребенку, но большей у него не было.

Глаза старого воина смотрели на искаженное детское личико и вновь видели комнату в харчевне в ночь создания Книги. Ах, слишком многое за последний день напоминало ему ту ночь! Сначала Грешюм, черный от своей черной магии, а теперь и мальчик, которым пожертвовали, пролив его кровь мечом и рукой Эррила... ради создания Книги. И вот участники той страшной судьбоносной ночи снова вместе.

Но вопросы о тайне, почему все это произошло и почему гоблины заманили его сюда только сейчас, победили стыд и боль в сердце Эррила, и он встал с колен. Старый воин жил с памятью об этом ужасном деянии столетия, но его реальный вид сейчас не только привел Эррила в шок, но расставил его рану до гнева. Бродяга выпрямился — тот, кто сделал эту статую, должен слишком на многое ему ответить, и он ответит!

— Да оставьте вы эту статую! — не выдержал Бол, увидев, что Эррил направляется прямо к ней. — Что в ней такого?

— Это тот самый маленький маг, которого я убил в ночь соиздания Книги, — сухо и отчетливо ответил Эррил. Глаза старика вспыхнули, и Елена снова спряталась за его спину. — И я не знаю, кто и зачем играет со мной сейчас и здесь в эти игры. Но, кто бы он ни был, я покончу с этой подлой игрой.

Старый воин подошел совсем близко к статуе, и по мере его приближения боль на лице мальчика становилась все непереносимей, словно ребенок узнал своего убийцу и боялся снова столкнуться с ним. «Ничего, это всего лишь игра света!» — ободрил себя Эррил и, подняв палец, коснулся лица мальчика. В первый момент он ожидал, что обожжется или, как месть за такое преступление, случится еще что-нибудь непредвиденное и ужасное, но камень остался прохладен и гладок и только был слегка влажен от сырости в пещере.

Эррил бессознательно отмечал про себя, что медленно проводит пальцем по хрустальной щеке. Бродяга уже забыл, насколько юн был тот маленький маг, совсем дитя. И как мал! Конечно, он не заслужил такой участи. Эррил попытался найти слова, чтобы попросить прощения, но вспомнил, что так и не узнал, как звали мальчика.

— Это должно было случиться, — мягко заметил подошедший Бол. — В старинных книгах я читал о необходимости пролития именно невинной крови.

— Но почему пролить ее пришлось именно мне!?

— У всех есть в жизни груз, который надо нести. Фила, Елена, этот мальчик. Времена наступили темные, и если мы молимся о грядущем рассвете, то нам надо встать на колени, не думая о том, как ноют наши кости и как болят жилы.

— Я стоял и молился, — но кто-нибудь услышал!? — Эррил закрыл ладонью искаженное лицо ребенка. — И кто услышал этого мальчика?

— Тропа, которой ты идешь, полна сердечной боли и печали. И не могу сказать, что дальше будет проще. Но могу сказать другое: эта тропка — *единственное*, что освободит тебя от содеянного и оправдает все твои жертвы. Так не остуди своего сердца, Эррил из Стендая!

Рука Эррила бессильно скользнула по запрокинутому лицу вниз:

— Слишком поздно, старик, слишком поздно. Мое сердце остыло много столетий назад.

— Нет, — Бол стиснул плечо Эррила. — Оно огрубело и ожесточилось за пять столетий, но на этой тропе — я обещаю тебе, слышишь!? — ты снова обретешь свое прежнее сердце.

Эррил сморщился, как от боли. Он совсем не хочет снова обрести свое сердце — этой боли ему не вынести.

— Послушайте, — пролепетала вдруг Елена.

Эррил поднял голову и снова обратил внимание на ставший уже привычным шум. Гоблины шипели где-то поблизости.

Итак, снова враг и снова бой. Эррил посмотрел в туннель: там, однако, никого не было, как не было никого и в другом коридоре, выходящем из зала. Но шипенье все же доносилось со всех сторон.

— Они нас заперли, — прошептал Бол.

— А мы стоим на слишком открытом пространстве. Лучше бы нам оставаться в туннеле. Одолеть их невозможно, — вдруг признался Бол. — У нас нет даже оружия. Но они загнали нас сюда не для убийства, ибо могли это сделать уже сколько угодно раз еще на пути.

Эррил снова повернулся к статуе:

— Я не верю логике скальных гоблинов, зато верю в силу оружия, — и с этими словами старый воин подошел к мальчику сзади, взялся за рукоять меча и сильным рывком выдернул его из статуи, причем безо всяких усилий, а легко, словно из настоящих ножен. Теперь он стоял с грозно поднятым мечом в руке, и лезвие сверкало так ярко, словно торжествовало победу и славу. — А вот теперь сразимся! Выходите! Довольно постыдно прячущихся теней и угрожающего шипения!

— Этого вовсе не нужно, — раздался вдруг незнакомый голос.

Эррил резко обернулся, готовый пронзить любого, но навстречу ему из второго прохода вышла небольшая скрюченная фигурка. Это оказался согбенный и заросший седыми волосами старик, жмурящийся от яркого света. Он подошел ближе, и все увидели, что на нем лишь нижнее белье, все в грязи и прорехах, а сквозь них видно тело, покрытое застарелыми шрамами от когтей. Старик хромал, правой руки не было до локтя, а незажившая рана представляла собой воспаленную розоватую массу.

— Кто ты? — спросил Эррил.

Но при этих словах в зал из обеих туннелей ворвалась толпа гоблинов и прижалась к ногам старика, будто робкие нервные тени. Елена схватилась за Эррила. Отовсюду на них смотрели красные огненные глаза. Ловушка захлопнулась.

— Кто ты? — снова повторил Эррил, понимая, что терять им больше нечего.

Старик отбросил с лица грязные сальные волосы и явил взорам собравшихся изможденное лицо, изувеченное шрамами. Нос тоже был оторван и зарос криво, не было и глаза. Беззубый рот улыбнулся страшной улыбкой:

— Как ты не узнаешь меня, Эррил? — спросил старик и хрипло хихикнул, словно сумасшедший. Руки у него ходили сами по себе.

— Я не знаю тебя, исчадь пещер, — с отвращением ответил Эррил.

— Исчадь пещер, говоришь? — снова хихикнул старик, залезая рукой в волосы и что-то ища там. Вытащив оттуда нечто, он сначала долго рассматривал странный предмет, а потом, зажав между длинными желтыми ногтями, сунул это в лицо Эррилу.

— А брат твой никогда не был таким жестоким. Во всяком случае, когда мы виделись с ним в последний раз...

Эррил вздрогнул, онемев. Что это за сумасшедший!? И откуда он здесь?

— Так вы живете со скальными гоблинами? — спокойно поинтересовался Бол.

Старик неопределенно махнул рукой:

— Они меня боятся и зовут «человек-скала» на своем поганом шипящем и цокающем наречии.

— О! Так вы знаете их язык!? — в восторге воскликнул Бол.

— У меня было много времени, чтобы его выучить.

Эррил, наконец, справился с собой. Ему нет дела до гоблинов и их языка, но брат...

— Ты говорил о моем брате, — угрожающе проговорил старый воин.

Глаз старика метнулся к нему:

— О да, Шоркан всегда был смесью наслаждения и отчаяния. Как жаль, что мы его потеряли! — «старик-скала» бросил взгляд на статую. — Мы вообще многих потеряли в ту ночь.

— Хватить молоть ерунду, старик! Кто ты и зачем здесь?

Старик тяжело вздохнул:

— Когда-то меня звали Риалто, Мастер Риалто звали меня мои ученики.

Да разве ты до сих пор не узнал главу школы магов!?

Эррил даже задохнулся от удивления и едва не выронил меч. Мастер Риалто! Немыслимо! И под шрамами и увечьями старый воин действительно вдруг разглядел проступающие знакомые черты. Но как это могло случиться?

Как он мог жить до сих пор?

Все маги считались убитыми скалтурами и псами-солдатами в ночь нападения на школу. Выжил только один мальчик...

— Как это?

Старик улыбнулся печально и равнодушно. Глаз его мгновение загорелся и погас, словно под бременем памяти:

— Той ночью... Я послал твоего брата за мальчиком, надеясь, что спасется хотя бы он. Я тоже хотел... но лорды ужаса поймали меня. К счастью, они решили лишь поиграть со мной как с игрушкой, — старик указал на оторванную руку и рваное тело, но вдруг как-то смешался и начал осматриваться, будто потерял что-то. Глаза его, наконец, остановились на самом маленьком гоблине, и он ловко схватил его за крошечную ручку.

— Правда, хорошенький, пока еще малыш, а?

Эррил скривился. Он никогда не уважал главу Школы, считая его слишком хитрым и меркантильным. Но теперь...

— Хватит загадок, мастер Риалто. Что произошло, наконец?

Слова Эррила словно привели старика в чувство, он выпустил ручку гоблина, и тот перестал визжать. Риалто вытер руку о штаны и продолжил:

— Я... Я был все еще жив, когда скалтуры услышали, что Шоркан с мальчиком ускользнули. Они оставили меня умирать, поскольку пропитали всего ядом донельзя. Но я как-то дотащился до дальней кельи, из которой знал проход в подземелье.

— Вы бросили Школу!

— Я не капитан, чтобы умирать вместе с кораблем! — резко оборвал старик. — Школа все равно погибла. Все, что осталось, — это стоны умирающих и рычание псов Темного Лорда. — Он провел рукой по лицу, словно стирая ужасные картины прошлого, до сих пор стоящие перед глазами. — Я хотел только одного — умереть спокойно, а не в железке скалтура. Вот я и приполз сюда, — «человек-скала» обвел рукой зал.

— Но вы все-таки не умерли, — напомнил Бол. — Ни от ядовитых укусов, ни от возраста.

Глаза Риалто остановились на статуе, и он вдруг стал с потерянным видом подпрыгивать и приплясывать на месте.

Когда стало ясно, что никакого ответа не последует, Бол намеренно громко закашлялся. Шум вернул старика к действительности; но теперь он заговорил тихим шепотом:

— Да, я не умер. Но вместо этого *он* вернулся.

— О ком вы говорите?

— О мальчике, которому я был так нужен. Он как-то узнал, где я, и появился, полный силы. Его свет исцелил меня, и пока я находился рядом, магия не давала мне стареть. А ему тоже нужна была стража, ну, не стража, а кто-то, чтобы приглядывать за ним, — старик совсем понизил голос и зашептал так, словно статуя могла подслушать: — И сначала я так и делал, но ведь школу-то я не смог спасти. Как можно было теперь отказать?

— Но позвольте, эта статуя, что, с вами разговаривала? — изумился Бол.

Риалто как-то неопределенно махнул рукой над головой:

— Нет, он говорил со мной во снах или в грезах — все равно. Словом, это и есть то единственное, благодаря чему я выжил здесь.

Бол, полный изумления, обернулся к Эррилу, словно желая проверить по его лицу, сумасшедший перед ними или нет.

Но не успел — старик подпрыгнул и не своим голосом завизжал:

— Уберите ее! Уберите!

Гоблины тоже заволновались и начали метаться в ногах у Риалто.

Оглянувшись туда, куда смотрел старик, Эррил увидел, как красная ладонь Елены тянется к статуе. Она хотела только посмотреть и потрогать, но безумный визг заставил девочку остановиться.

— Не трогай, не надо, — мягко попросил Эррил. Лунный сокол на ее плече злобно заклекотал, но Елена быстро опустила руку и встала поближе к Эррилу.

Как только она отошла от статуи, старик успокоился, и гоблины тоже, пошипев, улеглись.

— Пусть ничего не трогает, — проворчал Риалто.

— Почему?

— Мальчик ждет только тебя, Эррил. Тебя — и никого иного. Мы с ним оба ждали этой встречи слишком долго.

Эррил прищурился:

— Для чего?

Изувеченный старик ткнул единственной рукой в сторону поднятой руки мальчика, которая кончалась обручком. Эррил не понял, и тогда Риалто стал неистово махать своим обручком:

— Да чтоб ты закончил статую, болван!

Но старый воин не понял, о чем говорит этот безумец. Более того, старик вдруг стиснул кулак и злобно погрозил им Эррилу, — и только тогда в мгновенной вспышке озарения Эррил вдруг осознал нечто:

— Так только за этим вы и похитили ключ?

— Наконец-то додумался! — проворчал старик и пробормотал еще что-то себе под нос, словно продолжая спор с невидимым собеседником. — Ты всегда был таким тугодумом, Эррил! — перестав бубнить, уставился он прямо на Эррила.

Но не успел бродяга ничего ответить, как Риалто начал что-то цокать и шипеть окружавшим его гоблинам, и один из них быстро умчался куда-то.

— У них очень сильно развито ощущение магии, — сказал старик, так и не повернувшись к Эррилу. — Поэтому они меня и обнаружили. При свете им плохо, но магия притягивает. И потому я у них являюсь чем-то вроде бога.

В туннеле послышалась какая-то возня, видимо, гоблину пришлось продирается через толпы других тварей. Действительно, скоро он появился, неся перед собой на сложенных ручках что-то тяжелое. Хвост его беспрерывно мотался туда сюда, тем самым выказывая старику уважение. Наклонив голову, гоблин вытянул ручки, и Риалто с шипением и свистом взял то, что на них лежало.

Гоблин юркнул в толпу, а старик повернулся к Эррилу:

— Для них не стоило никакого труда найти твой ключ. О нем мне сказал мальчик, и я быстро послал их на поиски. Мы знали, что ты вернешься за ключом, и потому ждали. И когда до меня дошел слух, что ты, наконец-то, явился, я послал малыша заманить тебя сюда.

— Но почему было бы не выйти ко мне самому и не избавить нас от этой неуместной игры в догонялки?

Глава Школы нахмурился:

— Я не могу покинуть источник света. Это для меня небезопасно! — старик протянул ключ Эррилу. — Я ждал так долго. Слишком долго. Закончи же статую.

Эррил, не отрываясь, смотрел на ключ. Он так многим рисковал, желая вернуть его, но теперь, когда понял, для чего нужно было это возвращение, остолбенел. В серебряном свете металлический ключ, выплавленный из чистейшего железа на крови тысяч магов, отливал кроваво-красным. Теперь Эррил знал, что делать.

Ключ принял форму кулака — маленького мальчишеского кулака.

Передав меч Болу, Эррил дрожащей рукой взял ключ, и железный кулачок едва не выскользнул из его онемевших пальцев. Сжав его как можно сильнее в кулаке, Эррил шагнул к статуе.

— Только ты, ты один можешь сделать это, — прошептал глава Школы, — ибо твоя рука отняла у него жизнь.

Эррил осторожно положил ключ в форме кулачка на обрубленную ручонку, — он подошел точь-в-точь, и когда Эррил убрал пальцы, кулак остался на месте. Эррил отошел и увидел, что статуя обрела новое выражение: если раньше мальчик, казалось, жаловался жестоким небесам и страдал от боли, то теперь поднятый кулачок свидетельствовал о защите, он был вознесен в решительном и справедливом гневе, и лицо мальчика дышало ответственностью за свои действия.

Теперь это была фигура не мальчика, но *мужчины*.

Эррил стоял и смотрел, и слезы лились по его небритым щекам. И тогда хрустальное лицо статуи повернулось, и прозрачные глаза глянули прямо ему в глаза.

Сзади закричала пораженная до глубины сердца Елена, и раздался сдавленный вздох Бола. Но Эррил слышал лишь бормотанье старого мастера, похожее то ли на экзальтацию, то ли на безумие.

— Только ты мог сделать это, Эррил их Стендая! Ты лишил его жизни, — *и только ты смог вернуть его обратно!*

Могвид прижался к каменной стене туннеля, пока Рокингем пытался соорудить подобие факела из сухой ветки и обрывка Могвидовской рубашки. Сайлур явно боялся этого высокого стройного человека с его быстрыми движениями и подозрительно сощуренными глазами, но не мог не испытывать к нему и уважения за его ловкий язык. А уважения у Могвида заслуживали очень и очень немногие. Даже собственный брат с его преданностью и горячим сердцем вызывал у него только усмешку. А этот... Этот одними лишь словами и хитростью вырвал свободу для них обоих, вырвал у жутких тварей с когтями и крыльями. А Фардайл стал бы сражаться с ними — и получил бы в результате никому не нужную смерть.

И Могвид запомнил урок, невольно преподанный ему Рокингемом.

— Подержи-ка! — приказал Рокингем, безуспешно пытаясь поджечь импровизированный факел. Однако это ему все же удалось, хотя и последней спичкой. — Наконец-то! — Рубашка загорелась, став похожей во тьме на липоватую розу. Тени заплясали по лицам. — Собери еще веток и разорви рубашку на полосы. Факелов должно быть много, потому что никому

неизвестно, сколько нам предстоит пробыть здесь.

Могвид посмотрел в туннель, где скрылся его брат, потом в сторону выхода, где их ожидали скалтумы. Крик Фардайла снова болезненно зазвенел в его ушах.

— Куда мы пойдём?

— Пока будем убивать время. Скоро рассветет, и скалтумы уйдут с открытого пространства куда-нибудь в тень.

— Вы уверены?

Рокингем пожал плечами:

— А мы пока можем поискать, нет ли здесь другого выхода наверх, — подалеже от этих тварей.

Могвид с восхищением посмотрел на своего спутника. Как остер его ум, как опережает он разумом и хитростью даже этих чудовищ!

— Но надо быть осторожней, — произнес Могвид, тоже желая внести свою скромную лепту в дело спасения. — Там внизу кто-то есть, оно шипит. И я думаю, это именно оно и напало на моего брата.

Рокингем поднял пылающий факел:

— Существа тьмы обычно боятся огня, и потому пока мы идем медленно и с огнем, бояться нам особенно нечего.

Могвид кивнул и пошел за Рокингемом вниз по туннелю. Их глухие шаги отдавались эхом в каменных сводах, мох и лишайники плетью свисали отовсюду. Пробираясь дальше, Рокингем напоролся на полусгнивший труп какого-то существа и, не раздумывая, подпалил его факелом. Потом трупики стали встречаться все чаще, и каждый раз сердце подкатывало прямо к горлу Могвида. Где же Фардайл?

— Туннель кончается, — предупредил Рокингем спустя еще некоторое время.

Могвид остановился, не рискуя идти дальше.

— Эта комната похожа на настоящий зал, — продолжал Рокингем, даже не заметив, что Могвид остановился.

Его факел скрылся за поворотом, и Могвида окутала непроницаемая тьма, которая сразу же зашуршала и зашипела и стала нашептывать в уши Могвиду страхи и подозрения. Сайлур знал, что это всего лишь игра воображения, но все равно испугался, и еще более страшным казалось ему то, что, возможно, ждет их впереди. Но самым страшным, однако, являлось одиночество. С самого начала путешествия с ним всегда рядом кто-то находился, неважно, брат или огр. А теперь, когда Фардайл, конечно же, мертв, Толчук потерян в туннеле, а Рокингем ушел вперед, мысль о том, что он остался в этом подземелье совершенно один, полагаясь лишь на собственные разум и сердце, окончательно парализовала Могвида. И сайлур невольно пошел вперед, где скоро появился факел Рокингема.

— Да, неплохой зал, — бормотал Рокингем, продолжая обследовать помещение со стороны выхода из туннеля. — И отсюда ведет много других проходов. Но куда они ведут — никому неизвестно.

Могвид робко высунул голову из туннеля. Никаких следов Фардайла или кого-нибудь другого видно не было, шипение же стало еще громче и отчетливей. Правда, сайлур, пожалуй, вообще ничего не слышал; все заглушали бешеные удары сердца и шум крови в ушах от страха.

— Может быть, то, что внизу, давно съело тут всех и теперь насытилось? — прошептал он.

— Остается только уповать на это, но рассчитывать невозможно, — сухо ответил Рокингем.

— И что же нам теперь делать?

— Слишком много путей идет отсюда, и потому у нас есть прекрасная возможность затеряться. Короче, я говорю о том, что лучше мы переждем здесь до рассвета, а потом попытаемся вернуться тем же путем, что и пришли.

— А женщина?

— Нилен?

— Да.

На лице Рокингема обозначилась скорбь, но Могвид видел, что это лишь ловкое притворство:

— Она выиграла для нас свободу ценой своей жизни.

На мгновение в груди Могвида поднялась волна настоящего горя, но он быстро поборол ее. Он жив, — а это главное.

К тому же, нюмфаи всегда очень прохладно относились к его народу.

Наступило неловкое молчание, поскольку ни один из двоих не хотел признаться в своих мыслях.

Но молчание все равно приходилось нарушать — хотя бы для того, чтобы избавиться от памяти о строгих фиалковых глазах.

— А ты и вправду оборотень? — поинтересовался Рокингем, сев спиной к стене так, чтобы видеть перед собой весь зал.

Могвид слегка склонил голову, неожиданно смущенный той репутацией, которую его племя заслужило среди людей.

— Мы называем себя *сайлурами*, — уклончиво ответил он.

— И ты действительно можешь принимать любое обличье, какое тебе вздумается?

— Да, когда-то мог.

— Как, наверное, это здорово!

Могвид удивленно поднял глаза, никак не ожидая услышать такую похвалу из уст человека.

Люди всегда только ненавидели их, ибо им была противна сама идея оборотничества.

— Сбрасывать старую шкуру и надевать новую — это замечательно, и порой так необходимо. Вот так, просто, бросить старую жизнь и начать новую. Новое лицо, новое тело, — Рокингем посмотрел в темноту затуманенными глазами, но быстро взял себя в руки. — А сейчас это было бы особенно здорово, в моей-то ситуации, — с легким смехом закончил он.

Да, этот человек был странен и совсем не таков, каких Могвид рассчитывал встретить по другую сторону гор. В его лесу все появлявшиеся люди были охотниками, то есть грозой и ужасом всех лесных обитателей. И Могvidу захотелось узнать побольше о своем новом товарище.

— А что у вас за ситуация?

Рокингем посмотрел на него, словно оценивая, затем вздохнул и рассмеялся:

— А что изменится, если я расскажу тебе о ней? Меня послали выловить девочку в этой долине — ребенка, который, как считает хозяин здешних мест, стал ведьмой.

Понижающаяся улыбка появилась на губах Могвида. Конечно, этот человек разыгрывает его: он сам слышал немало историй о ведьмах, но это лишь сказки, над которыми все смеются.

Однако Рокингем понял его улыбку:

— Нет, дружище, это не досужая сказка, и Темный Лорд прав: девочка — настоящая ведьма.

Затаив сомнения, Могвид приготовился слушать дальше, правда, решив про себя, что его, конечно же, все равно хотят обмануть.

— Это та самая девочка, про которую спрашивали крылатые чудовища?

— Да. Но она скрылась, я ее не нашел, а потому и сам не останусь ненаказанным. Теперь мне надо или бежать туда, где меня не достанет власть Черного Сердца — или любым способом добывать девочку.

— А где она?

Лицо Рокингема посуровело:

— Очень бы мне и самому хотелось знать это, черт тебя возьми! Если она такая ловкая, то давно уже удирает, зажав хвост промеж ног, и будет удирать до тех пор, пока не переберется за Великий Западный Океан.

— Но если вы ее поймаете, то спасетесь?

— Не только спасусь, но буду награжден — Темный Лорд одарит меня богатством и силой магии.

У Могвида пересохло во рту, и он тоже быстро присел рядом с Рокингемом:

— Магии? Ваш хозяин знает магию!?

— О, да, знает. Еще как знает, — Рокингема передернуло. — Он умеет делать... поразительные вещи.

— Значит, его глубоко почитают?

Пораженный такими словами Рокингем посмотрел на Могвида, но не выдержал и рассмеялся:

— *Почитают!* — чуть не захлебнулся он. — Знаешь, я в жизни не слышал, чтобы кто-то употребил это слово по отношению к моему августейшему хозяину! — Он хлопнул Могвида по плечу: — А ты мне нравишься, оборотень! У тебя поразительный взгляд на мир! Особенно на наши края!

Могвид не знал, как ответить на эту похвалу, не будучи уверенным, что над ним не смеются в очередной раз.

— Но что тебя-то занесло к нам, тебя, оборотня, который не может оборачиваться?

— Мы... Я ишу излечения. В книгах упоминается место под названием Алоа Глен, в котором до сих пор сохранилась сильная магия, — неожиданно Могвида осенило, и он впился глазами в Рокингема: — Так это и есть то место, где находится ваш хозяин!?

Но глаза Рокингема вдруг стали печальными, начальник кордегардии низко опустил голову:

— Мне неприятно говорить тебе это, но ты должен знать правду. Алоа Глен — это всего лишь миф. Я объехал всю нашу страну вдоль и поперек — такого города не существует.

Слова Рокингема упали на душу Могвида могильным камнем. Голос его дрогнул:

— Вы... вы уверены? — сайлур еще раз всмотрелся в Рокингема: тонкая кожа, которую не может защитить даже одежда, нежные кудри... Куда ему

объехать всю страну! — Нет, вы неправы! Неправы!

— Я не хочу тебе зла, верь в свои небылицы, но это место разрушено много столетий назад и затоплено морем.

— Тогда как же я освобожу мое тело от заклятия?! — вопрос был обращен уже не к Рокингему, а к самому себе.

Но Рокингем ответил на него, хотя и не сразу:

— Я уверен, что это может сделать для тебя мой хозяин. Его магия не знает себе равных.

Сердце Могвида отчаянно застучало, и он крепко уцепился за эту идею:

— А он захочет?

— Мой хозяин не раздает милостей даром. Но как знать, если я представлю тебя своим другом... — голос Рокингема вдруг упал до шепота. — Нет, это невозможно. Я не смею показаться при дворе, тем более привести кого-то...

— О, я понимаю! Но если вы поймаете девочку! — воскликнул Могвид, схватившись за новую надежду. Ведь не все еще потеряно. — Вы ведь говорили о настоящем изобилии даров: богатство, магия...

— Разумеется. Имея на руках девочку, можно просить о многом, почти обо всем. Но девочки нет.

Могвид чуть не расплакался:

— Должен же быть какой-то выход!

— Да, должен. И кто знает, может, мы еще и найдем ее, — меланхолично продолжил Рокингем. — И если ты мне поможешь, то и поиски, и поимка будут легче...

Могвид даже задохнулся от счастья и повернул к Рокингему плачущее лицо:

— Я помогу вам! — На мгновение ему показалось, что в глубине черных глаз Рокингема мелькнула лукавая улыбка, но тут же оно вновь стало приветливым и открытым. И Могвид повторил еще раз, хотя теперь и с меньшим энтузиазмом: — Я помогу вам найти девочку.

— Ты хочешь убить ведьму? — спросил Крал, всячески пытаясь заглушить в себе желание потянуться к хрупкому горлу эльфа. Он уже знал, что ведьмой называют эту маленькую девочку Елену, с которой он пробыл целый день и в которой не заметил никакого отличия от прочих детей ее возраста, — никакой магии, никакого колдовства, — просто несчастный ребенок.

— Но какое дело до этого тебе, человек с гор? — равнодушно спросил Мерик, глядя на удаляющуюся спину огра. Впереди маячила расщелина. — Впрочем, скажу: если я убью ведьму, то избавлю эту долину от множества бедствий.

— Но это не твоя страна, эльф. И ты не смеешь убивать здесь никого, хотя и ради исполнения ваших пророчеств.

Мерик насмешливо взглянул на горца:

— Не пытайся остановить меня, чтобы не узнать самому, как легко и быстро умеют убивать эльфы.

— Поговорим об этом, когда ты будешь на коленях просить прощения, — прорычал Крал и вытащил из чехла топор. Топор ловко лег в его ладонь, словно век был там. Холод рукояти заставил Крала торжественно улыбнуться. Если этот эльф хочет битвы, он ее получит к всеобщему удовольствию обеих сторон.

Мерик посмотрел на лезвие, лицо его потемнело, и веки опустились, скрывая угрозу.

Крал сделал шаг вперед и тут же понял, что несмотря на отсутствие мускулов, у Мерика была гибкость и точность змеи. И в них таилась настоящая опасность, какая прячется за скрытыми до поры зубами гадюки. Крал перехватил рукоять, оставив свободным большой палец, чтобы лучше маневрировать оружием и стал ждать. По обычаю горцев, он предпочитал дать противнику первым нанести удар.

Что Мерик и сделал, причем, с поразительной скоростью.

Эльф вдруг исчез с того места, где стоял, и оказался за ближайшим валуном. В кулаке у него блеснуло лезвие настолько острое и настолько тонкое, что казалось лишь тенью. И Мерик прыгнул из-за камня так стремительно, что Крал даже не смог уследить за его движением. Только каким-то шестым чувством он понял это движение и едва успел поднять топор, чтобы отразить удар прямо в живот. Он не видел нападения, но сумел отразить его, ударив по кинжалу с такой силой, что выбил из рук Мерика. Эльф отступил на шаг, поднял оружие, и лицо его вспыхнуло неприкрытой ненавистью.

И тогда Крал понял и то, что эта атака истощила эльфа.

Ни одно существо не может двигаться с такой неестественной скоростью долго. Или в крови у эльфа есть какая-то другая сила?

Мерик произнес что-то сквозь стиснутые зубы.

Крал теперь надеялся лишь на то, что устоит до тех пор, пока эльф устанет. Теперь он взял топор обеими руками, и мускулы на его руках взбурлили от напряжения. Мерик прищурился и стал медленно поднимать кинжал.

Неожиданно свет в пещере резко изменился: слабый свет зеленого камня стал красен, как кровь, и оба противника одновременно обернулись посмотреть, в чем дело. Перед ними стоял Толчук, и руки его были высоко подняты над головой, а в этих чудовищных руках лежал камень размером с бычье сердце. Именно от него и исходил этот слепящий кровавый свет, словно воплотившийся гнев огра.

— Остановитесь! — громовым голосом крикнул он, и эхо загудело под сводами: — Вы клялись! Вы братья! А брат не должен убивать брата!

Но не слова Толчука, и не слепящий свет красного камня заставили Крала опустить топор, а выражение стыда и боли на лице огра. Внезапно Крал почувствовал, что и его лицо заливают краска стыда, а Мерик молча опустил голову и кинжал исчез из его руки. Крал так и не понял, куда он делся — оружия не было ни на полу, ни в ножнах, да и ножен тоже не было.

— Почему вы деретесь? — спросил Толчук, опуская камень.

— Из-за ведьмы.

— Крал, похоже, ты знаешь эту женщину?

И Крал не мог солгать, причем, во второй раз:

— Мне кажется, я знаю, о ком говорит эльф, — тихо ответил он. — Но это не женщина, а ребенок.

— Ребенок или нет, она чудовище, — вступил Мерик. — И я убью ее. И все, кто помогает ей, — исчадия зла и погибнут с ней вместе.

— Но я знаю эту девочку. И видел, как и кто пытались ее убить, и видел, какими благородными и честными оказались ее защитники. А потому с радостью встану на их сторону и, если надо, погибну рядом с ними.

Слова Крала поколебали уверенность Мерика:

— Но оракул из Сельфа предупредил...

— Меня не интересует, что там сказали оракулы! Пророчества чаще всего произносятся таким туманным языком, что понять их правильно почти невозможно. Открыто и честно говорят только скалы.

Камень в руках Толчука стал угасать, и огр быстро убрал его в набедренную сумку.

— Я согласен с горцем, — грустно сказал он. — Оракулы не всегда говорят прямо.

— А пролитую невинную кровь не вернешь, — попыток Крал. — Ребенок не сделал ничего, из-за чего можно было бы хвататься за нож. И я буду судить о ней лишь по ее поступкам, а не согласно словам какого-то заморского оракула.

Мерик, несколько смущенный, переводил глаза с Толчука на Крала:

— Ваши слова идут от сердца, — пробормотал он. — И я подумаю над ними.

— Но дай слово, что не навредишь девочке, ведьма она или нет.

— Я удержу свое оружие, — нехотя пообещал эльф.

— Хорошо. Тогда пошли дальше, — и Толчук пошел снова вперед.

За ним последовал, убрав топор, Крал.

Мерик быстро обежал горца и пошел посередине. Горец шел, глядя ему в спину, и с души у него так и не сходила какая-то смутная тревога, а из головы не шли прощальные слова Нилен: *«Не верьте Мерику»*.

Эльф лгал и сейчас.

Елена в ужасе прижалась спиной к стене, не в силах отвести глаз от оживающей статуи. Когда ее плечи коснулись камня, лунный сокол вспорхнул и подлетел поближе к хрустальному мальчику. Статую затопил ровный мерцающий свет, но сокол пролетел дальше, в туннель, из которого они недавно вышли. Несколько гоблинов попытались, подпрыгнув, поймать птицу, но, судя по пронзительным крикам, соколу удалось благополучно миновать эту опасность.

Однако теперь даже потеря птицы произвела мало впечатления на девочку. Перед ее глазами разворачивалась удивительная картина: хрусталь постепенно становился жидким светом, сначала голова, потом тело; как роза, раскрывающая свои лепестки навстречу солнцу, скульптура словно наливалась все более ярким сиянием.

Но была в этом превращении и боль. Вернее, как, спустя несколько секунд, обнаружила Елена, боль была в ней: ее правая рука стала гореть, словно кто-то натянул на нее слишком узкую огненную перчатку. Девушка поднесла руку к лицу: ничего не изменилось внешне, никаким огнем не горели красные пальцы, но боль становилась все непереносимей.

Она спрятала руку в складках рубашки, словно желая охладить призрачный огонь, и под тканью жжение действительно немного ослабело, превратившись в ноющую боль. Так, стоя с рукой у сердца, Елена поняла, что руку надо держать скрытой от света, исходящего от мальчика. Однако желание

броситься к источнику света и смешать две боли все не покидало ее. Девушка начала дрожать. Странное сочетание соблазна и отказа боролись в ее груди. Но память о предупреждении сумасшедшего старика, чтобы она не подходила к статуе, все-таки удерживала ее на месте.

Елена повернулась в сторону этого старика с гоблинами и обнаружила, что тот смотрит прямо на нее. Гоблины оживленно суеились у его ног, их хвосты мотались в разные стороны от возбуждения. Изменения в статуе подвывали и на них. Один, маленький, все пытался вскарабкаться по ноге старика, цепляясь острыми когтями по одежде и прямо по телу. Старик молча смахнул его на пол, по бедру потекли Струйки крови, но Риалто все не отрывал глаз от Елены.

И вдруг он сказал ей что-то, причем губы его свела судорога ненависти.

«Ведьма», — догадалась она.

Девушка попыталась совсем вжаться в стену, чтобы уйти от этих сверлящих ненавидящих глаз, но к счастью, подошел Бол и встал между ней и безумными старческими глазами. Обняв племянницу за плечи, Бол пробормotal:

— Похоже, что Чи снова здесь, — дядя тоже во все глаза смотрел на статую. — В воздухе так и чувствуются следы древнего духа.

Елена обмякла в надежных руках. Она тоже чувствовала эхо какой-то давно минувшей силы, которая закипала в крови и звала вперед. Бол печально улыбнулся, и глаза его блеснули влагой:

— Ах, если бы это могла видеть Фила! — прошептал он и еще крепче обнял Елену.

И эти слова вдруг всколыхнули в девочке всю боль о тех, кого она потеряла всего за два дня, — о матери, отце, тетке, брате, филине, жеребце и себе самой.

Но и сквозь слезы девушка продолжала неотрывно смотреть на середину зала.

Эррил стоял неподвижно, словно сам превратился в статую. Его глаза тоже сверкали, но не слезами и не удивлением, — они горели ужасом. Наконец, старый воин просто рухнул на колени, так, что голова его оказалась вровень с лицом мальчика.

— Прости меня, я виноват, — прохрипел он так неразборчиво, что девочка скорее угадала, чем услышала эти слова.

И статую коснулась его головы железным кулачком, потом кулачок распрямился, и мальчик возложил открытую ладонь на плечо коленопреклоненного Эррила. Тот вздрогнул.

— Нет, — свистящим звуком ненастроенной флейты произнес мальчик. — Это я один виноват во всем. Я предал всех вас.

Эррил смотрел, как боль в лице мальчика становится все глубже, и знал, что его лицо зеркально повторяет эту боль.

— Но я убил тебя, убил своим мечом, — рыдая, произнес бродяга, и снова перед его глазами возникла лужа крови на деревянном полу.

Рука на его плече потяжелела, а голос стал громче. Теперь Эррил даже мог различить в нем акцент жителя побережья:

— У меня мало времени. Вне хрустала дух мой скоро развеется навсегда. Но знай, Эррил из Стендая, ты убил меня не насовсем. Я все еще жив, но твое лезвие поразило во мне лишь то, что каждый честный человек готов убить в себе сам.

— Ты говоришь бессмыслицу. Я помню, как ты лежал мертвым на полу харчевни.

Хрустальные губы печально улыбнулись:

— Неужели ты так и не понял до конца смысла того, что случилось той ночью? Прошло столько лет, но как мало прибавилось в тебе мудрости... Впрочем, оставим... я уже никогда больше не предаю своих братьев.

— Предайшь? Но ведь нас предал проклятый Грешюм, сыгравший с нами черную шутку! А мы оказались лишь слепыми Орудиями в его игре!

— Я бы хотел, чтобы было так, рыцарь Ордена. Но ты не прав. Ни Грешюм, ни твой брат не нарушили правил чести. Когда сила вышла и Книга создалась, мы только тогда поняли, что действительно от нас требовалось. И сначала мы думали, что расплатимся за это только своими жизнями. Но чем дальше бушевала магия, тем явственней мы понимали, что стоит это будет гораздо дороже, — тут мальчик закашлялся. — И я понял это, и меня охватила паника. И они остались, а я сбежал.

Эррил снова в тысячный раз вспомнил круг, очерченный воском, вспомнил кричавшего в ужасе Шоркана... и мальчика, пробивающегося за пределы круга.

— Но что случилось? Что вы поняли?

Голос мальчика упал до хриплого шепота:

— Для того чтобы создать Книгу, мы все должны были принести жертву. Из нас забиралось все самое лучшее, благородное и чистое — и

передавалось в Книгу. — Он задохнулся.

Эррил тоже стоял молча, пытаясь избавиться от старого видения.

— Но потом потребовалось большее — после того как мы стали низкими мерзавцами, нам не суждено было умереть *никогда*! — мальчик посмотрел на Эррила, и в глазах его блеснул ужас. — Зло и глупость наши оставались жить *вечно*!

При последних словах перед глазами Эррила возникло искаженное временем лицо Грешюма, которое он тщательно скрывал на улице Винтерфелла, — горькое лицо.

— Я видел Грешюма, — прошептал Эррил. — Он был в одеждах гульготалов, он стал черным магом...

Мальчик опустил голову:

— Вот какова конечная цена. За то, чтобы создать Книгу, которая поможет бороться против Темного Лорда, от нас потребовали, чтобы мы отдали ему часть себя. Нужно равновесие. За нашу доброту и свет все равно приходилось платить, подарить зло и глупость Гульготе, стать орудием... — мальчик сжал плечо Эррила еще крепче. — И я не смог заплатить такую цену.

— И ты убежал.

— Но было уже слишком поздно. Деление моего духа уже началось, и остановить его было невозможно. Когда я пробился сквозь магический круг, все зло во мне вышло наружу и напало на тебя.

Эррил вспомнил уродливое клыкастое существо:

— Так тот зверь, которого я убил в харчевне, был твоим злом?

Мальчик кивнул:

— А пока ты сражался со зверем, я вылетел через разорванное кольцо, не оставив Книге ни своей доброты, ни света.

В панике мой дух, все еще оживленный энергией Чи, вернулся в привычное место — я обнаружил себя в Школе и почувствовал, что там есть еще один маг, оставшийся в живых — мастер Риалто, умирающий от ран в этой подземной дыре. Я вылечил его и поддерживал жизнь своей силой. Но я чувствовал, что наступит время, когда смогу покаяться в своем позоре, и потому кристаллизовал мой дух, спрятал в пещере, сделал Риалто своим стражником и стал ждать. Я знал, что раньше или позже, но ты придешь. И когда ты возьмешь мой грех, а я твой, мы соединим наши половины, ты и я, узамы времени и места.

— Но для чего? Что от меня требуется?

— Мы с тобой должны закончить то, что начал твой брат Шоркан. Книга еще не завершена. Я должен присоединить свой дух к двум другим, чтобы завершить то, что было начато той зимней ночью пятьсот лет назад.

— Но как?

— Ты проведешь меня к Книге, — тут мальчик обернулся в поисках Елены, но та проворно юркнула за дядину спину. — Проведешь вместе с ведьмой. Все должно быть сведено воедино.

Эррил освободил плечо от железной руки:

— Книга далеко отсюда. Как нести статую...

— Не надо ничего нести. Ты принес мне талисман? — мальчик поднял вверх правую руку, которая на мгновение снова превратилась в ключ от Алоа Глен, а потом тут же опять сделалась кулачком. — Ты должен взять ключ, чтобы разомкнуть магическую завесу вокруг затопленного города. Но я сделаю этот ключ более чем простым куском железа в твоем кармане. Я... — мальчик неожиданно скривился от боли, и статуя стала плотнее и грубее, как застывающая кровь. Теперь мальчик мог говорить и двигаться с трудом. — Больше я не могу удерживать свой дух вне хрустала. Время прошло быстро, и теперь мне надо или вернуться обратно в хрусталь, — или стать новым сосудом.

— Что я должен сделать!? — вскричал Эррил, не зная, что предпринять.

— Я должен присоединиться к ключу, — и с этими словами малыш протянул правый кулачок к Эррилу. — Это и будет моя новая форма. Но больше я не смогу говорить с тобой.

— Но я должен...

— Я должен покинуть тебя, — голос мальчика становился все глуше с каждой секундой, и вот свет статуи начал гаснуть, сначала по краям, а потом все ближе и ближе к середине. Лицо расплывалось, железный кулачок все больше вбирал в себя густую жидкость. — Теперь я могу ответить только на один... последний вопрос, рыцарь... — голос доносился уже словно из глубины пещеры.

В мозгу Эррила пронеслись тысячи вопросов, все те, которые возникли у него за пять столетий и останутся теперь без ответов. Язык его путался в них, но лишь один соскользнул с пересохших губ — лишь один вопрос, который он задавал себе бесконечными годами, казняя себя за то, что не задал его вовремя. И теперь не мог упустить свой шанс:

— Но как зовут тебя, мальчик!?

Мальчик молчал, и по щеке его проползла единственная слеза — слеза благодарности.

— Динал. Меня зовут Динал.

— Я никогда этого не забуду, — низко склонил голову Эррил. А когда старый воин поднял голову, статуи уже не было — она превратилась в чистейшую силу, и железный кулачок повис в воздухе, впитав в себя энергию души и магии одновременно. И в тот момент, когда угас последний отблеск света, уха Эррила коснулся нежный шепот мальчика:

— Ты прощен.

Свет в последний раз взвихрился вокруг кулачка, и на пол со звоном упал только клочок от Алоа Глен. Тьма поглотила все вокруг. И, пользуясь этой тьмой, Эррил вытер кровавый след, оставшийся на его мече с той ночи, спустившейся на их страну пятьсот зим назад.

КНИГА ПЯТАЯ ГРОМ

Толчук прильнул к расщелине, прильнул так плотно, что даже ободрал кожу на лице. Он мог поклясться, что видел только что мелькнувший там, в глубине проблеск света, причем, света совершенно непривычного. На языке огров существовало никак не меньше десятка слов, описывающих свет в туннелях и пещерах, но то, что он увидел сейчас, не подходило ни под одно из этих описаний. Однако когда огр пролез в расщелину, свет исчез. Толчук молча и напряженно смотрел в темноту, не желая согласиться, что, может быть, это просто тьма играет шутки с его уставшими глазами.

Но огр не мог не знать и того, что глаза его отнюдь не устали и по-прежнему зорки, и потому скоро сосредоточился на другом. Почему, как только он увидел этот странный свет, то желание, почти понуждение, которое так гнало его вперед, утихло? Камень сердца молчал. Это обстоятельство поразило Толчука, пожалуй, еще больше, чем таинственный свет. Что же происходит?

Позади огр услышал тяжелые шаги Крала и легкие — Мерика. Обрадованный Толчук тотчас же решил идти дальше, ибо неясность положения и неразрешимые вопросы уже начали утомлять его.

— Что там за странный свет? — спросил горец, опершись на стену и тяжело вдыхая сырой подземный воздух.

Мерик же провел рукой по рваной рубашке, стараясь привести в порядок те лохмотья, что свисали с его узких плеч.

Черное пятно на его бедре все росло, и это означало, что рана снова начала кровоточить.

Эльф стоял, едва переводя дыхание и стараясь не опираться на раненую ногу. Но в глазах его горело раздражение.

— Свет, кажется, пропал, — сказал Толчук, не зная толком, куда теперь идти, раз Камень сердца больше не указывал ему никакого направления.

— Ты сказал, что твой друг пошел туда, — так, может, он нашел выход?

— Никакого ветерка, никакого движения воздуха. Словом, я не чувствую *нелодара*.

— Чего?

— Это слово огров, оно означает — воздух снаружи пещеры, воздух, свободный от подземных запахов, — пояснил Толчук весьма рассеянно, ибо увидел в глубине какую-то движущуюся тень. Он прищурился. Тень по левой стороне туннеля двигалась к ним, но вдруг замерла. Напрасно огр всматривался еще и еще, — все оставалось неподвижным. Может быть, он опять ошибся? Но в тот же миг тень двинулась снова. И Толчук предупреждающе зарычал.

— Что это? — уточнил Крал, мгновенно вытаскивая топор.

— Что-то приближается к нам, — Мерик тоже подошел к расщелине и направил лезвие своего кинжала в темноту.

— Гоблины?

Толчук не был в этом уверен и потому оставил вопрос эльфа без ответа. Все трое застыли у расщелины.

— Можешь сделать свой дурацкий свет поярче? — зашипел на Мерика нервничающий Крал. Эльф молча поднес зеленый камень к губам и подул. Камень, как вздутый уголек, засиял ярче, и Мерик поднял его, направив в сторону туннеля.

И тут из темного сплетения теней этот выхватил два больших глаза янтарного цвета.

— Кто это? — прошептал Крал и бросил в туннель камень. Оттуда послышалось сдавленное рычание. — Волк! — и Крал крепче взялся за рукоять.

Толчук вцепился в держащую топор руку:

— Нет, это мой друг.

Слова огра, видимо, долетели до волка, и рычание сменилось

ворчанием, показывающим, что остальным волк все-таки не доверяет.

— Все хорошо, Фардайл! Выходи! — позвал огр.

Волк вышел медленно и осторожно, не сводя глаз с Толчука, в мозгу которого тотчас возникло множество картинок. Но понять их сайлур толком так и не успел, поскольку послышался обиженный и возмущенный голос Мерика:

— Так мы проделали этот страшный путь ради твоего волка!?

— Фардайл не волк, — раздражено ответил Толчук, пытаюсь одновременно понять смысл стоявших в его сознании видений. — Он мой брат по крови. У нас с ним одни предки.

Картинки, посылаемые сайлуrom-волком, требовали осмысления все настойчивей, и сбитый с толку огр очень смутно начал понимать, что там, за этим туннелем, произошло что-то совершенно таинственное, но что — он все никак не мог понять.

Свет вспыхивает. Плоть течет, как вода.

Образы были полны печали и боли, словно Фардайл хотел как можно быстрее от них избавиться, но в то же время их красота и таинственность пленяли волка.

— А где остальные? — вмешался Мерик. — Ты говорил, что видел два источника света.

Толчук кивнул.

— Где они, Фардайл?

Волк потянул носом и повернулся в сторону туннеля, откуда пришел.

— Похоже, что они уходят, — вздохнул горец. — Надо и нам двигаться.

Волка твоего мы нашли, теперь давайте искать выход.

Фардайл снова пристально посмотрел на огра.

— Остальные нашли выход? — спросил Толчук.

Но в ответ он увидел только одно — *гоблины*. Сотни гоблинов. Это означало, что волк возвращался по туннелю, а мимо него в такой спешке и ужасе пронеслись гоблины, что даже не заметили хромого раненого зверя.

— Ну, и чего мы ждем? — торопил Крал. — Волк все равно ничего нам не скажет.

Толчук внимательно посмотрел на горца:

— Он скажет. И уже сказал. Там, впереди, гоблины. Они поймали остальных.

— Он тебе так и *сказал*? — фыркнул Крал.

— Здесь, в наших краях, есть много такого, что вам только предстоит узнать, человек с гор.

— Возможно, но скажу другое: сейчас надо уходить отсюда. Если этот путь занят гоблинами, значит, надо искать другой. Может быть, по другую сторону пропасти.

— И мы бросим всех остальных на растерзание гоблинам!?

— Это меня не касается, — бросил Крал. — У меня тоже друзья наверху, и они тоже в опасности. Я за них отвечаю.

— Но Фардайл показал мне остальных. Они вашей расы, и охраняет их лишь мужчина с одной рукой. И мы оставим их с такой жалкой защитой!?

Крал изумленно раскрыл глаза:

— С одной рукой?! — горец перевел удивленный взгляд, в котором теперь было видно уважение и восторг, на волка. — Но этого не может быть! Тут внизу? Так что... этот твой волк сказал... показал... что эти твари с ними делают? И они... это кто?

— Однорукий охраняет человеческую девочку и старика с усами.

— Сладчайшая мать, это они!

— Кто?

— Мои друзья! Скорее! — Крал ринулся в туннель, а за ним, развернувшись, побежал Фардайл.

Толчук тоже уже начал пролезать в расщелину, но услышал позади равнодушный голос эльфа:

— Я с вами не пойду.

— Ты дал клятву! — вдруг глухо прокричал Крал, остановившись и снова хватаясь за топор.

Мерик пожал плечами:

— Я выполнил свою клятву, поскольку клялся помогать вам до тех пор, пока огр не найдет своего приятеля, — он указал на волка: — Что ж, вот он. И это *единственное*, в чем я клялся, и теперь свободен от всяких обязательств. Я забираю свет и сам иду на поиски своего сокола. Вы слишком утомительные спутники.

— Ты чудовище! — взревел горец. — Нам нужен свет!

— Это меня не касается, — криво усмехнулся Мерик, повторив фразу, брошенную минуту назад самим Кралом, причем с той же интонацией и тем же презрительным тоном. — Я, так и быть, дам вам одну вещь, которая вам поможет... — Крал ждал, насупив брови. Мерик улыбнулся, беспощадно сверкнув глазами: — Я дарю вам свои наилучшие пожелания.

Крал зарычал и в бешенстве бросился к эльфу. Но Толчук успел остановить его:

— Нет! Нельзя проливать кровь! — Крал вырывался, но из объятий огра вырваться трудно. — Мерик свободное создание, не слуга и не раб. Он выполнил слово.

Эльф признательно кивнул Толчку, но глаза его по-прежнему смотрели на горца.

— Но нам ничего не сделать без света! — отчаянно возразил Крал. — И ты, эльф, хочешь, чтобы они погибли!

— Но я прекрасно вижу в темноте, — попробовал успокоить его огр. — Я отведу вас к вашим друзьям, и у них есть свет. И как только мы до них доберемся, свет эльфа все равно нам станет не нужен.

Но Крал все рвался, не убежденный словами Толчука.

— Прощайте, я ухожу, — улыбнулся Мерик. — Удачи, огр. Тебе я желаю успеха.

Толчук кивнул, все еще продолжая удерживать горца, и тут же увидел короткий проблеск света в глубине туннеля.

— Подождите! — крикнул он. — Смотрите!

Все глаза устремились к туннелю, проблеск быстро становился сиянием, потом отчетливым светом, передвигающимся медленно, ровными взмахами вверх и вниз.

— Это мой сокол! — крикнул Мерик, когда птица подлетела ближе.

В алмазной вспышке сокол перелетел через голову Толчука и опустился на правое запястье эльфа. Птица чуть свела крылья, грудь ее вздымалась, словно от изнеможения. Через несколько секунд его яркий свет погас, оставив лишь слабое мерцание.

— Теперь он может поделиться с нами камнем, — настаивал Крал, прижавшись к уху огра. — Он же нашел свою птицу и может использовать ее свет, чтобы освещать свой трусливый путь отсюда!

Мерик услышал эти слова и, поглаживая соколиные крылья, надменно ответил:

— Нет, камня ты все равно не получишь.

Крал опять рванулся из рук огра, который теперь удерживал его не совсем искренне, ибо в изменившейся ситуации сам полагал, что эльф ведет себя не очень-то достойно. А горец говорил правду, сейчас эльф может обойтись и без камня.

— Я не дам вам камень, зато сам пойду с вами, — неожиданно усмехнулся Мерик.

— Зачем? — взорвался Крал. — Что это вдруг за странное милосердие? Зачем нам теперь твоя помощь?

— Я не предлагаю вам никакого милосердия. И помощи, — Мерик коснулся хохолка на голове сокола. — Когти птицы стали серебряными. Это знак, — эльф старался говорить по-прежнему небрежно, но радостное возбуждение так и сквозило в его голосе: — Он нашел нашего потерянного короля.

Нилен встала, прислонясь спиной к стволу старой ели, и пальцы ее быстро побежали по твердой морщинистой коре. Неподалеку всхрапывала от страха кобыла, зашедшая в лес настолько, насколько позволяла привязь. Бедная Мист все еще надеялась скрыться среди деревьев.

Нилен старалась не обращать внимания на нависшего над ней скалтума, который все время облизывал узкие губы длинным черным языком. Второй страж, свободный от обязанностей, пошел доедать остатки жеребца. Хруст костей и жадное чавканье заставили нюмфаю прикрыть хотя бы глаза.

Она все продолжала расковыривать кору ногтями, почти специально причиняя себе боль, лишь бы отвлечься и не кричать от ужаса перед нависшим над ней чудовищем. Эти твари, уверенные в своей силе, даже не потрудились связать ее. Что ж, в этом они, пожалуй, правы, ибо быстры и проворны, как змеи, сильны, как львы, и глаза их остры даже в темноте. Спасения для маленькой женщины не было.

Нюмфая ждала, глядя на переплетенный корнями вход в пещеру.

Рокингем предал ее, но, несмотря на ненависть к этому мерзавцу, она все же надеялась, что он действительно спас хотя бы сайлура. А если он еще и сумеет найти в лабиринтах подземелья Крала и огра и предупредить их, они тоже найдут какой-нибудь выход и снова ускользнут из когтей преследователей. Значит, ее смерть не пройдет даром. Так, по крайней мере, хотелось ей надеяться.

Нилен вздохнула. Она должна поддерживать обман Рокингема до тех пор, пока возможно. Пусть эти скалтумы думают, что она и вправду сестра той девочки, которую они ищут. Это пока дарует ей жизнь и держит чудовищ вдалеке от домика старика.

Нюмфая верила, что Эррил с ребенком и стариком все-таки выскочили из дома и теперь уже далеко отсюда. И чем дальше она будет поддерживать подлый обман, тем больше шансов спастись у всех остальных. И Нилен прикусила губы и приготовилась ждать и жить

столько, сколько отпущено судьбой.

Скалтум, видимо, увидел, что женщина неотрывно смотрит на вход в пещеру.

— Не бойсься, малышка, сссссстрица твоя сссскоро придет, — рассмеялось чудовище. — Какая сссладкая всссстреча ждет вассс! Я даже разрешу вам обнятьсься!

Нилен ничего не ответила и только отвернулась, чтобы скалтум не прочел на ее лице страха. Он может убить ее, но развлечения она ему не доставит.

Ногти ее, наконец, прорвали кору и добрались до мягкого тела дерева. Она положила на него пальцы, и боль в них тотчас утихла от прохлады и неги. Над далекими зубами все еще полыхали молнии, и раскатисто гремел гром. Буря, которую так торжественно предвещали черные тучи, грянула, и эта буря потрясет основание всего мира. Нилен отвела глаза от небесного сражения и стала готовиться. Дух дерева был уже близко.

Что ж, как только скалтум приблизится к ней, она сумеет достойно его встретить!

Елена скорчилась у стены. Тьма была такой плотной, что девочка, казалось, физически ощущала ее тяжесть своей кожей. И если бы не теплая дядина рука на плече, можно было подумать, будто она в настоящей преисподней, где о свете невозможно даже подумать. Девушка и вообразить себе не могла такого мрака. Но глаза не закрывались и все искали хотя бы какой-нибудь лучик света.

Рука Бола вдруг соскользнула с ее плеч, оставив Елену совсем одну, и только камень под ногами еще как-то связывал ее с реальным миром. Даже боль в правой руке совершенно прошла вместе с исчезновением света. Девушка сама обняла себя за плечи, только сейчас пожалев о том, что лунный сокол тоже ее оставил. Ах, если бы сейчас вспыхнул его свет!

И тут — словно боги услышали ее — в глубине зала действительно появился свет. Елена даже опешила и в первое мгновение, ослепленная, не могла понять, откуда он. Но потом поняла, что это дядя Бол поднял фонарь и выкрутил фитиль до упора, ибо никто уже не думал ни о каком масле.

При свете фонаря Елена разглядела неподалеку Эррила, поднимающего с пола железный кулачок. Какое-то время старый воин смотрел на него со странным выражением на окаменевшем лице, а потом бережно положил в карман.

Но стоило девочке отвести глаза, как в глубине зала она увидела такое, от чего крик застыл у нее на губах. Масса гоблинов визжала и каталась вокруг распростертого на полу тела сумасшедшего мастера Риалто. Тот лежал лицом вниз, и единственная его рука была протянута к тому месту, где только что стояла статуя. Старик не двигался и, кажется, не дышал. Какой-то маленький гоблин приподнял его руку, и та мертвым грузом повисла в его когтях. Гоблин уронил руку и в ужасе бросился прочь.

Теперь тело Риалто заметил и Эррил и шагнул в его сторону.

— Не надо, Эррил. Он мертв, — произнес Бол. — Его поддерживал только свет мальчика, а как только ушла магия, кончилась и его жизнь. И, судя по поведению гоблинов, нам сейчас лучше его не трогать.

Эррил согласно кивнул и взял у Бола меч, который, даже не обдаваемый магическим светом, вдруг засиял сильнее и ярче фонаря. На его лезвии плясали переливы и вспышки.

— Можно попробовать вернуться тем же путем, что и пришли, — предложил Эррил. — Гоблинов там мало.

— Но не забывайте, что любое наше действие может быть истолковано ими неверно и возбудить агрессию. Они только что видели исчезновение статуи, а Риалто, которого они так обожали, лежит теперь бездыханным. — Бол кивнул в сторону нескольких гоблинов, уже тянувших к ним свои когти: — И в обоих этих потерях они обвинят нас.

— В таком случае, чем быстрее мы исчезнем, тем лучше, — Эррил жестом подозвал девочку. — Надо их как-то отвлечь. Ну, например, занять их внимание хотя бы на минуту так, чтобы мы успели ускользнуть незамеченными.

Елена согласно кивнула, правда, не понимая, чего именно хочет Эррил от нее.

Но Болу не понравился такой план, и он упорно не сводил глаз с окружающих их гоблинов:

— Думаю, что в таком состоянии дразнить их незачем, они и так сейчас взволнованы безмерно. Может начаться паника, и тогда...

— Но если мы не поспешим, то запросто окажемся в их желудках, — Эррил опустился перед Еленой на одно колено и высоко поднял меч.

— Ну, дитя, еще недавно я научил тебя, как вылечить старика, а теперь пришла пора показать тебе еще один магический трюк.

Елена вся съежилась, и губы ее пересохли. Сердце жалось в кулачок, подобный тому, какой был у пропавшего мальчика. Магия страшила девушку больше когтей и зубов гоблинов:

— Неужели нет никакого иного выхода? Может быть, дядя прав? Пусть они просто успокоятся, и мы как-нибудь выберемся...

Но шипение вокруг уже начинало переходить в истерический визг, и зал все больше заполнялся гоблинами, хлынувшими из обоих проходов. Их испарения наполняли зал запахом страха, а те, что стояли ближе к телу мастера, вдруг дружно затопали левыми копытцами. Скоро таким же образом топала уже вся зала, и топот этот грозным эхом разносился далеко вокруг. Красные глаза горели все жарче.

— Пожалуй, Эррил все же прав, — прошептал Бол.

И девочка увидела, как оба взрослых мужчины с надеждой смотрели на нее. Сердце Елены стучало в один лад с бешеным топаньем гоблинов, и с трудом ворочая языком, девочка согласилась:

— Я попробую.

— Молодец! — Эррил снова передал меч Болу. — Не спускайте с него глаз. Его, они, кажется, еще уважают. — Бол угрожающе поднял лезвие, а Эррил крепко взял Елену за правую руку. Из пальцев старого воина в нее входили решительность и сила, но голос Эррила был тих и спокоен. И ему девочка верила больше, чем мечу.

— Это сработает, Елена. Поверь мне. Магия тесно связана со светом. Ты сама видела это на примере статуи Динала, а также на примере того, как на твою силу влияет солнечный или лунный свет. И сердце твое знает это.

Елена кивнула.

— И одним из простейших магических действий всегда было выявление присутствия, наличия силы.

Елена смешалась и скосила глаза в сторону.

— Магия тайно течет в твоей крови, во всем теле, но только красная рука указывает на то, что ты обладаешь этой великой духовной мощью. Магия, как пламя из фонаря, желает вырваться из тебя, вырваться и явить себя. Но как створка фонаря преграждает путь огню, так и твоё тело держит магию в узде. Сейчас я покажу тебе, как можно приоткрыть дверцу и выпустить наружу силу.

Елена вспомнила, что случилось, когда она уже позволила себе один раз выпустить магию наружу, — и ее родители оказались заживо сожженными.

— Я не буду никого убивать, — твердо произнесла девочка.

— Не надо, об этом тебя никто и не просит. Неконтролируемая магия действительно *может* убить. И научить тебя убивать под контролем я не могу. Да и не хочу. Но сейчас прошу тебя только о том, чтобы ты немного приоткрыла себя и позволила всем остальным увидеть, что у тебя внутри, увидеть этот огонь, этот дух.

— Но зачем? Кому это поможет и как?

— Гоблины боятся света и тонко чувствуют магию, если ты покажешь им себя, они будут поражены и позволят нам уйти.

Елена недоверчиво обвела глазами толпу гоблинов. Тело Риалто уже подобрали и несли куда-то на своих спинах взрослые гоблины, с подобающим святине уважением и осторожностью. Остальные расступились, пропуская тело, в котором было для них так много тайны и магии.

Эта мысль, вероятно, пришла в голову и Болу:

— Да, это должно сработать. Кажется, они очень уважают магию, — пробормотал он, следя за удаляющимися гоблинами.

— Но как я это сделаю? — вся дрожа, спросила девочка.

— Очень просто. Здесь не нужен даже ритуал крови, — Эррил положил руку на щеку Елены, и глаза его так глубоко заглянули в нее, что девушка почувствовала, как у нее задрожали колени.

— Просто закрой глаза и ощути себя, как ощущала тело Бола.

Она сделала, как просил ее леник, но страх не позволял ее сущности прорваться наружу. Елена все продолжала слышать шипенье и стук, а ноздри вдыхали сырые испарения маленьких тел. Ничего не получалось. Девушка беспомощно открыла глаза. Но неожиданно властная рука обвила ее тело и к груди прижалась горячая даже сквозь ткань щека:

— Тихо, не обращай внимания на то, что вокруг, захлопни все свои чувства! — и тут вместо вони гоблинов девушка ощутила запах волос Эррила, а его нежный и властный шепот перекрыл все остальные звуки в пещере.

— Они унесли его, — едва долетел до Елены голос дяди. — Так что, если вы что-то делаете, то делайте это быстрее!

Елена снова испугалась, но тяжелая рука обняла ее еще крепче, и девушка вдруг расслабилась в этой мужской уверенной руке. Теплое и спокойное дыхание Эррила согрело ей сердце.

— Посмотри в себя, — шептал он. — Разгляди в себе женщину, как в желуде видят дуб. Найди силы и откройся... Откройся!

Эти слова, жар дыхания и нега мягкими волнами накатывали на

девушку, создавая ощущение, которое Елена не могла бы даже выразить словами. Но она и не пыталась, позволив себе просто быть такой, какой хотелось ее телу, забыв о том, что знала она о себе раньше. И девушка поплыла в этих волнах, и вдруг... в зале возник свет. Свет возник ниоткуда, он просто струился так, словно существовал здесь всегда. И откуда-то издалека она услышала голос Эррила:

— Открой глаза и покажи нам... покажи нам свой огонь, Елена!

Теперь она поняла. Оттолкнув обнимавшую руку, Елена выпрямилась. Больше она не будет скрывать свою сущность! И пусть все видят, кто она! Елена широко распахнула глаза и отпустила на волю сердце — и открыла двери, бывшие до сих пор закрытыми оттого, что она была еще слишком молода и думала, что мир не хочет видеть людей в их подлинной сущности. Девушка оставила свои страхи, раскинула руки, обнимая зал и весь мир. Она являла себя без стыда и сожаления, себя бывшую, настоящую и будущую!

И, как свет в распахнутое окно, наружу хлынула магия, убирая из зала тьму и тени.

Первым порывом Эррила, увидевшего, какая сила льется из девочки, было выхватить у Бола свой меч и перерезать ей горло. Старый воин уже вырвал его, но в последний миг справился с этим желанием, до боли сжав рукоять. И даже Бол отступил, с отвисшей от удивления нижней губой и искаженным лицом.

«Какая мощь!» — подумал Эррил. Мощь, которую он не мог себе представить. Даже маги, только что принявшие посвящение Чи, не сияли таким ослепительным блеском. Девушка стояла, широко раскинув руки, и тело ее горело вспыхивающими потоками света. Тени исчезли совсем, подземелье заливал чистый победный свет.

И все же ребенок, излучавший этот свет, испугал Эррила. Собственно говоря, теперь перед ним стоял не ребенок, не понимающий, что происходит вокруг, смущающийся своей силы и странности, — перед ним стояла уверенная в себе женщина, не знавшая ни страха, ни сомнений. Вернее, это была даже не женщина, а богиня, над головой у которой светился алмазный венец, словно сами звезды собрались здесь, чтобы увенчать этот гордый лик.

Но больше всего потрясли Эррила ее губы, эти полные, яркие, чуть приоткрытые губы, улыбавшиеся чему-то неведомому, что видела только она. И в этой улыбке отчетливо просматривалась та мощная женщина, которой совсем скоро станет эта малышка, женщина смелая, гордая, неподвластная ни одному мужчине. У Эррила пересохло в горле от этих губ, и что-то давно умершее и забытое шевельнулось в его широкой груди — *надежда*.

И это видение его собственного сердца поразило Эррила даже больше, чем преобразование Елены. Старый воин твердил себе, что она все еще ребенок, но сердце говорило ему, что он ошибается, ибо из сияния смотрели на него сразу три лика — лик Елены-девочки, лик Елены-женщины и лик Елены — существа, не имеющего ничего общего с окружающим реальным миром.

Только в этот момент Эррил почувствовал, что в ногах у него уже кишат гоблины, а самые отчаянные, цепляясь коготками, начали лезть по его штанам вверх, словно кораблики, нашедшие среди шторма надежную гавань. Но не успел Эррил их стряхнуть, как они сами попрыгали прочь и рванулись к Елене. Он уже занес меч, чтобы остановить их, но гоблины вдруг дружно повалились ничком на пол и остались там, дрожащие и покорные, а потом и вовсе замерли. Эррил оглянулся: весь зал наполнился их лежащими тельцами, и на свет, как слепые бабочки, из туннелей выползали еще сотни и сотни. Через несколько шагов они также тыкались лицом в пол, слабели и замирали. Лишь некоторые, почуввав неладное, быстро убежали от света обратно в темноту.

— Свет, — пробормотал Бол. — Он поработает их. Этого хочет Елена?

Эррил заговорил, чтобы хоть как-то отвлечься от созерцания ведьмы:

— Не думаю. Свет — лишь отражение ее магической силы. И эта сила не может никому навредить.

— Значит, свет убивает их, — Бол посмотрел на пространство, устланное телами. — Может, это и к лучшему...

Эррил снова повернулся к девушке. Их разговор, должно быть, достиг ее сознания, и полные губы вдруг перестали улыбаться.

Да, Елена слышала слова дяди, и хотя они раздавались как будто издалека, как щебетанье птиц в лесу, их смысл мгновенно дошел до сознания, и девушка внимательно посмотрела вокруг. Сотни гоблинов лежали повсюду, неестественно изогнув шеи и члены. Значит, она снова убила! Убила сотни ни в чем не повинных существ! Елена закричала, и свет, льющийся из нее, словно ударившись о стены, погас. И девушка стояла, вся дрожа, словно остров среди моря мертвых гоблинов.

Теперь зал освещал только умирающий фонарь Бола. Дядя подошел ближе, и Елена невольно подняла руку, защищаясь от света, словно он обвинял ее в ужасе только что содеянного. Отскочив от света фонаря, Елена рванулась к Эррилу:

— Вы говорили, что это никому не повредит! — крикнула девушка полным

слез и обиды голосом.

Слова ее больно ранили Эррила и, дрогнув крупным ртом, он нахмурился:

— Прости, Елена. Я не понял до конца природу этих существ и не ожидал такой силы от твоей магии.

Елена прижала ладони ко рту, душа новый крик. Сила ее магии! Зачем она появилась на свет, убивающая и жестокая!? Ведь гоблины не причинили им никакого вреда, кроме страха! Они даже помогли Эррилу вновь обрести ключ! И за это она предала их смерти. Девушка с ужасом смотрела, как много среди тел маленьких детских трупикиков. Она убила детей. Детей!

И Елена, не в силах больше видеть эту картину, закрыла руками лицо.

Бол положил ей на плечо легкую руку:

— То не твоя вина, родная. Мы все не знали. И если кто-то и виноват, то только мы с Эррилом. Мы, которые попросили тебя сделать это.

Елена отняла руки и посмотрела на дядю:

— Ты не понимаешь. Не понимаешь! — дядя удивленно взглянул на племянницу, но та лишь горько рассмеялась в ответ: — Я наслаждалась этой силой. Я никогда не чувствовала себя такой цельной, свободной и прекрасной, я купалась в силе, позволяя ей литься, и ни о чем не думала, И пока я так наслаждалась и торжествовала, моя сила убивала все вокруг!

— Да это так, но ведь ты не знала об этом.

Елена отвернулась от дяди и не потому, что слова его не могли теперь ничего изменить или облегчить, а для того чтобы он не прочитал в ее глазах правды. Она и так уже сказала слишком много. Рыдая, девушка опустила на колени.

Ибо то, что она не сказала Болу и в чем боялась признаться самой себе, она теперь слишком хорошо *знала*! Что-то в глубине ее существа говорило ей о льющейся смерти, она чувствовала, как чьи-то жизни гаснут от ее света, как свечи от ветра. И не обратила на это внимания, позволила себе не обратить! Она разрешила себе не увидеть никнувшие у ее ног тела, потому что была полностью поглощена и заморожена собственной силой. Так громко пела в ее ушах песня освобождения, так ликовало ее окрыленное сердце, что она не захотела услышать стоны умирающих гоблинов.

Подошедший Эррил, все еще сжимавший в руке меч, поднял девушку и поставил на ноги:

— Неоформленная магия жестока, — сказал он, чувствуя, что творится в ее душе. — Не позволяй ей больше обманывать себя.

Елена попыталась вырваться, но железная рука не отпускала ее, и Эррил наклонялся все ниже, чтобы заглянуть ей прямо в глаза:

— Но ты все еще та же Елена, — жестко сказал он. — Не позволяй магии командовать собой. Она только твое орудие — не больше. И она может говорить, и она говорит своим собственным голосом. И я знаю, что голос этот трудно перекричать, заставить смолкнуть и очень часто он звучит, как голос собственной души, — но слушать его ты не должна. Ты по-прежнему Елена, дочь своих родителей, сестра своего брата, племянница своего дяди. Ты состоишь из плоти и крови, а не из магии.

Елена кивнула. Речь Эррила придала ей силы, девушка подошла к дяде и сама прижалась к нему. А потом заплакала у него на груди, и слезы эти облегчили ее страдания.

Но только она успокоилась в его объятиях, как исчезнувшее шипенье поднялось снова. Елена выглянула из-под руки дяди — вокруг лежали лишь трупы.

— Лучше все-таки как можно скорее уйти отсюда, — заметил Эррил.

Но было слишком поздно. Из обоих проходов ворвались гоблины, разъяренные и жаждущие возмездия, которого их ненадолго лишил свет проклятой ведьмы. И в первый раз Елена услышала крик гоблинов.

Эррил, толкнув девочку и старика к стене, бросился навстречу опасности. Его меч входил в тела, как нож в масло, никогда еще Эррил за последние пятьсот лет не держал в руке такого оружия! Гоблины падали грудками налево и направо, но на смену им лезли неисчислимые толпы других.

Краем глаза он видел, как Бол поднял фонарь, стараясь сделать круг света как можно шире, и они поместились в нем вдвоем с Еленой. Тень дрожащего фонаря металась по стенам, но света явно не хватало. В глубине души Эррил надеялся, что девочка может снова явить свой собственный свет и прекратить бойню, но просить ее об этом больше не мог. Она и так стала слишком слаба.

Старый воин удвоил усилия. Пожалуй, еще оставался шанс прорубить узкий проход в ближайший туннель.

Но гоблины при виде трупов своих соплеменников не только не успокаивались, но, наоборот, злились еще больше, и, боясь силы Елены, всю свою ярость обратили на Эррила. Они атаковали его со всех сторон, и

справиться сразу со всеми у него просто не было возможности. Когти уже царапали его грудь, зубы впивались в ноги.

И тогда острая, как лезвие меча, безнадежность полоснула по сердцу бродяги, и он оступился. Гоблины накинулись на него беспорядочной толпой, навалились всей массой, и Эррил рухнул на каменный пол, больно ударившись головой. В глазах у него потемнело. Гоблины впивались в тело. Трое поволокли прочь меч, и единственная рука уже обливалась кровью. Придя в себя от боли, Эррил попытался подняться. Ах, если бы он имел две руки, тогда еще можно было бы надеяться на спасение. Старый воин покатился по полу, давя прилипшие тельца, и с ужасом понял, что ключ выскользнул у него из кармана. Проклятые твари снова хотят лишиться его этого сокровища.

Эррил с трудом приподнял голову, чтобы увидеть, кто из вороватых тварей подберет его, но увидел лишь пустой разорванный карман. Ни у кого из гоблинов ключа в виде железного кулачка не было.

Однако, скосив глаза чуть дальше, Эррил увидел такое, что неожиданно даже нашел в себе силы стряхнуть с себя гоблинов — от его разорванного кармана, подобно какому-то металлическому пауку на растопыренных пальцах, уползал железный кулачок. Не теряя кулачок из виду, Эррил вдруг почувствовал в правом плече странную боль. Поначалу ему показалось, что в обрубок впилась зубы, но нет, это оказалась совсем иная боль, боль, которая напомнила ему ту адскую муку, которую он вынес пятьсот лет назад, теряя руку. Значит, это боль магии! Но вот боль прошла, и Эррил с ужасом ощутил свою давно исчезнувшую руку целой.

Взгляд его твердил, что все это обман и никакой руки нет, но в то же время Эррил мог поклясться, что чувствует эту руку и может ею двигать!

И рука эта оканчивалась железным кулаком!

Старый воин даже чувствовал холод металла, а спустя еще несколько секунд, даже смог пошевелить железными пальцами. Сладчайшая мать! «Я сбегаю этот ключ более чем простым куском железа в твоём кармане», — всплыли в его мозгу слова Динала.

Пораженный случившимся, Эррил даже перестал сопротивляться, и, пользуясь этой заминкой, десятки гоблинов бросились к его горлу, готовые вонзить в него зубы. Но старый воин инстинктивно поднес несуществовавшую пять столетий руку к шее, чтобы защититься. Рука мгновенно взлетела и сжала хрупкое горло одного из гоблинов. Тонкие косточки хрустнули, и жизнь с мимолетным стоном вылетела из нападавшего.

Остальные, увидев это, отхлынули, пятая и спотыкаясь. Эррил окончательно вскочил на ноги и привычно схватил меч левой рукой. Правая все еще висела в воздухе, сжимая шею гоблина. Но вот старый воин заставил железные пальцы разжаться, и мертвое тельце беспомощно плюхнулось на пол. Казалось, железный кулак двигался по воздуху сам по себе, но Эррил знал, что работает именно его ожившая рука.

Гоблины присели, пораженные новой угрозой, и их большие глаза сузились от страха. Они затихли, — но надолго ли?

Ответ на этот вопрос последовал немедленно.

В следующее мгновение в зал ворвались новые потоки тварей, еще более разъяренных и злобных. С гневным шипением они наступали со всех сторон, уже не боясь даже силы Елены. Эррил видел, как твари подступают к старику и девочке, и стал прорываться к ним на помощь. Но даже с мечом и железным кулаком сделать это оказалось очень трудно, поскольку некуда было даже поставить ногу. На бедре воина уже зияла огромная рана. Однако, несмотря на кровь и боль, Эррил прорывался, обрушивая на склизкие белые тельца железо и сталь, прокладывая кровавую тропу.

Но и этого было уже мало.

Пол, повсюду покрытый потом и кровью, снова подвел его. Поскользнувшись, старый воин упал на колени, став для гоблинов вполне доступной добычей.

Они окружили его и полезли со спины, глубоко вонзаясь в плоть когтями и зубами. Эррил был пойман, зубы уже рвали горло, и горький вопль поражения уже готов был сорваться с его губ.

Крал со всех ног мчался за последним из гоблинов к концу туннеля. Размахивая топором, он крушил по пути черепа тех, кто мешал его бегу. Один раз у гиганта даже едва не застряло в кости лезвие. Воспользовавшись этой передышкой, горец остановился и вытер пот со лба. Они пробивались вперед с самого входа в расщелину, хотя настоящего сопротивления гоблины и не оказывали, скорее, просто бежали сами и мешали бежать им. Казалось, отвратительные твари тоже хотят лишь одного — как можно скорее преодолеть этот туннель. Что-то ждало их там.

По тусклому свету Крал понял, что туннель кончается каким-то большим пространством, которое почти на локоть заполнено телами живых и мертвых гоблинов.

— Им не выжить, — прохрипел Крал, подумав о слабости старика, ребенка и однорукого, и потому быстро выдернул топор и помчался дальше.

— Не отчаивайся! — крикнул Толчук, хватая очередного гоблина и разбивая его о стену. — Гоблины боятся света, и там, где свет, там надежда.

Неожиданно свет впереди засиял ярче, запахло горелым маслом, и несколько гоблинов покатались по полу в агонии.

— Кто-то еще сражается, — воскликнул Мерик, оглябая горящие тельца. С ножа его капала темная кровь.

По пятам за эльфом бежал волк, забыв о большой лапе и угрожающе рыча.

Толчук продолжал отдиравать цепляющихся гоблинов.

И вот все четверо ворвались в зал, и невольный крик сорвался с губ Крала. Гоблины по-прежнему не обращали на вновь прибывших никакого внимания, поглощенные битвой дальней стены. Крал увидел там вчерашнего хлебосольного старика, брызгающего на гоблинов кипящим маслом, и спрятавшуюся за его спину девочку. Но самый жестокий бой шел перед ними: на ком-то, вероятно, рухнувшим под их количеством, громоздилась огромная гора гоблинов.

На мгновение толпа нападающих отхлынула, и человек под ними попытался встать на колени. Но нахлынувшая следом орда снова смяла его и уронила. Однако этого мгновения хватило, чтобы Крал увидел, кто это. Это его лицо, искаженное мукой, с залитыми кровью глазами, Эррил все еще жил и боролся. Взревев, Крал одним ударом пробил коридор, а влетевший в зал и ярко осветивший его своим светом сокол, издал пронзительный охотничий клич. Остальные тоже рванулись вперед, но это было то же самое, что прорываться сквозь океанскую волну. Как только падал один, на его место вставало двое новых гоблинов, и скоро компания разделилась. Огр встал за спиной прорубавшегося Крала, охраняя его, а волк с эльфом оказались по сторонам и просто уворачивались от смертельно накатовавших волн. А море гоблинов все распространяло опасность и страх в разных направлениях.

— Помогите старику и ребенку! — крикнул Крал Мериду, снося голову очередному гоблину с такой силой, что та пролетела в другой конец зала. — А мы пробьемся к однорукому!

Горец не был уверен, услышал ли его зов Мерик, поскольку в зале стояли вой сражающихся и стон умирающих. Но эльф, вроде бы, стал продвигаться в нужном направлении. Слегка вздохнув, Крал продолжил свой путь к Эррилу. За спиной он слышал методичный хруст ломаемых хребтов: это Толчук защищал его сзади. Горец хищно улыбнулся: с такой защитой можно быть уверенным, за спиной у тебя несокрушимая скала. Гигант мог спокойно сосредоточиться на врагах впереди.

Горец вошел в экстаз, его движения совершались уже не по расчету, а по какому-то вдохновенному наитию, тело работало само, вспоминая все уроки, которые преподала ему долгая жизнь. Крал учился искусству боевого топора у Мальфа, старого воина гряды Зубов, который, как говорили, принимал участие еще в Войне с Карликами и один прошел за сутки по Тропе Слез. И одиннадцатилетним мальчишкой, полным надежд на грядущую славу, Крал впервые увидел старика в его пещере высоко в горах. Но тогда ему показалось, что все его надежды напрасны, поскольку Мальф выглядел согбенным стариком, корявым, как корни многовековых дубов. Его белая, как первый снег, борода свисала так низко, что старик подвязывал ее вроде пояса. Чему могла научить юного гиганта эта развалина? Мальф казался настолько слабым, что и топора-то не удержит, чего уж и говорить о битвах! Но после первого же урока юный Крал обнаружил, что валяется в грязи с рассеченным лбом и плотно прижат к земле древком топора. Последнее, что помнил мальчик, был свист лезвия, почти коснувшегося его головы. Но вместо того чтобы раздробить череп, Мальф сделал финт большим пальцем, и топор лишь срезал прядь волос у Крала на макушке. Так, тем холодным утром, касаясь спиной льда, Крал получил первый из многих уроков от своего многоумного учителя. И горец никогда не пожалел о них. Он и теперь не посрамил старого Мальфа! Пусть гоблины невелики, но злоба их, так же как и их количество, не знают пределов. И рука с топором должна двигаться безостановочно, а глаз постоянно намечать все новые и новые жертвы. И Крал успешно шел к цели, не позволяя ни одному зубу, ни одному крошечному ножу коснуться своей груди.

Отрубив очередное запястье с крошечным кинжалом, горец едва уклонился от брызнувшей фонтаном кровавой струи. Гигант сделал это не из брезгливости, но лишь для того, чтобы ни на мгновение не ослепнуть, и правильно сделал, потому что второй кинжал был уже нацелен на него с другой стороны. Заносить топор уже не было времени, и Крал применил прием своего старого мастера, ударил древком прямо в глаза гоблину.. Кость хрустнула, и его противник упал.

Крал перескочил через труп и стал продвигаться дальше.

Эррил слабел под тяжестью все больше наваливавшихся на него

тварей, и какая-то часть его духа уже готова была сдаться, отказаться от бесполезной борьбы. Ему казалось, что он сражается целую вечность, все пять столетий, но упрямство, хранившее в его жилах упрямство всех жителей Стендая, не позволяло ему прекратить борьбу и поддаться отчаянию. Нет, пять страшных веков тяжелее, чем какие-то твари. К тому же старый воин ждал слишком долго и пожертвовал слишком многим, чтобы умереть сейчас просто так, от зубов подземных чудовищ!

Не помня себя от боли и гнева, Эррил кричал, отбивался, пинал гоблинов ногами, молотил железным кулаком, не давая подобраться к лицу и горлу. Левая рука с мечом еще удерживала какое-то пространство, в котором можно было дышать, но о том, чтобы встать или увидеть, что происходит со стариком и Еленой, он уже даже и не мечтал. Вокруг постоянно стояла непроницаемая стена гоблинов.

И Эррил не сдавался и не позволял себе слушать подленький шепоток отчаяния.

Но вот в какую-то секунду он неожиданно услышал чей-то крик и слово «ребенок», шипенье и вой гоблинов заглушили остальное. Кто это кричал? Да и кричал ли?

Однако в следующий момент краем глаза Эррил увидел лунного сокола, чертившего круги под потолком, — значит, птица вернулась, заблудившись в туннелях и не найдя выхода. Зато теперь у них есть свет, — и Эррил поблагодарил небеса даже за такую малость. От неожиданности и света гоблины на мгновение остановились. Пользуясь этим, Эррил успел всколыхнуть, взмахом меча очертив вокруг себя пустой круг.

Но то, что он увидел перед собой, заставило его застыть от ужаса. Огромный гоблин, в два раза больше человеческого роста, пробивался прямо к нему. Руки его были обгажены кровью, клыкастая пасть несла смерть.

Эррил сделал шаг назад, и тут же острая боль пронзила его правую ногу. Старый воин глянул вниз, — ступни не было и, падая, он успел заметить еще, как очередной гоблин собирается полоснуть его лезвием по бедру. Вот лезвие коснулось кости, и от боли Эррил стал терять сознание, из последних сил умудрившись все-таки вырвать лезвие. Падая, он придавил гоблина железным кулаком насмерть. Но все было бесполезно.

В спину тоже вонзился нож, в глазах Эррила совсем почернело, гоблины уже двоились и троились.

Соцурив глаза от гнева, отчаяния и боли, Эррил понял, что смерть, которую он искал все эти пятьсот лет, уже близко.

Старый воин слабевшими руками поднял меч. Сколько раз за свою долгую жизнь он призывал смерть как избавление, жажда лишь одного — вечного успокоения, но сейчас... сейчас он не хотел умирать. Он не мог умереть, потому что отвечал за других, за беспомощного старика, за невинную девочку, за мальчика Динала, наконец! И Эррил опять взбунтовался против смерти.

Не чувствуя уже ран, забыв про агонию и не видя луж крови вокруг, он зажал в руке меч, готовый последним ударом встретить страшного короля гоблинов, упорно стремившегося к нему. Но тут чудовище стряхнуло с рук двух своих подданных так, что они отлетели к противоположной стене, и меч в руке Эррила дрогнул. Даже видеть это чудовище у человека не было сил, а монстр уже нагнулся над ним и прижал старого воина к стене.

— Ты еще жив, хвала небесам! — вдруг услышал он знакомый голос горца, раздавшийся из-за спины чудовища.

Кольцо гоблинов оказалось разорванным. Уходящим сознанием Эррил вгляделся в зал, — и ему вдруг показалось, что гоблинов стало меньше! Да, действительно, они быстро уползали, оставляя лишь умирающих и мертвых. Но зато оставался гоблин-великан, наклонившийся над ним. И в то же мгновение Эррил увидел, как Крал положил руку на плечо чудовища и, увидев ужас в глазах друга, поспешил сказать:

— Это Толчук. Это друг.

— Что... Что... — язык не слушался несчастного бродяги.

— Это огр, он и помог нам спасти тебя.

И слова Крала напомнили Эррилу о Боле и Елене. Оглянувшись, старый воин увидел, что девочка лежит позади старика в разорванной в клочья рубашке и с окровавленным лицом. При свете лунного сокола на измученном лице Бола мелькнула вымученная улыбка.

Затем, переведя взгляд, Эррил увидел и другую пару: волка, упорно пробирающегося по трупам к Елене, а за ним высокого худого человека с серебряными волосами, завязанными в конский хвост. В руке у странного человека был тонкий кинжал, но человек, казалось, совершенно о нем не помнил. Глаза его метались по залу в поисках чего-то.

Эррилу стало дурно, и он упал бы прямо лицом вниз, если бы рука Крала не поймала его за плечи:

— Все прошло, все. Ты серьезно ранен — и только.

Раздался отчаянный крик. Это Елена тянула руки к страшной ране на щеке Бола, от которой ее красная ладонь не отличалась по цвет.

— Он тоже ранен! — заплакала она, и незнакомец с кинжалом мгновенно

оказался возле. Забытый, казалось, кинжал уже грозно блестел, нацеленный прямо в горло девочки.

— Знак! — крикнул он, вперившись глазами в ее правую руку. — Знак ведьмы!

— Нет! — воскликнул Крал, бросая Эррила, который был так слаб, что тут же рухнул и уже плохо видел, как горец несется к незнакомцу с кинжалом. — Нет! Мерик, нет!

Но Эррил знал, что Кралу не добежать.

И кровавая пелена застала взгляд Эррила, чтобы он не увидел, как незнакомец быстрее лесной кошки метнулся к Елене, и та едва успела отвернуть голову, и то лишь для того чтобы кинжал нацелился в ее сердце.

И спустя секунду старый воин погрузился в спасительное прохладное беспмятство.

Елена видела кинжал, нацеленный ей в грудь, и инстинктивно заслонилась рукой. Фигура нападавшего расплывалась перед ее глазами, и только узкое лезвие ярко блестело в тусклом свете пещеры. Она хотела закричать, но страх парализовал ее так, что из раскрытого рта не вылетело ни звука.

Но крик все же раздался, крик гнева и ярости, и через долю секунды между ней и лезвием вспыхнула серебристая молния — лунный сокол! Девочка видела, как птица упала ей на грудь, надрывно и горестно крича.

Такое неожиданное поведение птицы смутило нападавшего, и лезвие, дрогнув, ударило не прямо, а вкось, тем не менее, смертельно ранив птицу. Потом эльф дрогнувшей рукой поднял кинжал вверх. Но по-прежнему его острое находилось почти вплотную к груди Елены. Сокол лежал на груди и слабо подрагивал распростертыми крыльями. Нападавший, расширив от ужаса глаза, смотрел на птицу. В это время на него обрушился сбоку Крал. Он отшвырнул эльфа на пол, и оба покатались по каменным склизким плитам. Выпавший кинжал ударился о камень с протяжным заунывным звоном.

Рыдания, наконец, вырвались из горла девушки, и она упала на колени рядом с лезвием. Сокол, по-прежнему прижатый к ее груди, бессильно пошевелил крылом. Девочка приподняла рукой его голову и посмотрела в блестящие черные глаза, уже начинавшие затягиваться смертельной пленкой.

Елена нежно прижала птицу к груди обеими ладонями, словно обнимая. Что же делать? Может быть, ей сейчас поможет магия, как уже случилось с дядей? Но птица несколько раз конвульсивно вздрогнула в ее объятиях и перестала дышать. Слишком поздно! Девочка, уже не боясь сделать больно, прижала сокола к груди еще крепче. Теперь девушка могла отблагодарить погибшего сокола лишь своими слезами.

— Он защитил ее! — прошептал среброволосый человек, только что хотевший ее убить. — Он отдал за нее жизнь!

Крал сидел на нем верхом, одной рукой сжимая хрупкое горло, а другой махнув в сторону, где безжизненно лежал Эррил.

— Бол, посмотрите, что с ним!

Бол кивнул, но стал подходить медленно, опасаясь нагнувшегося над Эррилом чудовища. Но чудовище даже не подняло головы при приближении старика — это действительно был огр. Рядом с ним находился волк, который, как знала теперь Елена, тоже оказался не просто лесным животным. Оба держались рядом, словно братья, и оба то и дело смотрели в ее сторону. Внезапно девушка заметила, что обе пары глаз, смотрящих на нее, совершенно одинаковы, янтарно-желтые с черными миндалевидными веками.

— Толчук, помоги-ка мне с этим предателем, — позвал Крал. — С тобой все в порядке, девочка? — обратился он к Елене.

Елена промолчала, вся поглощенная теперь созерцанием того, кто непонятно зачем хотел убить ее, — красивого бледнокожего человека с синими глазами.

— Со мной? Со мной... Все хорошо. Но зачем он так? Зачем он убил мою птицу?

Но прежде, чем ей ответил горец, заговорил незнакомец, и голос его был столь же пронзителен, как и взгляд:

— Твою птицу!?

Однако Елена не отвернулась от укориженного взгляда синих глаз и только еще нежнее прижала к сердцу мертвого сокола:

— Я нашла его здесь, в пещере! Он сидел у меня на руке!

— Сокол принадлежал ему, — подтвердил Крал. — Он хотел...

— Ведьма лжет! — перебил его Мерик. — Птица постыдилась бы такой грязной крови!

Елена зарыла лицо в перья сокола, не зная, что сказать. Тем временем подошел Толчук, и горец передал эльфа под его надежную охрану:

— Держи его, Толчук. И не позволяй снова броситься на девочку.

И тогда вдруг огр заговорил сам, что повергло Елену в настоящий шок — невозможно было ожидать человеческой речи от такой горы мяса, бегемота с пороссячими глазами:

— Мерик больше ее не тронет, — произнес огр, и голос его был подобен грому камнепада в горах. Он убрал свой коготь с плеча Мерика.

Но Крал тут же встал между ними и Еленой:

— Ты что делаешь, огр? Неужто какой-то из гоблинов умудрился выгрызть тебе все мозги?

— Он не тронет ее. Он не может.

Девушка видела, что нападавший действительно как-то сник и даже не пытался поднять кинжал, лежавший у самых ног.

— На нее сел лунный сокол, — продолжал огр. — Пусть язык Мерика и говорит, что это ложь, но сердцем он знает правду, знает, что сокол не отдал бы свою жизнь просто так... Он не может отрицать правды.

Крал посмотрел на Елену, потом на эльфа, и в глазах его блеснула догадка:

— Так ты имеешь в виду...

— Она кровь от крови нашего народа, — снова прервал его эльф, говоря тихо и глухо. — Эта ведьма и есть наш потерянный король. Вернее, его наследник.

Затем эльф медленно опустился на колени и поднял кинжал. Но даже это движение больше не вызвало опасений у Крала — настолько изможденным и униженным выглядел теперь этот среброволосый. Но, взявшись за лезвие обеими руками, он вдруг с неожиданной, никак не ожидаемой в нем силой переломил оружие о колено.

— Я пришел сюда найти короля, а вместо этого нашел королеву, — с этими словами эльф протянул обломки кинжала девочке: — Моя жизнь отныне принадлежит вам.

Елена моргнула и покраснела, смущенная такими речами. Неловкую ситуацию прервал Бол:

— Эррил умирает! Помогите! — раздался на весь зал его отчаянный крик.

Все разом повернулись в ту сторону, и Елена с ужасом увидела, что тело ее леника лежит бездыханным в неестественной позе, а открытые глаза бездумно и слепо глядят в потолок. Из груди вырывались последние короткие хрипы.

И мертвый сокол выпал из рук Елены.

Эррил плыл по черной холодной бездне, он боролся со свинцовыми волнами, но усталость брала свое, руки и ноги немели. Вязкая тьма сгущалась вокруг, и бродяга медленно, но верно уходил под волны.

И опускаясь на дно, он уже почти не боролся, — не потому что не было сил, но потому, что в душе старый воин уже смирился с судьбой. А Эррил был человеком дела и не любил лишнего. Большую часть сил он истратил в борьбе, — зачем тратить теперь остатки энергии? Жонглер просто открыл глаза и стал смотреть в окружавшую его подводную мглу. Течение медленно относило его в зеленоватое болото. Слово «яд» внезапно всплыло в его сознании, и он каким-то непостижимым образом вспомнил, что лезвия гоблинов всегда вымачиваются в некоем алхимическом составе.

До слуха его донеслись голоса:

— Что она делает?

— Брось кинжал!

— Нет, сердце не бьется, не бьется!

— Он мертв!

— Нет!

Эррил знал, что все эти слова имеют какое-то отношение к нему, но тьма все сильнее заволакивала мозг и черным дымом начинала клубиться под черепом. Голоса превратились в шепот. Он напряженно вслушивался, но ничего больше не мог разобрать, и только чернота вокруг вдруг стала зеленоватой по краям, и невыносимый холод подбирался к сердцу. Почему же так холодно?

Этот безмолвный вопрос вызвал вдруг к жизни еще один голос, которого бродяга не хотел слышать, ибо он требовал слишком многого, слишком невозможного:

— Борись... держись... Не оставляй меня...

Неужели он когда-либо испытал за эти пять столетий, теперь вернулся. Теперь ничто более не имеет значения.

Наконец, он отправился к вечному успокоению.

Но внезапно яркая вспышка все же нарушила тьму и вонзила в него свои безжалостные когти. В крови закипели пламень и лед, и Эррил вновь разрывался меж ними. О, никогда он еще не испытывал такой муки! Все раны, вся боль, какие он когда-либо испытал за эти пять столетий, теперь вернулись к нему и терзали его. Страшный коготь выхватил жонглера из спасительной черноты, и Эррил вскрикнул. Нет! Он и так страдал слишком много, и

последними усилиями попытался освободиться от когтя, снова упасть в темноту забвения и, наконец, умереть спокойно. Но его не отпускали.

Вокруг него горел свет, отгоняя черноту от сознания и закрывая его от зеленоватых ядовитых течений, а они таились вокруг, словно только ожидая момента, когда свет исчезнет и можно будет снова окутать Эррила смертельными объятиями.

Перед глазами бродяги заплясали уже совсем непереносимые вспышки света, завивающиеся в высокие стройные спирали, и Эррил почувствовал, что уже снова может двигать веками. И вот уже спирали плавно и медленно превратились в лица.

Старый воин увидел склоненную над ним Елену, Бола за ее плечом и рядом с ними Крала.

— Ты спасла его! — первым восхищенно выдохнул Крал. — Ты выжила!

Лицо Елены было бледным, и тонкая кожа обтянула кости, как у мумии. В ее влажных глазах плавали отголоски его боли. Она отняла от его руки свою, и Эррил увидел, что обе их руки в крови. Ее большой палец был разрезан до основания. В другой руке она все еще продолжала держать кинжал, тот ведьминский кинжал, который так окрестил еще у себя в доме Бол.

— Нет, — горько ответила девушка сквозь слезы отчаяния. — Я не могу его вылечить!

Эррил попытался сесть, будучи уверен, что из этого ничего не выйдет, и очень удивился, когда это удалось. Более того, с помощью заботливых рук Крала он сумел даже встать на ноги. В глазах у бродяги в последний раз промелькнули остатки тьмы, но и они растаяли с первыми глотками воздуха.

Рядом лежал на полу железный ключ, снова принявший форму простого куска железа. Никакой связи с ним Эррил больше не чувствовал. Он наклонился и подобрал его, плотно зажав в руке, чтобы успокоить головокружение.

Крал порывисто обнял воскресшего однорукого воина:

— *Посмотрите*, он все-таки выздоровел!

Но Елена покачала головой и позволила дяде перевязать свою пораненную руку.

— Просто моя кровь оплатила еще немного времени, — прошептала девушка горько, но твердо, — И ничего больше. Ему нужен отдых и настоящий врач, или он скоро умрет.

Крал все еще сомневался:

— Но сейчас-то он жив! А это главное. Правда, все может измениться к худшему, если мы не выберемся отсюда как можно скорее.

— Но как? Куда? — растерянно спросил Бол, закончив перевязку и теперь с надеждой глядя на племянницу. — Домой нельзя — там нас ждут скалтумы.

— И карабкаться снова вверх с тяжелораненым на спине невозможно, — окончательно расстроился горец.

— О-оставьте... меня... — с трудом пробормотал Эррил. Но на эти слова, конечно же, никто даже не обратил внимания.

— Мой брат говорит, что чувствует другой выход, — неожиданно подал голос огр, сидевший дальше всех от Елены. — Вон там.

Эррил с трудом повернул голову. Волк тоже вытянул морду в сторону второго туннеля, того, откуда появился мастер Риалто. Раздувающиеся ноздри волка явно говорили, что он чувствует свежий воздух.

— Он говорит, что там знакомый запах, — перевел огр. — Запах его брата Могвида.

Какой-то непонятный звук вывел Могвида из полусонного состояния. Человек-сайлур открыл один глаз, но не поднялся, думая, что это опять куда-то пошел Рокингем. Но Рокингем по-прежнему сидел на месте, делая очередной факел из веток и рубашки. Факел был воткнут в расщелину в камне, и его пламя танцевало по стенам. Его явно хватило бы до рассвета, но предусмотрительный Рокингем делал еще несколько про запас.

Могвид пошевелился, и Рокингем косился на него глазами:

— А, проснулся, соня, — по обыкновению насмешливо протянул он. — Утро близко, но пока еще можешь...

Но Могвид остановил его, подняв руку:

— Мне кажется, я что-то слышу, — прошептал он и осторожно поднялся.

— А я ничего.

— Но ваш слух не настолько тонок, — Могвид стал красться вдоль стены к выходу из туннеля, склонив набок голову и прислушиваясь. Однако было тихо. Может быть, этот шум ему только приснился?

Но у входа в четвертый туннель Могвид снова услышал шорох, словно кто-то царапал стену. Человек-сайлур замер. Звук повторился, и тогда он

махнул Рокингему рукой. Тот мгновенно и беззвучно подошел. Когда звук повторился, Могвид глазами показал Рокингему на его источник, но тот жестом дал понять, что так ничего и не слышит.

Перед глазами Могвида промелькнули ужасные видения того, кто напал на брата и растерзал его. Крик Фардайла снова зазвенел у него в ушах, и он невольно отшатнулся.

— Так что ты слышишь? — хотя и шепотом, но для Могвида очень громко спросил Рокингем.

— Не знаю. Слишком далеко. Может, лучше посмотреть, не ушли ли скалтумы? — и человек-сайлур с тоской посмотрел в сторону выхода из пещеры. Ведь там, в глубине, могут оказаться чудовища еще и похуже.

— Вроде, и я теперь слышу, — вдруг подтвердил Рокингем. Могвид сделал еще шаг назад:

— Кажется, голоса!

Слава небесам! Чудовища ведь, кажется, говорят редко! По крайней мере, те чудовища, о которых думал Могвид. Слова Рокингема придали ему смелости, он заставил себя забыть про крик брата и снова прислушался. До него действительно долетели обрывки разговора откуда-то снизу. Разобрать слова было еще невозможно, но уже явно звучал тот общий язык, на котором говорили люди, а не чудовища. Сердце Могвида забилось от радости. Много народу это лучше, чем двое, в компании выжить всегда легче.

Неожиданно снизу раздался взрыв хохота. Могвид и Рокингем переглянулись. На душе у человека-сайлуря совсем полегчало — как хорошо услышать смех в этом мрачном подземелье! Но глаза Рокингема тревожно сузились, и душа Могвида снова ушла в пятки.

— Я узнаю это смех, — прошептал Рокингем. — Это та, похожая на глыбу, образина. А я-то надеялся, что подземные твари растерзали Крала и теперь спокойно спят на его костях. Но они, однако, оказались более изысканными, и этот горец пришелся им не по вкусу.

— Да, он силен, — согласился Могвид, припомнив здоровенного горца и силу его рук. — И у него есть топор.

— Тихо! — прошипел Рокингем, призывая к молчанию и прислушиваясь к растущему шуму голосов.

Могвид услышал речь, в которой уже отчетливо различались слова. Его острый слух даже различил смущение и замешательство в тоне говорившего:

— Ты говоришь, что Елена — наследница короля этого парня?

Рокингем тоже расслышал нюансы тона:

— Это Эррил, — прошептал он в ярости. — Да что же за невезение!

— Он тоже воин? — уточнил Могвид, снова оживляясь надеждой. Два воина размером с горца — он почти спасен за их спинами!

— Он охраняет это дитя дьявола, — сухо ответил Рокингем, и глаза его злобно вспыхнули.

Поначалу Могвид не понял, о чем речь, но потом сообразил:

— Так вы говорите о девочке, которую ищут крылатые твари той, за поимку которой ваш господин обещал так много наград.

— Мне кажется, там впереди свет! — вдруг донесся до них голос девочки.

Рокингем метнулся назад, увлекая за собой Могвида:

— Это она — с наслаждением прошептал он.

— И что мы теперь будем делать?

Рокингем задумчиво изогнул брови, будто решая хитроумную загадку, и холодная улыбка искривила его губы:

— Молчать о том, что ждет наверху, — сурово сказал он. — Я сам поведу разговор. От тебя я прошу лишь одно. Сделай это ради меня, — и ты будешь щедро вознагражден.

Глаза Могвида засверкали, словно перед ним уже лежали горы бриллиантов. Потом он быстро глянул на себя. Нет, сначала надо освободиться от этой уродливой формы, это дороже всех бриллиантов на свете! Он облизал пересохшие губы. Да, сначала необходимо сбросить человеческое обличье и вернуть способность оборачиваться, а там... Там, может быть, и золото от него не уйдет! Человек-сайлур преданно посмотрел на Рокингема:

— Что я должен сделать?

Рокингем наклонился к уху и прошептал то, на что Могвид быстро и согласно закивал. Такая простая вещь, — и такая богатая награда!

Елена шла вверх по туннелю за широкой спиной огра.

Рядом с ней, поддерживая Эррила, шел Бол, а за ними с топором в руке продвигался Крал, опасаясь нового нападения ненасытных гоблинов. Рядом с девочкой бесплотной, но верной тенью крался Мерик. Елена не понимала, что последует из ее неожиданного королевства, поскольку мысли были слишком заняты более реальными событиями минувшего дня. Девушка то и дело смотрела на Эррила, шедшего с опущенной головой, словно ему тяжело было ее нести. Хриплое дыхание вырывалось из растерзанной груди.

Ему срочно был необходим отдых. Яд, проникший в кровь, мог возобновить свои атаки в любую минуту.

— С ним все в порядке, родная, — ответил Бол, поймавший ее озабоченный взгляд. — Он еще силен.

Эррил с трудом поднял голову и тоже кивнул девочке:

— Все в порядке, малышка. Когда была создана Книга, меня наградили вечной жизнью и быстрым выздоровлением. Ты меня не вылечила, но дала мне возможность восстановиться самому, — старый воин посмотрел ей прямо в глаза: — Ты спасла меня, Елена, не сомневайся. Твоя магия умеет убивать, но теперь она научилась и давать жизнь.

Однако в словах Эррила Елена уловила некую неуверенность. Да, убивает ее магия действительно, а лечить не лечит. Игра все же оказалась нечестной.

— А мне твоя магия дала силы выбраться из преисподней, — подхватил Бол. — Мне бы совсем не хотелось остаться похороненным в этой дыре!

Елена слабо улыбнулась, но тут же снова погрузилась в свои невеселые мысли. Дядя так ничего и не понял. Ее магия была только пробкой, удерживающей силы в сосуде дядиной жизни. И как только магия уйдет, уйдет и жизнь.

Девушка снова посмотрела на ребристую спину огра и подумала, что лучше уж смотреть на нее, чем вокруг, где ее встречают полные благодарности глаза.

Но огр вдруг остановился:

— Впереди зал, — пробасил он из-за плеча. — Там горит факел. Брат-волк ушел вперед на разведку.

Все тоже остановились и сгрудились вокруг огра.

— А ты видишь чего-нибудь? — спросил Крал.

— Вижу Фардайла у выхода из туннеля. Рядом с ним какие-то фигуры. — Он посмотрел еще и облегченно закончил: — Это не гоблины, это Могвид и с ним еще кто-то.

— Тогда пошли скорее прочь из этого проклятого подвала! — заявил Крал.

Огр снова пошел вперед, и скоро уже все увидели при свете самодельного факела волка, обнюхивающего человека в охотничьем костюме. Волк радостно вилял хвостом, но человек не обращал на него никакого внимания, а глядел только на Елену. И поймав этот взгляд, Елена почему-то отвела глаза.

Она пропустила всех вперед и только тогда рассмотрела второго человека, который держал факел. Девочка даже ахнула от неожиданности и спряталась за спину Крала.

— Что случилось? — изумился горец, но тут и сам узнал человека с факелом: — А ты что тут делаешь? — грозно спросил он.

— Жду вас, — Рокингем кивнул в сторону всех остальных. Горец внимательно осмотрел зал:

— А где нюмфая? Что ты сделал с Нилен, мерзавец?

Все обернулись, но Рокингем спокойно улыбнулся:

— Я отнюдь не заслужил подобных подозрений. Молодую леди я оставил с лошадьми снаружи, поскольку лезть в это подземелье для нее слишком опасно. Мы с Могвидом на свой страх и риск отважились на это, пошли на разведку. Ведь вы ушли так давно и пропали. — Начальник кордегардии обвел глазами собравшихся: — Но теперь я вижу, в чем дело. Мы снова все вместе, и даже с некоторым прибавлением! — Рокингем насмешливо поклонился Толчку.

— Лучше пошли дальше, — вдруг напустился огр. — Я чую что-то неладное, и чем быстрее мы отсюда выберемся, тем лучше.

— Ты, скорее всего, чувствуешь Рокингема, — усмехнулся Крал. — Но все же действительно лучше поспешить.

Горец быстро расставил всех по местам; вперед он отправил Рокингема с факелом, затем волка и Могвида, а за ними пошел сам с Еленой, чтобы и защитить девочку, и не сводить глаз с Рокингема. Бол, Эррил и Мерик замыкали шествие, а сзади всех плелся Толчук, тревожно нюхая воздух.

Рокингем почти бегом направился к выходу, и никто не просил его идти медленнее. По дороге начальник кордегардии беспрерывно болтал:

— Рассвет уже близко. И хорошо бы использовать последние остатки ночи, чтобы убраться из этой долины подальше. Можно отправиться в предгорья, а то и еще дальше, в горы... — Так он бубнил беспрерывно, но все слишком устали, чтобы остановить его. — Нилен так обрадуется вашему приходу, — вдруг рассмеялся он.

Елена тоже чувствовала, что выход близок, но ноги уже совсем не держали ее. Скоро камень под ногами сменился мелкими сучьями и подстилкой из опавших листьев, и девочка воспрянула духом, как моряк, увидевший после долгого плавания родную гавань. Жизнь и свобода ждали уже совсем неподалеку. Все неволью ускорили шаг, а на губах

Бола появилась первая за все это время искренняя улыбка.

Ноги сами несли Елену, вперед, и она, пританцовывая, вырвалась вперед Крала. Уже был виден выход, переплетенный корнями!

— Что-то не так! — вдруг остановил всех голос идущего сзади огра. — Пахнет все хуже. Остановитесь!

«Только не сейчас! — в отчаянии подумала девочка. — Не сейчас, когда спасение так близко!»

Но волк тоже, казалось, унюхал что-то недоброе, поскольку припал на передние лапы и глухо зарычал.

— Снова гоблины? — спросил Крал.

— Не уверен.

— Мерик, уведи Елену отсюда, — оглядел всех горец. — Я останусь с Толчком, мы, если что, прикроем вас.

Мерик кивнул и протянул девушке руку. Елена колебалась, но Крал махнул ей рукой и подвел к ним еще и Эррила с Болом. Эррил замедлил шаг, словно намереваясь остаться, с горцем, но Крал решительно указал ему на выход:

— Уходи. В твоём состоянии ты будешь только помехой.

— Будьте осторожней, — прохрипел Эррил, повинувшись. Мерик все настойчивей тянул Елену к выходу:

— Поспешим. Нужно укрыться в безопасном лесу!

Елена побежала за Мериком.

Впереди у выхода Рокингем стоял в той же позе, в какой застал его окрик Толчука. Увидев, что девочка приближается, он знаком приказал Могвиду и волку отогнуть корни, чтобы она беспрепятственно могла выйти. Они так и сделали, а Могвид встал на колени и придержал брата за шею, чтобы тот не сунулся впереди девочки.

Рокингем встал у расчищенного прохода с факелом наизготовку:

— Выходи! Эта пещера настоящая ловушка!

Девушка пробежала мимо, мельком посмотрев на Могвида, как-то нервно вертевшего головой. Волк при ее приближении стал рычать и рваться еще сильнее, так что Могвид едва удерживал его. Вероятно, волк тоже хотел скорее попасть в лес из этого проклятого места. И перед тем, как нырнуть в узкую дыру, Елена в последний раз оглянулась. Глаза ее встретились с глазами человека, убившего ее родителей.

Дыхание ее остановилось, и она поняла свою ошибку. Но слишком поздно. Железная рука Рокингема уже держала ее запястье. Начальник кордегардии резко дернул ее к себе.

Елена закричала и попыталась, вырваться. К ней бросились, но Могвид, изображая, что тоже спешит на помощь, упал, преграждая путь остальным, покотившись на пол вместе с Мериком. И за эти секунды Рокингем успел вытащить Елену наружу.

Она еще хваталась пальцами за корни, но тот безжалостно отодрал их. Они оказались наверху. С Елены падали прилипшие листья.

— Елена!!! Осторожно, Елена! — крикнул откуда-то сверху знакомый голос...

Она узнала Нилен и обернулась.

Из леса навстречу ей шли два скалтума. Девочка упала на колени.

— Приветствуем тебя, мышонок... шсс... — прошипел первый.

— Шсс... поиграем? — усмехнулся второй.

При первом же вскрике Елены Эррил вырвал руку из руки Бола и почти грубо оттолкнул старика. Выродок Рокингем обвел их всех вокруг пальца, как неразумных детей! Ноги едва держали Эррила, но он рвался вперед, проклиная свое отравленное ядом тело. Впереди бежал Мерик, который, наконец, освободился от Могвида и тоже подбегал к выходу. Оружия у него не было, но об этом он, казалось, и не думал. За ним по пятам несли волк. Эррил понял, что толку от него сейчас будет мало. С трудом перебравшись через пытающегося подняться на ноги Могвида, он услышал, как тот пробормотал: — «Извините», — и под свирепым взглядом отскочил прочь.

А снаружи, из ночи, уже раздавался леденящий душу двойной смех. И от этого смеха кровь застыла у Эррила в жилах. Этот смех преследовал его все эти долгие годы, когда он путешествовал по местам былых боев, ныне заброшенных и забытых людьми. Он знал, что следует за этим смехом скалтумов — только смерть.

Мерик и волк уже пробились через сплетение корней и исчезли в ночи. Эррил и Бол ковыляли за ними, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Эррил дернул ветки, чтобы вылезти наружу, но железные пальцы схватили его за плечо и удержали.

— Нет! — прогремел сзади голос Крала. Горец отшвырнул Эррила от выхода, и он увидел, что Бола также удерживает вторая мощная рука.

— Вы оба слишком слабы! Оставайтесь здесь. Толчук тоже останется с вами!

Эррил попытался вывернуться из этой мощной руки плечом, но обнаружил, что действительно слаб, как ребенок, и ему пришлось смириться не только с железной хваткой горца, но и с правдой его слов. Крал грубо

отпихнул их обоих и, локтями раздвинув корни, вылез наружу. Глаза Толчука горели, как огонь в полутьме пещеры, и было непонятно, для чего он здесь стоит: чтобы охранять их — или чтобы не дать им выбраться наружу.

— Я уйду, — упрямо заявил Эррил и снова полез в проход, ожидая, что его вот-вот схватит могучая рука огра.

Но вместо этого его остановил Бол.

Он осторожно взял его за локоть, не удерживая, а, скорее, желая дать почувствовать свою солидарность:

— В этом есть смысл, — прошептал старик. — Крал прав. Этот бой не для нас .

Эррил задохнулся от возмущения и обиды. Он никогда не думал, что Бол такой трус. Освободив локоть, старый воин в бешенстве обернулся:

— Елена в опасности! — выплюнул он в старое доброе лицо. — И вы сами говорили, что охранять ее — моя обязанность! А теперь просите оставить ребенка в беде!?

Бол сощурился, и тень легла на его лицо:

— Разумеется, нет, но я знаю одно: то, чему суждено произойти этой ночью, должно произойти, — и Бол махнул рукой.

Проклиная очередную задержку, Эррил стал вновь продираться сквозь корни. Камзол его зацепился за старый сук, но, порвав поношенную кожу, старый воин вылетел, наконец, на поверхность. За ним легко проскользнул и Бол, а Толчук просто начал ломать корни.

Но со старым дубом справиться было не так-то просто, и огр, вдвое превосходящий человека по размерам, все никак не мог протиснуться.

— Сражение это и не для тебя, — усмехнулся Бол.

Но эти слова успокоили огра ничуть не больше, чем Эррила, и тот с остервенением продолжал рвать корни.

Эррил решил больше не ждать никого и вышел на луг перед входом.

Противники уже заняли позиции.

С одной стороны стоял Рокингем, опершись спиной о мощный дуб, а перед ним застыл волк, угрожающе рыча и скаля зубы. Волк, вероятно, твердо решил не дать больше этому негодяю сдвинуться с места и натворить еще каких-нибудь бед. «А лучше бы и вовсе порвал ему плотку, — подумал Эррил — и покончил, наконец, с его предательством навсегда».

Но не Рокингем привлек теперь внимание Эррила — в середине луга происходила другая, более опасная битва.

Два скалтума держали Елену между собой, повернувшись друг к другу спинами и загнав ее в клетку из кожистых крыльев. Никакому спасителю до нее было теперь не добраться. Елена стояла с широко раскрытыми, блестящими от слез глазами. Девушка дрожала, как в лихорадке, особенно когда порой крылья задевали ее.

И Эррил понимал, что убийство гоблинов настолько подействовало на нее, что теперь она не решится снова применить свою силу — даже для того чтобы освободиться.

Остальные участники разыгрывавшейся трагедии пытались, каждый по-своему, освободить девочку.

Итак, двум скалтумам противостояло трое защитников. Мерик с горящими от ненависти глазами и без оружия. Но вокруг его узкого тела, как нимб, полыхал какой-то легкий странный свет. И хотя ветра не было, какие-то невидимые течения взвихривали серебряные волосы эльфа, освобожденные от повязки. Над ним в гневе клубились тучи, хотя остальное небо оставалось чистым. Из этих туч сверкали молнии и гремели громы, и хотя повсюду занимался рассвет, здесь ночь не собиралась, казалось, сдавать свои позиции.

На противоположной стороне виднелась крошечная фигурка Нилен, чьи плечи плотно вжимались в ствол старой ели, а руки взметнулись к небу. Маленькая женщина откинула голову, словно собираясь пропеть что-то торжественное тревожным небесам. Ель тоже вскинула ветви к тем же небесам и почти полностью повторяла позу маленькой нюмфай.

И, наконец, ближе всех к Эррилу находился Крал, с топором в правой руке. При очередной вспышке молнии его оскаленные зубы сверкнули, как у хищного зверя. Гигант решительно занес над головой топор:

— Вот теперь-то я и смою свой позор! — крикнул он небесам. — Смою вашей кровью!

Скалтумы смотрели на трех странных противников, и их злое и беззаботный смех сменился теперь нервным шипением.

Черные губы поднялись, обнажив клыки, а глаза излучали угрозу и смерть неразумным человеческим тварям, рискнувшим вступить с ними в борьбу.

И тогда вдруг заговорил Бол, и при его словах неожиданно смолк даже безумный гром, и покорно успокоились молнии. Однако Эррил чувствовал, что в следующее же мгновение все вновь придет в движение и битва

возобновится. Бол крепко держал его за рукав.

— Элементалы! — прошептал он. — Вот они, все трое! Так, как и было написано! — Бол указал пальцем на трех защитников: — Крал, Мерик и Нилен — камень, ветер и огонь жизни. Трое придут! И не в мой дом, как я думал, а сюда ...

— Трое умрут, — мрачно ответил Эррил. — Им не одолеть черной магии лордов ужаса. — Он вырвал из ножен меч, но поднять его ослабевшая рука уже не смогла. Яд продолжал сковывать мышцы.

— Вы и ваше Братство слишком недооцениваете элементалов. Исход битвы не предрешен, — Бол указал пальцем на меч Эррила, и тот даже ничего не сказал в ответ. — Это не наша битва, — еще раз горько вздохнув, повторил старик.

Эррил попытался оживить железный кулачок в кармане, — может быть, он снова обретет таинственную руку. Но кулачок лежал холодным и недвижимым — или силы его кончились, или он просто верил словам Бола.

Позади раздавалось возмущенное ворчание огра, который все никак не мог справиться с корнями.

Эррил бессильно стиснул рукоять и готов был завывать от бессилия и обиды.

Итак, битва начиналась без него.

Нилен увидела, как один из скалтумов протянул ужасный коготь туда, где стоял эльф — или *только что* стоял. Коготь царапнул пустой воздух, а Мерик был уже совсем в другом месте, но при этом нюмфая могла поклясться, что ноги его даже не двинулись. Мерик стоял, надменно улыбаясь и скрестив на груди руки. Свет, окутывавший его, разгорался все ярче, а молния сверху ударила прямо между ним и котем.

Через секунду гром расколол небо.

Скалтум завизжал и отдернул лапу. Но, кроме боли, молния не принесла ему вреда, и коготь остался когтем, а не сожженным обручком. Темная магия защитила скалтума. Второй скалтуму пока не сводил глаз с пленницы.

Нилен понимала, что она должна отвлечь одного из чудовищ, чтобы дать Елене возможность убежать. Ведьма не может, не должна погибнуть! Все возрождение Локайхеры зависит от этой девочки! И нюмфая вспомнила пророчество своего умиравшего старейшины: *зеленая жизнь возродится из красного огня, огня, рожденного магией* . Нилен не сводила глаз с дрожащего ребенка — нет, она не умрет.

Босые ноги Нилен осторожно раскапывали мягкую землю, добираясь до корней. Она уже вызвала дух дерева, и все было готово. Теперь она просто опустила ресницы и тихо запела, вбирая в себя всю силу старой ели. Маленькая женщина пела и соединялась с деревом, и явился дух.

Она стала елью. Она стала лесом.

Ведьму надо освободить!

Нилен махнула руками, словно маня скалтума с пораненным когтем, и ель повторила ее движение и схватила скалтума за лапы своими ветвями, крепкими от вековых снегов и ветров.

Скалтум стал вырываться, и Нилен едва сдерживала его. Она напрягала все свои силы и тянула чудовище прочь от девочки. Но задние ноги скалтума крепко вцепились в каменистую землю. Чудовище не подавалось ни на шаг.

Нилен сама пустила корни как можно глубже в родную землю. Пот ручьем катился с ее лба, горло горело от молчаливой песни. Никогда еще она не испытывала такой силы и теперь даже не знала, чем все это может закончиться. Элементарная магия, кипевшая в ее крови, тоже была частью ее существа, и горение означало, что нюмфая сжигает себя, как легкую ветку в пламени костра. Но проклятая тварь не поддавалась.

Нилен поняла, что одной ей не справиться. Глаза ее остановились на Мерике. Тот снова ровно светился после того, как вызвал молнию. Но, увы, его свет в одиночку ничего не мог сделать с чудовищами, как и ее дерево. Ах, если бы объединиться?! Нилен прикусила губы. Эльфы и нюмфай не были вместе уже много тысячелетий, с тех самых пор, как эта страна была еще очень юной. Смогут ли они теперь построить мост через века отравленной крови, что течет между ними?

Мерик снова подходил все ближе к скалтуму, полный решимости отдать за Елену даже, если понадобится, и жизнь. Нилен кусала губы, не зная, верить или нет в это так открыто демонстрируемое благородство.

Вдур скалтуму рванулся, и несколько ветвей сломались. Острая боль пронзила нюмфая. Маленькая женщина упала на колени, и в тот же миг увидела обращенные к ней глаза Мерика.

Веки его были почти опущены, но теперь она знала, что и он думает о том же:

— Пришло время забыть прежние раздоры и создать новый союз.

Глазами она дала понять эльфу свой замысел, и он незаметно кивнул в ответ.

Снова в скалтума ударила молния, но чудовище снова уцелело, лишь дико дернувшись от боли. Но это движение помогло ему еще больше освободиться

от хватки ели.

Однако удар Мерика дал Нилен силы, чтобы сменить песню. Нюмфая воздела руки, и корни, выползшие из земли, опутали ноги скалтума, затягиваясь все туже и впиваясь в проклятую плоть.

Нилен продолжала удерживать чудовище и сверху. Главное — парализовать теперь и лапы.

Мерик снова ударил, но удар не дошел до земли, угаснув в воздухе над самой головой скалтума. Эльф развернулся на пятках, и длинные серебряные волосы окутали его сверкающим плащом.

Он старался, как и она. Лица их побледнели, тяжелое дыхание с хрипом рвалось из груди. Такая сильная магия выматывала обоих.

Теперь нюмфая стояла уже на обоих коленях, и все тело ее сотрясалось от усилий. Некоторые ветки стали медленно клониться назад, к стволу, освобождая чудовище. Следующая атака Мерика тоже оказалась лишь вспышкой света, даже без громового удара.

Второй скалтум, видя, что нападение эльфа и нюмфаи слабеет, бросился на помощь к соплеменнику, обрывая оплетшие ноги корни. Нилен охнула от боли и упала на руки.

Они были обречены на поражение.

Как только второй скалтум бросился на помощь, Крал тотчас увидел, что у чудовища обнажен бок, и решил ударить туда. Горец знал, что чудовище ему не убить, но отвлечь его внимание можно, отвлечь на себя и не дать выпутаться второму.

Описав широкую дугу, топор вонзился в бок.

Крал даже не ожидал, что лезвие прорубит плоть и из раны повалятся черные внутренности, как длинный язык изо рта умирающего.

Человек и чудовище неподвижно и удивленно смотрели на эти вываливающиеся внутренности. Топор был в крови до верха древка.

Неожиданно скалтум перевел взгляд на горца и, пронзительно завизжав, бросился на него.

У Крала едва хватило времени, чтобы снова занести топор и отразить когти, метнувшиеся к его горлу. Однако на второй замах времени уже не оставалось, и проклятая тварь переломила бородатому гиганту ногу, бедро хрустнуло.

После чего, не успев Крал даже опомниться, скалтум поднял его в воздух. Но прежде, чем потерять сознание, Крал сумел все же сделать свое сердце камнем, непроницаемым для боли.

Он скала. А скалы не чувствуют боли.

Вися в воздухе, он изогнулся и почти наобум ударил топором куда придется. Удар пришелся по запястью, и топор вздрогнул, рассекая кость. Тем не менее Крал не смог почувствовать победу — гигант упал, сильно ударившись головой о землю.

Оглушенный, но не выпуская топора, он умело откатился от того места, где стоял скалтум. Кровь из разбитой головы лилась потоком, заливая глаза. Кое-как приподнявшись на колено здоровой ноги, он просто стал размахивать и крутить топором перед собой. Но топор горца свистел в пустоте. Крал, наконец, отер кровь и увидел, что скалтум, зажав обрубок кисти под мышкой, другой лапой пытается остановить фонтан черной крови, хлещущий из раны.

Крал с недоумением взирал на раны скалтума. Как же его простой топор вдруг смог победить черную магию? Почему? Горец мысленно возблагодарил своих богов. Теперь, как бы то ни было, он и в самом деле имеет шанс смыть свой позор. В прошлый раз он ускользнул от чудовища с помощью своего хитрого трусливого языка, но сегодня он покажет им свое настоящее лицо!

Скалтум, наконец, понял тщетность усилий и бросил отрубленную кисть. Кровь из запястья текла уже густая, и чудовище снова с каким-то недоумением уставилось теперь на отрубленное запястье.

За скалтумом Крал вдруг четко увидел лицо Елены, с которой не сводил глаз тот, который пытался высвободить ноги из корней, а передние лапы из веток. Сейчас угрозы он не представлял, но раненый все еще был силен; у него была сильная рука с острыми когтями, ноги и полный зубов рот, и потому прежде, чем бросаться на помощь девочке, надо было обезоружить его полностью. Теперь тварь все время держалась начеку и вместо того, чтобы слепо нападать, стала обдумывать свои действия. Теперь от него нечего было ждать безрассудного нападения.

Но Крал знал, что делать. Надо подманить чудовище как можно ближе к себе. И, набрав полную грудь воздуха, горец вспомнил костры родины и позволил магии покинуть сердце. Он больше не был скалой, а стал снова живой и ранимой плотью. Раненое бедро вспыхнуло мучительной болью, разрывая жилы и кости. В голове у горца помутилось, и он рухнул в грязь.

Правда, гигант еще из последних сил сохранял сознание, но бороться с подступающей болью с каждой секундой становилось все труднее. Сквозь пелену надвигающегося беспмятства Крал услышал довольное

хихиканье скалтума, нацелившегося на свою беззащитную жертву:

— Вот уж порадуешься твоему мяссу, горный червяк, — прошипел скалтум.

Крал заставил себя открыть глаза. Он лежал на боку и видел прямо перед собой когти, прочно вцепившиеся в землю на расстоянии всего лишь ладони от лица. Горец еще успел вовремя отвернуть голову, и нацеленные в его горло зубы промахнулись, а потом, превозмогая боль, рывком откатился прочь, подняв руку и широким полукругом занеся топор.

Оставался последний шанс, и он знал, что топор попал по скалтуму, но как и куда?

Спустя несколько секунд горец остановился и посмотрел на свою работу: скалтум, вытянувшись, лежал неподалеку. *Голова его валялась поодаль.*

Хвала богам!

Крал снова привстал на колено, но это усилие стоило ему всех сил, и черная пелена обморока едва не поглотила его. Мерик и Нилен были не в лучшем состоянии. Нюмфая лежала, скорчившись у самого основания ели, одной рукой бессильно хватаясь за ствол. Ель еще слабо шевелилась, но толку теперь от этого было мало. Мерик тоже стоял на коленях, полностью измотанный. Никакой свет не исходил больше из его худой фигуры.

Второй скалтум уже благополучно рвал последние удерживающие его корни и освобождался от слабых ветвей дерева. Еще секунда — и он свободен, Елена лежала в двух шагах от него и в ужасе занесла над головой дрожашую руку. Крал видел, как блестят на ее глазах слезы.

Горец понимал, что девушка находится почти в таком же полубессознательном состоянии от страха, как и он от боли. Но его темнота обжигала, а ее обещала прохладу вечного успокоения.

«Не теряй своего сердца!» — мысленно крикнул ей гигант и поднял топор в последний раз. Добраться до Елены невозможно, как и до скалтума. Но что не может сделать он сам, сможет его топор!

Нужно только найти силы, чтобы бросить его!

Заводя руку назад, горец молил богов, чтобы они исполнили это его последнее желание, и, закрыв глаза, напряг все мускулы плеча и спины. Топор выскользнул из руки, послушный приказу мысли и тела.

И, описывая медленные круги, топор полетел к цели.

И от этого полета зависела теперь судьба девушки. Крал знал, что миссия его исполнена, и позволил тьме унести себя. Раздался протяжный стон, и массивное тело горца рухнуло в грязь.

Елена видела летящий к ней топор, но не сделала и шагу, чтобы избежать своей участи. Она просто покорно прикрыла глаза. Пусть он вонзится в нее — и это принесет конец всем мучениям.

Вот над головой что-то громко просвистело, и девушка упала на колени.

Но вдруг до нее донесся такой знакомый голос, это кричал Эррил:

— Елена, беги!

Девушка с трудом поняла смысл услышанного, но, открыв глаза, с удивлением увидела, что ее грозный страж, хотя и стоит по-прежнему рядом, однако из его груди, подобно третьей руке, торчит длинное древко топора Крала. Лезвие же полностью ушло внутрь. Из раны медленно сочилась кровь.

Скалтум стоял, положив пальцы на рукоять. Его сотрясал кашель, от которого кровь начинала вытекать толчками, а спустя еще несколько мгновений, чудовище рухнуло на колени, оказавшись, по насмешке судьбы, в той же позе, что и девушка рядом с ним. Из пасти скалтума хлынула черная кровь, едва не облившая Елену.

— Назад! — крикнул Эррил.

— Елена, родная, беги! — голос дяди разрушил, наконец, оцепенение, в которое привел девушку вид раненого скалтума, она обрела способность двигаться, но оторвать взгляд от умирающего чудовища так и не могла.

Крылья скалтума опустились в грязь, глаза стали тревожно перебегать по поляне до тех пор, пока не остановились на лице Рокингема. Коготь слабо поднялся и указал на предателя, и, разбрызгивая вокруг черную пену, скалтум проговорил:

— Кровь вызывает к праву первородства! *Най гору тум скал мор!*

И Елена в тот же миг почувствовала, как некая сила от подымающего чудовища пронеслась над ее головой. Волосы у нее на голове зашевелились от ужаса. Скалтум опрокинулся на спину, и древко топора уткнулось прямо в нависшие тучи. Грудь его поднялась в последний раз, и изо рта рванулся вверх чудовищный фонтан черной крови. Затем он затих.

Все еще смотрели на мертвого скалтума, когда Рокингом вдруг начал задыхаться, хватаясь за горло. Он уже не обращал внимания на рычание волка и на то, что происходило перед ним. Лицо его густо побарговело, глаза выкатились из орбит.

Начальник кордегардии протянул руку по направлению к Елене:

— Помогите! — прохрипел он.

Но тело его завалилось назад и вытянулось, хотя он еще умудрялся стоять, балансируя на самых носках.

— Линора! — вдруг вырвалось из его губ забытое имя и унеслось в темное небо. Потом раздался хруст ломаемого хребта, и, как тряпичная кукла, Рокингем замертво рухнул на землю.

Елена молча смотрела на смерть человека, убившего ее родителей, но не испытывала никакой радости, а чувствовала только оупляющую усталость и пустоту.

Над поляной повисло молчание, лишь затихающий ветер стонал среди мокрых ветвей.

Волк наклонился над трупом Рокингема и обнюхал его. Шерсть на загривке у него все еще стояла дыбом.

— Елена, посмотри, Крал, кажется, еще дышит, — позвал племянницу Бол.

— Он жив!? — не поверив своим ушам, переспросил Эррил. Елена отвела взгляд от Рокингема и повернулась к горцу. Бол стоял перед ним на коленях, подняв голову горца из грязи. На искаженное мукой лицо налипли опавшие листья. Крал открыл глаза, судорожно глотнул воздуха и закашлялся:

— Я... Я убил его? — едва слышно простонал он.

— Да. А теперь не двигайся, пока мы не разберемся с ногой.

— Покажите... покажите мне девочку...

Бол махнул Елене, чтобы та подошла, и девочка рванулась к лежащему горцу. Неужели еще одна смерть сегодня!? Глаза Крала опавшие по ней, и он успокоился. Подошел Эррил и тоже встал на колени рядом с Болом.

— Ты спас всех нас, — он указал на Мерика и Нилен, которые силились встать на ослабевшие ноги.

— Спасли мы все, — прохрипел Крал. — С божьей помощью. — Горец жестом попросил приподнять себя, чтобы увидеть рукоять топора, торчащую из груди скалтума. Взглянув, он тяжело вздохнул и без сил снова опустился на землю. Елена услышала, как губы его шепчут слова благодарности.

— Твой топор не миновал цели, — тронул его за плечо Эррил. — Твоя рука спасла нас всех на этом рассвете.

— Но она не спасла моего сердца, — пробормотал горец, отворачиваясь.

— О чем ты? — удивился Эррил. — Ты храбро сражался и...

— Нет, сражались боги. Одно мое лезвие никогда бы не пробило брони черной магии. Это работа богов, не моя.

— Нет, Крал, никакая сила никаких богов не может прорвать черную защиту — просто твое лезвие закалилось в черной крови чудовища, убитого тобой в Винтерфелле. Черный дух омыл твое лезвие, и теперь оружие, получившее такое крещение, всегда будет пробивать их защиту.

Крал вздрогнул при этих словах, глаза его вспыхнули, а слабая рука сжала колено Эррила:

— Ты говоришь правду?

Эррил смутился такой горячностью, но горец быстро убрал руку, а глаза его сузились от боли, на этот раз уже не телесной.

— Но я думал, это заблуждение, ложь...

— Что ложь? — удивился Эррил.

— Мой язык... там, около дома... он произнес ложь, чтобы спастись от них... Я сказал им, будто знаю способ продырявить их, что мой топор может их убивать...

Эта боль удержала Эррила от комментария. Но тут вмешался Бол, заговорив громко и положив руку на грудь горца:

— Но оказалось, что это правда. И ты не солгал.

В глазах Крала по-прежнему стояла боль:

— Но в сердце своем я солгал.

Бол взглядом позвал на помощь Эррила, но тот лишь покачал головой, не зная, что можно сказать еще. Глаза горца закрылись, и он начал тихо постанывать от боли.

И тогда Елена, взяв за руки дядю и Эррила, тихонько отвела их от раненого, а сама опустилась рядом с ним. Этот человек спас ее, и она не допустит, чтобы он нес в своем сердце такую боль. Слишком многие уже отдали за ее спасение слишком много. И теперь пришла пора отдавать долги.

Почувствовав ее присутствие, Крал приоткрыл глаза, но великая мука тлела под тяжелыми веками.

Елена приподняла его голову и приложила к пересохшим губам пальчик:

— Никакая ложь не коснулась твоих уст, человек гор. Твое сердце защитило тебя, как сам ты защитил меня. И не позволяй глупой вине чернить твои храбрые действия. Сердце твое правдиво всегда. — Елена наклонилась и легко поцеловала Крала в губы. — И никакая ложь никогда не касалась этих губ, — шепотом повторила она.

Эти слова и поцелуй смягчили ожесточившиеся черты горца, и гигант расслабился:

— Благодарю тебя, — пробормотал он. Но глаза его снова закрылись, хотя дыхание стало более мерным и спокойным.

Подошедший Эррил стиснул ее плечо:

— Только что ты спасла ему жизнь. Ведь его вина иссушала его волю, а сердце горца всегда должно быть сильным и свободным от сомнений, только тогда он сможет выздороветь.

Елена прильнула к груди Эррила. Его слова проливали бальзам ей на душу. Долгий вздох вырвался у измученной девушки, и, обняв ее, Эррил отвел несчастную подопечную в сторону. Бол тем временем исследовал тело Рокингема. Убийца лежал в грязи навзничь, раскидав руки и ноги как-то неестественно. Бол положил руку ему на шею.

Елена напряженно ждала. Ей вдруг захотелось закричать и оттолкнуть дядю — ведь этот человек убил ее родителей, и не надо, чтобы рядом с ним находился кто-то из ее близких. Девушка уже открыла рот, чтобы крикнуть, но передумала, представив, как глупо сейчас прозвучат ее слова.

— Сердце не бьется, и дыхания нет, — тихо произнес Бол и тяжело поднялся, хватаясь за дерево. Вытерев руки о штаны, словно желая полностью избавиться от воспоминаний, дядя мрачно объявил: — Он мертв.

Елена вздохнула с облегчением.

Итак, все миновало. Рассвет близок. И девочке вдруг до боли захотелось увидеть солнце.

Дядя ласково улыбнулся ей.

И племянница застенчиво ответила ему, улыбаясь все шире. Длинная страшная ночь подошла к концу.

Но ее обоняние оказалось сильнее ее глаз. По поляне пронесся запах разрытых могил. Елена сморщила носик, словно желая избавиться от запаха, но не успела.

Позади Бола вставало то, от чего крик застрял у нее в горле.

Могвид услышал крик, полный страха, и юркнул обратно в глубину туннеля. Что бы ни заставило девочку так крикнуть, это намного хуже гоблинов. А в пещере можно попробовать найти другой выход. Но темнота и страх перед неизвестным не позволили Могvidу сделать и шага. Он скрючился около выхода, где по-прежнему боролся с корнями огр, который так и не смог одолеть дуб и вылезти. Звуки происходившего снаружи горячили его кровь, и он в бешенстве рвал железные корни когтями и зубами. Несколько когтей уже были вырваны с мясом и кровоточили.

Могвид видел, что Толчука трясет от гнева, но неожиданно огр оставил корни и, обернувшись, взглянул прямо в лицо Могvidу. Глаза его сверкали, но не янтарем сайлуфов, а красной злобой огров. Он ткнул в человека-сайлура пораненным когтем:

— Ты, ты ведь все знал, — проревел он, найдя, наконец, на кого излить свою ярость.

Могвид почувствовал, как его буквально окутывает плотная пелена ненависти, и глаза его выкатились от ужаса при воспоминании о том, как огр расправился со sniffфером, язык у несчастного человека-сайлура так и прилип к нему.

— Ты знал, что ждет нас в конце туннеля, но язык твой молчал! — ревел Толчук.

Могвид изо всех старался сказать хотя бы что-то, но ни губы, ни язык так ему и не повиновались.

Толчук рванулся к нему, занимая собой весь проход, и Могвид присел на корточки, прикрывая руками голову. Его обдало жаром дыхания огра, и он был уверен, что сейчас в голову ему вонзятся острые зубы.

— Почему? — вдруг вместо рева услышал он вкрадчивый тихий шепот. — Почему ты нас предал?

Могвид понимал, что надо отвечать — иначе раздраженный огр непременно убьет его. Но что он мог сказать? Ведь он действительно предал, и теперь только Рокингем мог бы найти слова, чтобы оправдаться. Могвид представил себе усмешку и холодные глаза своего нового друга. Да, Рокингем смог бы, но как ни странно, подумав о Рокингеме, Могвид и сам нашел ответ. Похоже, уроки не прошли даром. *Зачем отрицать?*

Могвид заставил себя дышать ровнее и несколько раз судорожно сглотнул, стараясь не обращать внимания на едкое дыхание огра.

— Я знал про этих крылатых тварей, — наконец, признался Могвид дрожащим голосом.

— И ты так спокойно признаешься в этом! — снова возмущенно загремел Толчук.

— Да, — Могвид прикрыв глаза и на секунду представил себя Рокингемом. — Но меня заставили. Мне сказали, что если я буду молчать, жизнь Нилен будет в безопасности.

— И ты пожертвовал всеми нами ради одной.

— Не всеми. Они хотели только девочку. И обещали, что всех остальных пропустят беспрепятственно.

Толчук даже онемел от этих слов.

И тогда Могвид продолжил, уже чувствуя себя правым, как еще совсем недавно делал и Рокингем в разговоре со скалтумами:

— Я ничего не знал об этой девочке, а вот нюмфая — из дружественного нам народа — и твоего народа, между прочим, тоже! Сайлуры и нюмфаи всегда были союзниками в лесу, с давних, очень давних пор. Я не мог позволить Нилен умереть ради неведомого мне человеческого ребенка! Люди всегда ненавидят нас, истребляют как диких животных. И зачем я буду жертвовать ради них жизнью друга!? Вот и пришлось согласиться.

— Но ты мог предупредить, — прорычал Толчук, правда, уже спокойней и с некоторым сомнением.

Могвид поддал еще жару:

— Я никогда не даю ложных обещаний. Хоть договор этот был и нехорош, я заключил его, чтобы спасти невинную жизнь. А слово мое твердо, мы, сайлуры, слов не нарушаем. А разве вы, вы, огры, поступаете иначе?

Толчук сел на пол:

— Нет, именно из-за предательства одного моего предка мне и пришлось пуститься в это путешествие. Из-за него мой народ и оказался проклят.

Могвид понял, что теперь можно окончательно успокоиться.

— Прошу прощения, — помолчав, добавил Толчук. — Дороги чести всегда трудны.

— Ты говоришь с пониманием и уважением, — оценил Могвид, склоняя голову и смеясь в душе: — И потому я принимаю твои извинения.

Наверху снова раздался крик Елены.

Эррил прижал кричащую девочку к груди. Серое щупальце толщиной в человеческое бедро и с красной бахромой по краям поднялось сзади Бола и обхватило старика за талию и грудь.

Эррил невольно отступил назад, увлекая за собой и Елену.

Огромные присоски, словно рты, присосались к телу и одежде Бола, и не успел тот поднять и руки, как тут же обмяк в их чудовищном объятии. Рот его еще приоткрылся, но крику было уже никогда не суждено вылететь из него. В следующее мгновение Бол бездыханно повис в воздухе.

Щупальце раздулось и подняло тело выше, помахало им, как тряпкой, бросило его и свернулось. Только тогда Эррил увидел, что убило старика: в каждой из присосок, как язычок, торчало острейшее лезвие. И с каждого лезвия, испаряясь, капало красное масло — *яд*. Но вот убрались и лезвия.

Елена стонала почти в бессмысленности, но Эррил все быстрее увлекал ее к лесу, хотя девушка сопротивлялась, падала и не сводила глаз с трупа дяди.

Одной рукой Эррил все пытался поднять ее, но силы его истощенных и отравленных мускулов не хватало, Елена выскальзывала, а он все тащил и тащил ее подальше от нового чудовища, а сапоги так и вязли в грязи.

Тут старый воин случайно глянул на труп Рокингема и с ужасом подумал, что ждет их, если они не доберутся до леса.

Грудь Рокингема вспученная, как перезрелый плод, лопнула и оттуда вихрем вырвалась черная энергия — вот что дало жизнь новому монстру!

Эта черная энергия все текла, и во что она могла превратиться в следующий момент, не знал никто.

Только теперь Эррил понял, что произошло. Рокингем был вовсе не человеком, по крайней мере, уже им не был, а являлся всего лишь созданием черной магии. Эррил не раз слышал толки о подобных созданиях. Рокингем оказался *големом*, оболочкой, созданной из мертвых сердец самоубийц. Он с новой силой потащил Елену подальше от страшного трупа.

Но в этот момент слепящий взрыв раздался над Рокингемом, и когда свет погас, в воздухе стали сами собой складываться отдельные части нового чудовища. На этот раз это было хуже, чем самый ужасный ночной кошмар. Эррил даже не мог себе представить, что такое может существовать, и его сознание оказывалось верить глазам.

Оказалось, что щупальце было не рукой монстра, а его языком. Потом образовался и рот,двигающий этот ядовитый чудовищный язык во все стороны, за языком подобно разбитому стеклу блестели бесконечные ряды зубов, ухидившие глубоко в глотку.

Надо ртом закольцевались сотни стеблей длиной в человеческую руку, увенчанные черными шариками размером с куриное яйцо. Но инстинкт говорил Эррилу, что это еще не глаза, а всего лишь какие-то иные, органы чувств, которые находятся за пределами его человеческого понимания.

Тоненький визг, похожий на визг убиваемого кролика, сопровождал появление чудовища, и, наконец, оно целиком выкатилось на поляну. Елена выскользнула из слабой руки Эррилла и упала ничком в грязь. Старый воин еще попытался поднять ее, но понял, что не может. Эррил оглянулся в поисках помощи. Неподдалеку Мерик и Нилен, поддерживая друг друга, ковыляли к лесу, и, заметив чудовище, попытались сразу уйти за кромку деревьев.

Неожиданно Елена рванулась из-под руки Эррилла. Шок от гибели дяди прошел, и она осознала, что стоит перед ней и подбирается все ближе. Эррил помог ей встать.

— Беги, — крикнул он, и девушка вдруг послушалась.

Не стесненный больше девочкой, Эррил махнул Мерике, чтобы он с нюмфай, почти лежавшей на его руках, тоже уходили. Эльф посмотрел на девушку, уже осознавшую опасность и убегающую, кивнул Эррилу и нырнул с нюмфай в густое переплетение стволов и низко опущенных веток.

Эррил и Елена тоже находились уже рядом с лесом.

К этому времени монстр величиной в два человеческих роста, а толщиной в четыре, окончательно заполнил собой лужайку. Тело его напоминало огромного слизняка с серой кожей, намазанной какой-то слизью, дымившейся в холодном предутреннем воздухе. Черное и красное подобие плавников торпачилось у него по бокам, а по всему телу бугрились какие-то наросты величиной со спелую тыкву.

Вдруг вся туша его содрогнулась в остром болезненном спазме.

Елена закричала.

Из туловища выбросились членистые ноги, сразу сделав монстра похожим на гигантское насекомое. Ноги приподняли его от земли, и только его длинный язык все еще шарил по траве, словно огромная змея.

И внезапно Эррил понял, что это такое, и сердце старого воина на мгновение остановилось. Сам он не видел такого чудовища никогда, но когда-то давно немало о нем слышал. И хотя с того времени прошли столетия, бродяга ничего не забыл. Перед ними стояло существо из вулканических земель Гульготы. Там, среди горящих серных испарений своей долины, эти твари закапывают яйца, напивая их огнем и ядом.

Но Эррил не хотел верить в это свое знание и молил небеса о том, чтобы он ошибся.

Однако то, что случилось еще через пару секунд, окончательно подтвердило его самые худшие подозрения.

Спина монстра изогнулась, и по нему снова прошла судорога, кожа порвалась сразу во многих местах и высвободила новые влажные скомканные крылья. Лужайки больше не было видно.

Эррил толкал Елену вперед.

Теперь стало ясно, что он не ошибся; слишком похожи были эти кожистые крылья...

— Мульготра! — выдохнул он в спину еле дышавшей девушке.

Это была королева, рождающая скалтумов.

Елена бежала к спасительному лесу, едва понимая что-либо. Потеря дяди словно помрачила ее рассудок. Она старалась не оглядываться на труп Бола, зная, что, поглядев туда, снова замрет в бесконечной скорби. А надо было бежать, бежать если не ради нее самой, то ради Эррилла, который никогда не бросит ее и только бессмысленно погибнет сам.

Неожиданно снова полил дождь, словно растревоженные небеса не выдержали творящегося безумия. И меж тучами опять заметались молнии, а с вершин Зубов загрохотал гром.

Назад Елена тоже не оглядывалась, боясь обнаружить страшные зубы уже рядом со своей шеей. *Мульготра!* Хотя Эррил едва прошептал это слово, девушка услышала и поняла его. Каким-то образом это чудовище никак нельзя было назвать иным именем.

Чудовище ковыляло к ним, еще слегка пошатываясь на новых ногах, как цыпленок, только что вылупившийся из яйца. Оно потряхивало крыльями, скрипя костями и кожей. Дождь скатывался с его тела дымящимися потоками.

И мульготра, видимо, чувствовала, что на нее не смотрят, но она шла прямо в сторону Елены, и изо рта у нее доносилось слабое знакомое шипение. Слова доносились глухо, как из могилы:

— Иди сюда. Убегать бесполезно, дитя.

Но Елена знала, что это говорит не мульготра и даже не то, что у нее внутри, а то, что находится сейчас далеко-далеко от этой лесной опушки, что гораздо хуже наводящего ужас чудовища. Это то, что говорит из проклятых земель и бессолнечных глубин.

Елена хорошо знала теперь этого говорившего.

Это было Черное Сердце, Темный Лорд Гульготы.

Это его слова раздавались из безобразного рта мульготры:

— Если ты не подчинишься, весь мир содрогнется. Я разрушу все, что тебе дорого, уничтожу всех, кто тебе нужен. Твое имя станет проклятием для всех. И это я обещаю тебе, если ты не подойдешь сейчас же. Будь с нами и немедленно.

Елена старалась не слышать мертвящих слов, но они помимо ее воли звучали у нее в сознании.

— Остановись, послушай, как громко будет вопль, если ты не остановишься. Ты подаришь мне неплохое развлечение. Остановись.

И ноги девочки невольно замедлили бег уже у самого леса. О чем она говорит? И девушка остановилась вполоборота к мультотре.

Но Эррил схватил ее за руку и потащил вперед, а Елена выдернула руку. Ведь старый воин слышал обращенные к ней слова.

Монстр стремительно приближался, меся грязь многочисленными ногами, но вдруг свернул в сторону, и Елена с ужасом поняла, куда он свернул — неподалеку, без сознания лежал распростертый на земле Крал. Его не привели в чувство ни дождь, ни гром, ни приближение чудовища.

Мультотра медленно приближалась к жертве, высунув вперед серо-лиловый язык.

Девочка отвернулась, чтобы не видеть, но взгляд ее тут же уперся в брошенное тело дяди. Бол глядел в небеса мертвыми глазами, и по этим глазам сек дождь.

Сердце девушки похолодело. Вся семья, вся их большая дружная счастливая семья погибла из-за нее, маленькой девочки... А от нее самой осталась лишь острая горечь.

Елена заставила себя снова посмотреть в сторону горца и невольно сделала шаг по направлению к мультотре. К чему дальнейшее сопротивление, к чему еще ненужные жертвы? Она сдастся — и все будет кончено, все ужасы минуют, и сердце ее успокоится. Но прежде, чем она сделала второй шаг, черная стрела промелькнула у ее ног и рванулась вперед. В мгновение ока между Кралом и мультотрой оказался волк, зарывавший так страшно, что перекрывал даже гром. Маленькая фигурка лесной собаки, казалось, удивила крылатую тварь и на секунду та отпрянула.

Стебли наверху бешено заметались, язык выстрелил и отшвырнул волка так, что, пролетев, несчастное животное ударилось о ствол старого дуба. Елена видела, как, упав, ошалевший волк силился поднять голову, но ноги его развезжались на скользких сырых листьях. Вскоре волк-сайгур ткнулся мордой в землю и затих, но умер он или только потерял сознание, Елена так и не поняла. Длинный розовый язык свесился из полураскрытой пасти. Мультотра приближалась к горцу.

Нем! Елена сделала еще шаг.

— Остановись, Елена! Мы уже не сможем помочь ему! — закричал Эррил, пытаясь схватить ее, но яд по-прежнему сковывал его движения. И Елена вырвалась. — Остановись!

Но девушка не обратила внимания на этот вопль отчаяния. Терять теперь все равно нечего, и Елена побежала обратно изо всех сил, стараясь забыть о замершем в груди сердце. Единственное, чем можно было разом спасти всех — это отдать Темному Лорду то, что он хочет. Теперь ее жертва спасет остальных — и тогда, может быть, эта бесконечная ночь, наконец, кончится.

Больше никто не будет умирать ради нее.

Девушка больше не плакала, слез не было, и Елена оказалась рядом с горцем как раз в тот момент, когда его головы уже коснулся отвратительный язык чудовища. Елена резко остановилась, пнула ногой этот язык и встала прямо в дождевой луже, не склоняясь перед нависшей над ней мультотрой. Девочка закинула голову и высоко подняла руки. Дождь охладил ей лицо и капал с распущенных волос.

— Ни шага дальше, — спокойно сказала она. — Я ваша.

Чудовище склонилось ниже, показался вонючий рот, и от его запаха у Елены свело желудок. Но девушка не отклонилась и не позволила выйти наружу тем словам, что гнездились у нее глубоко внутри. Она только упрямо повторила:

— Я ваша.

— Умная девочка. Сопротивление бесполезно. И сердце твое знает подлинного хозяина.

Мультотра подогнула ноги, как паук перед укусом, и Елена, как ни хотела стоять гордо и прямо, все же не выдержала и тоже стала клониться к земле. Язык зашевелился и обвился вокруг нее, коснувшись кончиком сначала ботинок, а потом пополз вверх по телу.

Как вороватый любовник, он скользил сначала по ногам, а потом передвинулся на грудь. Его прикосновения обжигали, и девушка с отвращением поняла, что ее целуют.

— Мы сотворим такое, что весь мир пошатнется, — продолжал вещать голос, но это было обращено уже не к ней, а только выражало сокровенные желания самого Темного Лорда.

Елена не выдержала и готова была окончательно упасть, но язык поддержал ее и слегка поднял в воздух, обмывая дождем. Затем поцелуи перешли в покусывание.

Девушка закрыла глаза. Пусть оно возьмет ее, проклятую ведьму. Пусть наслаждается этим подарком. У нее все равно больше никогда не будет души, ибо ее прикосновение и так убивает все вокруг. Может, убьет и Гульготу.

— Полет будет долгим, — предупредил голос.

Елена закрыла себя для всего мира и уже не слышала больше ни шороха крыльев, ни биения собственного сердца. Она улетала от всего.

Но неожиданно голос остановил их:

— Мультотра еще слаба. Ей надо подкрепиться.

Елена нехотя открыла глаза и увидела, как тварь высовывает второй язык, чтобы подобрать Крала.

Девочка вздрогнула, словно по жилам у нее потекла не кровь, а лед. «Нет!» — Молчаливый крик потряс все ее существо, оживив задремавшее в безысходности сердце. Мир снова вернулся и ожил, но ни одного проблеска света так и не было видно. Лед добрался до сердца и взорвал его огнем.

— *Я сказала — больше никого!* — громко выкрикнула она, и гром в небесах ответил ей яростным раскатом. — *Никого!*

При этом крике мультотра сильнее сжала ее грудь, желая заставить замолчать. И крик остался неслышанным, поскольку тело Крала по-прежнему медленно подтягивалось к жадному рту. В глазах у Елены потемнело, и в сердце вспыхнул ледяной огонь.

Все два дня и две ночи она почти не управляла собой, будучи, как оторванный бурей листок, швыряема по воле неких сил.

Но больше этого не будет.

Она заставит себя слышать.

И если Темный Лорд хочет ведьму, он ее получит, — но со всей ее магической силой!

И Елена раскрыла себя для магии и позволила ледяным языкам вырваться сквозь ее кожу наружу. Энергия бушевала в раковине ее тела и рвалась, жажда крови.

Пусть так и будет!

Елена дотянулась до пасти мультотры и коснулась рукой заостренных зубов, чтобы поранить руку. И как только выступила первая капля крови, ничем не сдерживаемая дикая магия хлынула в мир.

Елена изо всех сил ударила горячей рукой в морду чудовища.

Тварь завизжала и уронила ее на землю.

Поднявшись, девушка увидела, что Крала тоже выпустили, а мультотра опрометью убегает к лесу. Рукой, как топором, Елена перебила ее отвратительный язык, и тот еще долго извивался, словно перерубленная змея.

Ногой Елена отбросила пляшущий язык в сторону.

И снова она стояла в луже с воздетыми к небу руками и грозно глядела на мультотру и на то ужасное, что жило в ней. Под ее ногами вода замерзла в лед, и лужа превратилась в стеклянную чашу, только грязь по краям шипела от жара. Сам дождь вокруг нее превращался в град, больно ушибая нежное тело. Но, не обращая внимания на боль, Елена шагнула к чудовищу:

— *Я же сказала — больше никого!* — девушка сделала еще шаг, и Крал оказался теперь за ее спиной. Торжествующая злоба полыхала в сердце Елены — больше им не достанется никто!

— Но уж тебя-то, дитя, я получу! — прошипела приготовившаяся к обороне и атаке мультотра.

Но тут из-за своей спины девушка услышала и другой голос:

— Нет, Елена! Нет, ты еще не готова! Беги ко мне! Беги!

Однако она не обратила и на этот призыв внимания. Больше она не станет слушать других.

С этим рассветом она *перестанет быть игрушкой* в руках тех, кто старше!

Перестанет быть листком на ветру.

Перестанет быть ребенком.

Елена протянула руку к монстру. Кровь капала с ее пораненной ладони, дымясь и шипя в застывшей льдом грязи.

Этой ночью она станет настоящей *ведьмой*.

— Лучше выслушайте меня, — ледяным тоном сказала она мультотре, и чудовище на мгновение отступило на полшага, а потом, как рассерженная змея, прыгнуло; сотни щупалец рвались из ее горла, и воздух засвистел от их движений.

Елена стояла неподвижно, прикрыв глаза и крепко сжав в кулак правую руку. Огонь бушевала в ее окровавленных пальцах, а сила внутри завивалась все более тугой пружиной. Тело дрожало от напряжения, и спустя несколько секунд ладонь ее превратилась в ледяное солнце.

Земля вздрагивала под весом мультотры.

В лицо Елены пахло едким смрадом и жаром.

И тогда девушка медленно раскрыла кулак, как роза на рассвете раскрывает свои лепестки.

И сила взорвавшейся звезды ослепила все вокруг.

Эррила отбросило этим взрывом далеко назад и сильно ударило спиной о

ствол. Кое-как старый воин сумел подняться; в глазах его застыли слезы. Проведя рукой по глазам, он снова обрел зрение, но картина, представшая его взору, остановила дыхание.

Мульготра лежала навзничь, не дотянувшись всего ладони до горла Елены. Значит, девочка убила ее!!!

Но нет.

Эррил видел, что крылья чудовища еще подрагивают, и через мгновение, снова собравшись в тугой комок мускулов и крыльев, тварь вскочила на ноги и снова ринулась на девочку. Из глотки ее несся оглушительный рев.

Елена стояла, высоко подняв вверх руку с растопыренными пальцами.

Эррил окаменел.

Рука была бела, как снег. Магия ушла, и спасения Елене больше не было.

Старый воин заставил себя снова выйти на поляну, но пока он ковлял до опушки, Елена опустила руку, свела пальцы и направила их прямо на мульготру.

С неба ударила молния такой силы, что Эррил невольно упал, Уткнувшись лицом в прошлогодние листья, а когда поднялся, то его снова заставил вжаться в землю чудовищный раскат грома.

И этот раскат окончательно поглотил мульготру.

Значит, Елена обратилась к самим небесам! Такой власти Эррил даже не мог и подозревать в ней.

Значит, магия ее не пропала, а лишь ушла в небо, чтобы вернуться оттуда в виде грома и молнии. И действительно, вокруг Елены снова сверкал голубой огонь.

Но щупальце, внезапно высунувшееся из дымящейся черной тучи, потянулось к простертой вперед руке.

Елена ликовала. Радость победы играла на ее губах, и сила пела в ней свою торжествующую песню. Девушка чувствовала, как тело и магия отныне подвластны ей, и теперь она знает, что делать.

Глаза ее остановились на приближающемся щупальце.

Магия говорила с ней своим сокровенным языком и уверяла, что черная туча, окутавшая монстра, тоже подвластна ее руке. Елена стиснула пальцы. Туча заметалась, словно ее рвали изнутри ветры, и стала все плотнее облегать мульготру. Спустя несколько секунд туча превратилась в воду, в огромный водяной пузырь, в котором задыхалось чудовище.

Но Елена знала, что Темному Лорду каким-то неведомым образом опять удалось ускользнуть и вернуться обратно в свои страшные подземелья под Блекхоллом, оставив вместо себя лишь эту чудовищную оболочку.

Мульготра все еще боролась со смертью, но разбушевавшаяся магия уже настойчиво требовала новых жертв. *Новых!*

Какая-то часть существа Елены понимала, что умирающая мульготра всего лишь примитивное оружие в руках Темного Лорда, и ее смерть не причина для такой радости, но другая часть наслаждалась и праздновала победу.

А неиспользованная магия требовала нового применения, крича девочке в уши о том, что отныне ей все подвластно и все доступно.

И Елена поддалась на этот призыв.

Она посмотрела на тонущую мульготру и снова свела пальцы в кулак. Водный шар перед ней медленно стал превращаться в лед, замораживая чудовище в своей сердцевине, как насекомое, попавшее в смолу. Потом хрустальный шар лопнул, и осколки его вонзились в землю. По осколкам метались синие огни — следы силы.

Ах, как сладко пела ее сила, как умоляла — *еще!* Кровь кипела от ее песен!

Елена напрягла руку, так что взбурился бицепс, ногти от напряжения вонзились в ладонь. Боли не было, и девушка продолжала напрягать руку все сильнее.

Улыбка ведьмы уже выражала экстаз.

Весь лед взорвался, и замороженная тварь внутри распалась на тысячи мельчайших кусочков, как совсем еще недавно меч Эррила, там, в пещере, у ручья.

Куски разлетелись, не коснувшись Елены, но лесу вокруг пришлось плохо. Взрыв повалил деревья на целую лигу вокруг, останки мульготры, разлетевшись веером, повисли на сучьях.

И тут рука девушки, увидевшей такие разрушения, невольно разжалась. Елена упала на колени, а потом и вовсе на четвереньки. Что она снова наделала! Она представила себе задыхающуюся мульготру, и попыталась убедить себя, что все правильно, что чудовище опасно и его все равно надо было непременно убить. Да, это было правдой — но ужасно было другое, то, что она наслаждалась сознанием умерщвления, наслаждалась видом смерти.

Однако хуже всего было то, что руки ее вновь стали белыми, как снег, и ничто, никакая сила, кроме тепла еще не взошедшего солнца, не могла теперь возродить ее силу вновь. Елена растратила ее наполовину впустую!

И не ведьминская сила пела в ней, требуя новых жертв, нет, это пело ее собственное сердце, жаждавшее власти.

Но куда было деть юную женщину, не скрывавшую слез при виде живой жизни, уничтоженной ее собственной рукой? И ведь это тоже была она, Елена.

Так кто же она?

Чем она стала?

Перед глазами ее показались высокие сапоги, и Эррил опустился на колени рядом с нею и осторожно приподнял пальцами ее подбородок. И от этого прикосновения по лицу девушки разлилось блаженное тепло. Магия вызывала только дрожь и озноб.

Бродяга прижал ее к себе, но ничего не сказал...

Отныне сердцу Елены не было излечения.

Елена плотнее запахнула на себе оленью шубку, стараясь, чтобы внутри не осталось ни капли холодного воздуха. Это было первое ясное утро с тех пор, как три полные луны назад они прибыли в пещеры племени Крала. Снежные вершины, слегка тронутые розовым рассветом, упирались в прозрачно-синее небо. От этого зрелища перехватывало дыхание и мерзло лицо. Елена утопила подбородок в меховом воротнике шубы.

Это прозрачное ясное утро на мгновение заставило девушку подумать, что все случившееся с нею было только дурным сном. Здесь, в горах, по-прежнему играли дети и беспечно болтали готовившие завтрак женщины. В воздухе стоял запах изюма, корицы и поджаренного овса, ложки звякали о миски, и голоса были полны веселья, а не угроз.

Однако стоило Елене пройти еще несколько шагов, как она снова отчетливо осознала, что окружающий ее новый мир — только иллюзия. Рядом в пещере лежал слабый Эррил, по горло завернутый в меховые одеяла, и кости на его лице были готовы прорвать тонкую кожу. Теперь это был не стройный мускулистый жонглер, а лишь подобие человека, истощенного непрекращающейся горячкой. Яд поднялся до его сердца как раз в тот момент, когда они уже добрались до жилища Крала, и Эррил так и упал во главе процессии, не успев сделать последние несколько шагов.

И если бы не широкая спина и не сильные ноги огра Толчука, Эррил, пожалуй, никогда не добрался бы сюда. Устали и вымотались даже оставшиеся в живых кони — боевой Роршаф горца и любимая Мист Елены. Но лошади были уже не в силах везти раненого по опасным горным дорогам. И лишь с помощью того же Толчука все каким-то чудом сумели добраться до стана горцев.

Спустя день горячка Эррила разыгралась так, что никто уже не надеялся на его выздоровление, и только какие-то листья, варимые в горшке Нилен, да сильный дух самого больного все еще не пускали смерть в пещеру долгие-долгие дни. Все ночи девушка проводила у постели своего ленника, омывая его лицо прохладной водой из горных источников, прислушиваясь к его стонам и поправляя разметавшиеся простыни. Однажды он вдруг раскрыл глаза, увидел Елену и простонал: «Ведьма убьет нас всех!»

Елена закричала и выбежала из пещеры, хотя и понимала, что это лишь больной бред, и кровь Эррила отравлена ядом. Но она заставила себя зайти к нему снова спустя лишь много-много дней. Сегодня утром, угостив Мист сухеными яблоками, Елена прошла к Эррилу и увидела, что старый воин уже сидит на кровати и беседует с Кралом. Нога горца все еще была в лубках, но гигант умудрялся перебираться даже по скалам с помощью верескового костыля. Волк тоже сидел у постели, наострив уши и прислушиваясь к разговору. Елена до сих пор никак не могла окончательно поверить, что это роскошное животное действительно оборотень, и порой не могла удержаться, чтобы не почесать его за ухом и не похлопать по холке. Так сделала она и сейчас. Волк недовольно забил хвостом, и Эррил посмотрел на Елену с укоризненной улыбкой.

Сегодня лицо его стало розовым, краски жизни победили пепельные тона смерти. В глазах светилась возвращающаяся сила. Елена застенчиво ответила на эту улыбку. Эррил будет жить. И вот теперь девушка взбиралась, скрипя снегом, на покрытую льдом тропинку, что вела из пещер на продуваемую всеми ветрами Тропу Духов.

Отовсюду курилась дымки других горных племен, приветствовавших это дивное утро. Елена насчитала их целую дюжину. Эти люди дали им кров и убежище, а теперь тропу плотно занесло снегом, и добраться сюда стало невозможно никому. Они предполагали переждать зиму в гостеприимном племени Крала, так чтобы псы Гульготы забыли и запах их следов, подлечиться и дать возможность зарубцеваться ранам не только телесным, но и душевным.

Впереди их всех ожидало долгое путешествие, но никто никогда не заговаривал о нем, словно все понимали, что та кровавая ночь должна как можно скорее изгладиться из их сознания и памяти. И потому теперь они

просто жили, наслаждаясь теплом и добрыми друзьями и изо всех сил стараясь не вспоминать о прошлом.

Было решено только одно: едва минует зима, все вместе с Еленой и Эррилом отправятся на поиски Алоа Глен.

У всех существовали на то свои причины: Мерик считал своим долгом защищать наследницу престола, Нилен — выполнить волю умирающего пророка, Крал собирался в поход в поисках отмщения, Могвид и Фардайл — чтобы снять проклятие, а Толчук — чтобы удовлетворит требования святящегося камня.

Но о крови, навек связавшей теперь всех, не говорил никто.

Елена подставила лицо солнцу и постаралась забыть обо всем. Она медленно поднималась к Тропе Духов, и холод пробирался под шубу. Но девушка знала: как бы ни было трудно, она с остальными должна пройти этот путь, пройти ради тех, кто умер во имя ее — и ради тех, кто жив, чтобы показать им, что она достойна их любви.

Она пройдет этой тропой и ради родителей, и ради тети и дяди, и ради брата, так таинственно и страшно исчезнувшего на улицах Винтерфелла.

Девушка вытерла слезу, прежде чем та успела застыть, и пошла дальше, в тысячный раз думая о том, что же стало с ее братом.

— Подойди ко мне, мальчик, — проворчал Грешюм, открывая платяной шкаф и снимая с плечиков белую робу.

Брат ведьмы молчал, и только пена пузырилась в углах его сжатого рта. Он смотрел на мага, ожидая его приказаний, не пытаясь ни сопротивляться, ни убежать. Магия Грешюма все еще держала Джоаха в повиновении.

Грешюм посмотрел на истощенное лицо юноши — он, кажется, забыл приказать ему есть! Маг нахмурился. Нельзя допустить, чтобы парень умер, он еще должен сослужить свою службу.

Надев робу через голову, маг опустил на лицо капюшон и набросил на плечи синее покрывало, дабы обозначить, что носит обет молчания, чтобы их никто не беспокоил, когда они пойдут к покоям претора. С пристрастием осмотрев наряд в зеркале, Грешюм нахмурился и опустил голову еще ниже, и лицо его совсем спряталось в тени. Удовлетворенный, наконец, старый маг повернулся к дверям дортуара:

— Следуй за мной, — приказал он и открыл двери. Джоах, тяжело шаркая, сделал пару шагов следом за магом, и они вышли в коридор. Он был пуст, но Грешюм упорно не поднимал головы — слишком много глаз следит за этими коридорами. Незакрытое лицо мальчишки, впрочем, не должно возбудить ничьих подозрений, поскольку он выглядит, как десятки других слуг; лишь рот у него сжат чересчур крепко. Ничего, все примут его просто за тупицу и не станут задавать никаких вопросов.

Грешюм шел уверенно и быстро, не нуждаясь в том, чтобы поднимать голову и находить дорогу. Вот старик поднялся по лестнице неподалеку от кухни и по запыленному переходу направился в другое крыло здания. Наконец, пройдя множество путаных переходов, он попал в самую старую часть Эдифайса. Теперь при каждом его шаге тучей взметалась пыль, лежавшая здесь веками. Добравшись до ступеней, ведущих в западную башню, названную по имени ее единственного обитателя Копьем Претора, старик остановился, прочистил от пыли нос и отряхнул одеяние.

Юноша, как автомат, остановился у него за спиной. Из носа у него капало.

— Стой, — приказал ему Грешюм и, не оглядываясь, уверенный в исполнении своего приказа, стал один подниматься по бесконечным ступеням, вырезанным прямо в стене башни.

Наверху старый маг миновал двух стражников, которые были предупреждены хозяином о его прибытии. Грешюм даже не махнул им рукой, а просто надменно прошел мимо. В глазах стражников стояла смерть. Они оба были примерно в том же состоянии, что и юноша внизу, хотя и более тонком, ибо возможности Грешюма в этом отношении были значительно ниже преторских. Эти двое даже не подозревали, что их коснулась невидимая рука.

Грешюм добрался до последней площадки и приблизился к дубовой двери, обитой железом. Там стояли еще двое стражей с мечами в ножнах. Они даже не повели глазом при появлении старика, но только Грешюм поднял руку, чтобы постучать, тяжелая дверь открылась сама.

— Входи, — раздался голос изнутри, и Грешюм невольно пригнулся еще ниже при звуке этого голоса. Пригнулся не от страха, а лишь оттого, что голос этот абсолютно повторял его собственный, когда он приказывал что-либо мальчику внизу. «Он считает меня всего лишь слугой», — подумал с озлоблением Грешюм.

Маг вошел в зал основателя Братства и увидел хозяина стоящим у западного окна. Там, за стеклом, темная тень башни указывала на далекий берег. Претор смотрел на погребенные под водой останки когда-то гордого

города Алоз Глен и еще дальше, за море, за острова Архипелага, видневшиеся в воде, словно спины неведомых морских существ. И Грешюм знал, куда смотрит хозяин.

Он ждал. Дверь за ним захлопнулась и, по-видимому, оказалась тут же запертой. Теперь, не опасаясь больше соглядатаев, Грешюм откинул капюшон с лица.

В этом зале не было места секретам.

Но старый маг по-прежнему молчал, зная, что претор заговорит лишь тогда, когда будет готов, и потому сейчас можно было просто стоять и рассматривать его широкую спину. Только несколько людей знали претора в лицо. Как глава города и Братства он сменил свое подлинное имя на безликое звание претора. Это случилось очень давно, и день этот помнил теперь один только Грешюм.

Наконец, претор отвернулся от окна и посмотрел на пришедшего ясными серыми глазами, так напомиравшими глаза его брата.

— Я чувствую ее взгляд, — произнес он. — Ведьма ищет Книгу.

— Она придет сюда, — тихо произнес Грешюм. — Книга позовет ее.

Претор опустил голову, и тени черной энергии заскользили по его лицу, разливаясь блаженством.

— Мы должны быть готовы к ее появлению. Черное сердце должно получить ведьму.

Елена прошла последний поворот подъема, и сердце ее радостно забилося, увидев широкую тропу. Девушка ступила на нее со словами благодарности на устах. В лицо ей ударил сильный порыв ветра, но ветер быстро успокоился и, потрепав капюшон, совсем затих. С утра ветер был слаб, но она знала, что к вечеру над Зубами начнется настоящая буря.

Елена посмотрела на тропу. Ночью шел густой снег, и ни один след не нарушал его девственной белизны. Елена даже пожалела, что придется смять это снежное покрывало своими грубыми ботинками, но этим утром цель ее должна быть достигнута во что бы то ни стало. Глубоко вздохнув, отчего в воздух изо рта ушел серебристый комочек, девушка пошла по тропе к перевалу, ломая тонкий наст. Снег хрустел, словно сопротивляясь, и от этого скрипа у нее звенело в ушах.

К тому времени, когда Елена подобралась к перевалу, ноги ее были в снегу уже по колено, по телу тек пот, и девушка знала, что остановиться теперь никак нельзя, ибо она мгновенно продрогнет на ветру. И она шла, не позволяя себе передохнуть.

Но на самом перевале Елена все же остановилась и посмотрела на восток — и теперь, уставшая, в поту, боясь замерзнуть, она больше не жалела о подъеме. Перед ее взором открывалось безмятежное пространство гор, купававшееся в солнечных лучах свободно и привольно.

Утро было настолько ясным, что Елене казалось, будто она видит сам Великий Океан. Земля раскинулась перед ней в зимнем величавом сне, который простирал свои владения далеко вниз, на подножья холмов и долины. Но где-то там, далеко внизу, ближе к океану, все же виднелась, как обещание весны, тоненькая полоска зелени.

Девушка стянула варежки из кроличьего меха и подняла руки к солнцу, и они сверкнули в его лучах, одна белая, как снег, другая розовая, как рассвет.

После той страшной ночи Елена восстанавливала свою силу очень долго, и, в отличие от остальных не пострадав телесно, она получила от темных сил, пожалуй, самую страшную рану. И ей понадобилось немало времени и усилий, чтобы залечить ее.

С того момента, как Елена прижалась к груди Эррила на лесной поляне около пещеры, из головы у нее не выходил один-единственный вопрос: *кто же она?*

Елена поглядела на свои руки и подняла их еще выше.

Была ли она тем *красным*, что принадлежало ведьме — или *белым*, принадлежавшим женщине?

Но здесь, на Тропе Духов, Елена окончательно все поняла и, соединив пальцы, поднесла их к лицу.

Вот кто она отныне.

И вот сейчас, когда Елена смотрит на далекое море на горизонте, а за спиной у нее ее верные друзья, я вынужден закончить свою историю.

Чернильница моя пуста, и рука ноет, и мне надо еще найти купца, что продаст мне новых чернил и бумаги не очень дорого... Так позвольте мне закончить, позвольте передохнуть. То, что предстоит описать мне потом — путешествие в потерянный город, — так ужасно, что забыть это невозможно никогда.

Поэтому я и заканчиваю рассказ.

Легион собран, и путь указан.

Темное путешествие начнется завтра.